

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ  
имени А.С. ПУШКИНА

**ЭТНИЧЕСКИЕ МЕНЬШИНСТВА  
В ИСТОРИИ РОССИИ**

*Материалы Второй международной научной конференции,  
5-6 ноября 2021 г.*

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ  
2021

УДК 94(470):316(060.50)  
ББК 63.3(2)+60.5я431



**РОССИЙСКИЙ ФОНД  
ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

*Издано при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ  
в рамках научного проекта № 20-59-00010  
«Этнические меньшинства в Беларуси и России в условиях  
общественных трансформаций 19-20 в.» -  
The reported study was funded by RFBR and BRFR, project number 20-  
59-00010 «Ethnic minorities in Belarus and Russia in the conditions of  
social transformations of the XIX-XX centuries»*

Редакционная коллегия: д-р ист. наук, доц. В.Н. Шайдуров (отв. ред.)  
д-р ист. наук, проф. В.А. Верременко  
канд. ист. наук, доц. В. О. Левашко  
Д. А. Мельникова

**Этнические меньшинства в истории России:** материалы  
Второй междунар. науч. конф. / отв. ред. В.Н. Шайдуров. – СПб.: ЛГУ  
им. А.С. Пушкина, 2021. – 348 с.  
ISBN 978-5-8290-1981-5

В издании представлены доклады Второй международной научной конференции (5 – 6 ноября 2021 г.), в работе которой приняли участие представители российской научной школы и зарубежные гости из Беларуси, Украины, Германии, Грузии, Узбекистана, Казахстана, Азербайджана.

Материалы сборника могут представлять интерес для преподавателей вузов, учителей, организаторов образования, а также для научных работников, аспирантов, студентов и всех тех, кто интересуется проблемами истории этнических меньшинств в России.

ISBN 978-5-8290-1981-5

© Авторы, 2021  
© Ленинградский  
государственный университет  
(ЛГУ) имени А.С. Пушкина, 2021

## Содержание

### ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

#### *Канделаки Дали Георгиевна*

Из истории немецких колоний в Грузии  
(по произведениям зарубежных авторов XIX в.)..... 9

#### *Веделъ Лилия Геннадьевна*

Реклама российских немцев в Российской империи  
как исторический источник (1870 – 1914 гг.)..... 16

#### *Чепарухина Ирина Викторовна*

Билингвальные газеты как инструмент объединения  
немецкого меньшинства в России..... 23

#### *Бочило Ирина Геннадьевна*

Исследование белорусско-польских связей в материальной  
культуре белорусской советской этнологией 1950 – 1980-х гг. .... 30

#### *Генина Елена Сергеевна, Овчинников Владислав Алексеевич*

Биография профессора И.П. Шмидта  
(анализ историографии проблемы) ..... 36

### ЭТНИЧЕСКИЕ МЕНЬШИНСТВА В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

#### *Иларионова Татьяна Семеновна*

Конкурирующие меньшинства: немцы и евреи  
в Российской империи (сравнительный анализ)..... 43

#### *Багдасарян Сусанна Джамилевна*

Тенденции и факторы государственной переселенческой политики  
на Юге Российской империи  
во второй половине XVIII – начале XX в. .... 50

***Шайдуров Владимир Николаевич***

Цыгане и паспортная система Российской империи  
в дореформенный период ..... 57

***Иноятова Диларам Маниглиевна***

Эмиграция российских немцев в Туркестан  
как одна из форм протестного движения ..... 62

***Синько Галина Иосифовна***

Государственная политика по преодолению межконфессиональной  
розни в Российской империи в начале XX в.  
(Указ Об укреплении начал веротерпимости 1905 г.) ..... 69

***Катцина Татьяна Анатольевна***

Выселение русских подданных еврейского происхождения из  
прифронтовых районов в Восточную Сибирь  
в годы Первой мировой войны (1914–сентябрь 1917 г.)..... 77

***Прохоров Дмитрий Анатольевич***

Власть и общество в годы Первой мировой войны:  
к вопросу о ликвидации немецкого землевладения  
в Таврической губернии..... 83

***Шевелева Оксана Викторовна***

"Немецкий" вопрос и проблема конфискации немецкого  
землевладения в годы Первой мировой войны по материалам  
Тульской губернии ..... 91

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС И  
ПУТИ ЕГО РЕШЕНИЯ В СССР**

***Аманжолова Дина Ахметжановна***

«В орбиту советского влияния»:  
немцы в национальной политике СССР. 1920–1930-е гг. .... 98

***Козлов Олег Владимирович***

Создание и деятельность национальных культурпросвет учреждений на территории Западного региона России в первые годы советской власти..... 104

***Ломанов Владислав Андреевич***

Проблемы функционирования немецкой секции при Петроградском губернском комитете РКП(б) (1920–1921 гг.)..... 113

***Левченко Валерий Валерьевич***

Одесский немецкий педагогический институт (1934–1938): история, персоналии, особенности ..... 122

***Коренева Наталья Ивановна***

Советские немцы на Русском Севере в 1930-е – 1950-е гг. (на примере Тотемского района Вологодской области)..... 129

***Свирина Дарья Викторовна***

Формирование комиссии советских немецких писателей в Союзе писателей РСФСР (1956-1968 гг.)..... 137

**ДЕПОРТАЦИЯ СОВЕТСКИХ НЕМЦЕВ  
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

***Чернова-Дёке Тамара Николаевна***

Общее и особенное в депортации немецкого населения Северного Кавказа ..... 143

***Красникова Юлия Николаевна***

Депортация немецкого населения Европейской части СССР в Казахстан (по воспоминаниям немцев Поволжья) ..... 149

***Степанов Михаил Геннадьевич***

Уголовное преследование по политическим мотивам депортированных в Хакасию поволжских немцев ..... 155

***Скоп Евгения Александровна***

Немцы – трудармейцы г. Новосибирска: прошлое и настоящее ..... 161

*Смирнова Татьяна Борисовна*

Влияние депортации на идентичность немцев России ..... 168

**ЭТНИЧЕСКИЕ МЕНЬШИНСТВА И ИХ РОЛЬ  
В РАЗВИТИИ ЭКОНОМИКИ  
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ - СССР**

*Бахарева Ольга Яковлевна, Алексеенко Василий Павлович*

Вклад немецких специалистов в развитие горного дела  
в Оренбургском крае (XIX в.)..... 174

*Дьякова Елена Васильевна*

Участие немцев в развитии промышленности Харькова в XIX в. .... 180

*Мельникова Дарья Андреевна*

Коневодство Калмыцкой степи Астраханской губернии  
(вторая половина XIX – начало XX в.) ..... 186

*Микитюк Владимир Петрович*

Екатеринбургские купцы Шварте ..... 193

*Тихонова Анастасия Владимировна*

Немецкие врачи и учителя в российской провинции  
(первая половина XIX в.) ..... 200

*Булатов Айдер Аметович*

Российские немцы и создание атомного щита  
советского государства ..... 208

**ЭТНИЧЕСКИЕ МЕНЬШИНСТВА:  
ПРОБЛЕМЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ**

*Бубликов Василий Валерьевич*

Украинцы в России: динамика численности и  
трансформация самосознания..... 215

<b><i>Бургарт Людмила Александровна</i></b>	
Немцы-католики в России и СССР: некоторые аспекты проблемы этнорелигиозного меньшинства .....	223
<b><i>Шмидт Вальдемар</i></b>	
Немецкие конфессии дореволюционного Казахстана: история распространения, численность и территория размещения .....	234
<b><i>Смирнова Тамара Михайловна</i></b>	
Немецкое население Ленинграда и Ленинградской губернии в первой половине 1920-х гг.: численность, состав, расселение .....	240
<b><i>Михайлов Сергей Сергеевич</i></b>	
Семья ассирийцев Ишо-Парис: судьба беженцев из Турции в СССР в 1920-1930-х гг. ....	246
<b><i>Зимовина Елена Павловна</i></b>	
Этническое многообразие молодежи Калининградской области: историко-демографический аспект .....	253

**ЭТНИЧЕСКИЕ МЕНЬШИНСТВА  
В СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССАХ:  
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

<b><i>Новгородский Тадеуш Антонович</i></b>	
Эволюция традиций цыган Беларуси в XIX- XX вв. ....	261
<b><i>Перевозников Александр Александрович</i></b>	
«Московские немцы» и их вклад в развитие отечественного спорта в конце XIX – начале XX в. (на примере «московского общества гимнастов»).....	266
<b><i>Блинова Анна Николаевна</i></b>	
Локальная история как ресурс для конструирования этнической идентичности (на примере российских немцев) .....	272
<b><i>Шлегель Елена Александровна</i></b>	
Языковая ситуация российских немцев в национальных районах Сибири .....	278

*Эберц Александр Эдуардович*

Конфликт в римско-католической общине Мариенбурга..... 284

*Гасанов Эльнур Лятиф оглу*

Толерантные ценности как показатель  
межкультурного диалога и развития..... 291

## **РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ**

*Черказьянова Ирина Васильевна*

Роль Александра Клауса  
в подготовке колониcтской реформы 1871 г..... 298

*Брежнева Светлана Николаевна*

Немцы-востоковеды в Туркестане ..... 307

*Розина Ольга Владимировна*

Министр финансов Н.Х. Бунге: экономические взгляды и идеи ..... 315

*Маркова Светлана Васильевна, Жиброва Татьяна Валерьевна*

Цеге фон Мантейфель: традиции хирургической школы в России .. 322

*Зайцева Светлана Валентиновна*

Личные и профессиональные качества в деятельности  
детских врачей немецкого происхождения в России  
во второй половине XIX – начале XX в.  
(на примере В.О. Губерта) ..... 327

*Еремеева Анна Натановна*

Советский ученый немецкого происхождения:  
практики выживания и стратегии успеха  
в условиях провинциального города..... 332

**Сведения об авторах**..... 338

**About Authors**..... 343



## ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

*Канделаки Дали Георгиевна*

### **Из истории немецких колоний в Грузии (по произведениям зарубежных авторов XIX в.)**

**Аннотация.** В статье обсуждаются сведения зарубежных авторов XIX века о немецких колонистах, поселившихся в Грузии. Эти авторы – путешественники или чиновники на службе Российской Империи. Их работы предоставляют информацию о немецких поселениях, их образе жизни, нравственных обычаях, религии и т.д. Мнения авторов расходятся в зависимости от их политических взглядов и периода пребывания в Грузии. Эти труды являются интересными источниками для изучения истории немецких колоний в Грузии.

**Ключевые слова:** Грузия, Немецкие колонии, Россия, зарубежные письменные источники, XIX век.

### **From the history of the German colonies in Georgia (Based on the works of foreign authors of the 19th century)**

**Abstract.** The article discusses materials by foreign authors of the 19th century about German colonists settled in Georgia. These authors are either travelers or officials in the service of the Russian Empire. Their works provide information about German settlements, their way of life, moral customs, religion, etc. The opinions of the authors differ depending on their political views and the period of their stay in Georgia. These works are interesting sources for studying the history of the German colonies in Georgia.

**Keywords:** Georgia, German colonies, Russia, foreign written sources, XIX century.

Немецкие колонии в Грузии – тема, интересующая как грузинских, так и зарубежных ученых. Этому вопросу посвящены некоторые работы как в дореволюционной и советской историографии [1, 2, 3, 4], так и в настоящее время ученые создают ряд научных трудов, посвященных различным аспектам колонизации Грузии [5, 6, 7, 8, 9]. Для тщательного изучения темы важно включить в научный оборот труды зарубежных авторов XIX в., которые предоставляют интересные сведения.

Целью нашего исследования не является изучение причин и последствий заселения немецких колонистов. В статье рассматриваются разнообразные информации: деятельность немцев, их повседневная жизнь, жилье, торговля и т.д. Материалы даны в хронологическом порядке, чтобы более отчетливо воспринимать происходящие изменения в немецких колониях. Эти сведения по-прежнему вызывают большой интерес и сохраняют свою историческую ценность.

В 1819 г. в Веймаре была опубликована книга Морица фон Коцебу (1789–1861) – «Путешествие в Персию с посольством Российской Империи в 1817 году» [10]. Немец по происхождению, несший в Российской империи военную службу, в 1816 г. состоял при посольстве А.П. Ермолова в Иране.

Как путешественник по Кавказу, Коцебу известен своим – *Reise nach Persien* – дневником его пребывания в посольстве Ермолова. В состав этого посольства 28-летний Коцебу входил как офицер квартирмейстерской части для производства астрономо-геодезических наблюдений... Дневник исключительно частного характера [11, с. 111].

Автор – очевидец событий, сопровождавших приход в Грузию первого потока немцев, рассказывает о хозяйственном значении Вюртембергской колонии: «Большое влияние на здешнюю агрокультуру и вообще на сельское хозяйство будет иметь вюртембергская колония, которой очень сочувствует главный командир и которая уже прибыла. Колонистам строят дома недалеко от Тифлиса, они получают скот, семена для посева, помощь в виде денег, в общем всё, что им нужно, и я вскоре буду с радостью видеть немецкого крестьянина, который несет на базар в Тифлис хорошее масло, сыр, а может быть и пиво. Эти добрые люди говорят, что в Германии бушует голод, а в Откровении от Иоанна написано, что они должны эмигрировать, что они тоже члены империи и не могут вынести такие страдания. Так или иначе, это послушные, честные люди, их поведение и вправду образцовое, они понимают с благодарностью, что для них делает правительство, и они твердо намерены своей прилежностью и послушанием стать достойными этого. Я уверен, что эта колония когда-нибудь будет иметь влияние на нравственность грузин. Это было бы очень нужно» [10, с. 41].

Из отрывка видно, что российское правительство активно занимается расселением немцев и предоставлением им всяких условий. Автор сочувствует своим соотечественникам и желает, чтобы они в будущем прочно обосновались в Грузии. Очевидно и отношение автора

к грузинам, на нравы которых должны были повлиять немецкие колонисты. Однако, он подробно не останавливается на этом вопросе.

Шарль Паулюс Беланже (1805–1881), французский ботаник и естествовед, в 1825 г. назначенный директором ботанического сада Пондичерри, покинул Францию. Беланже должен был воспользоваться этим долгим путешествием, чтобы собрать воедино многочисленные этнографические документы и ценные коллекции. Он проходил через Германию, Польшу, юг России, Грузию и персидские провинции, находящиеся под властью России. После путешествия он написал труд – «Поездки в Ост-Индию через северную Европу, кавказские провинции, Грузию, Армению и Персию с последующими топографическими и другими подробностями о Пегу, островах Ява, Маврикий и Бурбон, на мысе Доброй Надежды и на острове Святой Елены, во время 1825, 1826, 1827, 1828 и 1829 гг.» [12]. Беланже находился в Тбилиси с 28 марта по 15 апреля 1825 года. В своем произведении он подробно описывает Тбилиси, в том числе, знакомит читателей с немецкими колонистами. Он отмечает, что в одной версте от армянонаселенной окраины находилось село, где проживали немцы, которые снабжали Тбилиси овощами, маслом, ветчиной и соленой свининой. Знание картофелеводства в Грузии пришло также благодаря им и другим немецким колониям, находящимся на левом берегу Куры, в 5 верстах от Тбилиси. Ему казалось, что колонисты менее чем довольны своей судьбой. У некоторых из них очень недовольный вид, в чем, по мнению россиян, виновата их лень. Французский путешественник отмечает, что иностранцы считают, что налог, взимаемый с немцев, им не по средствам. Тем не менее, дома этих колонистов хорошо построены, и заметна чистота, которая отличает немцев.

Судя по сведениям Беланже, видно, что через 7 лет после поселения в Тбилиси, немцы активно включились в жизнь многонационального города. Похоже, что, как и грузины, они тоже не заслужили положительного отношения россиян.

Как путешественник по Кавказу, Беланже примыкает к той группе разведчиков, целью которых было использовать, в интересах западноевропейского капитала, установление на Кавказе колониального режима русского царизма [11, с. 70]

Через пять лет после путешествия Беланже, в 1829–1830 гг., на Кавказе побывал венгерский путешественник Янош Карой Беш (во французской транскрипции – Жан-Шарль де Бесс; 1765–1842). Он в 1838 г. на французском языке отдельной книгой издал свои путевые заметки под названием «Путешествие в Крым, на Кавказ, в Грузию,

Армению, Малую Азию и в Константинополь в 1829 и 1830 гг.» [13]. Прибыв в Тбилиси 28 мая 1830 г., Бесс отмечает, что данные, основанные на фактах, будут мотивировать жителей Вюртемберга приехать на эту благословенную землю. Он характеризует восемь немецких колоний:

«1. Ной-Тифлис (Neu-Tiflis) находится в двух верстах от столицы. Эта деревня построена правильно и пропорционально; Здесь проживает 35 семей. Они занимаются различными ремеслами и снабжают город молоком, маслом, сыром, пивом, вином и фруктами. В этой колонии нет пахотных земель, но они зарабатывают достаточно на своей продукции, чтобы жить в мире с плодами своего труда на среднем уровне. Они за свой счет держат пастора и церковь. По приезде в Тифлис Император Николай щедро выделил им в помощь 2000 рублей.

2. Село Александер-Дорф (Alexander-Dorf) находится в трех верстах от Тбилиси, на правом берегу Мтквари; Здесь проживают 32 семьи. Они следят за скотом, что прекрасно делают, и снабжают городских мясников скотом и телятами; женщины ткнут полотна для нужд своих семей, кроме того, они разводят большое количество домашней птицы, особенно, индеек.

3. Мариенфельд (Marienfeld) расположена в четырех верстах от Тифлиса. Эта колония также состоит из 32 семей. Они хорошо обрабатывают землю и с большим успехом выращивают виноград. Благодаря женщинам, эта деревня отличается красотой и чистотой одежды и домов.

4. В полутора верстах от этой колонии находится Петерсдорфская (Petersdorf) колония, где проживает всего 16 семей. Она была основана всего 8 лет назад, потому что их первые поселения были оставлены колонистами из-за скудной земли.

5. В Элизабеттале (Elisabettal) проживают 64 семьи. По сравнению с другими, это село наиболее благополучное. Население, как и в Бельгии, с заботливостью обрабатывает поля. У них очень крупный рогатый скот, а также они получают большую пользу от своих виноградников, о которых они заботятся. Элизабеттальские вина пользуются большим спросом и хорошо продаются в Тифлисе.

6. В Катаринфельде (Catharinfeld) до войны с персами жили 92 семьи; сегодня здесь проживает 70 семей. Нашествие персов нанесло им наибольший урон, потому что были похищены люди и имущество. Но их плодотворный труд и трудолюбие по отношению к земледелию и виноградникам уже компенсировали их потерю, и это не повторится в условиях их нынешнего процветания. Колонисты разводят хороших

лошадей и ими перемещают свой товар и сельскохозяйственную продукцию.

7. В селе Арменфельд (Armenfeld) когда-то жили 35 семей, но вынуждены были покинуть отведенное им поселение из-за скудной земли. Сегодня эти семьи живут в пределах Катаринфельда.

8. 127 семей живут в Хеленендорфе (Helenendorf). Эта деревня находится в 7 верстах от города Элизабетпол (Elisabethpol) и цветет; население обильно выращивает пшеницу, ухаживает за виноградниками, выращивает большое количество крупного рогатого скота и производит водку, которую они продают с большой прибылью» [13, с. 375–377].

Жизнь немецких колоний и колонистов, причины их эмиграции, отступление от существующей Церкви, меры правительства к воспрепятствованию попытке переселения, влияние Немецких колоний на соседние народы и страны, важность этих колоний и многие другие вопросы оценивают европейские авторы 30–50-х гг. XIX в. – граф де Сюзане [14], Жюль Шарль Теуль [15], Мориц Вагнер [16], Август фон Гакстаузен [17] и др.

Голландский путешественник Тинко Мартинус Ликлама а Ниегольт (Tinco Martinus Lycklama à Nijeholt; 1837–1900) в 1865–1868 гг. совершил путешествие по России, Кавказу и Ближнему Востоку. Он в 1865–1866 гг. полгода жил в Тбилиси. В своей книге, «Путешествие по России, Кавказу и Персии в 1866, 1867 и 1868 гг.» [18], он отмечает, что немецкая колония на левом берегу Куры, в свою очередь, образует отдельный округ. Эта колония состоит из двух рядов домов, окруженных небольшими садами, которые рядом по дороге к Елисейским полям Тбилиси – саду казначейства; позади него ипподром, где часто бывает шумно из-за соревнований русских и грузин. Немецкая колония расположена в самой влажной и холодной части города, что не подходит для вновь прибывших. Путешественник по дороге в Тбилиси, остановился на мгновение в Элизабеттале, в хорошо охраняемой немецкой деревне на подступах к плодородной долины. Во время путешествий он предпочитал такие ухоженные и гостеприимные поселки. В этой колонии его угощали молоком, маслом, которое было особенно превосходным с очень белым хлебом и двумя чашками чая высшего сорта.

Макс Фрайхер фон Тильманн (1846–1927), немецкий дипломат и политик, в своей книге «Путешествие на Кавказ, в Персию и азиатскую Турцию» [19] отмечает, что колония трудолюбивых немцев в Тифлисе создала приятный пригород. Широкая аллея с яркими домиками и чистыми садами тянется почти на полчаса. В отличие от разбросанных

по всей стране немецких деревень, жители которых без исключения занимаются сельским хозяйством, здесь, в немецком-Тифлисе, они всего лишь ремесленники, которым повезло в жизни своими знаниями и трудолюбием. В 1865 г. их было 600 человек. В колонии нет недостатка в пивоварнях. Их продукцию ценят немцы, русские и грузины.

Английский капитан Джон Бухан Тельфер (1830–1907), побывавший в Грузии в 70-х гг. XIX в., в своем труде «Крым и Закавказье» [20] отмечает, что в окрестностях Тбилиси расположена процветающая и тихая колония потомков немецких колонистов из Вюртемберга.

В статье мы представили немецкие колонии глазами зарубежных авторов XIX в. Сведения интересны как историкам, так и этнографам, и исследователям других специальностей. Они являются важными первоисточниками для изучения истории немецких колоний в Грузии XIX в.

#### **Библиографический список**

1. Schrenk Fr. Geschichte der deutschen Colonien in Transkaukasien: zum Gedachtnitz des fünfzigjährigen bestehens derselben bearbeitet. Tfl., 1869. 197 S.
2. Басихин П. Немецкия колонии на Кавказе. Этнографический очерк // Кавказский вестник, ежемесячный научно-литературный журнал. Тифлис, 1900, № 1. с. 14–25.
3. Бурчуладзе Г. Новые немецкие поселения на Кавказе. Тиф., 1911. 48 с. (на грузинском языке).
4. Манджгаладзе Г. Немецкие колонисты в Закавказье. Тб., Наука. 1974. 193 с. (на грузинском языке).
5. Чернова-Дёке Т.Н. Немецкие поселения на периферии Российской Империи. Кавказ: взгляд сквозь столетие (1818–1917): (к 190-летию основания немецких колоний). Москва: МСНК-пресс, 2008. 208 с.
6. Ерохина О.В., Шайдуров В.Н. «Немецкий фактор» в экономическом развитии Закавказского края // Вопросы истории. 2020. № 10 (2). С. 143–154. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202010Statyi09
7. Tatarashvili N. Die Deutschen Siedlungen und das deutsche Architektonische Erbe in Georgien. German Settlements and architectural Heritage in Georgia. Cezanne Printing House, 2018. 240 S.
8. Föll R. Verlorene Spuren: Schwäbische Auswanderung in den Kaukasus 1817: Dokumentation zur Ausstellung im Heimatmuseum

Reutlingen. Herausgeber Werner Ströbele; fotos: Eduard Ohngemach, Werner Ströbele. Reutlingen: Stadtverwaltung Reutlingen, 2017. 93, [1] p.

9. Nachtigal R. Verkehrswege in Kaukasien: ein integrationsproblem des Zarenreiches 1780–1870. Wiesbaden: Reichert Verl., 2016. 448 p.

10. Kotzebye M. von. Reise nach Persien mit der Russisch-Kaiserlichen Gesandtschaft im Jahre 1817. Weimar. 1819.

11. Полиевктов М.А. Европейские путешественники по Кавказу, 1800–1830 гг. Арх. упр. МВД Груз. ССР. Тбилиси: тип. Заря Востока. 1946. 151, [2] с.

12. Bélanger Charles. Voyage aux Indes Orientales, par le Nord de l'Europe, les provinces du Caucase, la Géorgie, l'Arménie et la Perse, suivi de détails topographiques, statistiques et autres sur le Pégou, les îles de Java, de Maurice et de Bourbon, sur le cap de Bonne-Espérance et Sainte Hélène, pendant les années 1825, 1826, 1827, 1828 et 1829. I-II. Paris: Authus Nertrand, Libraire-éditeur. 1838.

13. Besse Jean-Charles. Voyage en Crimée, au Caucase, en Géorgie, en Arménie, en Asie Mineure et à Constantinople, en 1829 et 1830. Ouvrage orné de cinq planches lithographiées. Paris: Delaunay, Libraire, au Palais-Royal. 1838.

14. Suzannet Le Comte de. Les Provinces du Caucase sous la domination russe. La Géorgie, le Daghestan, le littoral de la mer Caspienne et les rives du Kouban. Revue des Deux Monde. 4/26. 1841: 50–106.

15. Teule, Jules Charles. Pensées et notes critiques extraites du journal des mes voyages dans l'empire du sultan de Constantinople, dans les provinces russes géorgiennes et tartares du Caucase et dans le royaume de Perse. Arthus Bertrand, Librairie-Editeur. Paris. 1842.

16. Moritz Wagner. Reise nach Kolchis und nach den deutschen Colonien jenseits des Kaukasus. Leipzig. 1850.

17. August von Haxthausen. Transkaukasien: Andeutungen über das Familien und Gemeindeleben und die socialen Verhältnisse einiger Völker zwischen dem Schwarzen und Kaspischen Meer – Reiseerinnerungen und gesammelte Notizen. Leipzig: Brockhaus. 1856.

18. Lycklama A Nijeholt, Tinco Martinus. Voyage en Russie, au Caucase et en Perse exécuté pendant les années 1866, 1867 et 1868. T. I. Paris-Amsterdam. 1872.

19. Freiherr Max von Thielmann. Streifzuege im Kaukasus, in Persien und in der asiatischen Tuerkei. Verlag von Duncker und Humblot, Leipzig. 1875.

20. J. Buchan Telfer. The Crimea and Transcaucasia, being the Narrative of Journey in the Kouban, in Gouria, Georgia, Armenia, Ossety,

Imeretia, Swanety, and Mingrelia, and in the Tauric Range, with two Maps and numerous Illustrations". I-II. London. 1876.

*Ведель Лилия Геннадьевна*

### **Реклама российских немцев в Российской империи как исторический источник (1870 – 1914 гг.)**

**Аннотация.** При поддержке Федерального правительства по культуре и СМИ Германии (ВКМ) и Федерального института по культуре и истории немцев в Восточной Европе (ВКГЕ) в рамках исследовательского проекта на примере рекламы российских немцев в период с 1870 г. по 1914 г. раскрываются этноментальные и предпринимательские представления и ориентиры немцев в разных регионах Российской империи. Наряду с этим, в призме немецкой/немецкоязычной рекламы реконструируются модернизационные процессы и социально-культурные трансформации в Российской империи, а также анализируются культура потребления, культурные трансферы и коммуникационные сети.

**Ключевые слова:** Российская империя, немецкая реклама и пресса, российские немцы, потребительская политика и культура потребления, культурные трансферы, коммуникационные сети.

### **Russian-German Advertising in the Russian Empire as a historical source (1870 – 1914)**

**Abstract.** Within the BKM and BKGE research project on the subject of Russian-German Advertising in the Russian Empire in 1871–1914 will be opened ethno-national and entrepreneurial understanding of Russian-Germans in the different regions in the Russian Empire. Along with this, the Russian-German advertising is used as a prism for the reconstruction and analysis of modernization processes and social-cultural transformations as well as consuming cultural phenomena and communication networks.

**Keywords:** Russian Empire, German and Russian-German press and advertisements, consumer culture, cultural transfers, communication networks.

Реклама российских немцев в Российской империи как исторический источник, за исключением привлечения это вида источника в рамках анализа активной предпринимательской



деятельности среди российских немцев, историками de facto не рассматривались [1]. При этом, реклама данной этнической группы в контексте ее вклада в экономическое, инфраструктурное, культурное и социальное развитие Российской империи представляет продуктивный потенциал не только для вопросов и аспектов экономической истории, развития средств массовой информации или истории искусства и культурологии. Не менее интересным и ценным этот источник во всех его форматах (печатном, световом, визуальном, мобильном, консультативном и д.) является из перспектив истории ментальностей [2, с. 15–25; с. 265], повседневности и культурных трансферов. Таким образом, различные перспективы и подходы определяют междисциплинарный и многоуровневый анализ рекламы.

В данном случае на примере рекламы затрагиваются вопросы потребительской политики и культуры потребления и частично реконструируются модернизационные и коммуникационные феномены и процессы в Российской империи в период индустриализации, транспортной революции и постепенно растущего массового потребления индустриальных товаров. Также является возможным и необходимым рассмотрение вопроса о возможном влиянии рекламы немецкого контингента в империи на менталитеты и повседневную жизнь в местном, региональном и национальном масштабе. При этом, важно выйти за рамки классического подхода истории трансферов, предполагающего исключительное влияние «отдающей» стороны. Концепт данного анализа исходит из тезиса о селективном и одновременно мотивированном влиянии в призме рекламы. Потребительская политика не проводилась изолированно от государственной политики, общественных процессов, потребностей и интересов населения в империи. Естественно, что в центре предпринимательской политики стояли прежде всего вопросы профита и роста, но концентрация предпринимателей на той или иной сфере и продукции, также, как и сама маркетинговая стратегия, была продиктована не в последнюю очередь вышперечисленными акторами и факторами. К тому же реклама варьировала в зависимости от региона, сезона, потребностей, повседневной и праздничной культуры и даже гендерных установок среди разных этнических групп населения. И реклама конца 19. – начала 20. века как «дитя» индустриализации [3, с. 46] и медийный проводник предпринимательской политики демонстрирует это. Итак, рекламе, несмотря на критику современников, как со стороны общественности, так и представителей рекламного дела, помимо информативной, развлекающей, социализирующей и в определённой степени просвещающей, отводится важная

посредническая функция, через которую происходила селективная и стимулированная интеграция и адаптация как локальной, так и пришлой культуры материального и духовного характера.

Ориентируясь не только на маркетинговые стратегии и технические новшества, применяемые в империи [3, с. 20, 38, 114], и не в последнюю очередь на используемые ведущими экспортерами к концу 19 века, т. е. германскими предпринимателями [4], в свою очередь ориентировавшимися на американский пример в рекламном деле [3, с. 53], российские немцы-предприниматели в различных секторах экономики (индустрии, торговле, сфере услуг) транспортировали в общество не просто свою продукцию, но и артикулировали определённый ментально-культурный контент и традиции (среди прочего вкусовые) своей диаспоры. Другими словами, реклама российских немцев, при этом в определенной мере с гордостью, отражала их этническую идентичность. Так, например, через рекламу пива, имбирных пряников, колбасных изделий и горчички производители, фирмы, рестораны, кафе, торговые дома и кушцы немецкого происхождения знакомили население империи далеко за пределами обеих столиц с типично немецкими гастрономическими изысками [5]. Нередко на этническую принадлежность и вместе с этим качество рекламного продукта указывали географические названия, как например, в рекламе ресторана «Deutschland» («Германия») или в объявлении «Саксонского суконного магазина» в Тифлисе [6, с. 4; с. 4]. Одновременно, «с рекламируемой продукцией передавалась и культура потребления данной продукции», как это, например, прослеживается в рекламных изображениях известной шоколадной фабрики «Эйнем». Фирма была основана в 1860-х годах прусским подданным Фердинандом Теодором фон Эйнем (1826–1876) и его компаньоном, немецким предпринимателем Юлиусом Гейсом (1832–1907), и специализировалась первые десятилетия на немецкой, французской и английской сладкой кухне. Так их реклама демонстрировала характерную для западноевропейской культуры конверта элегантную подачу кофейных напитков, сладостей и выпечки [7, с. 148–149]. Такой вид культурного и материального трансфера через рекламу формировал новые социокультурные идентичности и изменял, даже если косвенно и частично, повседневный уклад жизни [7, с. 154]. Одновременно можно заключить, что на продукцию «Эйнем» в свою очередь влияли местные, т. е. русские культурные и религиозные традиции и вкусовые предпочтения. Так, находим рекламу с изображением русской традиционной пасхальной выпечки и сладких блюд, «кулича» и «пасхи», которые держат в руках крестьянская пара в праздничной

традиционной одежде [8]. Такая визуальная инструментализация продемонстрировала новые шаги в маркетинговой политике фирмы, а именно расширение целевой группы и ассортимента. Похожий продуктивный и в своем роде космополитичный подход в маркетинге использовала фабрика Торгового товарищества «Р. Келер и Ко.», основанная российским фармацевтическим предпринимателем немецкого происхождения Романом Романовичем Келером (1837–1907). Как американская фирма «Зингер» интегрировала в свою рекламу швейных машинок в Российской империи изображение сидящей за машинкой молодой женщины в русском традиционном платье и головном уборе, так видим в рекламе регенерирующих таблеток от усталости лица „Pilules Pink Pour Personnes Pales“, дистрибьютором которых была и фирма «Р. Келер и Ко.» в Москве, похожую визуализацию, молодую женщину в кокошнике [9, с. 1].

Эти немногие, но не единственные примеры, показывают, что реклама российских немцев была также продуктом и показателем культурного и экономического симбиоза, взаимного влияния традиций, идей и интересов. Она формировалась и конципировалась в контексте контактов и взаимосвязей.

Также в коммуникационном контексте на примере исследованной рекламы прослеживается поддержка и распространение продукции и услуг, предлагаемых представителями своей этнической диаспоры. Среди прочего через объявления и анонсы как в русскоязычной, так и немецкоязычной прессе, издававшейся в Российской империи, российские немцы одного региона информировали о своей продукции и искали сотрудничества немецких диаспор, проживавших в другом регионе. Приведем лишь некоторые примеры: в 1909 году единственная немецкоязычная газета «Kaukasische Post», издававшаяся с 1906 года в Тифлисе для всего Кавказа и Закавказья, в экономическое развитие которых внесли немалый вклад и немецкие колонисты [10, с. 143–154], печатала объявление о немецкоязычных курсах по сельскому хозяйству и садоводству в Риге и Ревеле и рекламировала балтийский женский журнал «Baltische Frauenzeitschrift» [11, с. 8; с. 12]. А немецкая газета «Odessaer Zeitung» издавала рекламу о «великолепной и излюбленной среди лучших немецких семейств из России» гостинице «Splendid» в Берлине [12, с. 4; с. 3]. Подобные объявления, как и анонсы о танцевальных и литературных вечерах в немецких клубах в Петербурге, Москве, Тифлисе или Баку, реклама немецкой литературы в книжных магазинах или немецкой кухни создавали коммуникационные сети с

этнической принадлежностью на локальном, региональном, межрегиональном и транснациональном уровне.

Уже в первые годы выхода редакция газеты «Kaukasische Post» подчёркивала, что «в эпоху разделения национальностей и партий» немецкоязычные средства массовой информации, ассоциации и союзы необходимы для единства собственного этнического меньшинства [13, с. 11]. Одновременно немецкоязычная реклама призывала другие этнические группы в империи к рецепции немецкой культуры и немецкого менталитета, как это, например, предполагала реклама «Семейного и юмористического листка» («Familien- und Witzblatt»), напечатанная в упомянутой одесской «Odessaer Zeitung» [14, с. 4]. Также анонсы и объявления в немецкоязычной прессе позволяют говорить о параллельной интеграции русской духовной культуры, литературы, музыки, театрально-художественных произведений, среди российских немцев как в обеих столицах, так и в центрах отдалённых регионов, как Закавказье и Юг империи [15, с. 2; с. 4]. Такие культурные трансферы и адаптации происходили в основном среди городских образованных и состоятельных слоев во всевозможных клубах, театрах и собраниях.

В связи с установлением коммерческих связей и коммуникационных сетей необходимо отметить, что многие российские немцы-предприниматели и издатели фигурировали как коммерческие агенты, посредники и дистрибьюторы германских фирм, производителей и торговцев [16, с. 59–63, 437–446; с. 241–268; с. 204]. Соответственно, немецкоязычная пресса и реклама в Российской империи пропагандировала качество продукции и достижения как своей диаспоры, так и германских соотечественников. Наряду с этим в немецкоязычной прессе печаталась реклама представителей и других этнических групп. В уже упомянутых газетах читаем объявления русских, армянских, азербайджанских, грузинских купцов, предпринимателей, фирм, рестораторов, художников, врачей [17, с. 2, 16; с. 7–8; с. 3]. Естественно, что такая политика была обусловлена в первую очередь прагматизмом издателей. Реклама представляла стабильный финансовый источник для существования и развития газетной прессы [18, с. 116, 124]. В то же время нельзя исключать желание представителей немецкой диаспоры в издательском деле, также, как и в предпринимательских, научных и культурных кругах немецкого меньшинства к кооперации и культурной коммуникации в многонациональной и многоконфессиональной империи. Более того, немецкоязычная пресса стремилась занять престижное место в развивающейся медийной инфраструктуре Российской империи. В

микро- и макро-масштабе она позиционировала себя как орган просвещения, информации и коммуникаций. И реклама играла в этой политике значимую роль.

Краткий обзор сущности и значения рекламы российских немцев на приведенных примерах нивелируют общую критику рекламы как источника, среди которой прежде всего укор в том, что для рекламы характерно отсутствие внешнего выражения интересов и потребностей определенной группы. Оговариваясь о необходимости верификации с другими источниками, в заключение подчеркнем, что реклама российских немцев являлась продуктом артикуляции, коммуникации и обмена между предпринимателями, обществом, т. е. покупателями, и государствами. Не в последнюю очередь через рекламу российских немцев происходил трансфер локальных и заграничных инноваций, мод, культурных ценностей и традиций. В свою очередь эти трансферы способствовали возникновению новых коопераций, коммуникаций и знакомству с материальной и духовной культурой немцев [7, с. 155–156].

#### **Библиографический список**

1. См., напр., Peter S. “Zufällig billig zu kaufen”. Unternehmeranzeigen in der deutschen Presse an der Wolga am Beispiel des “Klemens”. // D. Dahlmann, C. Scheide “...das einzige Land in Europa, das eine große Zukunft vor sich hat”. Deutsche Unternehmer im Russischen Reich im frühen 19. und frühen 20. Jahrhundert. 1. Aufl., Essen, 1998. С. 499–522 (Veröffentlichungen des Instituts für Kultur und Geschichte der Deutschen im östlichen Europa, Bd. 8).
2. Grieb R., Volker Ilgen V., Schindelbeck D. „Ins Gehirn der Masse kriechen!“ Werbung und Mentalitätsgeschichte. Darmstadt, 1995; Häfner L. Medienpräsenz...
3. Плиский Н. Реклама: Ее значение, происхождение и история. Примеры рекламирования. СПб., 1894. 184 с.
4. Кулишер И. М. Германский экспорт и борьба с ним. Петроград: Тип. Ред. период. изд. М-ва фин., 1915. 63 с.
5. Реклама «Die Bierhalle zum dicken Karl» in Odessa. // «Odessaer Zeitung». № 150. 5(18).07.1911. С. 4; объявления о продаже горчицы и пряников, производимых в немецкой колонии Сарепта в Поволжье. Пароходное общество «Кавказ и Меркурий». Волга и Каспийское море. Пароходство обществ «Кавказ и Меркурий» и «Восточное» Волга и Кама. В навигацию 1914 г. СПб.: Новое время, 1914. С. 4; «Вейнеровские пивоваренные заводы в Астрахани». СПб.: Тип. Т.

Киббель, 1900е; реклама немецкой кухни в Тифлисе и Баку «Kaukasische Post». 1(13).01.1910. С. 4; то же 5(18).01.1914. С. 7.

6. «Kaukasische Post». № 21. 22.5.1911; Кавказ. № 36. 24.03.1874.

7. Ведель Л. Культурный трансфер и потребительская культура через призму рекламы в Российской империи: 1870 – 1914 гг. // Сообщения совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений. Общество в Германии и Советском Союзе в первое послевоенное десятилетие: травмы и надежды. Том 9 / под ред. А. О. Чубарьян, А. Виршинг. Берлин, Бостон: В. Де Гройтер, 2020/ С. 143–156.

8. «Русское слово». № 83. 1910.

9. «Московский листок». № 30. 1904.

10. Ерохина О.В., Шайдуров В.Н. «Немецкий фактор» в экономическом развитии Закавказского края // Вопросы истории. 2020. №10–1. С. 143–154. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202010Statyi09.

11. «Kaukasische Post». № 35. 22.02(7.03).1909; № 28. 1(14).01.1908.

12. «Odessaer Zeitung». № 139. 21.06(4.07).1911; № 150. 5(18).07.1911.

13. «Kaukasische Post». № 7. 29.07.1907.

14. «Odessaer Zeitung». № 143. 25.06(8.07).1911.

15. «Kaukasische Post». № 21. 4.11.1907; «Odessaer Zeitung». № 1. 1(14).01.1909.

16. Хеллер К. Немецкие предприниматели как мост между Россией и Западной Европой. // Немцы в общественной и культурной жизни Москвы. XVI – начала XX века. Материалы международной конференции 15–16 февраля 1999 г.; тот же. Немецкий дух и русский менталитет в литературном и деловом мире России до 1917 г. // Ананьич Б. и др. (отв. ред.). Частное предпринимательство в дореволюционной России: этноконфессиональная структура и региональное развитие, XIX – начало XX в. М. РОССПЭН, 2010; Петров Ю. А. Немецкие предприниматели в дореволюционной Москве: Торговый дом «Boгау и Ко». // Экономическая история: Ежегодник. 2001. Т. 2000; Auch E.-M. Öl und Wein am Kaukasus: deutsche Forschungsreisende, Kolonisten und Unternehmer im vorrevolutionären Aserbaidschan. Wiesbaden, 2001.

17. «Kaukasische Post». 11.01.1909; 15.11.1909; 25.12.1909(1910).

18. Степанов История объявлений: газетная реклама в России в XVIII–XX вв. 2-е изд. СПб., 2014 [2007].

**Билингвальные газеты как инструмент объединения  
немецкого меньшинства в России**

**Аннотация.** В статье рассматривается феномен билингвальных изданий как инструмент объединения немецкого меньшинства в России. Данный тип СМИ имеет ряд функций, среди которых функция этнической самоидентификации и объединения этноса. Благодаря билингвальной составляющей этот тип СМИ играет важную роль для сохранения культуры российских немцев.

**Ключевые слова:** российские немцы, этническая пресса, билингвальные СМИ, этническая самоидентификация, национальная идентичность, этническая журналистика.

**Bilingual media as an instrument for the unification  
of German ethnic minority in Russia**

**Abstract.** In this article the phenomenon of bilingual media as an instrument for the unification of German ethnic minority in Russia will be discussed. This type of media has a number of functions including the functions of ethnic self-identification and unification of the ethnos. Thanks to bilingual component this type of media plays an important role for the maintaining the culture of Russian Germans.

**Keywords:** Russian Germans, ethnic press, bilingual media, ethnic self-identification, national identity, ethnic journalism.

Любой этнос в современном поликультурном мире сталкивается с рядом сложностей, связанных с сохранением национального самосознания, единства и этнической идентичности. Каждый народ бережно обращается со своей культурой, историей и языком, укрепляя их и передавая из поколения в поколение. Конечно, особого труда и внимания в данном вопросе требует культура этнических меньшинств – российские немцы в данном случае не являются исключением.

Имея за плечами сложнейшую судьбу и историю, российские немцы остаются единым этносом, сохраняющим свои традиции, создавая общины и поддерживая коллективную память. Трудная судьба и история народа вытекает для российских немцев в сложную задачу определения себя как этноса – находясь на границе двух культур, им приходится балансировать между двумя языками и культурными контекстами.

Этнической самоидентификацией можно назвать процесс отождествления себя с каким-либо этносом. Национальная идентичность, это «одна из составляющих идентичности человека, связанная с ощущаемой им принадлежностью к определённому этносу или нации, это чувство нации как связанного целого, представленного уникальными традициями, культурой и языком» [1, с. 603]. На становление у человека этнической самоидентификации могут влиять многие факторы – семья, круг общения, владение языками, религия, культура страны проживания, различные социальные институты.

Сегодня важную роль в жизни каждого человека играют медиа. Многие исследователи рассматривают систему СМИ как социальный институт, например, по мнению Джона Томпсона, «массовая коммуникация представляет собой институционализированное производство и массовое распространение символических материалов посредством передачи и накопления информации» [2, с. 219]. Медиа-система уже давно стала неотъемлемой частью жизни людей, журналистика вмещает в себя очень много направлений, каждое из которых нашло свое место в обществе и целевую аудиторию. Отдельного внимания в сегодняшнем мире глобализации заслуживает этническая журналистика, направленная на укрепление национального самосознания, организации этноса и передачу культурных ценностей и языка из поколения в поколение.

Этническая пресса имеет ряд функций, среди которых поддержание единства этнической общины, ее объединение и сплочение, укрепление этнической идентичности и национального самосознания, также стоит упомянуть такие функции СМИ как просветительская, информационная, образовательная, рекреативная и многие другие. По мнению В. Мальковой, этническая пресса решает такие задачи, как «собрание своих соплеменников в определенные организованные сообщества на конкретной территории и духовное их единение как единой группы; укрепление этно-национальной и групповой идентичности; актуализация этнических и национальных чувств; это создание управленческих структур данных сообществ; официальное закрепление статуса созданной группы в регионе или в стране; забота о поддержании этнического самосознания у соплеменников, о количественном и качественном расширении этих групп; об их финансировании; это и налаживание связей с местными властями и общественностью, а также со своей этнической родиной; это и определение стратегий и направлений своего дальнейшего развития» [3, с. 38]. В целом можно сказать, что у этнической прессы те же функции, как и у не этнической, ключевым признаком в данном случае



является то, что этническая пресса связана непосредственно с этническим самосознанием и организацией, объединением определенного этноса. Так и по мнению И.Н. Блохина, «национально-культурная тематика СМИ является главным критерием при определении его типа» [4, с. 302].

История прессы российских немцев берет свое начало в Российской империи. Первой газетой российских немцев была «St. Petersburgische Zeitung», издававшаяся в Санкт-Петербурге с 1729 по 1914 гг. Она является самым старым в России иностранным изданием, старейшей газетой на немецком языке, которая издавалась вне германских земель, а также в принципе второй газетой в Российской империи после «Ведомостей», которую начали издавать в 1703 г. Появление издания, конечно, было обусловлено реформаторской деятельностью Петра I – в страну начали приезжать немецкие специалисты. В Петербурге были районы, где численность немецкого населения была так велика, что немецкий язык слышался так же часто, как и русский [5]. Поэтому появление газеты на немецком языке было вполне логичным явлением. Содержание издания составляли официальные публикации, взятые и переведенные из «Ведомостей» и зарубежных газет, сообщения Академии наук об опубликованных книгах, объявления о театральные представлениях и частная реклама.

Далее начали появляться другие издания, например, газета, выходившая в Лифляндской губернии и Латвийской Республике, «Zeitung für Stadt und Land», позже сменившая название на «Rigasche Rundschau», газета «Moskauer Deutsche Zeitung», газета «Sankt Petersburger Herold». В ходе Первой мировой войны все издания на немецком языке в Российской империи были запрещены, и была закрыта газета «St. Petersburger Zeitung», имеющая за плечами почти 200-летнюю историю. Новая печатная периодика на немецком языке начала выходить после 1919 г.

В СССР издавалось много газет на немецком языке, центральной газетой СССР была «Deutsche Zentral-Zeitung» («DZZ»). В АССР Немцев Поволжья также выходило много периодики на немецком языке, например, издания «Nachrichten» или «Unsere Wirtschaft», кантоны республики также имели свою периодику.

Во время Великой Отечественной войны произошел упадок прессы советских немцев из-за мобилизации в трудовые армии. После расформирования армий в 1947 г. вернуться немцам на места их прежнего проживания не разрешалось, и после длительного периода гонений им удалось реабилитировать собственную жизнь в новых местах проживания, количество людей там возросло естественным

образом, народ обживался и заново строил, а точнее, восстанавливал свой этнокультурный институт. Переселенцы смогли сохранить свою собственную аутентичность, быт и традиции. Восстановлена и реабилитирована была также культура СМИ советских немцев - периодика, которая развивается и процветает и по сегодняшний день.

Первым немецкоязычным изданием, вышедшим в СССР после 1941 г., была газета «Arbeit», которая выпускалась в Барнауле с 1955 по 1957 гг. Миссией газеты было восстановление национального самосознания и общественно-политической активности немецкого населения на Алтае. Газета организовывала аудиторию, регулярно проводила читательские конференции, на которых обсуждались работа издания, требования к местной администрации касательно немецких школ, радиопередач и прокатов фильмов на немецком языке. Существование газеты было важной составляющей в истории восстановления национальной культуры и этнической идентичности для советских немцев. В 1957 г. в Москве вышел первый номер газеты на немецком языке «Neues Leben», основанной еще в 1926 г. как «Deutsche Zentrale Zeitung» (газета выпускалась до начала 2010-х гг.). В том же году на Алтае начали печатать газету «Rote Fahne» (с 1991 г. имеет название «Zeitung für Dich», с 2006 г. ежемесячно издается как приложение к газете «Алтайская правда»). Еженедельно выходит газета Немецкого Национального района Алтайского края «Neue Zeit/Новое время». Изначально издание было билингвальным, сейчас, по причине большого потока миграции местных жителей в Германию, газета выпускается преимущественно на русском языке, однако немецкоязычные материалы до сих пор публикуются, пусть и в меньшем объеме. Позже в Целинограде появилась газета советского немецкого населения Казахстана «Freundschaft» (с 1990 г. называется «Deutsche Allgemeine Zeitung», выходит еженедельно). СМИ на немецком языке существуют сегодня в Санкт-Петербурге, Калининграде, также выпускается ряд детских и молодежных изданий. Различными советами, ассоциациями и культурными центрами российских немцев по всей России печатаются билингвальные бюллетени и журналы.

Здесь очень важно отметить тот факт, что многие издания действительно являются билингвальными, то есть, информация в них подается сразу на двух языках – на немецком и на русском. СМИ данного типа нередко встречаются в области этнической журналистики – за счет языковой составляющей издание может прочитать любой желающий, чтобы познакомиться с этносом, но что не менее важно – оно становится доступным для тех представителей этноса, которые не

владеют его языком. Целевая аудитория СМИ становится в разы больше, также можно говорить о полноценном объединении этнической группы благодаря билингвальной составляющей, которая предоставляет возможность этнической самоидентификации даже через другой язык.

Большую роль в развитии немецкой культуры в России играет Международный союз немецкой культуры (МСНК), созданный в 1991 г. Ассоциация объединяет центры культуры, национально-культурные автономии, российско-немецкие дома. Создание информационной сети и издательская деятельность являются одними из главных задач МСНК. В нашем исследовании мы обратимся к билингвальному изданию «*Moskauer Deutsche Zeitung*», выпуск которой возобновил в 1998 г. Международный союз немецкой культуры. Издатель газеты Генрих Мартенс также является основателем и председателем МСНК.

Впервые газета под таким названием была выпущена в 1870 г. и являлась основным источником информации для немцев, которые жили в Москве. В «*Moskauer Deutsche Zeitung*» публиковались различные материалы, среди которых были заграничные и местные известия, фельетоны, телеграммы, объявления, новости о событиях из области театра и мира искусства в целом. Когда в Первую мировую войну все немецкоязычные газеты были запрещены, издание тоже было закрыто, и во времена СССР не восстанавливалось. Сегодня «*Moskauer Deutsche Zeitung*» выходит в Москве раз в две недели, состоит из 16 полос на немецком языке и 8 на русском, иногда газета выпускает различные специальные выпуски и приложения.

Сегодня издание освещает темы политики, общественной жизни, экономики, культуры, спорта. Также «*Moskauer Deutsche Zeitung*» предлагает аудитории аутентичные тексты и различные грамматические задания в специальной рубрике для изучения немецкого языка. У газеты существует официальный сайт, на котором можно выбрать немецкий или русский язык, и ознакомиться на нем со всеми новостями и обновлениями.

Нужно отметить, что газета занимается освещением разных тем, важных для российских немцев, сохранением их культуры и развитием этноса, его истории и позиции в сегодняшнем мире. В разных выпусках издания можно найти материалы об активной культурной жизни немецких обществ в России, актуальные и произошедшие много лет назад истории, рассказанные российскими немцами, информацию и сегодняшних событиях и исторические материалы. Этот подход, пожалуй, обусловлен этническим типом издания, потому что в задачи этнической группы входит не только поддержка и развитие культуры в

актуальной среде сегодняшнего дня, но и память о событиях и истории этноса.

Все вышеперечисленное является, в том числе, примером воплощения такой функции СМИ, как функция этнической самоидентификации. Аудитория может узнавать об актуальных и исторических событиях относительно своей культуры, видеть то, как культура развивается, поддерживается и сохраняется, и тем самым отождествлять себя с ней, ощущать себя частью данной этнической группы. Благодаря билингвальной составляющей издания сделать это могут и те российские немцы, которые недостаточно свободно или совсем не владеют немецким языком.

Получается, что газета всецело объединяет аудиторию российских немцев вокруг себя, потому что вне зависимости от языка каждый все равно сможет узнать новости, получить информацию об актуальных событиях, узнать о прошедших и предстоящих мероприятиях, прочесть исторические материалы, узнать что-то о культуре и языке. Благодаря этому происходит организация и объединение аудитории вокруг билингвального средства массовой информации – люди читают, действуют и отождествляют себя с данным этносом.

Конечно, нужно отметить, что билингвальные СМИ помимо объединения этноса активно могут использоваться в областях образования, науки, изучения языка, истории, историографии, бизнеса, межкультурной коммуникации, международных отношений и так далее. Потенциал у данного типа изданий очень большой – люди могут познакомиться с другой культурой из личного интереса, по работе, по причине переезда, миграции – билингвальные СМИ можно найти и в прессе диаспор. Конечно, издания такого типа интересны для изучающих иностранный язык – кроме языковой составляющей и проработки аутентичных текстов через данные медиа можно повысить уровень межкультурной компетенции. Важнейшей задачей билингвального СМИ является сделать этнические издания доступными – для представителей этноса и для всех желающих.

Билингвальные СМИ играют особую роль для российских немцев, так как билингвизм и бикультурность заложены в самой культуре этноса. В своем докладе 2018 г. В.Г. Диц говорит: «Наш народ – российские немцы – должен быть билингвальным и бикультурным. *Zweisprachigkeit und Biculturalismus* – вот два наших конька, вот две наших фишки, немецкая и русская. Вот в чём наша самобытность, вот в чём наша сила, вот в чём наши возможности и преимущества». Эти слова подтверждают и укрепляют идею передачи этническим

меньшинством культурных ценностей именно через билингвальные СМИ. Для российских немцев билингвальные СМИ являются особенно ценным фактором, потому что сам народ является уникальным носителем двух культур и языков – это же явление и этот же культурный концепт и феномен отражен в билингвальных средствах массовой информации.

Как мы уже говорили, этническая пресса в целом выполняет такие важные для этнического меньшинства функции, как функция объединения, организации и этнической самоидентификации. Можно сказать, что этническая пресса является важной составляющей жизни этнической группы, потому что через СМИ транслируются все традиции и культурные коды, передающиеся из поколения в поколение. За счет языковой составляющей билингвальные СМИ дают эту возможность всем представителем этноса. Это важно для каждого человека лично и для этнической группы в целом, что по сути является двумя сторонами одного и того же процесса – объединения и сплочения народа и сохранения своих традиций и культуры.

#### **Библиографический список**

1. Искусство и цивилизационная идентичность / Отв. ред. Н. А. Хренов; Науч. совет РАН «История мировой культуры». М.: «Наука», 2007.
2. Thompson, J.B. *Ideology and Modern Culture: Critical Social Theory in the Era of Mass Communication*. – Cambridge: Polity Press, 1990.
3. Малькова В.К. Мобилизация этнических сообществ в современной России: По материалам этнических СМИ. М.: ИЭА РАН, 2011.
4. Блохин И.Н. Этнологическая культура журналиста *Вестник С.-Петербург. ун-та. Сер. 9. 2008 - Вып. 2, №. 2. С. 302-307.*
5. Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII–XX вв. Вып. 11 / Отв. ред. Т.А. Шрадер. СПб.: МАЭ РАН, 2018.

**Исследование белорусско-польских связей  
в материальной культуре белорусской советской этнологией  
1950 – 1980-х гг.\***

**Аннотация.** Рассмотрен вклад белорусской советской этнологии 1950 – 1980-х гг. в изучение белорусско-польских параллелей в материальной культуре. В результате выполненного анализа соответствующих научных публикаций отечественных авторов были определены те части материальной культуры, на примере которых белорусско-польские связи раскрывались наиболее полно.

**Ключевые слова:** белорусская советская этнология, материальная культура, белорусы, поляки.

**The study of Belarusian-Polish relations in the material culture by the  
Belarusian Soviet ethnology of the 1950s-1980s.**

**Abstract.** The contribution of the Belarusian Soviet ethnology of the 1950s – 1980s to the study of Belarusian-Polish parallels in material culture is considered. As a result of the analysis of the relevant scientific publications of domestic authors, those parts of material culture were identified, on the example of which the Belarusian-Polish relations were revealed most fully.

**Keywords:** belarusian soviet ethnology, material culture, Belarusians, Poles.

Если в довоенной и, тем более, в дореволюционной белорусской этнологии приоритетное место занимали исследования традиционной духовной культуры, то в послевоенное время малочисленный сектор этнографии (создан в 1945 г. при Академии наук БССР) основное внимание уделяет материальной культуре. В этом же направлении активные исследования осуществлял созданный в 1957 г. Институт искусствоведения, этнографии и фольклора. Анализ подготовленных его сотрудниками работ по материальной культуре (в том числе кандидатских и докторских диссертаций) даёт основания для выделения у них определенной общей теоретической основы – повторяющихся проблем. Чаще всего это зависимость предметов материальной культуры от природной среды, социальной структуры общества, связь форм материальной культуры с религиозными верованиями и

---

\* Публикация подготовлена в рамках проекта БРФФИ №Г20Р-304

обрядами, изменения в традиционной материальной культуре под влиянием города и социалистических преобразований и др. Особое внимание в том числе было обращено на изучение принадлежности определенных форм материальной культуры к той или иной историко-этнографической области, а также культурных связей между этносами, в первую очередь славянскими. Понимание сложности и неизолированности процесса формирования материальной культуры белорусов способствовало обращению отечественных ученых к исследованию межэтнических связей белорусов и поляков, так как их продолжительные контакты (политические, экономические, культурные) нашли довольно четкое отражение в самых различных частях материальной культуры.

Крупнейшим специалистом советской поры по вопросам материальной культуры белорусов бесспорно является Л.А. Молчанова. Исследуя одну из самых обширных областей традиционной культуры на основании анализа архивных и музейных материалов, этнографического наследия ученых XIX – начала XX в., авторских полевых материалов, ею было предложено собственное научное видение разделения Беларуси на три этнографических региона (Поднепровье, Северо-Восточный и Юго-Западный). Подробно данная концепция была изложена Л.А. Молчановой в монографии «Материальная культура белорусов» (1968). Раскрывая факторы, оказавшие определяющее влияние на формирование этнознаковых особенностей материальной культуры белорусов, особое место исследовательница отводила культурным связям между этносами. Именно по этой причине многие культурные явления или элементы того или иного явления находят аналогии в культуре соседних народов. Наибольшая близость в материальной культуре белорусов прослеживалась Л.А. Молчановой с русскими и украинцами. Однако были выявлены и те области, в которых присутствовали очевидные результаты взаимодействия белорусов и поляков. Белорусско-польские связи были показаны на примере жилища, традиций питания, костюма, сельскохозяйственных занятий. Так, например, Л.А. Молчанова обнаружила, что крыльцо было более характерным для северо-западных районов Беларуси, граничащих с литовскими и польскими. Именно под их влиянием эта структурная часть появилась в жилище белорусов. В монографии были приведены сравнения названий и состава традиционных блюд, трапез, материалов и форм отдельных предметов домашней утвари, путь и время появления некоторых составных частей в женском костюмном комплексе, показано сходство их внешнего вида и способов ношения с аналогичными элементами костюмов славянских

этносов, в том числе поляков. Наиболее полно белорусско-польские связи были раскрыты на примере сельскохозяйственных орудий труда. Л.А. Молчанова отметила, что область распространения сохи полесского типа составляет общий массив, охватывающий территорию проживания белорусов, украинцев, поляков и литовцев. Она сравнила использование белорусами и поляками плугов бестележной конструкции. Термин «рало» был определен ей как общеславянский. Отдельное внимание было обращено на сходство в использовании двумя этносами некоторых орудий труда для уборки урожая, в частности серпов.

Не менее полезными данные о материальной культуре оказались для коллеги Л.А. Молчановой – М.Я. Гринבלата, который использовал их в рамках своего фундаментального исследования этногенеза белорусов. В работе «Белорусы: Очерки происхождения и этнической истории» (1968) специальное внимание автор уделит этнической специфике материальной культуры белорусов. Автор ссылался преимущественно на схожесть последней с материальной культурой русских и украинцев, отметив при этом, что свой вклад в формирование особых черт материальной культуры белорусов внесли поляки. Изучая вопрос распространения различных типов сохи у белорусов и поляков, ученый пришёл к выводу, что только на территории Подляшья и северо-востоке Мазовщины была известна двухпалцевая воловья соха. Общей чертой, характерной для женского костюма белорусов и поляков, были определены прямые полки, а также выявлен ряд языковых совпадений в названиях некоторых элементов костюма [1, с. 230].

В 1960-х гг. сотрудники сектора этнографии Института искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР совместно с исследователями академий наук Украинской и Молдавской ССР начали работу по созданию регионального историко-этнографического атласа. Результатом многолетних исследований, в том числе полевых, стали три коллективные монографии – «Беларускае народнае жыллё» (1973), «Народная сельскагаспадарчая тэхніка беларусаў» (1974), «Беларускае народнае адзенне» (1975). Значительное место в этих работах отведено анализу роли межэтнических связей в формировании этнической специфики отдельных частей материальной культуры белорусов. Коллективом исследователей была сформулирована гипотеза, что наибольшего развития планировка крестьянского дома в конце XIX – начале XX вв. достигает в западных районах Беларуси под влиянием польской народной архитектуры. Ученые поддержали идею К. Машиньского о том, что открытый сруб, не обмазанный глиной и нештукатуренный, был характерен как для белорусов, так и для



поляков, проживавших в отдельных районах Польши. Именно от поляков, согласно гипотезе авторов работы «Беларускае народнае жыллё», у белорусов появились одинарные вильчики.

Специальное внимание было уделено характеристике сходства отдельных сельскохозяйственных орудий у белорусов и поляков. В первую очередь были рассмотрены особенности конструкции и использования обоими этносами полесской сохи и бестележечных плугов. Проведено сравнение степени использования белорусами и поляками рамной бороны, отмечены сходства в изготовлении самодельных веялок для обработки зерна.

Белорусско-польские параллели специально отмечены и на примере традиционного костюма. Так, в монографии «Беларускае народнае адзенне» исследователи показали, что у белорусов широкий отложной воротник чаще всего встречался в тех районах, где был распространен термин «кашуля», а не «сорочка», при этом сам термин «кашуля» издавна был усвоен белорусами от поляков. Существенное внимание было обращено на каналы заимствования из польских земель белорусами таких терминов как «кабат» и «гарэст». Подобные черты были отмечены также в крое и внешнем виде фартуков. Это дало основание сформулировать гипотезу об их происхождении от общего прототипа. В монографии проведено сравнение особенностей верхней одежды белорусов и поляков: определенное сходство ученые также обнаружили в крое и названиях.

Свой вклад в изучение традиционного костюма белорусов, условий формирования его этнической специфики внес М.Ф. Романюк. В 1967–1975 гг. он провел свои первые полевые экспедиции по Белорусскому Полесью. Ученый систематизировал и классифицировал около пяти тысяч образцов традиционного крестьянского костюма Белорусского Полесья конца XIX – начала XX вв., выявил его конструктивные, композиционные и декоративные особенности, обратил внимание на тесную связь местного костюма с костюмом русских, украинцев, поляков, литовцев. Наиболее яркие доказательства существования белорусско-польских связей в костюме были найдены автором в процессе исследования происхождения «гарэста». Ученый отметил, что «гарэст» попал в Польшу из Западной Европы, а оттуда на территорию современной Беларуси [2, с. 42]. Ряд наглядных примеров белорусско-польских связей в костюме приведены в альбоме «Беларускае народнае адзенне» (1981).

Исследование места и роли межэтнических контактов в формировании особенностей материальной культуры белорусов имело огромное значение для подготовки научных работ В.С. Титова. Данные

материалы автор использовал для обоснования своей концепции об историко-этнографическом районировании Беларуси, впервые детально изложенной в монографии «Историко-этнографическое районирование материальной культуры белорусов, XIX – начало XX вв.» (1983). Исследователь охарактеризовал влияние природно-географических условий и межэтнических контактов на формирование особенностей традиционной материальной культуры белорусов в шести историко-этнографических регионах Беларуси. Он обнаружил определенное сходство в жилище белорусов и поляков. Так, шулы, характерные для белорусского дома, иногда встречались в жилище Подляшья. Сходные черты были обнаружены также в традициях питания двух этносов. Например, В. С. Титовым была выявлена близость выпечки хлеба, завернутого в листья капусты или хрена, на западе Беларуси и на территории Польши. Ученый показал, что традиционная посуда и инвентарь, связанные с приготовлением хлеба, имеют множество общих названий в белорусском и польском языках, рассмотрел особенности использования различных пород дерева для изготовления дежи у белорусов и поляков. В.С. Титов сравнил отношения белорусов и поляков к хлебу, назвав общность уважения не столько культурным заимствованием, сколько общечеловеческим истоком ряда обычаев и обрядов.

Период 1970–1980-ых гг. был плодотворным в изучении сельскохозяйственных занятий, а также промыслов и ремесел. Во многих публикациях, посвященных данным вопросам, затрагивалась проблема белорусско-польских параллелей. В работе И.Н. Брайма «Рыболовство в Беларуси (историко-этнографический очерк)» (1976) были рассмотрены особенности распространения и использования определенных рыболовных принадлежностей (сети, волоки) на территории Беларуси и Польши, показаны белорусско-польские связи на примере подобных названий некоторых снастей (жак, невод).

В монографии А.Н. Курилович «Белорусское народное ткачество» (1981) обращено значительное внимание на выявление общих черт в ткачестве белорусов и поляков. Этой проблеме были посвящены и специальные публикации автора. А.Н. Курилович отметила, что издавна основным сырьем для изготовления тканей у белорусов и поляков служили волокнистые растения и шерсть. Наиболее распространенным сырьем являлся лен. Она подчеркнула, что у обоих этносов существовали два названия процесса обработки льна и связанных с ним устройств. Некоторые сходства были зафиксированы в распространении ряда тканей и техник их изготовления.

С.А. Милоченковым на основе анализа ремесленных орудий, технологических навыков и керамических изделий были выявлены общие черты и локальные особенности белорусского гончарства в конце XIX – начале XX вв. Исследователь зафиксировал близость белорусского и польского гончарства на примере сходства состава формовочных масс, некоторых способов разминания сырья, устройств работы (ножной гончарный круг), ряда готовых керамических изделий (горшки с ушками и без, полевые горшки). Это позволило автору прийти к выводу, что определенные явления в гончарстве белорусов и поляков, как и других славянских этносов, существовали синхронно и диахронно.

В конце 1980-х гг. увидели свет несколько специальных публикаций, непосредственно посвященных общим чертам в отдельных компонентах материальной культуры белорусов и поляков. Так, о подобном сходстве на примере сельскохозяйственных орудий труда писал Л.И. Минько. Помимо обнаруженных им аналогий в процессе крепления цепа «гужыкам» белорусами и поляками, ряд общих черт был выявлен в распространённых у обоих этносов мельницах [3].

Формирование общих черт в скорняжном деле у белорусов и поляков стало темой специального исследования Н.И. Бураковской. В некоторых своих публикациях она раскрыла ряд существенных сходств в производственных процессах, способах обработки сырья, типологии орудий труда, терминологии. Также были зафиксированы определенные общие черты в способах обработки овчины и меха в Беларуси и в Польше, существовавших до конца XIX в. [4].

Таким образом, белорусской советской этнологией 1950 – 1980-х гг. в рамках исследования традиционной материальной культуры существенное внимание уделялось славянским межэтническим связям. Белорусско-польские контакты наиболее полно изучены этнологами на примере жилища, традиционного костюма, сельскохозяйственных орудий труда, некоторых промыслов и ремесел. Большое количество совпадений выявлено в том числе в названиях элементов материальной культуры. Основными причинами подобного сходства были определены: близость территории проживания, схожие природно-климатические, хозяйственные и исторические условия, тесные многовековые этнокультурные контакты.

### **Библиографический список**

1. Гринблат М. Я. Белорусы: Очерки происхождения и этнической истории. Мн., 1968. 288 с.

2. Раманюк М. Ф. Жаночае адзенне (паўднёва-заходнія раёны Брэстчыны, канец XIX – пачатак XX ст.) // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1971. №3. С. 40–45.

3. Мінько Л. І. Прылады і машыны для ўборкі зерневых і апрацоўкі зерня на тэрыторыі Беларусі і Польшчы ў XIX – пачатку XX ст. // Беларуска-польскія культурныя сувязі: матэрыялы навук. канф. Мінск, 17–24 кастрычніка 1988 г. Мн., 1991. С. 38–42.

4. Буракоўская Н. І. Беларуска-польскія паралелі ў традыцыйным кушнерстве // Беларуска-польскія культурныя сувязі: матэрыялы навук. канф. Мінск, 17–24 кастрычніка 1988 г. Мн., 1991. С. 64–67.

*Генина Елена Сергеевна,  
Овчинников Владислав Алексеевич*

### **Биография профессора И.П. Шмидта (анализ историографии проблемы)**

**Аннотация.** Представлены результаты анализа работ современных исследователей, связанных с биографией профессора Исая Павловича Шмидта (1896–1975). И.П. Шмидт известен как историк и пропагандист, руководитель перелета Москва – Пекин (1925 г.). Данная тема представлена в российской и украинской историографии. Она отражена в монографиях, научных статьях исследователей и информационно-справочных изданиях, а также в исторической публицистике. Анализ историографии проблемы показал, что в настоящее время существует ряд дискуссионных моментов, связанных с биографией И.П. Шмидта. Отдельные страницы биографии профессора нуждаются в дополнениях и уточнениях. Особо стоит вопрос о жизни и деятельности историка-«космополита» И.П. Шмидта в Узбекистане и Сибири.

**Ключевые слова:** историография, современные исследователи, труды исследователей, биография, профессор, историк-«космополит», Исая Павлович Шмидт.

### **Biography of Professor I.P. Shmidt (analysis of the historiography)**

**Abstract.** The paper presents results of the analysis of the works of contemporary researchers related to the biography of Professor Isai Pavlovich Shmidt (1896–1975). I. P. Shmidt is known as a historian and propagandist,

head of the Moscow – Beijing flight (1925). This topic has been covered in Russian and Ukrainian historiography. It is reflected in monographs, research papers and reference publications, as well as in historical journalism. An analysis of the historiography on the topic has shown that at present there are a number of controversial issues related to the biography of I. P. Shmidt. Certain chapters of the professor's biography need additions and clarifications. The issue of the life and work of the “cosmopolite” historian I. P. Shmidt in Uzbekistan and Siberia calls for a particular attention.

**Keywords:** historiography, contemporary researchers, works of researchers, biography, professor, “cosmopolite” historian, Isai Pavlovich Shmidt.

В феврале 2021 г. исполнилось 125 лет со дня рождения Исаея Павловича Шмидта – историка и пропагандиста (1896–1975). Можно выделить следующие важные вехи биографии И.П. Шмидта, еврея по национальности, уроженца Одессы. Исаея Павлович принимал участие в Гражданской войне, являлся комиссаром бригады Г.И. Котовского (1920–1921 гг.). Возглавлял знаменитую воздушную экспедицию: перелет по маршруту Москва – Пекин, состоявшийся в 1925 г. Руководил Одесским государственным университетом в 1933–1937 гг. В 1934 г. получил утверждение в ученое звание профессора, что было подтверждено в 1946 г. И.П. Шмидт пострадал во время кампании по борьбе с космополитизмом в СССР (1949–1953 гг.), направленной в первую очередь против еврейской интеллигенции. Устраненный из Московской высшей школы профдвижения ВЦСПС в 1949 г., он трудился в отдаленных от центра регионах. Историк-«космополит» И.П. Шмидт занимался научно-педагогической деятельностью в Узбекском государственном университете имени Алишера Навои, находившемся в Самарканде (1950–1952 гг.), Кемеровском учительском институте, Кемеровском государственном педагогическом институте (1952–1955 гг.), Томском государственном университете имени В.В. Куйбышева (1954–1955 гг.). В 1954 г. И.П. Шмидт стал первым заведующим кафедрой истории, образованной в КГПИ.

К страницам биографии И.П. Шмидта обращались современные российские и украинские исследователи. Поэтому определенный опыт выявления и анализа работ, где затрагивается биография профессора, уже накоплен [1, с. 23, 24, 56, 57; 2, с. 266–268, 287–288]. Однако к настоящему моменту отсутствует полное историографическое исследование проблемы, что обусловило цель данной работы.

Первоначально обратимся к трудам российских исследователей. Вехи жизни и деятельности И.П. Шмидта обозначены в «Российской

еврейской энциклопедии» [3]. Известный отечественный историк Г.В. Костырченко отметил факт устранения профессора из Высшей школы профдвижения ВЦСПС (г. Москва) в 1949 г., в условиях наступления на представителей еврейской интеллигенции [4, с. 589; 5, с. 59].

Основная информация о прибытии и деятельности И. П. Шмидта в Кемерове, его краткая биография представлены в изданиях, посвященных истории Кемеровского государственного университета. В 1974 г. Кемеровский государственный педагогический институт был реорганизован в Кемеровский государственный университет. Авторы изданий, содержащих очерк истории высшего учебного заведения, зафиксировали факты прибытия в Кемеровский учительский институт в 1952 г. историка-«космополита» И.П. Шмидта в условиях, когда стояла задача реорганизации учебного заведения в педагогический институт, назначения профессора на должность заведующего образованной кафедры истории КГПИ в 1954 г. [6, с. 13, 14; 7, с. 19, 29, 86; 8, с. 21, 27–28; 9, с. 21, 24, 25]. Наиболее полная информация о деятельности И.П. Шмидта в Кемеровском учительском институте и КГПИ содержится в коллективной монографии, опубликованной в 2019 г. Авторам удалось выявить структурные подразделения Кемеровского учительского института и КГПИ, где трудился И. П. Шмидт, отразить специфику его деятельности, вклад в развитие исторического образования и науки в Кемерове [1, с. 55, 60, 84, 110, 113–114, 118–119, 148, 168, 587]. Силами сотрудников КемГУ подготовлены биографии профессора в их кратком изложении [10; 7, с. 23–24; 8, с. 21–23; 9, с. 44; 1, с. 56–58].

Кемеровский историк Е. С. Генина реконструировала биографию И.П. Шмидта, обратив особое внимание на влияние событий кампании по борьбе с космополитизмом на судьбу профессора и последующее время его нахождения в Сибири [11, с. 83–92; 12, с. 148–160]. Опубликована статья автора, содержащая сведения об И.П. Шмидте как руководителе перелета Москва – Пекин 1925 г. [13]. Одним из источников здесь выступила книга И.П. Шмидта «Великий перелет Москва – Пекин», которая вышла в 1926 г. [14].

Упоминания о деятельности И.П. Шмидта в Томске содержатся в работах томских историков Д.В. Хаминова, А.В. Литвинова и С.Ф. Фоминых. Из них можно почерпнуть некоторую информацию о профессоре. Профессор И.П. Шмидт работал по совместительству на историко-филологическом факультете ТГУ [15, с. 110]. В 1954 г. в совете историко-филологического факультета ТГУ М.Е. Плотникова, преподаватель кафедры истории СССР ТГУ, защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме

«Борьба трудящихся Томской губернии с интервентами и белогвардейцами в 1918 г.». Официальными оппонентами выступили профессор И.П. Шмидт и доцент Н.И. Князев [16, с. 308, 309].

Украинские историки В.В. Левченко и Э.П. Петровский воссоздали страницы биографии профессора, сосредоточившись в первую очередь на времени его пребывания в Одессе. Соавторы отразили специфику деятельности И.П. Шмидта на посту ректора Одесского государственного университета, выявили сложности, с которыми он столкнулся, занимая серьезную должность в сфере высшего образования. Важно, что события показаны в контексте противоречий общественно-политической жизни в СССР 1930-х гг. Несомненная заслуга авторов – изложение событий биографии профессора с выделением дискуссионных моментов, что может послужить основой для продолжения изучения темы, диалога с коллегами [2; 17]. Одесские исследователи В.В. Левченко и Э.П. Петровский подготовили краткую биографию И.П. Шмидта для энциклопедического издания, посвященного одесским историкам [18].

Отдельные моменты биографии И. П. Шмидта представлены на страницах исторической публицистики [19; 20, с. 129–130]. Это видится закономерным, учитывая масштаб личности и известность профессора. Без привлечения данных публикаций историографический анализ не будет носить заверщенного характера.

Результаты анализа историографии проблемы свидетельствуют о том, что на сегодняшний день в биографии профессора И. П. Шмидта существуют дискуссионные моменты, она нуждается в дополнениях и уточнениях. К числу дискуссионных моментов относятся фамилия и год рождения профессора. Российские и украинские исследователи обычно называют фамилию Исаия Павловича: Шмидт. Г. В. Костырченко приводит и другой вариант написания фамилии Исаия Павловича – Гольдшмит [4, с. 589]. Российские исследователи уверены, что И.П. Шмидт родился в 1896 г. [3; 10, с. 128; 11, с. 85; 12, с. 150]. Об этом же свидетельствуют архивные документы, указание профессором собственного рождения в феврале 1896 г. Но неизвестен день рождения И.П. Шмидта [21, л. 1, 3; 22, л. 2]. Украинские исследователи утверждают, что И. П. Шмидт родился в 1895 г. [2, с. 268; 17, с. 13; 18, с. 442].

Скрупулезного выявления требует хронология периода, когда И.П. Шмидт занимал должность ректора Одесского государственного университета. Подобное положение сложилось и в отношении других должностей, которые занимал Исаия Павлович. Недостаточно изучены периоды работы И.П. Шмидта в Московской высшей школе

профдвижения ВЦСПС (1946–1949 гг.), в Узбекском государственном университете имени Алишера Навои в Самарканде (1950–1952 гг.). Не изучено время деятельности профессора в Московском государственном педагогическом институте имени В. И. Ленина (1956–1964 гг.), в Южно-Сахалинском государственном педагогическом институте (1965–1974 гг.). Не до конца ясна ситуация, связанная с научной деятельностью профессора. Стоит вопрос о подготовке полного списка публикаций И.П. Шмидта.

Важной задачей представляется выявление единого блока событий в биографии И.П. Шмидта времени борьбы с космополитизмом и пребывания на периферии (1949–1955 гг.). Особо стоит вопрос о жизни и деятельности историка-«космополита» И.П. Шмидта в Узбекистане и Сибири. Если в первом случае предстоит кропотливая работа, обусловленная поиском источников и их анализом, то во втором случае могут быть обнаружены отдельные факты биографии историка. В пользу продолжения исследования свидетельствуют работы российских авторов, посвященные судьбам историков в период кампании по борьбе с космополитизмом [23; 24; 25].

Перспективы изучения темы для отечественных исследователей открывает выявление новых исторических источников и дополнительная работа с уже введенными в научный оборот источниками. Историческими источниками для продолжения изучения темы могут послужить архивные документы (документы центральных архивов и архивов регионов, архивов вузов), труды И.П. Шмидта, материалы центральной и региональной периодической печати, воспоминания современников профессора.

### **Библиографический список**

1. Кемеровский государственный университет: очерки предыстории и становления в советский период (1949–1991): монография / А.Б. Коновалов, А.В. Блинов, А.Н. Ермолаев, А.Ю. Карпинец. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2019. 614 с.
2. Левченко В., Петровский Э. Исая Павлович Шмидт (1895–1975): первый ректор Одесского государственного университета // Юго-запад. Одессика: историко-краеведческий научный альманах. Вып. 14 / гл. ред. В.А. Савченко. Одесса: Печатный дом, 2012. С. 266–290.
3. Шмидт Исая Павлович // Российская еврейская энциклопедия. 2-е изд., испр. и доп. / гл. ред. Г.Г. Брановер. М.: РАЕН; Научный фонд



«Еврейская энциклопедия»; «ЭПОС», 2000. Т. 3. Биографии. С – Я. С. 406.

4. Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. 2-е изд., доп. М.: Международные отношения, 2003. 784 с.

5. Костырченко Г.В. Кампания по борьбе с космополитизмом в СССР // Вопросы истории. 1994. № 8. С. 47–60.

6. Кемеровский государственный университет. Штрихи к биографии / под ред. Л.И. Гвоздковой, Б.П. Невзорова. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. 136 с.

7. Кемеровский государственный университет. Страницы истории / гл. ред. Ю.А. Захаров. Кемерово: Полиграф, 2002. 273 с.

8. История Кемеровского государственного университета / гл. ред. Ю.А. Захаров. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. 208 с.

9. Боголепова Л.З. Кемеровский государственный университет (историческая хроника: 1928–2014 гг.): историко-справочное пособие. 2-е изд., исп. и доп. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2014. 128 с.

10. Шмидт Исая Павлович // Профессора Кемеровского государственного университета: биографический словарь. Вып. 1. 1953–1999 / отв. ред. Б.П. Невзоров. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 1999. С. 128–129.

11. Генина Е.С. Кампания по борьбе с космополитизмом в Кузбассе (конец 1940-х – начало 1950-х гг.). Красноярск: Кларетианум, 2003. 140 с.

12. Генина Е.С., Макачук С.В. Борьба с космополитизмом: политические дела и разоблачения в Кемеровской области (1949–1953 гг.): монография. Кемерово: ГБУ ДПО «КРИПО», 2018. 176 с.

13. Генина Е.С. И.П. Шмидт – руководитель перелета Москва – Пекин (1925 г.) // Развитие транспортной системы на постсоветском пространстве: история, проблемы и перспективы: сборник научных статей II Международной научно-практической конференции / отв. ред. А.А. Зеленин. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2011. С. 18–25.

14. Шмидт И.П. Великий перелет Москва – Пекин. М.: Авиоиздательство, 1926. 64 с.

15. Хаминов Д.В. Историческая наука и образование в Томском университете (конец XIX в. – 1991 г.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.10; Томский государственный университет. Томск, 2010. 325 с.

16. Литвинов А.В., Фоминых С.Ф. Плотникова Мария Ермолаевна // Профессора Томского университета: биографический

словарь / гл. ред. С.Ф. Фоминых. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. Т. 3. 1945–1980. С. 308–312.

17. Левченко В.В., Петровский Э.П. Профессор Исай Павлович Шмидт (1895–1975): одесские этапы жизни // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России: сборник научных статей. Вып. 2 / отв. ред. А.А. Зеленин, Е. С. Генина. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2012. С. 12–19.

18. Левченко В.В., Петровський Е.П. Шмідт Ісай Павлович. 1895–1975 // Одеські історики. Енциклопедичне видання. Том I (початок ХІХ – середина ХХ ст.) / відповідальний редактор В. А. Савченко. Одеса: Друкарський дім, 2009. С. 442–443.

19. Уфимцев Ю. «Наш пилот, наш мотор – от Москвы до Китая», или как комиссар Шмидт катал китайских рикш на советском авто // «Владивосток Авиа» (бортовой журнал). 2005. № 1 (24). С. 10–13.

20. Савченко В.А. Котовский. М.: Яуза: ЭКСМО, 2010. 256 с.

21. Архив Кемеровского государственного университета (Архив КемГУ). Д. 1007.

22. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-815. Оп. 29. Д. 443.

23. Тихонов В.В. Историк Е.Н. Городецкий и кампания по борьбе с «безродным космополитизмом» // Исторический журнал: научные исследования. 2013. № 2. С. 127–136.

24. Мировщикова А.А. Борьба с космополитизмом в советском антиковедении: дело С.Я. Лурье // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 24 (379). С. 202–209.

25. Исмаилова З.А. Кампания по борьбе с космополитами в исторической науке в 1948–1953 гг. и роль в ней М.В. Нечкиной // Вестник Брянского государственного университета. 2018. № 1 (35). С. 43–54.

# ЭТНИЧЕСКИЕ МЕНЬШИНСТВА В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

*Иларионова Татьяна Семеновна*

## **Конкурирующие меньшинства: немцы и евреи в Российской империи (сравнительный анализ)**

**Аннотация.** В статье рассматриваются сходство и различия в судьбах двух национальных меньшинств Российской империи – российских немцев и российских евреев. И немцы, и евреи были в России с «миграционным прошлым»: приглашенных на жительство в империю либо попавших вследствие победы Петра I в Северной войне и «пришедших» вместе с территориями прибалтийских провинций немцев можно сравнивать с евреями, оказавшимися в Российской империи после раздела Речи Посполитой в 1772–1795 гг.

**Ключевые слова:** российские немцы, российские евреи, Российская империя, межнациональная политика.

## **Competing Minorities: Germans and Jews in the Russian Empire (Comparative Analysis)**

**Abstract.** The article examines the similarities and differences in the fates of two national minorities of the Russian Empire - Russian Germans and Russian Jews. Both Germans and Jews were in Russia with a "migratory past": those invited to live in the empire or who ended up as a result of the victory of Peter I in the Northern War and who "came" along with the territories of the Baltic provinces, the Germans can be compared with the Jews who ended up in the Russian Empire after the partition of Speech The Polish-Lithuanian Commonwealth in 1772–1795.

**Keywords:** Russian Germans, Russian Jews, Russian Empire, interethnic policy.

Российские немцы и российские евреи... Судьбы двух национальных меньшинств в России были теснейшим образом связаны и в то же время разительно друг от друга отличались. И эти сходства, и различия делали две общины конкурирующими.

Немцы, приглашенные на жительство в империю либо попавшие вследствие победы Петра I в Северной войне и «пришедшие» вместе с территориями прибалтийских провинций, имели серьезное правовое

положение, их привилегии защищались многочисленными внутренними указами и распоряжениями, а интересы ливонских, эстляндских и курляндских баронов были закреплены еще и в Ништадском мире [1], по которому сохранялось традиционное местное самоуправление, не говоря уже о земельных и прочих преференциях.

Евреи тоже России «достались» вместе с землей. Однако это «приобретение» на протяжении веков после раздела Речи Посполитой в 1772–1795 гг. признавалось как совершенно нежелательное, как такое, с чем страна получила массу проблем.

Немцы занимали со времени Петра I заметное место в государственной машине, были исторические обстоятельства, способствовавшие этому.

Немецкоговорящее пространство в Европе в XVIII в. – это десятки больших и малых государств, которые активно участвовали в международной брачной политике: невест из германских королевских домов активно сватали за монархов по всему миру, создалось благодаря этому уже в том же XVIII в. своего рода мировое правительство – все правящие дома были в определенном родстве друг с другом, и доминирующую роль в них играли люди с немецкими корнями. В России все российские императоры были связаны с германскими княжествами узами родства, гордились этим.

У евреев не было своего государства, и это серьезным образом отражалось на судьбе народа: они не могли даже рассчитывать на то, чтобы войти в элитарные слои общества, тем более породниться с царями. Это не исключало отдельных выдающихся карьер, которые только подтверждали общее правило. Так, выдающейся была карьера Петра Павловича Шафирова. Крещеный еврей, он занял благодаря своим аппаратным талантам видное место при Петре I, дослужившись до вице-канцлера империи, правда, потом впал в немилость за казнокрадство, был выслан из столицы и возвращен уже только при Екатерине I. Его дочери вышли замуж за представителей русских аристократических фамилий, среди его потомков был и Сергей Юльевич Витте, имевший и немецкую кровь [2, с. 175–176].

Именно Шафиров, по свидетельству дореволюционных историков, сыграл определенную роль в судьбе самой известной немки времен Петра – его любовницы Анны Монс. Шафиров выполнял деликатные поручения в отношении женщины, к которой царь охладел [3].

Однако позже, на протяжении XVIII, XIX и начала XX вв., не евреи определяли положение немцев, а, напротив, немцы определяли положение евреев. Хотя в их судьбах, как это ни странно, было и много

общего. До революции немцы на разных этапах развития страны возглавляли ключевые министерства империи. Из 13 человек, которые до революции стояли во главе царской фельдъегерской службы, шестеро были немцы [4].

В ТаНаХе (еврейской Библии, Ветхом Завете) есть образ амалекитян – «природных» гонителей евреев, целью жизни которых было уничтожение сынов Израиля [5]. В иудаизме бытует мнение, что потомки этого племени – люди с необъяснимой ненавистью к евреям – проявляют себя на протяжении тысячелетий. В российском дореволюционном прошлом их было немало. Если верить историку Соловьеву, то императрица Елизавета из их породы, она на представленном ей докладе в защиту евреев якобы собственноручно написала: «От врагов Христовых не желаю корыстной прибыли» [6].

Но Елизавета, как и многие в России до нее и многие после нее, свои решения принимала под влиянием того, что происходило в Европе. А в это время подобную политику, уже не на словах, а на деле, проводила австрийская эрцгерцогиня Мария Терезия, «инстинктивный враг еврейства», как позже ее характеризовали национал-социалисты [7, с. 635]. Сохранилось более пяти сотен документов, ею принятых, которые были направлены на установление всяческих притеснений для евреев. В Австро-Венгрии евреи не имели права владеть землей, поступать на военную службу и тем более на придворную службу, жить в Вене, более того, разрешалось жениться только одному – старшему – сыну в семье, чтобы сдерживать демографический рост еврейского населения. Мария Терезия стала своего рода «праматерью» Холокоста – по ее приказу в 1745 г. началась тотальная депортация евреев из Праги и прилегающих местностей – последняя перед гитлеровским «окончательным решением» еврейского вопроса в 1942 г. [7, с. 636–644].

Это отношение к евреям копировалось в России. Тут ни Елизавета, ни Екатерина, ни последующие цари не были оригинальными. И если в Пруссии со временем, в том числе благодаря влиянию Александра фон Гумбольдта [8, с. 149], были запрещены притеснения евреев, то в целом политикой европейских стран того времени все же был глухой антисемитизм, который время от времени заявлял о себе довольно громко.

Кстати, инициатор приезда в Россию Александра фон Гумбольдта министр финансов – верный слуга Николая I граф Егор Канкрин в 1823 г. внес в Комитет министров записку, на основании которой был затем принят правовой акт для сокращения численности евреев и быстрого введения их в христианство – была установлена

рекрутчина. Призыву подлежали (в отличие от других народов империи) мальчики с 12-летнего возраста, а нередко и восьмилетки [9, с. 45].

И позже инициативные немцы именно на решении еврейского вопроса зачастую концентрировали свое чиновничье внимание. Об этом свидетельствует, в частности, записка «О средствах к освобождению христианского населения от оков еврейской эксплуатации» Петра фон Кауфмана [10, л. 10–27], представленная в 1881 г. сенатору Половцеву, проехавшему по Киевской губернии с ревизией. Уже из названия записки видно, каких позиций придерживался автор документа. Его записка позже, в начале XX в., была использована Сергеем Витте для того, чтобы показать: ужесточение положения евреев, как это предлагалось ранее, ни к чему хорошему не ведет. Правила были ужесточены – проблемы остались [11, с. 38–39].

Наконец, еще одним «амалекитянином» был министр внутренних дел при Николае II В.К. Плеве.

После его трагической гибели в результате террористического акта в 1904 г. вышла памятная книга о Плеве. В ней, в частности, делалась попытка обелить министра, которому народная молва приписывала организацию кровавого Кишиневского погрома в 1903 г. [12, с. 216–218].

«Многие представляют себе покойного Министра евреененавистником, – писал автор. – В действительности же Вячеслав Константинович относился к евреям вполне беспристрастно, признавал некоторые положительные стороны их характера, но, в то же время, сознавал опасную силу еврейства, искони обособленного от христианского мира» [13, с. 39].

С этим трудно не согласиться: конечно, такие люди, как Плеве, не были самостоятельными в проведении внутренней политики, они полностью зависели от воли российских императоров. А российские императоры, как и в более ранние времена, в XIX и начале XX вв. оглядывались на Запад. А там общество раскололось по «делу Дрейфуса», когда во Франции – этом «оплоте» свободы и демократии – толпы скандировали: «Смерть евреям!» [14, с. 9]. Но суть в том, что, понимая эти тренды, придворные царей предлагали проекты один консервативнее другого, и находилось немало подручных, готовых эти проекты исполнять.

Тот же оставшийся анонимным автор, который написал на смерть министра панегирик, отмечал, что Плеве «знал, что финн, еврей, поляк, армянин смотрели на него, как на злейшего врага, и он этим не

смушался. «Пусть ненавидят, лишь бы боялись» – было его девизом» [13, 95].

Нельзя думать, что был межнациональный конфликт только немцев и евреев. Есть немало примеров возникавших противоречий между другими общинами и на Кавказе, и в Средней Азии. Фактом остается, например, то, что в 1880-х гг. другие немцы на русской службе приамурские генерал-губернаторы Андрей Николаевич Корф и Павел Федорович Унтербергер яростно выступали против переселения корейцев в Россию, хотя и не вводил формальных запретов [15, с. 144–148]. Не меньше противоречий было и у евреев с соседствующими национальностями, в частности, с украинцами, горскими народами и т.д.

Откуда же такое противостояние? Что подогрело взаимное недоверие, соперничество, вражду?

В своей книге «Эра Меркурия. Евреи в современном мире» американский историк Юрий Слѣзкин вводит понятие «меркурианцы» [16]. Он справедливо отмечает особенность некоренных переселенческих меньшинств в Российской империи (прежде всего евреев, о немцах он упоминает иногда и только вскользь): они были заняты в сферах посредничества – в торговле, оказании услуг, в финансовой сфере, что делало их обособленными от остальной массы населения, занятого в традиционных секторах экономики – таких, как сельское хозяйство и позже промышленность.

Подобное экономико-политическое положение немцев и евреев было закреплено в их правовом положении: ни немцы, ни евреи в Российской империи не были крепостными, что в сословном обществе кажется безусловной привилегией. Евреи в России они могли быть либо мещанами, либо купцами. Немцы же, помимо этих сословий, были еще и колонистами, и дворянами. Позже это определило и совершенно разные «сферы влияния» немцев и евреев: если первые, как уже выше указывалось, предпочитали служить, видели огромные преимущества в чинах и званиях, получали благодаря придворной или военной службе всевозможные льготы и привилегии, то евреям этот путь был совершенно закрыт, они не могли рассчитывать на доходное место.

Впрочем, это только подогрело активность: так, в 1880 г. в соответствии с вероисповеданием среди купцов и тех, кто получил промысловые свидетельства, было: евреев – 195, лютеран – 182, католиков – 245, реформистов – 107, православных – 3082 человек [подсчитано по: 17]. И это при том, что евреев было значительно больше, чем немцев.

По единому механизму возникали и городские национальные кварталы: Немецкая слобода в Москве, как и еврейские улицы в российских местечках, регулировались государственными установлениями. А колонисты, которые приехали на Волгу в XVIII в. и позже в Причерноморье, так же были фактически лишены свободы передвижения, для них колонии были сродни еврейской «черте оседлости».

Немцев и евреев в России роднило и то, что обе национальные общины были еще и общинами религиозными. Точно так же, как евреи цепко держались за иудаизм, видели в соблюдении традиций единственный путь сохраниться как народу, приверженность к лютеранству и католичеству у немцев была в числе абсолютных приоритетов. Конечно, и отдельные евреи, и отдельные немцы переходили в православие – чтобы обеспечить себе спокойную жизнь, карьерное продвижение, ведение бизнеса без проблем, однако основные массы этих двух национальных общин не торопились расставаться с верованиями предков.

Высокая религиозность делала обе общины на фоне прочих российских народов высоко образованными: дети и в еврейских местечках, и в немецких колониях обязательно посещали школу – задолго до того, как ее начали организовывать в русских селениях народовольцы. «Ученое простонародье» – так можно было бы охарактеризовать обе национальные общины.

Показательно, насколько похоже решались вопросы управления общинами: и у евреев, и у немцев было своего рода самоуправление – кагалы у евреев и форштегеры у немцев, которые отвечали перед властями за проведение имперской политики и представляли интересы общин в контактах с губернскими чиновниками, на них возлагалось проведение и самых гнусных акций, например, именно кагалы были ответственны за отправку в армию при Николае I кантонистов – еврейских мальчиков (тех самых, о которых и была записка Канкрина). Пройдет немного времени, и именно вопрос службы в армии коснется и немцев-колонистов, их также начнут призывать служить, что вызовет неповиновение и эмиграцию.

Кстати, эмиграционные пути у российских евреев и российских немцев будут в конце XIX – начале XX вв. одни и те же: свои врата им откроет Америка, и многие бросят Россию, чтобы попытаться найти свое счастье за океаном...



### Библиографический список

1. Трактат, заключенный на конгрессе в Ништадте 30 августа 1721 года//[http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Skandinav/Sweden/Nystad\\_friede/text.phtml?id=8269](http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Skandinav/Sweden/Nystad_friede/text.phtml?id=8269)
2. Кандель Ф. Евреи России. Времена и события. История евреев Российской империи/Научный редактор М. Кипнис. М.: Мосты культуры / Гешарим, 2014.
3. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Том шестнадцатый. Глава первая. Продолжение царствования Петра I Алексеевича // <http://www.spsl.nsc.ru/history/solov/main/solv16p1.htm>
4. Иларионова Т.С. Национальная идентичность и карьера в истории и современности российских немцев/Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков: Материалы XIII международной научной конференции. Москва, 21–23 октября 2010 г.– М.: "МСНК-пресс", М., 2011. – С. 433 – 443.
5. Амалекитяне // Электронная еврейская энциклопедия // <https://eleven.co.il/search/?q=%D0%B0%D0%BC%D0%B0%BB%D0%B5%D0%BA%D0%B8%D1%82%D1%8F%D0%BD%20#gsc.tab=0&gsc.q=%D0%B0%D0%BC%D0%B0%BB%D0%B5%D0%BA%D0%B8%D1%82%D1%8F%D0%BD%20&gsc.page=1>
6. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Том двадцать пятый. Глава вторая. Царствование императрицы Екатерины II Алексеевны 1762 год//<http://www.spsl.nsc.ru/history/solov/main/solv25p2.htm>
7. Stollberg-Rilinger B. Maria Theresia. Die Kaiserin in ihrer Zeit. Eine Biographie. München, 2019.
8. Holl F., Schilz-Luepertz E. Ich habe so große Pläne dort geschmiedet... Alexander von Humboldt in Franken. Gunzenhausen: Schrenk-Verlag, 2012.
9. Гейликман Т.Б. История евреев в России. М.: ЛЕНАРД, 2015.
10. Записка П. фон Кауфмана, представленная в 1881 г. сенатору Половцеву, ревизовавшему Киевскую губернию, «О средствах к освобождению христианского населения от оков еврейской эксплуатации»// Государственный архив Российской Федерации. Ф.543, оп. 1, д. 512.
11. Иларионова Т. С. “Еврейский вопрос” в аппаратной войне министров Витте и Плеве (1902–1904 гг.) // Конфессиональные и этнические группы российских регионов в XIX–XXI вв.: сборник

научных трудов / сост. [и] науч. ред. Ф.А. Селезнев, отв. ред. А.А. Сорокин. Вып. 3: Евреи и иудаизм в Российской империи и СССР. М.: Эдитус, 2021. С. 33–47.

12. Погромы в российской истории Нового времени (1881–1921)/Перевод с английского Вениамина Винникова. М.: Книжники, 2016.

13. Памяти Вячеслава Константиновича Плеве. – Санкт-Петербург: тип. М-ва вн. дел, 1904.

14. Герцль Т. Еврейское государство: Опыт современного решения еврейского

15. Иларионова Т.С. Немцы на государственной службе России: К истории вопроса на примере освоения Дальнего Востока. – М.: Институт энергии знаний, 2009.

16. Слезкин Ю.Л. Эра Меркурия. Евреи в современном мире. М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2019.

17. Справочная книга о лицах Петроградского купечества и других званий, акционерных и паевых обществах и торговых домах, получивших... сословные свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям, промысловые свидетельства 1 и 2 разрядов на торговые предприятия, 1-5 разрядов на промышленные предприятия, 2 и 3 разрядов на личные промысловые занятия... – Санкт-Петербург: тип. А.Н. Лавров и К<sup>о</sup>, 1880.

*Багдасарян Сусанна Джамиловна*

**Тенденции и факторы государственной переселенческой политики на Юге Российской империи во второй половине XVIII – начале XX в.**

**Аннотация.** Исследование переселенческой политики продиктовано эволюцией российской государственности, процессами расширения территории, колонизацией и освоения пространств Причерноморья, побережья Черного моря в условиях геополитического противостояния с Османской империей на протяжении нескольких столетий.

**Ключевые слова:** Юг Российской империи, Причерноморье, геополитика, переселенческая политика.

## **Trends and factors of state migration policy in the South of the Russian Empire in the second half of the XVIII – early XX centuries**

**Abstract.** The study of migration policy is dictated by the evolution of Russian statehood, the processes of territorial expansion, colonization and development of the Black Sea coast and the Black Sea coast in the context of geopolitical confrontation with the Ottoman Empire for several centuries.

**Keywords:** South of the Russian Empire, Black Sea region, geopolitics, migration policy.

Географическое положение Причерноморья и его части Черноморского побережье Кавказа привлекало крупные державы в целях создания колоний и форпостов продвижения, что и повлекло столкновение интересов России и Османской Империи в период XVIII–XIX вв. Возник узел геополитических противоречий, который при формировании многонационального состава Российской империи, ее культурного и этнического многообразия требовал проведения политики интегрирования территорий с учетом их специфики. Отсюда поиск центральным правительством модели организации регионального управления в условиях колонизации Причерноморья.

Изучая исторический опыт функционирования государственных и национальных институтов Российской империи, проведения политики культурной агломерации позволяет проанализировать положительные и негативные стороны региональной политики [1]. Проблемы повышения управляемости регионов Российской империи, входившими в ее состав по мере геополитического расширения, было связано с условиями их вступления в состав государства. На основе изученного историографического материала [2] необходимо выделить разные факторы взаимодействия царского правительства и национальных колонизированных окраин.

Первый фактор выделения группы связан с добровольным вхождением территории в связи с геополитической и религиозной необходимостью двух сторон, интересами России в защите христианских этносов [3, с.11.].

Второй фактор сформулирован историками права о характере присоединения регионов, основанным на принципах заключения договора, династических интересах [4].

Третий, связан с историко-хронологическим фактором [5] постепенного интегрирования района в состав империи в процессе экономического и политического развития.

Четвертый фактор, исследователи выделяют на основе общественной реакции [6], т.е. наличия или отсутствия оппозиции к Российской империи в присоединенных регионах.

В зависимости от того, кому принадлежала инициатива присоединения, во многом определялись те или иные особенности государственно-правового управления территориями, вошедшими в состав России. В первую очередь рассматривалась отношение населения к принятию или сопротивлению представителям власти; на проявление открытого не восприятия или скрытого недовольства. Все эти моменты учитывались при выборе методов и способов правового режима (сохранение норм обычного права, шариата, сложившихся основ законодательства или введения российского права) и государственного управления. В частности, на юге, население следующих регионов оказалось крайне негативно настроенным к новой власти – это Северный Кавказ, особенно, Чечня, из закавказских – Грузия. В связи с этим был взят курс на интегрирование территорий в форме унитарной модели, но с уважительным отношением к традиционной культуре. Руководитель кавказской администрации обрел статус главнокомандующего вооруженными силами (в чине корпусного командира). Были реформированы в сторону уменьшения прав в исполнении административного ресурса, что было закреплено в новом «Положении об управлении кавказским наместничеством» в 1867 г. [7].

Исследователь А.С. Кондрашева [8], рассматривая работу Кавказского наместничества, выделяет его административную самостоятельность, широкие полномочия в области местного управления, при этом со статусом представителя верховной государственной власти в регионе, прямой работы и координации решения российских министерств, ведомств, в острых конфликтах местной знати правом судебной власти. М.В. Данилюк [9] считает, что во второй половине XIX в. стала торжествовать идея русификации регионов и распространения христианства через множество православных сел из числа отставных солдат с обязательным строительством храмов. С 1874 г. во всех административно-территориальных единицах получила распространение организация местных управ и дум. Все вышеописанные преобразования привели в итоге к отмене самого статуса наместника на Кавказе, что подтверждалось «Управлением Кавказского края» от 26 апреля 1883 г.

Главой всего кавказского наместничества был назначен главноначальствующий гражданским сектором на Кавказе. В 1896 г. эту на должность был определен генерал Г.С. Голицын, сторонник

политики активной русификации и переселения. Восстановление института наместничества в феврале 1905 г. связана с революцией и опять права местной власти на применение военной силы в регионе.

В работе И.Е. Барыкиной [10], подчеркнуто, что система управления Российской империей не могла не учитывать этническое и культурное многообразие, отсюда в процессе интеграции применяло различные модели построения структуры администрации и самоуправления в центральных и окраинных губерниях, исходя из политической и геополитической ситуации.

Доброжелательное в политическом плане и уважительное отношение к этнокультурным, конфессиональным нормам, обычаям и традициям, сохранению языка в использовании документов; защиты прав собственности, свободного передвижения, получения образования, выбора занятий, развития местного самоуправления проявлялось в тех территориях, которые мирно интегрировались в систему Российской империи. Отсюда активизация переселенческой политики на Кавказ, особенно в Северное Причерноморье началась с разрешения последствий кавказских войн, то есть с середины 1860-х гг. Политика переселения носила и организованный (законодательный, выделение территорий под выделение земель) и хаотичный характер, на последний влияла миграция христианских общин с территории Османской империи и внутренние потоки, под влиянием периодических неурожаев, голода, началом строительства дорожно-транспортной сети. Эти тенденции повлекли пестрый национальный состав и формирование этнических поселений.

Первая всероссийская перепись 1897 г., согласно исследованиям Соловьевой В.В. [11], фиксирует 45 народностей (по разному языку) и 74% переселенцев, значительную долю среди них составляли «русские» – 60% («русские» определялись как совокупность великороссов – 42,8%, малороссов – 16,1% и белорусов – 1,1%). Второе место по численности занимали армяне (11%), далее – греки (10,2%), черкесы (3,4%), чехи (2,2%), евреи (1,4%), молдаване (1,6%), грузины (1,6%), эсты (1,4%), немцы и поляки (по 1,3%), турки (1,1%), доля остальных народов не превышала 1%. Наибольшее число русских переселенцев проживало в Новороссийске и округе, так как здесь были востребованы трудовые ресурсы на дорожном и портовом строительстве. В Туапсинском округе осела значительная часть армян, молдаван и малороссов, а также значительная часть коренных жителей края – черкесов. Сочинский округ заселили главным образом армяне, греки, молдаване, грузины, эстонцы.

В процессе заселения Северного Причерноморья правительство стремилось не создавать религиозных и этнических анклавов, которые оформлялись, особенно в сельской местности. Например, отдельно русское, армянское, греческое, молдавское, эстонское и немецким, в этом рассматривалась опасность культурного местечкового огораживания от местной власти.

В работе Е.В. Роот [12], изучающей немецкую колонизацию юга империи, выявлено стремление их внутреннего конфессиональному обособления по принадлежности к церкви: католической, евангелисткой протестантской и даже выделившейся «братской общине» лютеранкой евангелической. Процесс аграрного переселения инородцев, как определялось в Российской империи, население не имеющее отношение с славянскому, был связан с государственной практикой открытия казачьих областей и необходимости развития новых сельскохозяйственных культур, ремесел, поэтому с территории Одесской губернии, областей Новороссии пошел поток немецких поселенцев. К аналогичным выводам пришла и историк Корнилова М.В. [13], изучившая немецкие поселения Северного Кавказа и государственную политику поддержки таких миграций, несших достаточно высокую культуру развития местной экономики, торговли и обмена с местными племенами, нуждающимися в технологиях. Исследователь Е.В. Малышкина [14] пришла в своей работе к исторической систематизации переселений немцев, их, с одной стороны, вхождения в культурный мир юга России, но, с другой стороны, сохранения языка, культурной и религиозной идентичности. В последние годы, внимание исследователей к этническому фактору процесса переселения связан с оценкой вклада народов в экономическое освоение региона [15], его культурный мир [16].

Таким образом, на протяжении всего XIX в. и начала XX в. система государственного управления Российской империей выстраивалась в зависимости от различных факторов:

- во-первых, порядка вхождения в состав государства;
- во-вторых, конфессиональной и этнической составляющей;
- в-третьих, учитывался уровень социально-экономического развития и наличия властных институтов, их состояния в предшествующий период.

В процессе освоения Черноморского побережья Западного Кавказа правительственные структуры находились в поиске оптимальной системы управления вновь входящими территориями, сочетанием военной и гражданской структуры, определения административной системы наиболее эффективной для данного

региона, отсюда образование в итоге самой небольшой по территории Черноморской губернии в общегосударственной системе властных отношений.

С начала процесса освоения региона государство произвело переоценку природно-климатических данных Причерноморья и начало политику поощрения приобретения земель в частное пользование чиновниками, представителями российской интеллигенции в целях организации дач, мест отдыха. Следовательно, отличительной чертой освоения всего Причерноморья было становление курортных районов, проведение первых научных изысканий о качестве вод, грязей, возможности медицинского лечения и отдыха для российской общественности одновременно с процессом крестьянского переселения и притока рабочих на строительство дорожной сети, первых коммуникаций.

Черноморская губерния Российской империей стала рассматриваться как потенциальный курорт – Черноморская Ривьера только в начале XX в. с притоком в регион российских подданных на отдых и лечение и осознанием новой государственной стратегии в отношении Причерноморья. Реализация этой идеи будет уже осуществлена в рамках советского периода и санаторно-курортного строительства первых пятилеток и проведения социальной политики.

### **Библиографический список**

1. Багдасарян С.Д., Самсоненко Т.А. Государственная политика на Северном Кавказе в период второй половины XIX – начала XX вв. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2020. № 4 (269). С.15–21.

2. Шишков В. В. Территориальная экспансия Российской империи: от расширения к политической интеграции и унификации пространства // Социум и власть. 2012. №2 (34). С.124–128.

3. Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М. 2000. 168 с.

4. Дульян А. Как Грузия, Абхазия и Осетия вошли в Российскую империю // Международная жизнь. МИД России, 2008. № 12. С.72–81.

5. Каппелер А. Формирование Российской империи в XV–начале XVIII века: наследство Руси, Византии и Орды // Российская империя в сравнительной перспективе: сборник статей / под ред. А. И. Миллера. – М.: Новое издательство, 2004. 384 с.

6. Гавров С. Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М., 2004. 352 с.

7. Именной указ, данный Сенату «О преобразовании управления Кавказского и Закавказского края» от 9 декабря 1867 г. //ПСЗРИ Изд.2-е. СПб.: Тип. 2-го отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц, 1868. Т XLII. Отд. 2-е. № 45259.

8. Кондрашева А.С. Кавказское Наместничество и его деятельность на Северном Кавказе, вторая половина 40-х гг. XIX в. – начало XX в. Дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2003. 319 с.

9. Данилюк М.В. Роль Русской Православной Церкви в политике России в Дагестане во второй половине XVIII – начале XX века. Дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2008. 195 с.

10. Барыкина И.Е. Государственное управление Российской империи второй половины XIX в. (особые формы и специальные институты). Дис... д-ра ист. наук. СПб. 2017. 457 с.

11. Соловьева В.В. Население Черноморской губернии (округа) в конце XIX – первой четверти XX века. – Сочи: Стерх, 2008. – 284 с.

12. Роот Е. В. Немецкие колонии Области войска Донского (последняя треть XIX в. – 1914 г.). Дис. ... канд. истор. наук. Ростов-на-Дону. 2003. 190 с.

13. Корнилова М.В. Немецкие поселения на Северном Кавказе в XIX – начале XX вв. Дис. ... канд. истор. наук. Владикавказ. 2006. 212 с.

14. Малышкина Е. В. Исторические этапы распространения и особенности развития немецких колоний на Юге России в XIX–начале XX века. Дис. ...канд. истор. наук. Пятигорск. 2011. 188 с.

15. Ерохина О.В., Шайдуров В.Н. «Немецкий фактор» в экономическом развитии Закавказского края // Вопросы истории. 2020. №10–1. С. 143–154. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202010Statyi09.

16. Лиценбергер О.А., Шайдуров В.Н. Управление и организация духовной жизни немецких колоний Закавказья (1820-е – 1860-е гг.) // Вопросы истории. 2020. №10-1. С. 155–164. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202010Statyi10.



## **Цыгане и паспортная система Российской империи в дореформенный период \***

**Аннотация.** Цыгане России в конце XVIII – первой половине XIX в. находились в определенном правовом поле. Стремясь к более успешной реализации политики по превращению цыган в оседлых жителей городов и сельской местности, был введен противоречивый закон, запрещавший выдавать им паспорта. Либерализация русской правовой системы в конце 1850-х – 1860-х гг. позволила цыганам Старой Руссы добиться разрешения на выдачу паспортов представителям отдельных сословий.

**Ключевые слова:** цыгане, паспортная система, «Великие реформы» Александра II, Старая Русса.

## **Gypsies and the passport system in the Russian Empire in the Pre-Reform Period**

**Abstract.** The Gypsies of Russia at the end of the 18th – first half of the 19th century were in a certain legal field. In an effort to better implement the policy of turning Roma into settled residents of cities and rural areas, a controversial law was introduced prohibiting the issuance of passports to them. The liberalization of the Russian legal system in the late 1850s-1860s allowed the Gypsies of Staraya Russa to obtain permission to issue passports to representatives of certain estates.

**Keywords:** Gypsies, passport system, "Great Reforms" of Alexander II, Staraya Russa.

Взаимоотношения власти и цыган в Российской империи имели свою специфику. В эпоху Просвещенного абсолютизма Австрия и Пруссия проводили политику геноцида в отношении цыган, проживавших на их территории. Детей разлучали с родителями, взрослым на законодательном уровне было запрещено вести традиционный образ жизни. Все это должно было, по мнению

---

\* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20-59-00010 «Этнические меньшинства в Беларуси и России в условиях общественных трансформаций 19 - 20 вв.». The reported study was funded by RFBR and BRFB, project number 20-59-00010 «Ethnic minorities in Belarus and Russia in the conditions of social transformations of the XIX - XX centuries».

европейских государственных деятелей, превратить цыган в составную часть цивилизационной Европы. Российская империя, по меткому утверждению известного правоведа первой четверти XIX в. И. Даниловича, «никогда не угнетало цыган преследованием, но с самого начала стремилось к соделанию их полезными государству гражданами» [1, с. 184].

Часть цыган, относящихся к субэтнической группе «руска рома», с середины XVIII в. оказалась на территории Новгородской губернии. Об этом свидетельствуют различные факты. Так, глава одного из цыганских семейств, записавшихся в 1781 г. за Петербургского Обер-полицмейстера П.В. Лопухина, указал, что местом его рождения была Новгородчина [2, л. 4]. В более позднее время приписанные к государственным крестьянам цыгане высказывали властям свое желание оставить Новгородскую губернию и переселиться в Поволжье. В начале XIX в. цыгане встречались не только среди государственных крестьян, но и городских сословий. Как и в других регионах, имела место приписка их в купеческие гильдии [3].

Исходя из имеющихся исторических документов можно сделать предварительный вывод о том, что основным местом средоточия новгородских цыган был уездный город Старая Русса. В конце 1850-х гг. именно старорусские цыгане способствовали частичной либерализации паспортного режима для цыган Российской империи, приписанных к купеческим и мещанским обществам.

В конце XVIII – начале XIX в. предпринимались различные шаги по прекращению кочевого образа жизни среди цыган. Несколькими указами им было велено приписаться к сельским или городским обществам. Однако, как показала практика, лишь незначительная часть перешла к оседлому образу жизни.

Стремление властей покончить с бродяжничеством представителей данной субэтнической группы проявилось не только в рекомендательных указаниях. Невыполнение указов подтолкнуло власти к некоторым репрессивным шагам, направленным на ограничение свободного перемещения цыган по территории Империи. Так, в апреле 1809 г. было запрещено отпускать цыган целыми семействами. В дальнейшем эта норма нашла свое отражение в ст. 175 Устава о паспортах. В обоих случаях под ее действие попадали приписанные как к сельским, так и городским обществам.

Несмотря на действовавший запрет, некоторые категории цыган продолжали на законном основании перемещаться в пределах Империи. В 1840 г. при объявлении купцами Новгородской губернии капиталов среди прочих заявил о себе «Ярославской губернии города Ростова из

цыган 3-й гильдии купец Василий Михайлов Головков» [4, л. 14]. Среди прочих документов был представлен плакатный паспорт с указанием примет персоны (лет 55, рост 2 аршина 6 вершков, волосы и брови черные, глаза карие, нос и рот средние, подбородок круглый, лицо одутловатое) [4, л. 15] и свидетельство купца 3-й гильдии на право торговли [4, л. 16]. Распоряжением Новгородской Градской Думы он был причислен в местное купечество с указанием заплатить положенный процентный сбор с капитала, денег в сумму земского капитала, в городской доход и земскую повинность [4, л. 14 об.].

В 1858 г. Старорусская Городская Дума обратилась в Новгородское Губернское Правление за разъяснением. Поводом стала ситуация, возникшая с необходимостью выдачи паспортов местным цыганам. Принятая в начале XIX в. норма была направлена на «пресечение перехода их с места на место, принуждение их к оседлости и законной промышленности» [5, л. 4]. Но она была нацелена лишь на тех из них, кто водворялся в «казенные селения», т.е. в сельской местности. Следовательно, возникала правовая лакуна: следует ли распространять ее и на тех цыган, которые впоследствии перечислились из разряда государственных крестьян в купечество и мещанство. В законах об этом ничего не было сказано, требовалось дополнительное разъяснение.

Новгородские губернские власти обратились за соответствующим разъяснением к Министру внутренних дел. Последний отписал дело губернскому прокурору, которому следовало дать заключение по рассматриваемому вопросу. По сути он должен был дать квалифицированный ответ на вопрос: «следует ли принимать в основание [действующие законы] при выдаче паспортов приписанным, по распоряжению Новгородской Казенной Палаты, к Старорусскому купеческому и мещанскому сословиям из крестьян цыганам, или они, как приобретающие себе содержание через торговлю и промышленность, от того могут быть изъяты» [5, л. 3 об.]. В своем рапорте он указал на то, что «ему известно из дел Уголовной Палаты, что ... цыгане отлучаются от мест своего жительства без паспортов, бродяжничают целыми семействами, преследуются полициями, предаются суду и заключаются в тюрьмах» [5, л. 4]. Исходя из этого, он заявлял о своем категорическом мнении: «Старорусской Градской Думе дать знать, чтобы не отпускала, в отстранение бродяжничества, купцов и мещан из цыган по паспортам целыми семействами» [5, л. 4].

В 1859 г. вопрос был вынесен на рассмотрение Общего Присутствия Губернских Присутственных мест. Мнения разделились. С одной стороны, 12 чиновников, включая Новгородского губернатора

Филиповича, вице-губернатора Лерхе, Председатель Уголовной Палаты Азарьев, дворянский заседатель Гражданской Палаты Иванов, купецкий заседатель той же Палаты Боровков и другие сошлись во мнении, что уже в 1846 г., согласно Положению Комитета Министров, цыганам было разрешено «перечисляться в городские сословия на общем основании, с соблюдением вообще правил, установленных на сей предмет для сельских обывателей» [5, л. 4 об.]. Этот посыл, по их мнению, следует трактовать таким образом, что цыгане не признавались государством какой-либо «особой народностью ... и через то составляли бы особый, по правам своим, разряд» [5, л. 4 об.]. Следовательно, выдача купцам и мещанам из их числа паспортов «не может вредить государственному благоустройству и интересам казны» [5, л. 4 об.]. Дальнейшее сохранение данной меры в их отношении ведет лишь к «стеснению и отягощению их в промыслах, обуславливающих частыми разъездами и свободой в отлучке» [5, л. 4 об.].

Однако треть присутствовавших, включая Председателя Губернской Казенной Палаты Манаева, Губернского Казначея Слонецкого и некоторых других местных чиновников, высказалась против выдачи цыганам паспортов. Свою позицию они мотивировали, в первую очередь, справедливым утверждением о том, что цыгане продолжали вести традиционный образ жизни, окончательно не сроднившись с постоянной оседлостью. По мнению «хозяйственников», распространение на купцов и мещан из числа цыган силы ст. 175 Устава о паспортах и беглых принесет больше пользы, ибо они не будут поощряться к бродяжничеству, следовательно, и вредить благоустройству и благочинию в государстве [5, л. 5].

Столь различные мнения не позволили новгородским чиновникам прийти к компромиссу. Общее Присутствие Палат сошлось во мнении, что вопрос должен быть рассмотрен Правительствующим Сенатом.

С декабря 1859 г. дело старорусских цыган было начато в Сенате. Первый Департамент Сената обратился за разъяснением к Министрам внутренних дел и государственных имуществ. В своих рапортах С.С. Ланской и М.Н. Муравьев в целом отразили либеральные настроения, царившие в министерских кругах. Оба выступили за положительное решение рассматриваемого вопроса. При этом было заявлено о том, что Муравьев «соглашается с мнением большинства голосов Общего Присутствия Губернского Правления и Палат» [5, л. 5 об.].

Казалось бы, солидарная позиция двух министерств должна была поставить точку в рассмотрении данного дела в Первом Департаменте уже в августе 1860 г. Однако, как было отмечено в его определении от

19 октября 1861 г., «сила 175 ст. не должна быть применяема к цыганам, приписавшимся к купеческому или мещанскому сословию» [5, л. 6]. Однако следовало привести в соответствие букву и дух закона, а потому требовалось решение Общего Собрания первых трех Департаментов и Департамента Герольдии Сената.

Несмотря на продолжавшуюся бюрократическую волокиту, промежуточное решение Первого Департамента Сената, основанное на мнении местных чиновников и двух министров, можно оценить как большой успех в частичной ликвидации сегрегационного законодательства в отношении цыган, приписанных к городским обществам на всей территории Российской империи.

Уже в первых числах февраля 1862 г. в Сенате был рассмотрен «законодательный вопрос: следует ли общее запрещение отпускать по паспортам цыган целыми семействами, применять и к цыганам, перечисленным из государственных крестьян в купеческие и мещанские общества» [5, л. 17]. Подавляющее большинство сенаторов (28) высказало мнение, согласно которому ст. 175 Устава о паспортах следует распространять лишь на тех цыган, которые находятся в разряде государственных крестьян. Те же из них, кто приписан к мещанскому или купеческому сословию, уже стали оседлыми. Выдача им паспортов должна осуществляться на общих основаниях: «по уплате ими всех лежащих на них податей и повинностей» [5, л. 18]. В то же время был подтвержден запрет на любые отлучки без паспортов для всех категорий: «с отлучившимися или проживающими без паспортов поступается обыкновенно как с бродягами» [5, л. 18]. Исходя из этого, ст. 175 Устава о паспортах была дополнена следующим примечанием: «Сила означенной статьи не распространяется на цыган, перешедших в городские сословия уже после водворения их в прочной оседлости в крестьянском быту» [5, л. 18].

Однако мнение сенаторов не было единодушным. Так, граф Д.А. Толстой, недавно назначенный императором Александром II, выступил с резко отрицательным мнением по рассматриваемому вопросу. По его мнению, отраженному в сохранившихся документах, «возбужденный в законодательном порядке вопрос о силе ст. 175 вовсе не требует разрешения, так как означенная статья совершенно ясно и положительно воспрещает отпускать цыган ... без различия сословий, к коим они приписаны» [5, л. 18]. В своих размышлениях он критически отозвался о проводимой в предшествующие годы политики в отношении цыган. Уже сам факт возможного причисления к купечеству или мещанству ставится им под сомнение. Предлагаемое изъятие, по его мнению, будет иметь плачевный результат: «цыгане ... сделаются опять

кочующим диким племенем среди европейского государства» [5, л. 18]. Основываясь на подобных позициях, он высказался против внесения в статью Устава о паспортах каких-либо примечаний, а в дальнейшем «руководствоваться точным смыслом означенной статьи» [5, л. 18 об.].

Мнение графа Толстого не повлияло на принятое Общим Собранием решение: ст. 175 Устава о паспортах (Св. Зак. 1857 г. Т. XIV) была дополнена примечанием. В дальнейшем была отредактирована и ст. 1269 Уложения о наказаниях (Св. Зак. 1857 г. Т. XV. Ч. 1). Данное решение было утверждено Государственным Советом и одобрено Александром II. В соответствии с законотворческой практикой Указ из Правительствующего Сената был подписан к обнародованию 3 апреля 1863 г. [5, л. 30] с дальнейшей публикацией и исполнению на местах.

Так старорусские цыгане в конце 1850-х – начале 1860-х гг. своей инициативой подтолкнули власть к частичной либерализации действовавшего законодательства в отношении цыган из купцов и мещан в масштабах всей страны.

#### **Библиографический список**

1. Данилович И. Историческое и этнографическое исследование о цыганах // Северный архив. 1826. Т. 20. Ч. 6. С. 184–208.
2. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 1716. Оп. 2. Д. 19. Л. 4.
3. Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 18. Оп. 4. Д. 60.
4. Государственный архив Новгородской области. Ф. 93. Оп. 4. Д. 3.
5. РГИА. Ф. 1330. Оп. 6. 1863 г. Д. 2043. Л. 4.

*Иноятова Диларам Маниглиевна*

#### **Эмиграция российских немцев в Туркестан как одна из форм протестного движения**

**Аннотация.** В данной статье рассматривается история массового переселения российских немцев-крестьян (меннонитов и лютеран) в Туркестан, начиная со второй половины XIX в. по 1916 г. Анализируются объективные причины массовой эмиграции российских немцев в Туркестан, которые подразделяются на экономический и конфессиональный. Отдельное внимание уделено созданию ими

компактных поселений, проблемам адаптации их к новым условиям обитания и интеграции в инокультурной среде, сохранение ими идентичности и самобытности, взаимоотношения с местным населением, вклад в экономику края.

**Ключевые слова:** российские немцы, эмиграция, миграция, меннониты, лютеране, диаспора, Туркестан.

### **Emigration of Russian Germans to Turkestan as a form of protest movement**

**Abstract.** This article examines the history of the mass migration of German peasants who lived in Russia (Mennonites and Lutherans) to Turkestan, starting from the second half of the 19th century to 1916. The objective reasons for the mass emigration of Germans who lived in Russia to Turkestan, which are subdivided into economic and confessional ones, are analyzed. Special attention is paid to their creation of compact settlements, the problems of their adaptation to new living conditions and integration in a foreign cultural environment, their preservation of identity and originality, relationships with the local population, contribution to the economy of the region.

**Keywords:** Russian Germans, emigration, migration, Mennonites, Lutherans, Diaspora, Turkestan.

Массовое переселение немцев в числе других российских народов из России, Германии и других европейских стран и формирование ими диаспоры на территории Туркестана началось со второй половины XIX в. после завоевания его Российской империей. Анализ собранного материала послужил основой для выделения нескольких этапов миграции немцев в Туркестан. Такая периодизация проведена в соответствии с политическими и социально-экономическими изменениями в жизни всего населения страны. В зависимости от времени переселения, характера (добровольные и насильственные) мы выделили три группы. Первой группой явились немцы (выходцы из балтийских провинций) в составе воинского контингента (военные, в том числе офицеры высшего и среднего состава, рядовые царской армии). Среди них было много военнослужащих и чиновников, этнических немцев, пришедших сюда с российскими войсками. К примеру, в воинских частях Туркестанского округа служили 818 немцев [1, с. 62], среди которых было немало генералов, штабных офицеров, полковников. Многочисленность их в высших эшелонах военной администрации объясняется данными

российской армии в конце XVIII в., где до 30% офицерского состава составляли этнические немцы [2, с. 9–10], в основном остзейцы. За армией следовали административные чиновники, гражданские служащие, предприниматели, представители научной интеллигенции. Жили они в основном в городах, в европейской её части. Второй группой были немцы-крестьяне, появившиеся в последней четверти XIX в. Селились они компактно, образуя общины (диаспоры), аналогичные той, из которой прибыли. Третью группу составили европейские выходцы – военнопленные и беженцы в ходе Первой мировой войны. По данным первой Всероссийской переписи населения 1897 г., в России насчитывалось 1790,5 тыс. немцев, в Туркестанском генерал-губернаторстве – до 3800. Большинство из них были подданными Российской империи: в Сырдарьинской области проживало ок. 2000 немцев, в Закаспийской – 1026, в Самаркандской – около 450, в Ферганской – около 160, в Семиреченской – более 40 немцев [1, с. 61–77]. Среди них 200 немцев были подданными Германии, Австро-Венгрии и 150 – подданными Хивинского ханства [3, л. 25]. За период с 1897 по 1917 г. численность немцев возросла почти в 2,5 раза и составила 8500 чел., что явилось результатом прибытия и естественного прироста.

Проведя небольшой обзор появления групп российских немцев в Туркестане, особое внимание в данной статье уделено второй группе немцев, эмигрировавших в результате не согласия с проведёнными в России реформами (1870), направленными на сокращение экономических льгот иностранцев, которые ущемили права сельских немцев и привели их к обезземеливанию, а также принятому в 1874 г. Закону «О всеобщей воинской повинности», ущемившему религиозные права меннонитов и способствовавшему их массовой эмиграции в Туркестан.

Начиная со второй половины XIX в. в связи с реформами в России, направленными на ограничение прав иностранцев положение немцев, ухудшилось и вынудило их к новым миграциям. Другой, не менее важной причиной явился рост населения в этих колониях, который привел к переизбытку рабочей силы, нехватке земли, что стимулировало поиск новых свободных земель. Серьезной причиной для эмиграции меннонитов явилась необходимость несения воинской службы, воспринятая ими как покушение на их религиозные убеждения. По вышеназванным причинам из России в Америку эмигрировало 150 тыс. лютеран и католиков; в Канаду – около 75 тыс. меннонитов, 10 тыс. лютеран и католиков, более 5 тыс. представителей прочих вероисповеданий, которые составили около 40% эмигрантов-немцев на



Среднем Западе [2, с. 9–10]. Часть осталась и создала «дочерние колонии» на Кавказе, Кубани, в Крыму, в Оренбурге, на Алтае, в Казахстане и Средней Азии.

По указанным выше причинам в 1879–1882-е гг. в Туркестан раньше, чем немцы-крестьяне лютеранского вероисповедания, переселились немцы-меннониты из немецких колоний России – Бердянского уезда Таврической губернии (юг Украины) и Новоузенского уезда Самарской губернии (Поволжье). Прибытие немцев-меннонитов именно в Туркестан было явлением не случайным, так как изначально они собирались мигрировать на Кавказ. Из архивных документов [4, л. 25], из воспоминаний самих немцев [5, с. 87] мы установили, что они 5 раз отправляли своих депутатов к царю в Санкт-Петербург, чтобы получить разрешение переселиться на окраины Российской империи, где еще не действовали требования по исполнению воинской повинности. Обращения депутатов к царю были безуспешными, так как он отсутствовал по государственным делам. После безуспешной пятой попытки встретиться с царем они встретились с К.П. фон Кауфманом, который уговорил их переселиться в Туркестан, обещав им всяческую поддержку, в том числе и освобождение от воинской повинности. Он хорошо был осведомлен о немцах-меннонитах как об отличных хозяйственниках, поэтому, приглашая их в Туркестан, он преследовал, прежде всего, государственные цели. По его указанию 10 ноября 1880 г. военный губернатор Сырдарьинской области направил предписание начальнику г. Ташкента, в котором предлагал немедленно подготовить к ожидаемому приезду 500 немцев-меннонитов наиболее пустующие лавки на ярмарочной площади города. Для найма рабочих, которые должны были привести в порядок лавки, залатать крыши и «подделать» каминные, выделялось 100 царских рублей. О результатах было приказано доложить [6, с. 18–21].

Получив разрешение на поселение, меннониты стали собираться в дорогу. Их путь по маршруту Волгоград – Уральск – Оренбург – Орск – Карабутах – Иргиз – Казалинск – Перовск – Туркестан – Чимкент – Капланбек – Ташкент, пролегал через степи, пустыни, реки и горы к новой российской южной окраине – Туркестану [5]. Таким образом, немцы-меннониты из немецких колоний России – Таврической (юг Украины) и Самарской губерний (Поволжье), разделившись на несколько групп, в течение 1880–1882-х гг. перебрались в Туркестан.

По данным архивных документов, первая партия немцев-меннонитов в составе 71 семейства (420 человек), прибыла 2 декабря 1880 г. в Туркестан из Таврической губернии. Их встречал лично К.П.

фон Кауфман. Последние группы немцев-меннонитов, прибывшие в 1882 г. из-за недостаточности мест в Ташкенте, были поселены в Капланбеке, в Ташкентском уезде.

Необходимо отметить, что после смерти покровителя в лице К.П. фон Кауфмана (1882 г.), положение немцев стало неопределенным, так как он не оставил четких распоряжений насчет привилегий поселенцев, вопросами их расселения и быта занимались другие представители власти. Отношения властей к меннонитам было неоднозначным: более прогрессивная её часть относилась положительно, а другая, придерживаясь шовинистической политики, была против переселения в Туркестан крестьян любой другой национальности, кроме лиц русского происхождения и православного вероисповедания. Их положение особенно усложнилось после опубликования в «Туркестанских ведомостях» (16 июня 1881 г.) «Правил об отбывании воинской повинности в Туркестанском крае», которые напрямую коснулись судьбы меннонитов и обязывали лиц призывного возраста служить в армии.

Несмотря на опубликованные «Правила» меннониты, временно поселившиеся в Ташкенте, в отличие от меннонитов, обосновавшихся в Капланбеке, решили обосноваться в Туркестанском генерал-губернаторстве. В марте 1882 г. им были выделены земли для постоянного проживания в Аулиеатинском уезде Сырдарьинской области, в долине р. Талас, в 300 км от Ташкента и примерно в 70 км от уездного города Аулиеата (ныне г. Тараз). Переселенцы дали подписку второму полицейскому приставу г. Ташкента о том, что они ознакомились с предписанием исполняющего делами, помощника Военного губернатора Сырдарьинской области от 12 марта 1882 г. за № 2166 об отводе земли. Согласно предписанию, они получили на Ур-Маральском участке Аулиеатинского уезда 1040 десятин земли, включая луговую на 80 семейств, или по 13 десятин на каждое [7, л. 1–9]. Они основали следующие колонии: Николайполь, Гнаденталь, Гнаденфельд. Прибывшие позже 10 семей из Самарской губернии создали поселок Кеппенталь. Эти четыре селения образовали Николайпольскую меннонитскую общину под общим названием Николайполь, причем они располагались в нескольких километрах друг от друга. В 1893 г. этим селениям царской администрацией были присвоены русские наименования: Андреевка, Владимировка и Романовка [8, л. 51–53]. Несмотря на то, что в Николайпольской общине было 95 семейств, губернатор не утвердил Николайпольскую волость как состоящую исключительно из немецких селений, в результате эти поселения были включены в границы других волостей. В пользовании

жителей сел Николайполь, Владимировка, Романовка и Андреевка в общей сложности находилось 2013 десятин земли [9]. 17 семейств немцев-меннонитов, отлученных от Николайпольской общины за компромисс в отношении согласия отбывать воинскую службу, в 1889 г. образовали поселок Орлово (Орловка) [8, л.51].

Часть меннонитов, прибывшая с ними (остановившиеся в Капланбеке) и отказавшаяся поселиться в Аулиеатинском уезде из-за нежелания исполнять «Правила об отбывании воинской повинности» в любой ее форме, решила покинуть русский Туркестан и искать новые места проживания. Более зажиточная часть из этой группы меннонитов уехала в Америку. Другая часть, учитывая, что эти «Правила» не действовали на территории ханств, во главе с К. Эппом предпочла переселиться в Бухарский эмират, а если не получится, выехать за границу [10, лл. 59, 134, 161]. Депутация от этой группы меннонитов обратилась с ходатайством к генерал-губернатору Г.А. Колпаковскому с просьбой разрешить им поселиться во владениях бухарского эмира. Они надеялись, что на новых землях им не придется нести воинской повинности ни в какой форме, в том числе в виде службы в лесных и пожарных командах. Зная о настроениях эмира и фанатичном окружении его двора, Г.А. Колпаковский пытался убедить немцев отказаться от этой идеи.

Дав разрешение на переселение, он предупредил их о том, что в случае возвращения их в Россию они будут считаться водворившимися после 1874 г. и потому будут подчиняться не действующим льготным правилам, а общему уставу о воинской повинности, без всяких привилегий [10, л. 214]; в случае выезда им будет запрещено являться в пределы империи ни для свиданий с родственниками, единомышленниками, ни для каких-либо других надобностей. Эмиру бухарскому, передавая просьбу немцев-меннонитов, сообщил, что он может поступать с ними по своему усмотрению [11, лл. 3, 10, 11].

Получив разрешение Г.А. Колпаковского 32 семьи немцев-меннонитов, в начале августа 1881 г., на 48 фургонах двинулись в Бухарские владения. Правительство эмирата отказало им в приеме, мотивируя тем, «что у них земли мало, а в воде нуждаются сами» [11, л. 1].

После долгих скитаний (9 месяцев), они нашли поддержку у хивинского хана, изъявившего желание принять немцев-меннонитов в свое подданство с выгодными для них льготами и отвести им земли на Лаузане [11, л. 158]. Перед делегацией немцев-меннонитов Сейид Мухаммад Рахим хан II поставил одно условие: «Ваши мужчины не должны держать свиней» [12]. Вначале общине переселенцев были

отведены земли в Клиганском бекстве, близ Лаузана, в 160 км от Хивы. Однако на неукрепленные поселения немцев постоянно совершали набеги туркмены-йомуды, которые быстро поняли, что те бессильны и не могут им оказывать сопротивление, так как вера не позволяла. Не выдержав трудностей, 20 семейств уехали в Северную Америку. Оставшиеся терпели и никому не жаловались, пока хивинский хан случайно не узнал о том, что на них нападают туркмены. Узнав о бесчинствах йомудов, хан велел 40 семей немцев-меннонитов переселить поближе к столице, в большое поместье своего брата Атажантюры. Он выделил им 50 га земли и на четыре года освободил их от всех повинностей [3, лл. 2, 3]. Таким образом, 16 апреля 1884 г. была основана колония Ак-Мечеть (ныне кишлак Чикирчи Янги-Арыкского района Хорезмской области).

Итак, первый этап переселения немецких крестьян-меннонитов (самый большой) охватил 159 семей, приблизительно около 500 человек. В дороге от тяжелых условий умерло 34 человека, из них 25 детей [5]. Вторая волна массовой миграции немцев-крестьян в Туркестан была вызвана сильной засухой, неурожаем и голодом в центральных районах России и Поволжья в 1890–1892-е гг., позднее из Южной Украины.

К началу XX в. ими было создано 14 поселений, из них в Аулиеатинском уезде Сырдарьинской области 6 меннонитских: Николайполь, Гнаденталь (Андреевка), Гнаденфельд (Владимировка), Кеппенталь (Романовка), Гогендорф (Хивинское), Йоганнесдорф (Ивановское); 2 смешанного типа – Орловка и Алексеевка; в Ташкентском уезде Сырдарьинской области 3 лютеранских: Константиновка, Кауфманское, Степное; в Закаспийской области 2 лютеранских: Крестово и Козелковский; в Хивинском ханстве – 1 меннонитское: Ак-Мечеть. Судьба немцев-крестьян в этих поселениях, адаптация их к новым условиям обитания, взаимоотношения с местным населением, вклад в экономику края более подробно будет освещён в статье.

### **Библиографический список**

1. Матвеев А.М. К вопросу о выходах из Германии в Средней Азии в конце XIX – начале XX века // Науч. труды ТашГУ Вып. 392. – Ташкент, 1970.
2. Шайдуров В. Российские немцы: трагедия одного народа // Наказанный народ. По материалам конференции «Репрессии против российских немцев в Советском Союзе в контексте советской национальной политики». – М., 1999.

3. Национальный архив Узбекистана (НАУз.) Ф. И-1. Оп. 11. Д. 1479.
4. НАУз. Ф. И-1. Оп.1. Д.1987.
5. См. Belk F.R. The Great of the Russia Mennonites to Central Asia. 1880–1884. – Eugene, 2001.
6. Гентшке В.Л. Обзор материалов Центрального государственного архива Республики Узбекистан о меннонитах в Туркестане // Российские немцы. Науч.-инф. бюллетень. – М., 2006, №4 (48).
7. НАУз. Ф. И-36. Оп.1 Д. 1778.
8. НАУз. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 5221. Л. 51–53.
9. Обзоры Сырдарьинской области за 1910 и 1911 гг.
10. НАУз. Ф. И-1. Оп.16. Д. 2385.
11. НАУз. Ф. И-1. Оп. 29. Д. 537.
12. Фитц А. Забытые фрагменты истории // Вера в жизнь, 1992, № 3. <http://www.lio.ru/archive/vera/92/03/article12.htm>.

*Синько Галина Иосифовна*

**Государственная политика по преодолению межконфессиональной розни в Российской империи в начале XX в.  
(Указ Об укреплении начал веротерпимости 1905 г.) \***

**Аннотация.** Национальный вопрос традиционно был одним из самых важных и болезненных в полиэтническом российском государстве. Решение национального вопроса в государстве был тесно связано с чувствительным религиозным вопросом. В начале XX в., в результате стремительной политической и социальной динамики, в России возникают предпосылки демократизации общества. Указ о веротерпимости 1905 г. стал важным этапом конфессиональной политики и позволил миллионам верующих в империи открыто исповедовать свое вероучение, исполнять необходимые обряды. Принятие и реализация закона 1905 г. имели широкий общественный резонанс.

---

\* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20-59-00010 «Этнические меньшинства в Беларуси и России в условиях общественных трансформаций 19 - 20 вв.». The reported study was funded by RFBR and BRFB, project number 20-59-00010 «Ethnic minorities in Belarus and Russia in the conditions of social transformations of the XIX - XX centuries».

**Ключевые слова:** веротерпимость, национальные меньшинства, религиозная община, религиозное и этнокультурное многообразие.

### **State Policy on Overcoming Inter-confessional discord in the Russian Empire at the beginning of the twentieth Century (Decree on Strengthening the Principles of Religious Tolerance, 1905)**

**Abstract.** The national question has traditionally been one of the most important and painful in the multi-ethnic Russian state. The solution of the national question in the state was closely connected with the sensitive religious question. At the beginning of the XX century, as a result of rapid political and social dynamics, the prerequisites for the democratization of society appear in Russia. The Decree on religious Tolerance of 1905 became an important stage of confessional policy and allowed millions of believers in the empire to openly profess their faith and perform the necessary rites. Adoption and implementation of the 1905 Act they had a wide public response.

**Keywords:** religious tolerance, national minorities, religious community, religious and ethno-cultural diversity.

Российская империя, которую населяли многочисленные народы, обладала большим религиозным и этнокультурным многообразием. Важным фактором этнокультурной идентичности является принадлежность к той или иной религии. Этнические меньшинства империи, в большинстве своем, были конфессионально гомогенными.

Православная религиозная община была самой большой на территории России. По данным всероссийской переписи населения 1897 г. православие (включая старообрядчество) исповедовал 71% населения страны [1, с. 180]. Русская Православная Церковь имела правовой статус государственной религии с определенными привилегиями по сравнению с другими вероисповеданиями.

Выстраивание сбалансированных отношений с другими конфессиями в стране было стратегически важным фактором внутренней политики в России. Для гармонизации отношений государственной власти с этническими диаспорами необходимо было продолжать политику развития принципов веротерпимости, которые были провозглашены еще в XVIII в., а на уровне законодательной нормы стали закрепляться в XIX в.

В начале XX в. в России существовал целый комплекс проблем в вопросах межнационального и межконфессионального взаимодействия

этнических диаспор, что негативно влияло на интеграционные процессы в государстве.

Указ от 17 апреля 1905 г. стал результатом легальной борьбы за политические и гражданские свободы, которая велась в прессе, органах государственной власти, общественных и церковных дискуссиях. Также Указ стал итогом последовательной политики власти, которая на законодательном уровне делала шаг в сторону светского государства, преодолевающего дискриминацию по религиозному признаку.

Начинается текст Указа словами императора о намерении обеспечения религиозной свободы для всех граждан: «В постоянном, по заветам Предков, общении со Святою Православною Церковью неизменно почерпая для Себя отраду и обновление сил душевных, Мы всегда имели сердечное стремление обеспечить и каждому из наших подданных свободу верования и молитв по велениям его совести» [2].

Указ предоставлял свободу вероисповедания всем конфессиям на территории Российской империи, давал возможность верующим переходить в другие религии, причем бывшие православные супруги обретали новую веру вместе с детьми, не достигшими 14 лет. Конфессиональные объединения получили право регистрации (при наличии их руководителей).

С момента издания Указа прекращались любые гонения за веру, каждый человек свободно мог исповедовать ту религию, которой он отдавал предпочтение. По новому закону разрешалось создавать конфессиональные братства, строить молитвенные дома, издавать религиозную литературу. Объявлялось, что упраздняются монастырские тюрьмы, и на свободе оказались люди, которые подверглись изоляции за свою веру.

Указ освобождал духовенство христианских неправославных конфессий от воинской повинности. Правительственные чиновники получили право официально менять религию. Представители других вероисповеданий, которые были насильно крещены, могли отказаться от православия без каких-либо отрицательных последствий для себя. Многие верующие, кто перешел в православие из лютеранства, католичества и других религий в силу необходимых обстоятельств, незамедлительно воспользовались этим правом. С 1 апреля 1905 г. до 1 января 1909 г. было зафиксировано 308758 случаев выхода из православия, из которых 12068 человек перешли в лютеранство в Прибалтике, 49799 крещеных татар и башкир – в мусульманство, в Царстве Польском, северо-западных, юго-западных, белорусских губерниях в католичество перешли 167957 верующих [3, с. 398]. Для католиков церковь была не только религиозным институтом, но и

центром национальной консолидации в борьбе за свободу и независимость от России [4].

Анализ общественной дискуссии на страницах российских газет 1905 г. по поводу Указа о веротерпимости наглядно демонстрирует основные тенденции в умонастроениях различных социальных групп по поводу свободы вероисповеданий. Газеты как часть публикационного материала выбраны для изучения не случайно. Именно газеты в начале XX в. были основным средством массовой информации. Poleмика на страницах журналов была не менее острой и объемной, но журнал – более дорогое, малотиражное и чаще имеющее свою аудиторию издание. Газеты выходили большими тиражами, стоили недорого и были направлены на массового читателя. Газета не только отражала мнение, но формировала его у широких слоев общественности.

Знаменитый русский писатель Леонид Андреев написал в 1908 г. рассказ «Сын человеческий», в котором изображено событие, навеянное Указом: переход сельского православного священника в иную, иудейскую веру. В основе – газетная статья о переходе вятского священника в магометанскую веру [5, с. 105].

Общественная реакция на Указ была неоднозначной: от критики за сокращение привилегий Русской Православной Церкви со стороны консервативных сил, до обвинений в половинчатости решений и отсутствии решимости провозглашения свободы совести со стороны либерально настроенной части населения.

Либеральное мнение на Указ можно определить фразой из публикации в газете «Русь» от 22 апреля (5-го мая) 1905 г.:

«Неужели справедливое для христиан все еще не может стать справедливостью для нехристиан? Неужели еще долго будет держаться в нашей государственной политике это фарисейское правило о двух мерах и двух весах для наших и для ваших? Неужели нельзя, наконец, оставить это старое правило вливать во всякое доброе дело каплю будто бы спасительного яда, ничего не доделывать до конца и оставлять место для чьего-либо недовольства?

По-видимому, при самых благих намерениях бюрократия не имеет мужества вступить решительно на новый путь» [6].

В печати наблюдается тенденция переноса смысла Указа с религиозной тематики на политическую: «Раз существует свободная церковная кафедра, допускается состязание религий, и каждое обращение считается законным щитом свободной религиозной проповеди, то должна же быть свободна и политическая кафедра, должны же быть признаны «приходы» политических



единомышленников, партии, учения, союзы, их органы печати и их свободные собрания.» [7].

Консервативный взгляд критики в основном концентрировался в церковной или процерковной печати.

Газета «Колокол» от 1 января 1906 г.:

«В основу этого величайшего церковно-государственного акта положен и строго проведен принцип господства и преимущества христианской веры пред нехристианскими религиями, причем все христианские исповедания и вероучения (секты) уравниены в правах между собой и в частности с православием, которое, таким образом, утратило в государстве свое прежнее особое положение господствующей Церкви» [8].

Лояльно настроенные к власти газеты положительно оценивали принятия данного закона.

«Петербургская газета» от 19 апреля 1905 г.:

«Свобода совести и веротерпимость стали отныне и для России главным фундаментом всего нравственного ее обновления. Исчезло то, что вчера еще давило и угнетало миллионы русского населения, а сегодня кажется уже каким-то ужасным кошмаром, в недавнюю еще «реальность» которого даже трудно верится» [9].

Принятие и реализация Указа осуществлялась в условиях революционного кризиса и сложной внешнеполитической ситуации (русско-японская война 1904–1905 гг.). Во многих губерниях государства закон практически не действовал. Указ был фактически проигнорирован, например, в Сибири, где в начале XX в. шел процесс формирования неправославных обществ. Переселявшиеся в Томскую губернию бывшие немцы-колонисты из Поволжья и Новороссии, годами не могли получить официальное разрешение на строительство костела или кирхи, не говоря уже о сектантском молитвенном доме (например, для меннонитов) [10, с. 303–304]. Также для местного еврейского населения сохранялись ограничения культурного характера, которые не были устранены Указом 17 апреля 1905г. [11, с. 242].

По поводу нерешенных вопросов со свободой иудейского вероисповедания в газете «Хроника еврейской жизни» от 28 апреля 1905 г. писалось, что «вопросы эти по существу должны быть свободными от государственного вмешательства, остаются под той несправедливой регламентацией, какая установлена прежними законоположениями. Но все эти вопросы отступают далеко на задний план перед тем основным положением, что евреи, как евреи, и за то, что они остаются евреями, лишены пользования элементарными личными и гражданскими правами. До уничтожения этой основной аномалии не

может быть речи о какой-либо полной религиозной терпимости, об истинной свободе исповедания веры. И признавая, что акт 17-го числа является действительно первым шагом по пути к веротерпимости, нельзя, однако, не видеть, что от провозглашения принципа до его осуществления еще путь далекий...» [12].

Многие положения Указа остались нереализованными из-за начала Первой мировой войны и последующих революционных событий в России [13].

Тем не менее изучение положений Указа позволяет провести анализ этнических и религиозных проблем, которые пыталось решить государство с принятием данного правового документа.

Общественный резонанс, вызванный публикацией Указа, позволяет не только понять противоречия межэтнического и межрелигиозного характера в стране, но и заметить тенденцию актуализации демократических свобод и радикализации предлагаемых способов их достижения.

Веротерпимость в российском обществе начала XX в. представлялась как пассивная позиция смирения и непротивления чуждому мировоззрению. Большим достижением считалась сама вероятность свободного волеизъявления граждан в выборе религии. Государственная власть декларировала невмешательство в процесс самоопределения граждан в вопросах веры.

В современной социальной реальности веротерпимость также является важнейшим фактором общественных отношений. Она представляет собой признание неотъемлемого права каждого человека быть свободным в выборе религиозного вероисповедания и уважительное отношения к представителям всех верований. Веротерпимость – явление историческое и во времени оно имело много форм и воплощений. Современная веротерпимость переживают трансформацию, связанную с несомненным приоритетом научного мировоззрения в большинстве регионов мира. Тем не менее религиозная терпимость остается актуальным социальным феноменом, играющим важную роль в процессе международной культурной интеграции.

Современное состояние общественных отношений превращает веротерпимость в активный социальный процесс. Проблема терпимого отношения к религиозному инакомыслию в мире остается актуальной. Глобальные миграционные и интеграционные процессы приводят к неминуемому взаимодействию людей различных культур и религий.

Уважительное отношение к чужому мнению сегодня – это не только согласие с тем, что оно может существовать наравне с другими,

но и стремление осмыслить его и принять с позиций общечеловеческих ценностей.

Сегодня огромное количество людей позиционируют себя свободными от любых религиозных идей. Тем не менее, это не означает, что свободомыслие оправдывает отсутствие знаний у атеистов о религиозных верованиях тех людей, с которыми они общаются. Активная социальная позиция современного человека подразумевает стремление быть сопричастным к культурному процессу. Несмотря на торжество научно-технического прогресса и повышение общего уровня интеллектуализации в мировом сообществе религиозные верования, несомненно, являются важной частью духовной жизни общества.

Еще в начале 20 века классик социологии, немецкий ученый Макс Вебер отмечал, что «возрастающая интеллектуализация и рационализация не означают роста знаний о жизненных условиях, в каких приходится существовать. Она означает нечто иное: люди знают и верят в то, что стоит только захотеть, и в любое время все это можно узнать... нет никаких таинственных, не поддающихся учету сил, которые здесь действуют, что, напротив, всеми вещами в принципе можно овладеть путем расчета. Последнее в свою очередь означает, что мир расколдован. Больше не нужно прибегать к магическим средствам, чтобы склонить на свою сторону или подчинить себе духов, как это делал дикарь, для которого существовали подобные таинственные силы. Теперь все делается с помощью технических средств и расчета. Вот это и есть интеллектуализация» [14, с.713–714].

Таким образом, расколдованный мир – это потенциальная, а не реализованная секуляризация жизни. Религиозность остается средством этнической сплоченности, поиска и нахождения культурной идентичности и самовыражения личности. Поэтому важную роль в развитии веротерпимости должно иметь религиозоведческое просвещение. «Опасность религиозной безграмотности заключается в том, что она нередко порождает предвзятость и нетерпимость по отношению к конфессиям, не являющимся «главными» для этноса. Религиозный фактор часто является определяющим в межэтнических конфликтах между народами, исторически исповедующими разные религии. Религиоведческое просвещение в условиях глобализации культуры является важным информационным механизмом взаимодействия социальных субъектов по поводу религии и может стать основой воспитания толерантности» [15, с. 375–376].

Религиоведческое просвещение – осознанная необходимость, которая признана во многих странах мира.

В начале XXI в. термин веротерпимость приобрел более широкий смысл и может пониматься не как пассивное терпимое отношение стороннего наблюдателя к религиозному инакомыслию, а активная культурная и социальная позиция включенного познающего субъекта, толерантность которого основана на знании и уважении свободного выбора вероисповедания.

### **Библиографический список**

1. Сборник документов и материалов Юбилейного архиерейского собора Русской Православной церкви: Москва, 13–16 авг. 2000 г. – Н. Новгород: Изд-во Братства во имя св. князя Александра Невского, 2000. – 285 с.

2. Именной Высочайший Указ Правительствующему Сенату Об укреплении начал веротерпимости // Северо-Западный край. 20 апреля 1905 г. № 725

3. Русское православие: вехи истории. – М.: Политиздат, 1989, 719 с.

4. Синько Г.И., Шайдуров В.Н. Государственная политика по отношению к участникам Польского восстания 1863–1864 гг.: новгородская ссылка католического епископа Викентия Феофила Попеля // Былые годы. Российский исторический журнал. – 2021. – № 16(1). – С. 262–269. – DOI 10.13187/bg.2021.1.262.

5. Боева Г.Н. «Сын Человеческий» Леонида Андреева: реалии – контекст – рецепция // Slāvu Lasījumi. Славянские чтения. Slavic Readings. XI. Daugavpils Universitāte: Akadēmiskais apgāds «Saule», 2016. С. 105–116.

6. На пути к веротерпимости // Русь. 22 апреля (5-го мая) 1905 г. №104.

7. Распечатанные храмы // Русь. 22 апреля (5-го мая) 1905 г. №104

8. Новый год и новая жизнь // Колокол. 1 января 1906 г. № 2.

9. 17 апреля // Петербургская газета. 19 апреля 1905 г. № 98.

10. Shaidurov V. The german catholic community of Marienburg from the end of the 19th till the beginning of the 20th century: some aspects of the local history // Rusin. 2018. Vol. 52. Is. 2. pp. 288–308. DOI: 10.17223/18572685/52/20

11. Shaidurov V. Jews and Their Social Status in the Society of Siberia in XIX Century // Bylye gody. 2014. Volume 32, Issue 2. pp. 239–244.

12. Закон 17 апреля и евреи // Хроника еврейской жизни. 28 апреля 1905 г. №16.

13. Синько Г. И. Изменения в повседневной жизни российских немцев в Петрограде в годы Первой мировой войны // Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы международной научной конференции. – СПб.: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2020. – С. 314–318.

14. Вебер М. Наука как призвание и профессия. // Избранные произведения — М.: Прогресс, 1990.

15. Синько Г. И. Религиоведческое просвещение как фактор формирования культуры межэтнических отношений в молодежной среде. // Молодежная политика России в контексте глобальных мировых перемен: Материалы международной научно-практической конференции. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2018. – С. 374–377.

*Катцина Татьяна Анатольевна*

**Выселение русских подданных еврейского происхождения  
из прифронтовых районов в Восточную Сибирь  
в годы Первой мировой войны (1914–сентябрь 1917 г.)**

**Аннотация.** Статья затрагивает гуманитарный и этнический аспекты беженства. В ней рассмотрены вопросы положения евреев, депортированных в годы Первой мировой войны в Иркутскую и Енисейскую губернии из прифронтовых районов Российской империи. На конкретном историческом материале показано, что выселенцы-евреи представляли собой экономически, социально и политически уязвимую группу населения. Местные власти намеренно направляли их на поселение в изолированные или экономически не развитые районы, что ставило выселенцев в полную зависимость от гуманитарной помощи.

**Ключевые слова:** беженцы, выселенцы, евреи, Первая мировая война, Восточная Сибирь.

**Eviction of Russian Citizens of Jewish Origin from the Front-Line  
Areas to Eastern Siberia during the World War I  
(1914– September 1917)**

**Abstract.** The article touches upon the humanitarian and ethnic aspects of refugee. It examines the issues of the situation of Jews deported

during the First World War to the Irkutsk and Yenisei provinces from the front-line regions of the Russian Empire. Based on specific historical material, it is shown that the Jewish settlers constituted an economically, socially and politically vulnerable group of the population. Local authorities deliberately sent them to settle in isolated or economically undeveloped areas, which made the displaced persons directly dependent on humanitarian aid.

**Keywords:** refugees, deportees, Jews, World War I, Eastern Siberia.

Участие России в Первой мировой войне вызвало внутри страны массовое бегенство. основополагающим документом, регламентирующим различные стороны этого явления, стало «Положение об обеспечении нужд беженцев» от 30 августа 1915 г., согласно которому беженцы – это «лица, оставившие местности, угрожаемые неприятелем или им уже занятые, либо выселенные распоряжением военных или гражданских властей из района военных действий, а также выходцы из враждебных России государств» [1, с. 2]. Таким образом, под определение «беженцы» попадали самые разнообразные элементы: лица, добровольно покинувшие приграничные губернии, не пожелавшие оставаться на линии фронта или оккупированных местностях; жители территорий, принудительно «очищаемых» по распоряжению властей при отступлении русских войск; семьи служащих гражданских и тыловых военных учреждений, эвакуированных на восток; выселенные из прифронтовых территорий отдельные этнические группы, рассматриваемые военным командованием как диверсионный потенциал противника и его резерв в случае отступления русских войск. В то же время закон не признавал беженцами тех, кто выселен под надзор полиции.

В общей беженской массе сложно было разграничить высылаемых по приказу властей от тех, кто спасался от войны или погромов, приняв решение добровольно. Пограничность статуса беженца ставила в тупик и политиков, и общественных деятелей [2, с. 1; 3, с. 529; 4, с. 2; 5, с. 2]. Между тем, принадлежность к категории «беженец» давала право на социальное попечение, порядок которого определял ряд законоположений, принадлежность к категории «выселенец» – на пособие, наравне с административно-ссылными.

Масштабное перемещение с мест целых народностей: поляков, литовцев, латышей, придало «национальный» характер российскому бегенству 1914–1918 гг. Приблизительные подсчеты евреев, выселенных и изгнанных с постоянного места жительства, по разным источникам, варьируют от 200 до 600 тыс. и даже до 1 млн человек [6, с. 225].

Неравнозначное отношение властей к различным этническим группам беженцев серьезно осложняло проблему интеграции последних, поскольку в иерархии «надежных» и «подозрительных национальностей» они занимали разные места. В самом ее низу, как известно, находились евреи и немцы, подозревавшиеся в политической нелояльности и «шпионстве» и, в этой связи, ставшие жертвами откровенно дискриминационной политики [7, с. 142].

Выселенцы стали прибывать в Сибирь осенью 1914 г. сначала небольшими группами, а с апреля 1915 г. (после отступления русской армии) целыми партиями из Гродненской, Виленской, Волынской, Минской, Курляндской, Ковенской губерний [8, л. 1–4; 9, с. 3]. Основанием для высылки служило обвинение в шпионаже или содействии военному противнику, распространении неблагоприятных для русской армии слухов. Многие были арестованы по ложным доносам личных врагов или самоуправства местной административной власти [10, л. 21–21 об.; 11, с. 205]. Нередки были случаи, когда военно-полевой суд оправдывал ранее осужденных, но через несколько дней их высылали в Сибирь уже по решению административного суда [8, л. 1–4].

Выселение евреев носило массовый характер и было осложнено рядом обстоятельств. Например, их заранее не оповещали о предстоящем событии, не учитывали факт нахождения отцов семейств и их сыновей в действующей русской армии или военном госпитале. На дорожные сборы отводилось 36 – иногда менее 24 часов. Люди передвигались пешком, в лучшем случае увозя на собственных подводах наскоро собранное имущество. Взятые из разных слоев населения и высланные административным порядком, они шли с проходными свидетельствами, под конвоем, за собственный счет [8, л. 9–10].

Первоначально выселенцев направляли в Томскую губернию (Западная Сибирь), где водворяли главным образом в Нарымском крае (центр политической ссылки на севере губернии). Весной и летом 1915 г. направление высылки сместилось в Енисейскую губернию, а осенью 1915 г. – в Иркутскую. После двух–трех месяцев принудительной транспортировки выселенцев оставляли, в среднем на один месяц, в местных пересыльных тюрьмах, где в переполненных камерах вместе с уголовниками можно было встретить 70-летних стариков и 14-летних гимназисток [11, с. 205]. Затем конвойным порядком выселенцев направляли в распоряжение уездных исправников. Им предстояло пройти пешком (подвод не давали) 300, а иногда 1 000 и более верст [8, л. 11, 18, 19]. Губернские власти, ссылаясь на специальное циркулярное

распоряжение, намеренно устанавливали местом жительства выселенцев отдаленные пункты Енисейской (Енисейский уезд, Туруханский край) и Иркутской (Киренский, Верхоленский, Нижнеудинский, Балаганский уезды) губерний [8, л. 11]. В наиболее тяжелом положении оказывались те, кого определяли на поселение в Киренский уезд. Путь в него зимой был направлен через Александровскую пересыльную тюрьму, где выселенцы вынуждены были оставаться на положении арестантов до поздней весны [4, с. 2].

Практика выселения «неблагонадежного элемента» создала такой порядок, при котором и администрация, и комитеты по оказанию помощи беженцам, и даже те власти, которые выдавали постановления о выселении в Сибирь, не имели возможности своевременно оценить степень опасности, представляемой тем или иным выселяемым субъектом. Постановления о выселении, в которых содержались мотивы и проступки, вызвавшие его, направлялись отдельно от высылаемых лиц. Часто вслед за ними поступало уведомление о прекращении обвинений, послуживших причиной выселения. Все это препятствовало правильной классификации выселенцев и создавало определенную путаницу. Были случаи возвращения из ссылки лиц, уже прошедших до пункта назначения и вынесших на себе все ужасы тюремного пути [12, с. 89]. Согласно отчетам уполномоченных Всероссийского союза городов о положении выселенцев, 75 % сосланных в Иркутскую и Енисейскую губернии какой-либо опасности для государства не представлял [8, л. 12].

Выселенцы, как административно ссыльные, имели право на ежемесячное государственное пособие, величина которого соотносилась с территорией проживания. Так, в Енисейском уезде одноименной губернии оно было установлено в размере 8 руб. [13, с. 1], в Иркутской губернии – от 8,6 до 9,5 руб. [14, с. 2.] При имеющейся дороговизне жизни этой суммы было недостаточно. В качестве примера: в Верхоленском уезде фунт (409,5 гр.) черного хлеба стоил 7 коп., белого – 11–12 коп., мяса – 25–30 коп., ежемесячная плата за аренду комнаты составляла от 10 до 15 руб. Большинство выселенцев пособие не получали, не взирая на свои многочисленные ходатайства и прошения. Единичным «счастливым» выдача пособия задерживалась на два–три (Верхоленский уезд) [14, с. 2], а иногда на шесть – восемь (Енисейский уезд) и больше месяцев [15, с. 13].

Важно отметить, что на местах сложилась такая практика предоставления пособий, которая ставила заявителей, формально находившихся в одинаковом правовом положении, в разные условия. Например, в Балаганском уезде каждый выселенец получал по 16 руб.



ежемесячно. Но в соседнем Верхотенском уезде, очевидно, применялись особые правила или они раз но толковались на местах. Так, пособие не выдавали всем выселенцам в Верхотенске (7 человек) и Жигалове (17 человек). В Знаменке из 109 человек правом на пособие смогли воспользоваться только 16. В Качуге из 34 – получали только трое, в том числе один 12 руб., один 6 руб., а один 3,6 руб. В два раза ниже установленной нормы получали пособие в селе Манзурка и то далеко не все выселенцы (12 из 23) [12, с. 90].

Следует обратить внимание и еще на одно обстоятельство. Выселенцы при аресте или при следовании по этапу в Сибирь должны были сдать в конторы различных тюрем те или иные денежные суммы, поскольку утрачивали право держать их при себе. Изъятые деньги пересылались на место назначения, но как правило, с задержкой на пять–шесть месяцев, что усугубляло и без того бедственное положение выселенцев.

Большинство прибывающих в ссылку производили крайне тяжелое впечатление своей беспомощностью; не знали русского языка. После пяти – шести месяцев тюремного «путешествия», они оказывались в совершенно чуждой им обстановке, оторванными от родных мест, без каких-либо средств. Многие не могли рассчитывать на помощь родственников, так как утратили с ними социальные связи. Зброшенные небольшими группами в переполненные ссыльными глухие таежные села, где на какой-либо заработок не могли рассчитывать и вполне трудоспособные элементы, при существующей дороговизне жизни, выселенцы, среди которых было немало стариков, женщин, самостоятельно высланных детей, много людей до ссылки вполне обеспеченных и никогда не бедствовавших, остро «нуждались во всем» [8, л. 16–19; 14, с. 2; 15, с. 13]. Но, приходя в ссылку с определенным клеймом, они, за редким исключением, не вызывали сочувствия у местного населения, не получали от него какой-либо поддержки и не могли на нее рассчитывать [8, л. 7–8]. Представители сибирской общественности, причастные к решению беженского вопроса, отмечали: «при ограниченных продовольственных запасах выселенцы являются непосильным бременем для местного населения» [16, с. 89]. Чрезвычайно тяжелым оказалось положение 319 евреев, сосланных в пострадавший от неурожая (1915 г.) Енисейский уезд, где и «за деньги невозможно было достать хлеба» [12, с. 91].

Насильственный и не правовой характер самого выселения дополнялись физическими, материальными и нравственными лишениями, которые нередко усугублялись в результате организационных проблем и дополнительного произвола

представителей власти. Отъезд выселенцев в труднодоступные местности Восточной Сибири сопровождался серьезными физическими лишениями. Кампания выселения не просто обрекала людей на резкое ухудшение материального положения, но многих буквально ставила на грань выживания. Положение семей усугублялось психологической драмой, так как большинство из них по воле государства оказались неполными. Условия проживания создавали проблемы с охраной здоровья, ограничивали частную жизнь и нарушали внутрисемейные отношения.

В целом, жизненная стратегия основной массы выселенцев на территории Восточной Сибири в годы Первой мировой войны была направлена на элементарное выживание.

### **Библиографический список**

1. Положение об обеспечении нужд беженцев (30 августа 1915 г.) // Законы и распоряжения о беженцах. Выпуск первый; 2-е изд., дополненное. – М.: Городская типография, 1916. – XII, 103 с.

2. Беженцы и выселенцы. Отдельные оттиски из № 17 Известий Всероссийского Союза Городов. – М.: Московская городская типография, 1915. – 104 с.

3. Гальперин, Л. Обязательное призрение и помощь беженцам // Призрение и благотворительность в России. – 1915. – № 5. – С. 520–529.

4. Опальный, Б. Выселенцы // Иркутская жизнь. – 1915. – 15 декабря.

5. Новая ссылка (из Нарымского края) // Сибирь. – 1915. – 11 января.

6. Туманова А. С. Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – 327 с.

7. Суржикова Н. В. Российское беженство 1914–1922 гг. а контекстах новейших отечественной и зарубежной историографий / Н. В. Суржикова, Н. А. Михалев, С. А. Пьянков // Вестник Пермского университета. – 2012. – 3 (20). – 140–152.

8. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 13273. Оп. 1. Д. 49.

9. С., Ж. Сибирское обозрение // Сибирь. – 1914. – 30 декабря.

10. РГВИА. Ф. 13273. Оп. 1. Д. 152.

11. Катцина Т. А. «Нуждаемся во всем...»: положение выселенцев Первой мировой войны в Восточной Сибири // Вестник Красноярского государственного педагогического университета имени В. П. Астафьева. – 2013. – № 4 (26). – С. 204–207.

12. Kattsina T. A. Between the Front Line and the rear: The position of The Jewish Evacuees of the First World War in Eastern Siberia in the Russian Empire / T. A. Kattsina, L. E. Mezit // *Annales Universitatis Apulensis. Series Historica.* – 2019. – 23(1). – PP. 85–95.

13. Б. Г. Совещание о беженцах (Из доклада, прочитанного на совещании о беженцах 21 ноября) // *Сибирь.* – 1915. – 25 ноября.

14. А., К. Выселенцы в Верхоленском уезде // *Сибирь.* – 1916. – 13 августа.

15. Мильштейн С. Енисейское общество пособия бедным евреям, действующее совместно с хозяйственным правлением Еврейского общества по оказанию помощи выселенцам евреям в Енисейском уезде // *Вестник Приенисейского края.* – 1916. – 17 июля. – С. 13–16.

16. Протоколы совещания по вопросам призрения беженцев, состоявшегося 21–23 ноября 1915 г. в Иркутске. – Иркутск: электро-типोगрафия И. А. Белоголова, 1916. – 89 с.

*Прохоров Дмитрий Анатольевич*

**Власть и общество в годы Первой мировой войны:  
к вопросу о ликвидации немецкого землевладения  
в Таврической губернии**

**Аннотация.** В статье рассматривается ситуация, возникшая в российском обществе в годы Первой мировой войны, когда, в соответствии с распоряжениями правительства, начался процесс изъятия землевладений у российских подданных «враждебного» происхождения – этнических немцев, австрийцев, венгров и представителей других национальностей. В Таврической губернии до 1917 г. с публичных торгов было продано 156 бывших земельных владений немцев общей площадью более 63 тысяч десятин. Высылка немецкого, венгерского, итальянского, австрийского турецкого населения, принудительное отчуждение земель у выходцев из Германии и Австро-Венгрии негативно отразились на состоянии промышленности и сельского хозяйства России в целом и Таврической губернии в частности.

**Ключевые слова:** Первая мировая война, власть, общество, российские немцы, землевладение, законодательство.

## **Power and society in the years of the First World War: on the question of the liquidation of German land ownership in the Tavrida province**

**Abstract.** The article examines the situation in Russian society during the First World War, when, in accordance with government orders, the process of seizing land holdings from Russian subjects of “hostile” origin – ethnic Germans, Austrians, Hungarians and representatives of other nationalities – began. Until 1917, 156 former German land holdings with a total area of more than 63 thousand “acres” (688 square kilometers) were sold in the Tavride province before 1917 at a public auction. The expulsion of the German, Hungarian, Italian, Austrian Turkish population, the compulsory alienation of lands from immigrants from Germany and Austria-Hungary had a negative impact on the state of industry and agriculture in Russia in general and the Tavrida province in particular.

**Keywords:** World War I, power, society, Russian Germans, land tenure, legislation.

С началом Первой мировой войны, в соответствии с указом императора Николая II Правительствующему Сенату в Петергофе 20 июля 1914 г., Таврическая губерния объявлялась на военном положении. Уже 27 июля таврический губернатор Н.Н. Лавриновский подписал обращение ко всем жителям Таврической губернии. В этом документе, в частности, говорилось: «Все силы нашего отечества напряжены для борьбы с врагами. По призыву царя народ русский встал как один человек, и наши доблестные войска пошли в бой с германцами и австрийцами на защиту Престола и Родины. Святое дело народной войны потребует от нас многих жертв. Свою жизнь и кровь принесут на алтарь Отечества наши воины». Обращалось внимание и на те цели и задачи, которые с началом войны ставились перед мирным населением. «Мы же, все те, кого не коснулись непосредственно тягости войны, – продолжал губернатор, – обязаны исполнить свой первый и священный долг – оказать посильную помощь больным и раненым воинам» [1].

В июле–августе 1914 г. в соответствии с императорским указом началась высылка в заволжские губернии немцев и австрийцев. Выселению также подлежали подданные враждебных России государств славянского, французского, венгерского и итальянского происхождения. 2 февраля 1915 г. Николай II издал закон о принудительном отчуждении земель у выходцев из Германии и Австро-Венгрии в западных губерниях. Закрывались немецкие школы и газеты в России; было дано распоряжение о закрытии всех торгово-

промышленных, технических, акционерных и кредитных предприятий. С 12 августа по 22 декабря 1914 г. из Крыма было выслано 353 германских подданных и 3410 подданных Турции [2, с. 431].

После опубликования в 1915 г. «Положения Совета Министров о прекращении землевладения и землепользования австрийских, венгерских или германских выходцев в приграничных местностях», и согласно определению, принятому Таврическим Губернским правлением на заседании 27 февраля 1916 г., на полуострове началась ликвидация немецкого землевладения. Например, только в уездах Таврической губернии (Бердянском, Перекопском, Симферопольском, Феодосийском, Мелитопольском) по состоянию на конец марта 1916 г. подлежало ликвидации и продаже с публичных торгов более 1200 земельных участков. Всего же в 1915 г. в Симферопольском уезде немецкое землевладение составляло 100347 десятин, преимущественно крупновладельческое. Ликвидации подвергалось 243 владения площадью 78199 дес. Из этой площади 8504 дес. принадлежало 10 сельским обществам, 45708 дес. – 24 крупным землевладельцам. В Феодосийском уезде немцам принадлежало 152970 дес., распределённых между 491 владельцем. Ликвидации подвергалось 73 тыс. дес., соответственно – 260 владельцев, причём из этой площади шестерым принадлежало 13697 дес., 12 сельским обществам – 21 169 дес., а остальным 242 мелким владельцам – 38 140 дес. В Евпаторийском уезде землевладение составляло 140985 дес., принадлежавших 573 владельцам. Ликвидации подверглось 480 владений площадью 88687 дес. (то есть 68% от общего числа). В уезде ликвидации подлежали в основном мелкие владения: 463 частным владельцам принадлежало 63734 дес., а также 12 крупным – 17291 дес.; сельским обществам принадлежало 3662 дес. В Перекопском уезде ликвидационный фонд составлял 140 тыс. дес., без учёта наделной земли [2, с. 431–433].

В итоге это привело к резкому снижению уровня промышленности и сельского хозяйства в Таврической губернии. Вводились санкции и непосредственно против австро-венгерских, германских и турецких подданных. Такие жители подлежали выдворению за пределы страны, также, как и «подданные враждебных государств славянского, французского и итальянского происхождения». Последним трём категориям лиц предлагалось вступить в русское подданство. В противном случае их ожидал арест, штраф в размере 3 тыс. руб. с последующей высылкой из России. Всего иностранных подданных в Таврической губернии, в соответствии с данными Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., насчитывалось до 32 тыс. чел. Из них

подданных Турции, Германии, Австро-Венгрии, Болгарии – 28533 чел. [3; 4].

У многих общественных деятелей и духовных лидеров национальных общин Таврической губернии эта сложная внутривластная ситуация вызывала справедливые опасения. Например, на территории Российской империи проживало около 50 семей караимов-турецкоподданных, осуществлявших в Крыму и за его пределами торговые и промышленные операции. Поэтому Таврическое и Одесское караимское духовное правление (ТОКДП) 18 мая 1915 г. направило телеграфное ходатайство высшим сановникам Российской империи: министру внутренних дел Н.А. Маклакову, председателю Совета министров И.Л. Горемыкину, министру финансов П.Л. Барку с тем, чтобы уравнивать караимов в правах жительства и торгово-промышленной деятельности с греками и армянами-турецкоподданными, а также со славянами союзных с Россией государств. В качестве аргумента и. о. гахама старший газзан С.М. Нейман приводил сведения о том, что эти караимы издавна проживали в России; многие из них состояли в браках с русскими: некоторые не владели «даже другим языком, кроме русского <...> все эти лица связаны материальными и духовными узами только с нашей родиной, а главное, все они безусловно лояльны и никогда ни в чем предосудительном замечены не были». В противном случае, как утверждал С.М. Нейман, всем этим семьям грозило полное разорение. Поддержать это ходатайство и. о. гахама уполномочил членов петроградской караимской общины и лично её гевира (предводителя) М.С. Мангуби. Однако ДДДИИ МВД в отношении от 22 июня 1915 г. сообщил, что ходатайство С.М. Неймана Советом министров было «оставлено без последствий» [5, л. 8–12].

В свою очередь, 27 февраля и 13 марта 1915 г. таврический губернатор Н.А. Княжевич (сменивший на этом посту Н.Н. Лавриновского) представил министру внутренних дел Н.А. Маклакову два рапорта, в которых сообщал о сложившейся в губернии ситуации. В частности, в этих документах шла речь о том, что экономическое положение региона в связи с санкциями, применявшимися в отношении вышеперечисленных категорий населения, существенно изменилось. По словам Н.А. Княжевича, немецкие поселения занимали пятую часть вверенной его управлению территории, и составляли весомый экономический потенциал губернии. Соглашаясь с доводами правительства, стремившегося обезопасить внутренние пределы государства от потенциальной угрозы, ставившего целью «освобождение России от немецкого засилья» и заселение пограничных

территорий «коренным русским крестьянством», тем не менее, таврический губернатор заметил, что этот процесс будет «гораздо продолжительнее, глубже и упорнее», чем это могли предвидеть в высших эшелонах власти [6, л. 1, 2, 2 об.].

Кроме того, Н.А. Княжевич докладывал министру о том, что, вынужденные покидать насиженные места, многие немецкие колонисты прилагали все усилия к тому, чтобы отчуждаемые у них землевладения перешли к тем категориям австрийских и германских подданных, которые сохранили за собой право на приобретение земли, а также к лицам «не русской национальности, по теории вероятности наиболее дружественных немцам». Таврический губернатор подчёркивал, что ещё до обнародования указа от 2 февраля 1915 г. внимание многих «спекулянтов и капиталистов, по преимуществу караимов», было обращено на возможность скупки немецких земель в южной части Крымского полуострова. Со вступлением в силу закона о ликвидации немецких землевладений эти сделки активизировались, и по имевшихся у Н.А. Княжевича сведениям, подобные торговые операции осуществлялись в довольно крупном масштабе [6, л. 3]. Помимо этого, подлежащие ликвидации земельные владения их хозяева в спешном порядке пытались обменивать на городские имущества, несмотря на значительные убытки, которые им приходилось при этом нести. Губернатор замечал, что в связи с такой финансовой деятельностью в некоторых городах даже появились немецкие кварталы, а в качестве примера он приводил г. Мелитополь, где одна из центральных улиц носила название Немецкой. Опасения губернатора вызывал и тот факт, что и «немецкие земли попадают в руки совершенно с государственной точки зрения нежелательного элемента, а именно к коммерсантам инородцам, владеющим в настоящее время большинством городских недвижимых имуществ в Тавриде» [6, л. 4 об.].

В качестве меры противодействия губернатор называл необходимость скорейшего принятия решения о приобретении земель государством, для чего предлагал использовать средства Крестьянского банка с целью создания национального земельного фонда для предотвращения возможных спекуляций. Далее следовал аргумент, сделанный в духе классических традиций ксенофобии: с осуществлением такой инициативы правительства, по мнению Н.А. Княжевича, «будет сделан крупный шаг к тому светлому будущему, когда на нашей родной земле навсегда прекратятся стоны русского населения, экономически закабалённого пришлыми иноплеменниками, и русский человек окажется у себя дома полным хозяином» [6, л. 3 об.].

Данный пассаж наглядно демонстрирует, что начавшая война вызывала в российском обществе не только патриотические чувства и стремление к самопожертвованию, но и стала катализатором усиления шовинистических и ксенофобских настроений, причём как среди некоторых слоёв населения, так и у представителей власти.

В итоге до 1 февраля 1917 г. в губернии с публичных торгов было продано 156 владений общей площадью 63081 дес. 988 саж. Крестьянский банк приобрёл 99% всей продаваемой земли, то есть 62460 дес., которая принадлежала 141 имению. Прошли торги и земель «иностранно-поданных», а таковых в Таврической губернии оказалось 136 (всего 2294 дес. 1350 саж.). На торгах было продано 62 владения в 839 дес. 767 саж. Крестьянский банк приобрёл 15 владений – 713 дес. 1369 саж. [2, с. 434].

Война крайне негативно отразилась на экономике России, и, в частности, на внешней торговле. Вот что представляли собой объёмы экспорта и импорта Российской империи в предвоенный год и после начала войны (Таблица 1) [7, с. 356].

Таблица 1

годы	Экспорт (млн. руб.)	Импорт (млн. руб.)	Экспорт хлеба и муки (млн. пуд.)	Экспорт масла (млн. пуд.)	Экспорт яиц (млн. шт.)	Экспорт леса (млн. пуд.)	Экспорт льна и пеньки (млн. пуд.)	Экспорт марганцевой руды (млн. пуд.)
1913	159	106	159	633	379	69	932	4,96
1914	23,5	31	10	253	8	14	19	0,279

Газета «Русские ведомости» 5 марта 1916 г. сообщала, что в Таврической губернии «убивается немецкий скот, бьются коровы, те знаменитые в Крыму молочные немецкие коровы, порода которых выводилась в Крыму рядом селений, которые в последние 10–15 лет стали появляться в греческих, русских, болгарских деревнях <...> Ликвидация немецкого землевладения может тяжело отразиться на продовольствии всей страны, может явиться ликвидацией значительной



части общерусских хлебных запасов и количества живого инвентаря народного хозяйства и вообще иметь последствия непредусмотренные и не совсем ожидаемые» [11].

Видимое уменьшение населения Таврической губернии повлияло отрицательно на социально-экономическую ситуацию. По сведениям за 1917 г., население полуострова составляло всего 749,8 тыс. чел. (41,2% русских, 28,7% крымских татар, 8,6% украинцев, 6,4% евреев, 4,9% немцев, 2,9% греков, 1,6% армян, 1,4% болгар, 0,8% поляков, 0,7% турок). В то же самое время вырос процент городского населения. В конце XIX – начале XX в. в Симферополе проживало 91,4 тыс. чел., в Евпатории – 27,2 тыс. чел., в Севастополе – 87,5 тыс. чел. [8, с. 109].

С началом Первой мировой войны Таврическая губерния оказалась на военном положении, а непосредственно Крымский полуостров был объявлен прифронтовой зоной. На территории губернии вводился жёсткий контроль над ценами на продукты первой необходимости и на сырьё; местными властями пресекались любые попытки спекуляции. Промышленные предприятия Крымского полуострова и материковых уездов губернии работали для нужд фронта, а сельскохозяйственная продукция отправлялась в действующую армию. Местная администрация предпринимала все необходимые меры для того, чтобы обеспечить нормальное функционирование всех отраслей экономики. Тем не менее, высылка немецкого, венгерского, итальянского, австрийского турецкого населения, принудительное отчуждение земель у выходцев из Германии и Австро-Венгрии крайне негативно отразились на состоянии промышленности и сельского хозяйства России в целом и Таврической губернии в частности. Общее число «перемещённых лиц» за годы Первой мировой войны составило около 7,4 млн (по состоянию на 1 июля 1917 г.), из них 6,4 млн – беженцы, а остальные (около 1 млн чел.) – депортированные [9, с. 100, 101; 10, с. 9, 145, 159].

Негативное воздействие политических решений относительно немецкого населения привело к развёртыванию шовинистической антинемецкой кампании, переросшей затем в репрессии проживавших в России немцев. Из страны были высланы германские подданные и мужчины призывного возраста (от 18 до 45 лет), а за оставшимися в Крыму немцами устанавливался постоянный полицейский, жандармский и даже церковный надзор. Была усилена цензура периодической печати в отношении материалов о положении немецкого населения в Российской империи, и, в частности, в Крыму [12, с. 165, 166].

### Библиографический список

1. От таврического губернатора // Таврические губернские ведомости. Симферополь, 1914. № 59. 1 августа.
2. Лаптев Ю.Н. К вопросу о положении немцев Крыма в годы первой мировой войны // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 1. Симферополь, 1997. С. 428–434.
3. Подданные враждебных держав. Отсрочка высылки // Русское слово. 1915. 25 февраля.
4. Меры против подданных враждебных государств // Крымский вестник. 1915. 10 февраля.
5. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 241. Оп. 1. Д. 1274.
6. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1405. Оп. 539. Д. 777.
7. Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). 1914 год. Начало. М., 2014. 640 с.
8. Водарский Я.Е., Елисеева О.И., Кабузан В.М. Население Крыма в конце XVIII – конце XX веков (численность, размещение этнический состав). М., 2003. 159 с.
9. Михалев Н.А., Пьянков С.А. Беженцы Первой Мировой войны в Российской Империи: численность, размещение, состав // Уральский исторический вестник. 2015. № 4(49). С. 95–105.
10. Лор Э. Русский национализм и Российская империя: кампания против «Вражеских подданных» в годы первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 304 с.
11. Елпатьевский С. Ликвидация немецкого землевладения. Письмо из Крыма // Русские ведомости. 1916. № 63. 5 марта.
12. Зарубин В.Г. «Дело» фельетониста А.А. Ярошко // Первая мировая война и Крым; сб. статей; Под ред. А.В. Мальгина / Проблемы истории Крыма. Выпуск 1. Симферополь: ООО «Антиква», 2015. С. 165–167.

**"Немецкий" вопрос и проблема конфискации немецкого  
землевладения в годы Первой мировой войны  
по материалам Тульской губернии**

**Аннотация.** В статье рассмотрено обострение националистических настроений и "немецкого" вопроса в Российской империи и Тульской губернии в годы Первой мировой войны. На тульском материале раскрыты конкретные примеры нарастания националистической политики по отношению к гражданам и странам, воюющим против нас: переименования селений, аресты движимого и недвижимого имущества, насильственные выселки и другие ограничения. Особое внимание уделено вопросу конфискации немецкого землевладения, как одной из попыток решить проблему крестьянского малоземелья. Главными источниками статьи послужили документы Государственного архива Тульской области и местная пресса тех лет. Обращение к этим первоисточникам позволяет взглянуть на обозначенную проблему не только со стороны официальной власти, но и рядовых участников событий.

**Ключевые слова:** Первая мировая война, Тульская губерния, антигерманские настроения, конфискации имущества иностранцев.

**The "German" issue and the problem of the confiscation of  
German land ownership during the World War I according to  
materials of the province of Tula**

**Abstract.** The article examines the exacerbation of nationalist sentiments and the "German" issue in the Russian Empire and the province of Tula during the World War I. The Tula material reveals specific examples of the growing nationalist policy in relation to citizens and countries fighting against us: renaming of villages, arrests of movable and immovable property, forced expulsions and other restrictions. Particular attention is paid to the issue of the confiscation of German land ownership, as one of the attempts to solve the problem of peasant land shortages. The main sources of the article ARE documents from the State Archives of the province of Tula and the local press of those years. Turning to these primary sources allows us to look at the designated problem not only from the side of the official authorities, but also from ordinary participants of the events.

**Keywords:** World War I, the province of Tula, anti-German sentiments, confiscation of foreign property.

Первая мировая война 1914 – 1918 гг., еще недавно в нашей стране была "забытой" войной. Сегодня, в связи с прошедшим её 100-летним юбилеем, она стала одной из очень востребованных тем в отечественной историографии. Предметом изучения российских и зарубежных историков являются, буквально, все аспекты этого события: от военных операций до социально-экономических, политических и культурных моментов; от изучения биографий известных главнокомандующих до поиска информации по рядовым участникам этой войны. Уделяется внимание и проблеме обострения националистических настроений во всех воюющих странах. Россия не стала исключением в этом вопросе.

Наращение националистических настроений по отношению к нашим противникам, а особенно немцам, началась в России буквально с первых дней войны. Столичная и провинциальная пресса запестрели сообщениями о возникших проблемах у наших соотечественников, оказавшихся на момент объявления войны в Германии или Австрии. Так, например, застал начало Первой мировой войны в австрийском курортном городе Мариенбаде наш прославленный режиссер К. Станиславский. Его впечатления от увиденного уже в сентябре 1914 г. напечатала газета «Русские ведомости». За границей встретил войну и выдающийся певец Ф. Шаляпин. В это же время местная тульская газета сообщала: «Высказываются опасения за судьбу директора местной гимназии г. Владимирского, который поехал перед войной в один из заграничных немецких курортов, и с тех пор о нём нет никаких вестей» [1].

Еще больше националистические настроения подогрела пресса, публикуя статьи о бесчинствах, которые творили германские и австрийские войска, по отношению к раненым и мирным местным жителям. Причем это были не только статьи наших корреспондентов, но перепечатанные из зарубежной прессы: «...Со всех сторон раздаются голоса о немецких зверствах, совершаемых как в Германии и Австрии над оставшимися там русскими подданными, так и в занятых прусаками городах русской Польши... Помрачение культурного сознания – вот как характеризуются способы ведения войны современными потомками Канта и Гегеля» [2].

Власть не могла оставаться в стороне от всего этого. Главнокомандующий русской армией великий князь Николай Николаевич в телеграмме на имя председатель Совета министров И.Л. Горемыкина писал: «...считаю необходимым просить вас о безотлагательном принятии самых суровых и решительных мер относительно подданных воюющих с нами государств, без различия

общественного положения на всём пространстве империи, приравняв их к военнопленным. Неприятие подобных мер может вызвать справедливое чувство негодования» [3]. Идя навстречу антигерманским настроениям уже 18 августа 1914 г., Николай II подписал манифест о переименовании столицы империи из Санкт-Петербурга в Петроград. Так постепенно в стране начались процессы переименований, высылка, конфискации...

Предполагая, что доходы от недвижимого имущества, принадлежащие германским подданным могут пойти на преступные цели, на основании Положения о чрезвычайной охране, правительство разрешила местным властям накладывать арест на такое имущество. 23 августа 1914 г. тульский губернатор А. Н. Тройницкий (родной брат известного геральдиста и искусствоведа С.Н. Тройницкого) следуя распоряжению сверху издал обязательное постановление о передаче местной полиции лошадей, повозок и упряжи, принадлежащих проживающим в губернии германским и австрийским подданным. За неисполнение данного постановления грозило заключение в тюрьме на срок три месяца, или денежный штраф до трёх тысяч рублей [4, с. 172].

Начались в стране аресты и высылки подданных воюющих с нами государств (отмечу, что аналогичные процессы происходили и у наших противников). Так, например, в Туле в начале сентября были арестованы, а затем и высланы из страны немецкие подданные З.Я. Гейдзон (владелец пивоваренного завода «Богемия») и Клейн (управляющий пивными складами Трёхгорного пивоваренного московского товарищества Шильде) [5]. Параллельно пошёл процесс перехода в российское гражданство. Уже 1 августа из Петербурга пришла информация, что около 5000 немцев обратились за последние дни с просьбой принять их в русское подданство. Все столичные и местные газеты написали про возникшую проблему в семье известного клоуна Анатолия Дурова. Прожив 25 лет в гражданском браке с австрийской подданной, он имел детей, которые по закону числились за матерью. Теперь, когда встал вопрос о высылке их из страны, жена Дурова попросилась в российское гражданство, мотивируя тем, что она уже 30 лет проживает в России и считает себя русской. Учитывая мировую известность А. Дурова, общественность выражала надежду, что данная проблема должна разрешиться положительно для всех сторон [6]. Ярким примером может служить и биография выдающего архитектора Ф.А. Шехтеля, который после националистических погромов 1915 г. перешел из католичества в православие, и поменял своё немецкое имя Франц на русское Фёдор.

Националистические настроения перекинулись и на другие стороны российской жизни. 4 сентября 1914 г. министр народного просвещения Л.А. Кассо издал циркуляр, по которому студенты высших учебных заведений германские и австрийские поданные отстранялись от занятий впредь до перехода их в российское подданство. А 5 сентября Совет министров одобрил представление министра торговли о немедленном исключении германских и австрийских поданных из состава биржевых комитетов [7]. Тогда же осенью 1914 г. министр внутренних дел Н.А. Маклаков поднял вопрос о переименовании в Российской империи всех селений и волостей, носящих немецкие названия. Уже 15 октября на места был разослан циркуляр, в котором просили земских начальников разобраться с этим вопросом. В Тульской губернии такие названия нашлись. В Новосильском уезде обнаружился хутор «Фогельский» (по имени владельца), который тульское губернское присутствие решило переименовать в «Соловьёво». Так же в Богородицком уезде обнаружилось две деревни с сомнительным названием «Карлино». После долгих разбирательств и изучением архивов вплоть до XVIII века, удалось выяснилось, что данные названия происходят не от немецкого имя Карл, а от слова карлик, то есть маленький. Поэтому деревни решили оставить без переименования [8]. Позже, на всякий случай, им подберут новые названия.

Очень показательный случай секвестирования недвижимого имущества германских поданных произошел в Тульской губернии на хуторе Светлом Савинской волости Алексинского уезда. Там проживала М.Ф. Герман, а сам хутор принадлежал её мужу Ф.Р. Герман, который постоянно проживал в Москве. Опасаясь, что доходы с принадлежащего им недвижимого имущества могут пойти на преступные цели, на основании Положения о чрезвычайной охране тульский губернатор подписал постановление о наложении ареста на все имущество [9, лл. 1–2, 6, 24]. Читая акт переписи конфискованного движимого и недвижимого имущества семьи Герман (55 десятин земли, из которых 37 – это пахотная земля; двухэтажный кирпичный дом, крытый железом; 9 хозяйственных строек; 5 коров; запасы сена, зерна, овощей; всевозможные механические инструменты: веялки, сеялки, жатки, косилки, бороны, пружинный культиватор и т.п.), невольно вспоминаешь П.А. Столыпина. Наверное, выдающийся реформатор так и представлял себе крепкое хуторское хозяйство, созданное в России в результате его аграрной реформы. Интересна позиция Соединенных Штатов Америки, которые пока воздерживаясь от прямого вмешательства в военный конфликт, но уже пытались использовать его

в своих геополитических интересах. США решили выступить посредником, оказывающим гуманитарную помощь австрийским и немецким военнопленным, а также интернированным лицам. Вот и на имя тульского губернатора А.Н. Тройницкого из американского Генерального консульства пришло обращение с просьбой разъяснить, по каким причинам у семьи Герман было конфисковано имущество [9, л. 16 – 17].

Тяжёлые поражения на фронте в 1915 г. болезненно сказались на настроениях всех слоёв русского общества. Наивное шапкозакидательство первых месяцев войны сменилось другими настроениями. Как вспоминала непосредственная свидетельница и участница тех событий А.Л. Толстая (младшая дочь Л.Н. Толстого): «... в Государственной думе шли интриги. Члены Думы обвиняли военных в шпионской деятельности... Обвиняли полковника Мясоедова и министра Сухомлинова за отступление на Юго-Западном фронте... в Москве народ громил немецкие магазины [10, с. 38]. Тульский полицмейстер в докладе губернатору А.Н. Тройницкому сообщал: «...неудачи на театре военных действий и, в связи с этим, отдача немцам большого культурного края... нарушили течение мирной жизни обывателей, а вместе с этим в народе пошла толка и критика действий правительственной власти... В народе царит глубокая уверенность, что все наши неудачи куплены в Петрограде немецкими деньгами у лиц немецкого происхождения, занимающих при русском дворе и правительстве высокое положение» [11]. Тем удивительней является тот факт, что, несмотря на антигерманскую истерию, в начале 1916 г. Николай II назначает председателем Совета министров и министром внутренних дел человека с немецкой фамилией – Б.В. Штюрмера.

На фоне "великого отступления" в 1915 г. и хлынувшего потока беженцев в центральные губернии в целом по стране стали очень враждебно относиться ко всем землевладельцам, имеющим немецкие фамилии. В Тульской губернии по отношению к этим лицам не наблюдалось случаев открытого возмущения, но по всему заметно, что эта проблема также беспокоила местные власти. Так, например, начальник Тульского Императорского оружейного завода получил секретное предписание составить списки мастеровых завода с именами, отчествами и фамилиями нерусского происхождения. Предлагалось так же собрать самые тщательные сведения об их пребывании в Туле, особенно тех лиц, которые устроились работать на завод в 1913 – 1914 гг. [4, л. 125].

Но больше всего царское правительство волновала напряжённая ситуация в деревне. Нерешенность аграрного вопроса, из которого

самым болезненным было крестьянское малоземелье, могло легко спровоцировать социальный взрыв, что стало бы критическим в условиях мировой войны (что, впрочем, и произошло в 1917 г.). Поэтому Главнуправляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин, выступая на заседании Совета министров, отметил: «С окончанием военных действий, несомненно, на очередь станет вопрос о мерах к улучшению хозяйственного благосостояния тех, кто самоотверженно несёт нынче труды на поле брани в защиту Отечества. Исконная склонность русского народа к земледельческому промыслу не оставляет сомнения в том, что в ряду таких мер забота об увеличении земельного обеспечения вернувшихся с войны сельских жителей, составляющих большинство нашей армии, займёт главное место...» [12, с. 56].

Правительство начинает активно обсуждать вопрос об увеличении крестьянских земельных наделов. Для его решения было необходимо иметь большие запасы свободного земельного фонда, которого не было в Европейской части России. Имеющиеся на тот момент в распоряжении правительства казённые земли не удовлетворили бы интересы всех малоземельных крестьян. Напомню, что Российская империя оставалась аграрной страной с абсолютным преобладанием крестьянского населения (75 %). Сам А.В. Кривошеин говорил по этому поводу: «Рассчитывать исключительно на казённые земли нельзя, так как их количество весьма незначительно. В этом отношении надо иметь в виду и земли, принадлежавшие Крестьянскому Поземельному банку, и те земли, которые по закону 2 февраля 1915 года о ликвидации немецкого землевладения, могут поступить в распоряжения правительства» [12, с. 57].

Проект об использовании "немецких" земель стал рассматриваться правительством Николая II сразу, как только началась война. В начале 1915 г. Государственная Дума стала активно обсуждать закон о ликвидации немецкого землевладения. В проекте закона было написано:

1) Подданным воюющих с нами держав (Германии, Австрии и Турции) воспрещается впредь приобретать в пределах всего Российского государства какими бы то ни было способами на каких бы то ни было основаниях недвижимое имущество, а также владения и пользоваться ими...

3) Недвижимые имущества вне городских населений, состоящих во владении и пользовании подданных воюющих с нами держав подлежат отчуждению в установленный срок, при неисполнении этого условия будут проданы с публичного торга [13].



Этот закон почти всеми фракциями Государственной Думой был встречен с чувством справедливого удовлетворения. Только правые партии высказывали недовольство, так как считали, что мы должны не просто отчуждать, а именно конфисковать имущество подданных воюющих против нас держав. По подсчётам Кривошеина количество такой земли в России равнялось примерно 3 млн. десятин [13, с. 9]. За счёт этих "немецких" земель Министерство земледелия рассчитывало так же увеличить и земельный фонд Крестьянского поземельного банка.

Начавшаяся Первая мировая война резко обострила все противоречия в русской деревне. Именно война реанимировала старинные мечты крестьянина о дополнительном наделе, как за счёт помещичьих земель, так и за счёт укрепленных земель столыпинских хуторян и отрубников. В этой связи очень кстати пришелся и проект об использовании конфискованных "немецких" земель. Подъём националистических настроений, охвативший Россию буквально с первых дней войны, нарастал с каждым годом. Даже правомонархические организации, которые до войны не скрывали своих симпатий к Германии, быстро перестроились и стали задавать тон "антигерманской" кампании в печати. Впереди было ещё несколько лет войны.

#### **Библиографический список**

1. Газета «Тульская молва». 1914 г. № 2027.
2. Тульская молва. 1914 г. № 2032.
3. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 601. Оп. 1. Д. 569. Л. 1.
4. Последняя война Российской империи. Тульский край в Первой мировой войне 1914–1918 гг.: Сборник документов и материалов. — Тула: ГУК ТО Объединение «Историко-краеведческий и художественный музей», 2014. – 296 с.
5. Тульская молва. 1914 г. №№ 2057; 2059.
6. Тульская молва. 1914 г. № 2029.
7. Тульская молва. 1914 г. №№ 2052; 2053.
8. ГАТО (Государственный архив Тульской области). Ф. 53. Оп. 4. Д. 833. Л. 81.
9. ГАТО. Ф. 90. Оп. 2. Д. 182.
10. Толстая А. Л. Дочь. – М.: Вагриус, 2000.
11. ГАТО. Ф. 90. Оп. 6. Д. 689. Л. 113.
12. Вестник сельского хозяйства. 1915 г. №3.
13. Тульская молва. 1915 г. № 2174.
14. Вестник сельского хозяйства. 1915 г. №24.

## НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС И ПУТИ ЕГО РЕШЕНИЯ В СССР

*Аманжолова Дина Ахметжановна*

### **«В орбиту советского влияния»: немцы в национальной политике СССР. 1920–1930-е гг.\***

**Аннотация.** Доклад содержит региональные примеры и анализ советской политики модернизации этнических меньшинств на примере немецкого населения. Обращается внимание на действия власти по охвату всех сторон этносоциального конструирования советских немцев: «самоопределение» на основе национальных районов и сельсоветов, развитие гражданской активности, национальное образование и культура, переформатирование экономических основ жизнедеятельности на государственных началах.

**Ключевые слова:** СССР, национальная политика, немцы, национальный сельсовет, национальный район.

### **"Into the orbit of Soviet influence": The Germans in the National policy of the USSR. 1920–1930-ies**

**Abstract.** The report contains regional examples and an analysis of the Soviet policy of modernization of ethnic minorities on the example of the German population. Attention is drawn to the actions of the authorities to cover all aspects of the ethno-social construction of the Soviet Germans: "self-determination" on the basis of national districts and village councils, the development of civic activity, national education and culture, reformatting the economic foundations of life on a state basis.

**Keywords:** USSR, national policy, Germans, national Village Council, national district.

Проблемы создания достойных условий для развития этнокультурных меньшинств занимают заметное место в современной историографии советской национальной политики, продолжая и во многом концептуально и фактологически обновляя их анализ с учетом объективных условий функционирования современных обществ, в т.ч.

---

\* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43009.

российского, при их растущей культурной сложности, а также динамики и содержания научного знания. Советская этнополитика подразумевала целенаправленное включение всех народов в грандиозную по масштабам и историческому значению программу модернизации на началах провозглашенных большевиками принципов социального и национального равенства. Дисперсное расселение, небольшая численность, наряду с очевидными особенностями культуры, которую власть поддерживала как способ реализации насущных потребностей человека труда (образование, искусство и литература, наука и др.), продиктовали смешанные формы и институты поддержки этнических меньшинств. Основой стали национальные сельсоветы и районы. Они могли обеспечить прямое вовлечение меньшинств в реализацию советских преобразований, но территориальная локализация этничности создавала и дополнительные трудности, в т.ч. в обеспечении экономики и социальной сферы кадрами из представителей меньшинств.

В этнокультурном плане местные советы в системе целенаправленно создаваемых политических и общественных сетей получили дополнительную нагрузку, наряду с реализацией социально-инженерных проектов формирования советской идентичности, которая опиралась и на традиционные приоритеты массового сознания. Национальные советы должны были не только олицетворять политизацию этничности выстраиванием искусственных и не оправданных административно-территориальных границ и этнократической местной бюрократии, но и на самом приближенном к конкретному человеку уровне зримо воплощать преимущества социализма в удовлетворении партикулярных интересов этносообществ.

К примеру, на Украине с октября 1924 по апрель 1925 г. Центральная комиссия нацменьшинств при ВУЦИК занималась созданием своих структур на местах и выявлением численности подопечных групп. Из 2383777 представителей меньшинств было 362943 немцев. В сферу деятельности ЦК нацменьшинств входили районирование, развитие языков, оздоровление экономического положения меньшинств, «устранение ненормальностей в удовлетворении хозяйственных и культурных нужд и подхода власти к ним», обеспечение прав меньшинств и вовлечение их в активное строительство. Весной 1925 г. в республике в 5 немецких районах работали 88 сельсоветов, в т.ч. 50 немецких, еще 48 немецких – за пределами этих районов [1, л. 1–2]. В итоге особыми административно-территориальными образованиями оказались объединены 58,5% немцев

Украинской ССР. В 1927 г. в республике было уже 7 немецких районов [2, с. 14–15].

Немаловажное значение имел уровень экономической и социальной активности этнических групп. При этом немецкие колонии, традиционно владевшие навыками организации сельскохозяйственного производства, отличались более успешным развитием кооперации и настаивали на уравнивании в налогообложении с другими этническими группами. Однако в ходе землеустройства на советских началах было «отрезано» в среднем до 40-50% земли, в т.ч. неоправданно, что порождало недовольство колонистов. Власть в ответ прекратила вселение на их земли крестьян других национальностей, а самих колонистов переселяла на специально отведенные участки. Предпринимались также меры по защите религиозных прав немцев, поскольку ухудшение ситуации в землевладении, вероисповедных делах и даже безопасности населения, слабость немецких сельсоветов на Волыни, например, вызвали эмиграцию колонистов в Америку. Эмиграционное движение охватило также Екатеринославскую, Донецкую, Харьковскую губернии. Поэтому ЦК по делам национальностей выступил за создание дополнительных немецких сельсоветов, ускоренное землеустройство немцев и открытие 7-летних школ.

Особый план начального всеобщего среди этнических меньшинств был принят СНК РСФСР 18 июня 1926 г. В 1925/26 уч. году в вузах России для представителей меньшинств было забронировано 500 стипендий, в 1926/27 – 600, а также 75 хозяйственных. В УССР на 1 тысячу населения грамотных среди украинцев было 283, русских – 454, поляков – 601, евреев – 651, немцев – 623. В 1926 г. для немцев работали 609 школ (33168 чел.) и 88 пунктов ликбеза, 153 изб-читален и 26 сельских театров. В 1927 г. в республике действовали уже 620 немецких школ [2, с. 16; 3, с. 123–124]. Охват детей меньшинств школами социального воспитания среди немцев был самым большим – 63% [4, с. 81].

Показательным примером служит Сибирский край, где на 1930 г. в Славгородском и Омском округах насчитывалось 66 тыс. немцев. Они проживали, как правило, компактно и отличались хорошей организацией сельхозпроизводства. Коллективизация обнажила противоречия между хозяйственной традицией и «социалистической» новацией. В 1929 г. в простейших кооперативах числилось до 40% хозяйств, в более сложных – около 6%. В Немецком районе были созданы 8 сельхозартелей и 3 коммуны, причем непопулярность колхозов сами немцы объясняли примерами их «хозяйственной

нецелесообразности» у коренного населения. Власть же видела причину в плохой работе с немецким населением, агитации антисоветских элементов и т.п. (в Немецком районе было 18 молитвенных домов меннонитов и 85 пропагандистов-проповедников, обвинявшихся в создании эмиграционных настроений), хотя признавала дефицит национальных кадров и техники. До 75% составляла сумма кредита к общему балансу коммун им. Буденного и им. Калинина, их задолженность соответственно на 1 октября 1929 г. составила 86293 и 52993 руб. Среди «перегибов» при создании колхозов выделялись досрочное взыскание кредитов, индивидуальное обложение, освобождение бедноты от налогов в Немецком районе на 15%, лишение избирательных прав середняков и даже бедноты [5, с. 125–127]. В декабре 1934 г., несмотря на организованную и дисциплинированную работу, в колхозе им. Сталина Красинского сельсовета фиксировалась гибель до 30% недоношенных жеребят. «Скотницы и доярки таскают телят по морозу к себе на дом отогревать, но, когда обратно приводят в те же холодные темные скотные дворы, хороших результатов не получается», – сетовал докладчик на заседании Отдела национальностей ВЦИК. Задолженность сельхозартелей района Сельхозбанку на 1 апреля 1935 г. составила 582 354 руб., убыль крупного рогатого скота с 1931 г. – 120 коров, 2273 лошади; обобщественное стадо сократилось на 148 коров и 146 телят [6, л. 126].

Национальные сельсоветы оказались беспомощны: только за 1929 год в 17 сельсоветах Немецкого района сменились 38 секретарей, 14 председателей было снято. Все специалисты районного звена были русские без знания немецкого языка. Слабая работа сельсоветов и объяснялась, и служила причиной «контрреволюционной агитации», а также начавшейся эмиграции меннонитов, что привело в т.ч. к сокращению поголовья рабочих лошадей. Для возвращавшихся была организована помощь семенами, крупным рогатым скотом. На деле льготы по задолженности предоставлялись далеко не везде, инстанции больше занимались «бесплодной перепиской», помочь рабочим скотом было невозможно из-за потерь в ходе коллективизации; остро не хватало специалистов.

Хотя в 1930 г. участие в выборах сельсоветов приняли 50% избирателей, а в 1934 – 89,3%, «сельсоветы не имели своего лица, и руководство их колхозами и другими учреждениями ...не видно». В колхозе «Красный партизан» после торжественного заседания колхозники три дня пьянствовали в школе; правление колхоза «Победа» Камышинского сельсовета потратило 480 руб. на вино, не найдя средств на выкуп семян. Ежегодные кредиты на строительство дома культуры,

дома колхозника, бани, школы и интерната в райцентре не использовались, а строительство срывалось. Конкурс сельсоветов, секции и депутатские группы существовали только на бумаге. 20 августа 1935 г. Президиум ВЦИК в постановлении «О хозяйственном и культурном строительстве Немецкого района Западно-Сибирского края» отметил: в районе 3 МТС с 218 тракторами и 58 комбайнами, колхозам списано около 1 млн. руб. долга. В 1934 г. были ликвидированы «контрреволюционные вредительские элементы», а окончательная их ликвидация являлась первоочередной задачей, как и необходимость интернационального воспитания, а главное – успешной и без потерь работы колхозов, выполнения государственных планов и финансового оздоровления хозяйств [6, л. 112].

Развитие социальной инфраструктуры было неустойчивым. В 69 немецких школах Славгородского округа работали 68 учителей, и это был лучший показатель по краю. Ассигнования для немецких школ были наравне с русскими, хотя учебники для первых стоили значительно дороже. Школьное строительство практически не велось, имелась школа повышенного типа для крестьянской молодежи, а в русские дети из немецких семей почти не ходили. Постоянное дошкольное учреждение было одно, летом работали 3 площадки; из 62 изб-читален в Славгородском округе 9 было немецких, литературы в них было явно недостаточно. В Омском округе работали 22 немецких (33 учителя) школы, 11 немецких изб-читален, сеть пунктов ликбеза охвачено 689 немцев. В семьях субботников и баптистов нередко отказывались от пятидневного обучения и «антирелигиозной школы». Власть отвечала на это ударными компаниями: в Немецком районе Славгородского округа провели конференцию и направили бригаду учителей для культмассовой работы, выделили 3 тыс. руб. на создание изб-читален, красных уголков, снабжения детей бедноты одеждой и обувью. На окружных курсах председателей и секретарей сельсоветов учились 45 немцев, в Славгороде прошли курсы батраков-немцев по общественной работе. Все это должно было служить «лучшим ответом на злобную клевету и провокацию о «преследовании» немцев в Советском Союзе» [4, с. 127–132]. Население обслуживали 2 больницы с 26 койками, 2 амбулатории и 1 фельдшерский пункт, 3 врача и 12 специалистов среднего звена. Врачей со знанием немецкого языка не было, до 30% населения, особенно дети, в некоторых школах до 80%, страдали трахомой. В колхозах имелись 45 сезонных яслей, 3 постоянных и 1 в райцентре с 32 работниками [6, л. 124].

Власть фиксировала типичные проблемы социально-политического конструирования меньшинств: языковые противоречия

в отношениях национальных органов управления с вышестоящими; организационные и кадровые сложности работы сельсоветов при смешанном составе населения; переход на территориальный принцип создания правоохранительных органов, использующих языки меньшинств; сохранение монокультурных районов при землеустройстве для сокращения межэтнических конфликтов; вовлечение меньшинств в общественные организации на родных языках; расширение сети национальных школ и т.п. [6, с. 82–85; 3, с. 125]. В 1934 г. только в РСФСР было 6 немецких районов: Кичкирский в Оренбургской области, Ванновский в Азово-Черноморском крае, Биюк-Онларский в Крымской АССР, Немецкий в Западной Сибири, Тельмановский в Казахской АССР. Советизация для народов СССР включала не только специфический опыт «самоопределения» меньшинств в этнотерриториальных единицах и органах местного самоуправления, но и гражданскую консолидацию на советской социально-культурной основе, а также использование традиционных хозяйственных практик в перестройке экономических основ жизнедеятельности общества на государственных началах.

Как справедливо подчеркивает В.А. Тишков, большевики применили научное наследие австро-марксистов о нациях как монокультурных сообществах со своими родовыми чертами в виде языка, территории, характера и т.д. «Эксперимент с территориализацией этничности оказался возможным, поскольку идеологию «национального самоопределения» и дружбы народов постоянно подкрепляла сила репрессивного аппарата, а также мощная идеологическая пропаганда», а национальный принцип был важнее классового. При этом идея национально-культурной автономии, предложенная австро-марксистами, официально объявлялась мелкобуржуазной, а потому вредной. Свою роль, в т.ч. в случае с немецким меньшинством, сыграл и внешнеполитический фактор – положение советских немцев должно было наглядно демонстрировать преимущества новой политической системы на мировой арене. «Именно существование в СССР ... некоторого пусть даже символического совпадения этнической и политико-административной карт позволило сохраняться уникальной этнокультурной мозаике России. Здесь есть свои риски, за которые мы заплатили свою цену, но здесь есть и позитивный урок мирового значения, которым может гордиться наша страна» [7].

### **Библиографический список**

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1235. Оп. 119. Д. 6.
2. Зайцев П. Работа среди национальных меньшинств // Власть Советов. 1926. № 44–45. С. 14–16.
3. Президиум Совета национальностей ЦИК Союза ССР // Советское строительство. 1927. № 7. С. 123–125.
4. Михайлидис В. Обследование немецкого населения в Сибирском крае // Советское строительство. 1930. № 6. 81–124.
5. Буценко А. Работа среди нацменьшинств на Украине // Советское строительство. 1927. № 1. С. 79–85.
6. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 130. Д. 3.
7. Тишков В.А. Три карты. (Доклад на пленарном заседании 8 конгресса российских этнографов и антропологов, г. Оренбург, 2009, 2–5 июля) // [http://www.valerytishkov.ru/cntnt/novye\\_publicacii/vatishkov\\_.html](http://www.valerytishkov.ru/cntnt/novye_publicacii/vatishkov_.html) (дата обращения: 5.07.2009).

*Козлов Олег Владимирович*

### **Создание и деятельность национальных культурпросвет учреждений на территории Западного региона России в первые годы советской власти**

**Аннотация.** В статье рассматривается проблема создания культурно-просветительных учреждений, ориентированных на работу с ранеными, военнопленными, беженцами и переселенцами. Последние нередко размещались на территории Западного региона России в местах компактного проживания. Местные партийные и советские органы управления стремились оказать посильную помощь представителям национальных меньшинств, оказавшихся в сложных жизненных обстоятельствах. Своей главной задачей власти считали работу с населением, направленную на социалистическое переустройство общественной жизни в новых экономических и политических условиях.

**Ключевые слова:** национальные культурно-просветительные учреждения, клубы, народные дома, беженцы, переселенцы, Западный регион РСФСР, Смоленская губерния, Калужская губерния, Брянская губерния, первые годы советской власти.



## **Creation and activity of National cultural and educational institutions in the territory of the Western region of Russia in the first years of Soviet power**

**Abstract.** The article deals with the problem of creating cultural and educational institutions focused on working with the wounded, prisoners of war, refugees and migrants. The latter were often located on the territory of the Western region of Russia in places of compact residence. Local party and Soviet governing bodies sought to provide all possible assistance to representatives of national minorities who found themselves in difficult life circumstances. The authorities considered their main task to be work with the population, aimed at the socialist reorganization of public life in the new economic and political conditions.

**Keywords:** national cultural and educational institutions, clubs, people's houses, refugees, migrants, the Western region of the RSFSR, Smolensk province, Kaluga province, Bryansk province, the first years of Soviet power.

Накопленный в годы Первой мировой и Гражданской войн опыт совместного компактного проживания людей разной этнической принадлежности на территории Западного региона России представляется весьма важным в настоящее время. К тому же, после распада Советского Союза в конце XX в. в регионе вновь нашли прибежище выходцы из бывших республик СССР. В этой связи, изучение опыта культурного взаимодействия представителей разных национальных групп и местных властей, действительно, становится актуальным. Что же касается событий начала XX в., то в Западном регионе России в годы войны оказалось значительное число пленных, раненых, беженцев и переселенцев разных национальностей. Часть этих людей была размещена в так называемых местах компактного проживания. Именно там активисты, воспринявшие новые социальные идеи, предприняли попытки создания современных для того времени культурпросвет учреждений.

Следует также учесть, что «еще с дореволюционных времен на Смоленщине существовали партийные, религиозные и другие общественные группы. При Смоленском комитете РСДРП(б) работала литовская социал-демократическая группа, в Смоленске находилось издательство ЦК компартии и ЦК комсомола Литвы; 36 коммунистов входили в латышскую секцию, действовал латышский пролетарский клуб» [13, с. 4]. Что касается культурно-просветительных учреждений, то в уездном центре Смоленской губернии г. Рославле 22 апреля 1917 г.

было образовано латышское общество «Просвещение», насчитывающее 105 человек, которые активно трудились среди всех возрастных групп латышей. Члены общества действовали согласно принятому уставу, организовали библиотеку, устраивали лекции, концерты и спектакли. Самое деятельное участие общество приняло в осуществлении учебной работы и материальном обеспечении латышского училища [2, л. 18].

После Октябрьской революции с целью воспитания интернационализма среди трудящихся масс, органы советской власти, под руководством большевиков, стали активно поддерживать создание национальных культпросвет учреждений на местах. Так, особенно в еврейской молодежной среде в годы революции усилился интерес к собственной национальной культуре и ее развитию. В ноябре 1917 г. в Рославле был образован культурно-просветительный союз еврейской молодежи «Геосид» (в переводе – будущее). Союз действовал на основании устава, принятого на общем собрании. «Геосид» имел «свое помещение, значительную библиотеку, занимался устройством спектаклей, литературных вечеров, лекций, чтений, привлекал к работе новых членов» [2, л. 18].

Кроме того, в г. Рославле в мае 1918 г. был образован еврейский рабочий клуб, насчитывающий около 60 членов, среди которых были 30 рабочих, 15 торгово-промышленных служащих, 9 совслужащих, а также представители других профессий. У общества, которое сложилось при клубе, была своя небольшая библиотека-читальня, действовали вечерние рабочие курсы разговорного еврейского языка, проводились собеседования по различным политическим вопросам, устраивались вечера и спектакли [2, л. 18].

По постановлению Смоленской группы социал-демократов Польши и Литвы, поддержанному Смоленским губисполкомом 19 декабря 1918 г., в губернском центре был образован интернациональный рабочий клуб «Памяти пролетариата». В сохранившихся документах клуба подчеркивалось: «Руководящим заданием клуба является: развитие самосознания польского рабочего класса в коммунистическом духе» [1, л. 16]. Сообщая об этом, правление клуба просило исполком «утвердить прилагаемую при сем смету, – и доводило до его сведения, что вышеназванная организация рабочих никакими доходами не пользуется» [1, л. 16]. Советские органы власти в подобных случаях положительно решали вопросы и обычно оказывали клубам посильную материальную помощь. Политические мотивы, а не только национальный фактор, сыграли свою роль при создании культпросвет учреждений в Западном регионе, на территории

которого проживало значительное число представителей нацменьшинств.

В то же время, благодаря инициативе вновь прибывших в регион людей иной национальности, на местах стали появляться новые библиотеки и их филиалы при уже существующих или вновь открываемых клубах и народных домах, учебных заведениях, кооперативах и товариществах. Например, в Калужской губернии в первый год Октября, по данным периодической печати, было открыто для читателей 276 библиотек [11]. В г. Смоленске к концу 1918 года уже работали: центральная городская публичная библиотека и четыре ее филиала, одна советская библиотека, две национальные советские библиотеки (польская и еврейская), несколько партийных и учебных библиотек при средних и высших учебных заведениях [10, л. 2].

Выполняя свой интернациональный долг, партия большевиков всячески поддерживала создание близких по идеологии национальных партийных организаций на уездном уровне. Так, при Смолуездкоме РКП(б) осенью 1919 г. возникло польское партийное бюро. При Смоленском губпарткоме оно было зафиксировано позднее (только с 14 мая 1920 г.). Как видно из отчета польского бюро 1921 г., его деятельность в основном выражалась «в организации митингов и агитации» среди военнопленных и беженцев. Кроме того, сообщалось, что в лагерях для пленных поляков бюро вело культурно-просветительную работу, два раза в неделю устраивая митинги, причем «один из них совместно с агитпунктом» был проведен «как митинг-концерт» [13, с. 46].

В Смоленский губком РКП(б) постоянно поступали сведения о деятельности всех общественных организаций на территории губернии. Так, в одном из сообщений за 1920 г. утверждалось, что с июня того же года в Смоленске был «открыт польбюроклуб имени тов. Бронислава Веселовского, который, несмотря на свое короткое существование, пользуется среди польского населения популярностью. Ежедневно по средам устраивает лекции по текущему моменту с небольшой конкретной программой» [6, л. 1].

Однако такое положение продлилось недолго. Из отчета того же польского бюро за ноябрь 1921 – январь 1922 г. уже следовало, что «... ввиду совершенного отсутствия польских масс работу пришлось прекратить и клуб ликвидировать» [8, л. 3–4]. Решение о полной ликвидации самого польского бюро было принято на его заседании 28 января 1922 г. Этот документ гласил: «... на основании вышеизложенного и принимая во внимание проведение строгого сокращения партийных организаций, а равно и советских учреждений,

считаю, дальнейшее существование польского бюро будет без всякого основания и цели» [8, л. 3–4].

По-иному складывалась на Смоленщине судьба латышского бюро. Так, в выписке из положения о Смоленском губернском латышском бюро при губкоме РКП(б) и о его национальных секциях при комитетах РКП(б), датированной 27 сентября 1920 г., сообщалось: «Гублатбюро тех уездов, где имеются латыши-рабочие, организует латсекции РКП, а для ведения культурно-просветительной работы организует латсекции школьного и внешкольного образования при местных отнаробрах» [5, л. 1]. Такая позиция была связана с тем, что в Смоленской губернии, по неполным данным, к 1921 г. находилось до 8 тысяч латышей (колонистов и беженцев). Всего же на территории губернии насчитывалось 90 латышских колоний и до 50 населенных пунктов «... с более или менее крупным скоплением латышей, среди которых большинство не знало русского языка» [7, л. 2, 26].

Вся эта масса, по мнению Смоленского губкома партии, была «... совершенно заброшена и вдали от культурных центров-городов, погрязает в полном неведении и непонимании происходящих в общественной жизни событий и перемен.... Нет ни клубов, ни кружков, нет партячеек, и только в уездных городах имеются небольшие коммунистические секции. Вся же деревенская часть брошена на произвол судьбы» [7, л. 26]. Следует отметить, что после обращения губкома партии в уездные комитеты культурно-просветительная работа среди латышей несколько оживилась.

После гражданской войны в руководстве большевистской партии созрело решение о необходимости усиления работы по воспитанию социалистического сознания среди представителей разных национальностей, оказавшихся на территории Западного региона РСФСР. О трудностях, встречавшихся на этом направлении работы, сообщала в Смоленский губкомитет РКП(б) в 1920 г., например, латышская секция: «среди латышей нет культурной работы, нет даже школ, ибо имеющиеся 12 школ примитивно оборудованы и далеко не могут удовлетворить требованиям массы». В целях организации этой работы предполагалось открыть в Смоленске с 20 июня 1920 г. «трехмесячные курсы по подготовке шкрабов-латышей» [7, л. 2].

Курсы были открыты, однако при этом произошел один курьезный случай, описанный в послании комиссару по латышским национальным делам: «В числе лекторов-преподавателей числился профессор СГУ гр. Биркерт. Согласно с недостатком лекторов, Латсекция РКП предложила гр. Биркерту целый ряд лекций по основным предметам. Последний согласился и, кроме того, поехал в

Москву с целью набора недостающих лекторов. По возвращении из поездки гр. Биркерт заявил, что курсы могут считать себя обеспеченными лекторскими силами, перечислив при этом целый ряд известных русских и латышских лекторов. Несмотря на обещания, оказалось, что к началу занятий на курсах из всех обещанных осталось одно воспоминание, и к тому же сам гр. Биркерт, не прочитав ни одной лекции, заявил о желании поехать в Белую Латвию» [7, л. 54].

Более или менее планомерную работу по созданию собственной школьной сети проводила еврейская секция национальных меньшинств Смоленского губотнароба. Так, на 1 декабря 1920 г. в губернии насчитывалось 10 еврейских школ, а на 1 июня 1921 г. уже 13 школ первой и второй ступени для еврейских детей. Эти учебные заведения располагались в уездных центрах и местечках: Мстиславле, Сычевке, Рославле, Монастырщине, Любавичах, Хиславичах и ряде других населенных пунктов [9, л. 49].

Что касается польского бюро Смолгубкома РКП(б), то оно также пыталось наладить работу по созданию сети учебных заведений для поляков, проживавших на территории губернии. Однако, по сообщению того же польбюро, «... польские школы в Смоленске, Мазальцево, Палуево в 1922 году пришлось ликвидировать как самостоятельные школы по следующим причинам: во-первых, сами жители г. Смоленска и др. местностей соглашались посылать своих детей исключительно в русские школы с преподаванием польского языка, а не в самостоятельные польские школы, как, например, возьмем польскую школу в Смоленске, в которую перед началом учебного 1922–23 года была открыта запись, о чем широко было оповещено посредством прессы и другими способами, и что же? Записался только один человек, а когда польская школа слилась с 3-ей советской школой с преподаванием русского языка и польского, учащихся по этому предмету было 15 человек. Во-вторых, одной из причин этому является следующее. Польские школы при отсутствии квалифицированных педагогических сил никогда не смогут быть поставлены на равную высоту с русскими». По отчету польбюро за март 1922 г., польские школы «... остались только в Смоленске и по губернии 5 польских – советских школ, в которых принимают участия 2 шкрабов и двести с лишним детей» [8, л. 1, 4].

Таким образом, строительство новой советской системы народного образования и воспитания подрастающего поколения требовало от властей не только расширения числа учебных заведений различных типов, их полноценного финансирования, но и значительного увеличения корпуса преподавательских кадров,

разделявших или хотя бы не препятствовавших развитию социалистической школы и соответствующей идеологии.

В Западном регионе РСФСР губкомы РКП(б) и специально созданные при них секции: латышские, еврейские и польские – в оперативном порядке вынуждены были продолжать налаживать агитационно-пропагандистскую работу среди соотечественников. Главным направлением работы этих секций оставалось поддержание на местах в рабочем состоянии собственных культурно-просветительных учреждений. Например, латышская коммунистическая секция г. Смоленска в феврале 1920 г. просила Смоленский комитет РКП(б) «отпустить из имеющейся в Вашем распоряжении новейшей литературы для пополнения библиотеки латсекции, т.к. упомянутая библиотека настолько бедна, что не может удовлетворить потребности агитации» [7, л. 23]. Следует подчеркнуть, что подобные просьбы местные партийные органы стремились удовлетворить в первую очередь.

Как видно из отчетов губкома РКП(б), в Смоленской губернии с 15 ноября 1920 г. по 1 марта 1921 г. различными культурно-просветительными организациями для польских беженцев и пленных было организовано 17 митингов и столько же концертов с выпуском «устных газет». Для представителей латышской диаспоры было проведено 80 митингов и столько же собеседований [12, с. 46–47]. В том же Вяземском уезде латышским комитетом, при помощи местных коммунистов «в день 1 мая в 2-х совхозах «Бессоново» и «Хмелита» были устроены общие митинги, где выяснилось значение праздника. После митингов местными силами были проставлены спектакли с революционными песнями декламациями».

Как видно из докладов Коробовской партийной ячейки того же Вяземского уезда, работа латышского бюро была также довольно активной. В докладе, например, зафиксировано: «Заседания бюро и собрания состоялись 2 раза в месяц. Столько же проведено субботников. Читалась азбука коммунизма и прочли до 43 стр. На вечерах вопросов разобрано 93 вопроса, невыясненные вопросы посылаются в Латком для пояснений. По ликвидации технической безграмотности занимались 9 вечеров. Неграмотность ликвидирована, хотя дальше советского букваря не пошли. Драматический кружок ставит пьесу... Чувствуется недостаток пьес. В библиотеке 200 латышских и 500 русских книг. Газеты получаем аккуратно». Все эти достижения наряду с организацией национальных клубов, школ для детей и взрослых, по мнению их организаторов, способствовали

сплочению трудящихся разных национальностей и вырабатывали у них чувство пролетарского интернационализма.

Во второй половине дня 1 мая в совхозе «Кочетово» того же уезда был «устроен один общий для всех работающих в нем митинг со спектаклем и декламациями» [4, л. 198]. Повышенная политическая активность местных жителей объяснялась тем, что на территории совхоза довольно активно действовали партийная комячейка и местное латышское бюро. За февраль–март 1921 г. там состоялись 5 совместных заседаний партячейки и латбюро, где рассматривались злободневные политические вопросы. Из отчетов о работе латбюро видно, что силами латышей и местных жителей был проведен субботник и поставлен один спектакль. В совхозе действовала школа для взрослых, в первую очередь, латышей, где «... по вторникам... продолжали читать азбуку коммунизма», несмотря на иногда происходившие перерывы в занятиях [4, л. 71].

Огромную организующую роль в проведении пропагандистской и культурно-просветительской работы среди нацменьшинств в это время играли периодические издания. Например, Смоленский губернский комитет РКП(б) 27 мая 1919 г. направил предписание в полиграфический отдел, в котором предлагал «оказать возможное содействие главному комитету Еврейской социал-демократической рабочей партии (ЕСДРП) в возобновлении работы эвакуированного в Смоленск партийного издательства комитета и редакции газеты». Кроме того, полиграфическому отделу рекомендовалось предоставить главному комитету ЕСДРП свободную комнату, станки и машины для набора в здании одной из советских типографий. Разрешалось главному комитету еврейских социал-демократов пользоваться и «сверхурочным трудом рабочих печатного дела, если в таковом будет нужда» [3, л. 10].

О судьбе изданий Польского бюро известно из отчетов последнего Смолгубкому РКП(б). Так, в отчете за ноябрь 1921 – март 1922 гг. упоминается, что до января 1922 г. Польбюро издавало «для беженцев непериодическую газету “Искра коммунизма”, которая обслуживала проживающих на Смоленщине поляков и проезжающие в Польшу эшелоны военнопленных и беженцев, сообщала им необходимые сведения о положении в Польше и реагировала на все большие вопросы беженских масс. Этой газетой была выпущена брошюра под названием «Разговор Матвея» в количестве 3000 экземпляров», содержание которой неизвестно. Однако в другом отчете, заканчивающемся октябрём 1922 г., отмечалось: «Издательство газеты “Искра коммунизма”, ввиду отсутствия средств, пришлось прекратить, и на оставшейся бумаге было издано объявление на

польском языке на подписку польских газет, которое было расклеено по улицам. Но подписчиков не оказалось ни одного» [8, л. 1, 4].

Очередная радикальная реорганизация органов управления народным образованием и культурой, в том числе и для национальных меньшинств была вызвана введением в стране новой экономической политики. Она привела к весьма неоднозначным последствиям для всей сферы народного просвещения и культуры. В Западном регионе РСФСР изменения в структуре аппаратов губоно начались с апреля 1921 г. В их основе лежало положение о губернских отделах народного образования, принятое коллегией Наркомпроса еще 7 марта 1921 г. Согласно «Положению», в составе губернских отделов вместо подотделов создавались управления, число которых было значительно меньше, чем бывших подотделов. Кроме того, при губнаробразе должны были действовать два совета: научно-методический и по делам просвещения национальных меньшинств. Эти структурные формирования должны были решать задачи культурных преобразований в новых экономических и политических условиях.

Существенные результаты этой работы проявились к концу 1920-х гг., когда свои школы на родном языке имели представители одиннадцати национальностей: белорусы, евреи, украинцы, латыши, эстонцы, поляки, немцы, литовцы, цыгане, латгальцы, карелы. Для них было открыто школ первой ступени – 139 с 13,5 тысячами учащихся, школ-семилеток – 33 с 4 тысячами учащихся, детсадов – 13 с 2 тысячами детей, 43 избы-читальни, 12 клубов, 7 библиотек, 6 детдомов. Для ликвидации профессиональной неграмотности и подготовки национальных кадров в 1929 г. был открыт еврейский педтехникум в Смоленске, а в 1930 г. – белорусский педтехникум в Рудне с отделениями: школьным, дошкольным и политпросветительским. В 1932 г. в Смоленском пединституте открыли специальное белорусское отделение. Кроме того, известно, что в совпартшколах и на рабфаках смоленских высших и средних учебных заведений в 1930-х гг. работали белорусские и еврейские отделения [14, с. 24]. В целом можно утверждать, что первый опыт создания национальных культпросвет учреждений на территории Западного региона РСФСР, полученный в первые годы советской власти, оказался востребованным в новых политических реалиях.

### **Библиографический список**

1. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 213.
2. ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 221.



3. ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 231.
4. ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 461.
5. ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 488.
6. ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 495.
7. ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1131.
8. ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1701.
9. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 1247.
10. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-2306. Оп. 15. Д. 295.
11. Коммуна. 1918. 2 октября.
12. Отчет Смоленского губернского комитета РКП(б) с 15 ноября 1920 года по 1 марта 1921 года. Смоленск, 1921.
13. Судьбы национальных меньшинств на Смоленщине 1918–1938 гг. Документы и материалы / под ред. Д.И. Будаева; отв. сост. Г.Н. Мозгунова. Смоленск, 1994. 317 с.
14. Хозяйство и культура. 1932. № 10–11.

*Ломанов Владислав Андреевич*

### **Проблемы функционирования немецкой секции при Петроградском губернском комитете РКП(б) (1920–1921 гг.)**

**Аннотация.** В статье анализируется деятельность немецкой секции при Петроградском губернском комитете РКП(б) в период 1920 по 1921 гг., выявляются и характеризуются проблемы её функционирования, а также причины и последствия этих проблем для процесса осуществления её функций и результатов её деятельности.

**Ключевые слова:** немцы, национальная секция, немецкая секция, Петроград, Петроградская губерния, Петроградский губернский комитет РКП(б), немецкие военнопленные, немцы-коммунисты, немецкая колония, немецкие крестьяне.

### **Problems of the functioning of the German section at the Petrograd Provincial Committee of the RCP (b) (1920-1921)**

**Abstract.** The article analyzes the activities of the German section under the Petrograd Provincial Committee of the RCP(b) in the period 1920

to 1922, identifies and characterizes the problems of its functioning, as well as the causes and consequences of these problems for the process of implementing its functions and the results of its activities.

**Keywords:** Germans, National section, German section, Petrograd, Petrograd province, Petrograd provincial committee of the RCP(b), German prisoners of war, German communists, German colonies, German peasants.

Россия на протяжении многих веков своей истории являлось государством многонациональным, где представители множества народов жили, трудились, осуществляли великие свершения и преодолевали тяжёлые испытания вместе друг с другом. Вопрос взаимодействия и сотрудничества между представителями разных национальностей в рамках государственного, экономического, политического, хозяйственно-административного и культурного строительства как в прошлом, так и сейчас является очень актуальным для передачи и усвоения позитивного опыта этого сотрудничества и неповторения негативного. Проблемы функционирования немецких секций не один раз получали своё освещение в отечественной и зарубежной историографии. Затрагивались как общие проблемы, так и региональные. В первую очередь, это работы Р. Дикса [1], Т.С. Паниной [2], А.И. Савина [3], В.А. Дённингхауса [4]. Но не так часто в современной историографии предметом исследования историков становится функционирование одной конкретной секции города или губернии. Деятельность петроградской немецкой секции была проанализирована в статье С.И. Метёлкина [5], опубликованная в 1987 г. После распада СССР стал доступен широкий круг источников, позволяющий более подробно изучить проблемные моменты в деятельности немецкой секции при Петроградском губернском комитете РКП(б), в первую очередь, это делопроизводственные документы из Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб), с помощью которых можно более досконально осветить исследуемую проблему.

Секции национальных меньшинств при партии создавались большевиками как до, так и после революции 1917 г. с двойственной целью: с одной стороны, обеспечить политическую опору большевикам среди представителей разных национальностей, с другой, осуществить так называемый «экспорт социалистической революции на Запад». В задачи национальных секций входило проведение революционной агитации и пропаганды коммунистических идей, распространение политической литературы и периодических изданий, подготовка

партийных кадров из представителей своей национальности. Во главе каждой секции стояло бюро. Национальные секции с одной стороны подчинялись местному комитету РКП(б), при которых они организовывались, с другой, Центральному бюро отдельных национальных меньшинств при ЦК РКП(б) [4, с. 180].

Немецкая секция при Петроградском губернском комитете РКП(б) начала осуществлять свои непосредственные обязанности в апреле 1920 г. [6, Л. 1], когда её численность достигла более-менее приемлемого уровня для организации деятельности по назначению [7, Л. 1]. Отметим, что свою работу она начала гораздо позже многих других национальных секций [4, с. 181–182]. Её члены собирались для обсуждения важнейших вопросов, и проработки планов действий 3–4 раза в месяц, почти каждую неделю [7, Л. 1–15]. Изначально в круг основных задач немецкой секции входила так называемая революционная агитация среди пленных немцев и австрийцев для того, чтобы те, вернувшись к себе на родину, вели пропаганду среди немецких рабочих, создавали подпольные революционные организации, чтобы тем самым приблизить социалистическую революцию в Германии, а также и сама работа по обеспечению отправки военнопленных на родину [7, Л. 1–2]. Агитационная деятельность преимущественно сводилась к организации митингов, проведению бесед и раздаче газет и брошюр среди немецких военнопленных [7, Л. 1–55]. Имело место и сотрудничество с немецкими секциями из других регионов. В рамках взаимодействия по отправки военнопленных на родину, петроградская немецкая секция установила контакты и провела 2 совместных собрания с немецкими секциями из Омска и Челябинска [7, Л. 20–25].

В зависимости от числа прибывавших военнопленных, точнее от уменьшения их количества, в деятельности секции стали появляться новые направления такие как сбор тёплых вещей для Красной Армии, мобилизация работников секции и военнопленных на субботники, участие и содействие в помощи находящимся в районе детским приютам и участие в разных мероприятиях, проводимых партией, таких как, например, «неделя ребёнка» [7, Л. 35].

В соответствии с решениями I Всероссийской конференции немецких секций в Москве, а также в связи с уменьшением количества пребывающих военнопленных, с января 1921 г. к обязанностям немецкой секции при Петроградском губернском комитете РКП(б) добавляются агитационно-пропагандистская деятельность в немецких колониях Петроградской губернии и среди немецких матросов на иностранных судах, пришедших в Петроград. О переориентации

своей деятельности на немецкие колонии члены секции заявили ещё в ноябре 1920 г. [8, Л. 3], однако к лету 1921 г. смена направления работы состоялась лишь частично. В мае 1921 г. немецкая секция всё ещё вела работу только среди военнопленных, при этом, к работе в колониях она так и не приступала из-за отсутствия подходящих для этого работников [9, Л. 11]. Ситуация не улучшилась и к осени. Так, в сентябре 1921 г. секция провела 9 мероприятий, 6 из них в портах среди немецких матросов, и только 3 в немецких колониях – 2 в Средне-Рогатской колонии и 1 в Ново-Саратовкой [8, Л. 7–8].

Дать точную цифру проведённых секцией мероприятий пока ещё не представляется возможным, так как в протоколах и докладах не всегда фиксировались точные цифры количества проведённых мероприятий. Если сравнить именно агитационную деятельность немецкой секции с другими секциями национальных меньшинств, то картина выглядела таким образом. За май 1921 г. немецкая секция провела 2 митинга среди матросов иностранных судов. За это же время польской секцией проведено 13 митингов, 33 экскурсии, 5 лекций, 3 концерта и 6 собраний, 1 губернская партийная конференция поляков-коммунистов; эстонской секцией проведено 1 общегородское собрание коммунистов, организовано 5 коллективов, состоялось 2 собрания организаторов – 1 губернское и 1 городское, проведено 14 субботников в Гдовском уезде; латышской секцией проведено в городе – 10 районных собраний коммунистов и 4 собрания беспартийных, 1 общегородское собрание коммунистов, 1 собрание активных работников, в губернии – проведено 3 собрания коммунистов и 2 собрания беспартийных; финской секцией проведено 24 собрания, 12 концертов, 1 экскурсия и 4 субботника в Петроградском уезде [9, Л. 11].

Из вышеперечисленного видно, что немецкая секция значительно уступала другим секциям национальных меньшинств Запада по уровню организованности, эффективности и интенсивности агитационно-пропагандистской работы, как в городе, так и в губернии. Это было связано с тем, что в ходе осуществления своей деятельности немецкая секция при Петроградском губернском комитете РКП(б) столкнулась с целым рядом проблем, которые не способствовали её эффективному функционированию.

Первой и самой главной проблемой являлся кадровый дефицит, следствием которого стала малочисленность немецкой секции [7, Л. 1]. Многие немцы-коммунисты из идейных или личных соображений, а также по заданию партии отбывали на родину в Германию [7, Л. 20], отбывали на фронт для агитации среди красноармейцев [7, Л. 6–8], переводились на советскую или партийную работу в центр и на места.

Закрывать образовывающиеся кадровые пробелы было просто нечем, в связи с тем, что секция совершенно не занималась подготовкой партийных работников для обеспечения нормальной и эффективной деятельности в своей же среде [10, Л. 1]. Нехватка кадров была настолько острой, что отъезд хотя бы одного из активных работников секции сильно снижал, эффективность её агитационной деятельности, как это было в августе 1921 г., когда единственный активный работник был командирован в Москву для участия во II Всероссийской конференции немецких секций [8, Л. 6]. При этом прибытие одного опытного работника, по мнению некоторых членов секции могло повысить её эффективность [8, Л. 5], что, конечно, весьма сомнительно.

В августе 1920 г. численность секции составляла 8 человек, из них трое были местные, остальные 5 являлись либо бывшими военнопленными, либо приехавшими из Германии [7, Л. 1]. В течении года численность партийных работников секции увеличилось до 15 человек [10, Л. 1]. С февраля по июль 1921 г. в секции состояло 23 члена, 3 сотрудника – секретарь, организатор в колонии и рассыльный, 3 агитатора, при этом двое членов секции за этот период уехали на родину в Германию [11, Л. 1–3]. Вышеуказанные цифры нельзя с полной уверенностью назвать точными, так как некоторые работники секции постоянно подвергались перемещениям, как в должностном плане, так и в территориальном. Тем не менее, несмотря на увеличение численного состава секции, темпов количественного прибавления было явно недостаточно для ликвидации кадрового дефицита и налаживания продуктивной работы.

Деятельность секции нередко зависела и от других обстоятельств, не связанных напрямую с её функционированием. Когда в Петроград 3 мая 1921 г. приехал представитель германского правительства, который занял помещение секции и запретил ей вести агитацию среди военнопленных, работа секции фактически остановилась [9, Л. 9]. Не возникает сомнения, что наличие свободного помещения для осуществления работы играло большую роль, но это также показывает нам важность деятельности секции во области агитации среди военнопленных – работа с ними до сих пор имела первостепенное и преобладающее значение.

Первоначальная ориентация на военнопленных в совокупности с явным кадровым голодом привела к тому, что связей с немецкими колониями не было практически никакой, как и представления о реальном положении дел в губернии. Агитационно-пропагандистскую деятельность среди немецких крестьян секция была вынуждена начинать буквально с нуля. За весь 1920 г. секцией не было проведено

ни одной партийной или беспартийной конференции в губернии [10, Л. 1].

Секция также испытывала явные проблемы в связи с отсутствием специально подготовленных для работы в немецких колониях агитаторов и инструкторов. Так, в докладе о деятельности секции за сентябрь 1921 г. отмечалось: «...деятельность в колониях идёт довольно медленно: секция не имеет инструкторов, которые постоянно могли бы находиться в колониях» [8, Л. 7].

Ситуация осложнялась ещё и тем, что члены секции в большинстве своём, являлись бывшими военнопленными и эмигрантами из Германии и за последующее время привыкли осуществлять свою деятельность исключительно среди таких же военнопленных и эмигрантов. Они понятия не имели как работать с немецкими крестьянами, ведь образ мысли немецкого военнопленного существенно отличался от аналогичного образа мысли немецкой деревни [4, с. 186]. Попав в крестьянскую среду, посланные от секции агитаторы не знали с чего начать свою работу, как подступиться к консервативному немецкому крестьянину, как донести до него нужную и необходимую информацию [4, с. 189].

Вышеперечисленное значительно осложнилось тем фактом, что немецкие крестьяне в основном практически не проявляли никакого интереса к политике, являясь в этом плане элементами весьма пассивными и инертными. Ситуация усугублялась и явным недоверием немецких крестьян к Советской власти и проводимой большевиками политике, новые преобразования наносили значительный удар по традиционно-устоявшимся нормам жизни в немецких колониях [12, с. 283–289], одновременно снижая авторитет Советской власти и усиливая влияние религиозных общин на сознание немецких крестьян [4, с. 190]. Подтверждением вышеизложенного является тот факт, что в сентябре 1921 г. так и не состоялась губернская конференция немцев Петроградской губернии, потому что из немецких колоний региона на неё никто не явился, не пришли даже представители партийного актива. Причины отсутствия представителей немецких колоний остались неизвестными [8, Л. 7]. Предположительно, это было связано как с отсутствием интереса у немецких крестьян к политике и их недоверием к Советской власти, так и с отсутствием у секции связей с колониями, вследствие чего, не удалось организованно проинформировать население, а также возможная занятость жителей деревни сезонными полевыми работами, в сложившихся условиях представлявшими наибольшую важность для немецких крестьян, так как от этого буквально зависело их выживание.

Занятость полевыми работами значительно затрудняла агитационно-пропагандистскую деятельность в немецкой деревне. В докладе немецкой секции за сентябрь 1921 г. отмечалось, что собрания и политические мероприятия в немецких колониях могут проводиться лишь по субботам, так как в остальное время деревенское население занято [8, Л. 7]. После тяжёлой рабочей недели у немецкого крестьянина вряд ли появлялось желание слушать доклады на политические темы или ходить на митинги, это если ещё учитывать и свойственное для немецкого крестьянина «холодное» и равнодушное отношение к политике.

Проблемы вызывал и весьма небольшой партийный стаж представителей немецкой секции. Так, трое членов бюро немецкой секции состояли в партии в основном с 1918–1919 гг. [10, Л. 1] и за время своей работы вряд ли могли приобрести необходимый опыт партийной и агитационно-пропагандистской работы, а опыта работы среди немецких крестьян в колониях у них вообще не было никакого. В докладе секции за май 1921 г. отмечалось, что «Политическая работа секции среди немцев могла быть более интенсивнее и успешнее, если бы в распоряжении секции имелись более опытные товарищи» [8, Л. 5].

Сыграл свою роль и морально-психологический фактор. Многие немцы-коммунисты и некоторые немецкие рабочие, приехавшие из Германии, для того, чтобы трудиться на «благо Советской России», были совсем не готовы к тяжёлым условиям повседневной деятельности сложившимися в Петрограде в 1920–1921 гг. Тяжёлое материальное и продовольственное положение, суровые условия повседневной жизни, порождённые революцией, Гражданской войной и интервенцией сильно разочаровывали прибывших в страну немцев и побуждали их уезжать обратно на родину [7, Л. 6–8].

Кроме того, многие члены секции, которая в большинстве своём изначально состояла из военнопленных и приехавших из Германии коммунистов и рабочих вступали в неё с целью вернуться обратно на родину [7, Л. 20]. Поэтому, предположительно, некоторые её члены исходя из своих личных интересов, рассматривали членство в ней как временное и не проявляли заинтересованности в повышении эффективности своей работы.

Существенным препятствием для эффективного функционирования немецкой секции являлся тот факт, что её решения по многим важнейшим вопросам, касавшимся немецких военнопленных, немецких эмигрантов и немецких крестьян носили в большинстве своём рекомендательный характер, и не были обязательными для выполнения другими советскими и партийными

органами [7, Л. 6–8]. Неопределённость политического статуса секции – отсутствие авторитетности её решений и постановлений среди местных советских и партийных органов [7, с. 6–8] и ограниченность её работы агитацией и пропагандой [4, с. 188] в результате привели к тому, что со временем, собрания членов секции стали сводиться к принятию к сведению докладов от советских и партийных органов, обсуждению внешней и внутренней политики, обсуждению речей и статей видных большевистских деятелей и другим вопросам [7, Л. 1–55], которые были актуальны и важны на тот момент времени, но не давали никакой практической пользы в деле агитации и пропаганды.

Помимо вышеперечисленных недостатков, немецкая секция имела и другие проблемы в своей деятельности, являвшимися актуальными и для других национальных секций, такие как нехватка бумаги, пишущих машинок и технических работников [9, Л. 1], что значительно затрудняло ведение делопроизводства, нехватка типографских работников [9, Л. 9], что затрудняло распространение газет и листовок среди немецких военнопленных и немецких крестьян, тем самым делая неэффективной агитационно-пропагандистскую деятельность. Бывали случаи, когда издания и типографии по субъективным и объективным причинам отказывались печатать книги, газеты и брошюры для распространения среди военнопленных и немецких крестьян [10, Л. 1]. Наконец, это нехватка транспорта, что затрудняло связи и сообщение с немецкими колониями в губернии, а также посылку агитаторов [9, Л. 18].

Всё вышеизложенное привело к тому, что провозглашённая переориентация работы немецкой секции на колонии в губернии фактически не состоялась. Деятельность работников секции продолжала в большинстве своём ограничиваться агитацией среди военнопленных и агитацией среди немецких матросов на иностранных судах в Петрограде [9, Л. 11–20]. Работа в немецких колониях была сравнительно-незначительной и затрагивала только колонии, располагавшиеся в непосредственной близости от Петрограда, в Петроградском уезде, такие как Ново-Саратовская колония и колония Средняя Рогатка [8, Л. 7–8], до которых можно было добраться относительно быстро. Незначительность и малая эффективность деятельности в колониях губернии в совокупности с окончанием отправки военнопленных на родину привели к тому, что партия перестала видеть необходимость в существовании немецкой секции и в январе 1922 г. она была ликвидирована [13, Л. 7].

Таким образом, немецкая секция при Петроградском губернском комитете РКП(б), созданная с целью «экспорта социалистической



революции на Запад», должна была перенаправить свою агитационную деятельность с немецких военнопленных, на немецкие колонии в губернии и агитацию среди немецких матросов, приходящих в Петроград на иностранных судах. Если распространение работы на матросов в целом получило своё осуществление, то наладить деятельность в немецкой деревне секции так и не удалось. Причины заключались в том, что секция столкнулась с целым рядом проблем, которые в совокупности своей привели к неэффективности её функционирования. Нехватка партийных кадров, низкий стаж и отсутствие опыта у работников секции, незнание особенностей работы среди немецких крестьян, общая аполитичность немецкой деревни, нехватка бумаги, транспорта, технических и типографских работников, необязательный характер постановлений и решений принятых секцией для советских и партийных органов, тяжёлые условия повседневной деятельности и желание некоторых членов секции уехать на родину привели к тому, что в своей работе они решили пойти по наиболее лёгкому и доступному пути, а именно, продолжать агитацию среди военнопленных и матросов, заниматься на собраниях обсуждением актуальных политических проблем и проводить работу в некоторых колониях расположенных наиболее близко к Петрограду. В результате, как только отпала надобность в агитации среди военнопленных секцию тут-же ликвидировали.

### **Библиографический список**

1. Дикс Р. Из истории деятельности немецкой группы РКП(б) (1918–1921 гг.) // Октябрьская революция и пролетарский интернационализм. – М.: Наука, 1970. – С. 368–384.
2. Панина Т.С. Немецкие общественные организации в Оренбуржье (1918–30 гг.) // Немцы Оренбуржья: Прошлое, настоящее, будущее: Сб. ст. / Сост. В.В. Амелин. – М.: Обществ. акад. наук рос. немцев, 1998. – С. 138–150.
3. Савин А.И. «Приводные ремни масс»: Немецкие секции ВКП(б) и немецкоязычная партийная печать в Сибири в 1920-е гг. // Немецкий этнос в Сибири: Альм. гуманит. исслед.: (Философия, социология, история, право, филология и др.). – Новосибирск: Гуманитарные технологии, 2000. – Вып. 2. – С. 133–144.
4. Дённингхаус В. Немецкие секции РКП(б): несостоявшийся авангард «мировой революции» (1918–1921) // Революция и Гражданская война в России: современная историография. Сборник статей, обзоров и рефератов. Сер. «История России». / Отв. ред. В.П. Любин. Ред. сост. М.М. Минц. – М.: 2018, – с. 179–191.

5. Метёлкин С.И. Агитационно-пропагандистская деятельность немецкой секции РКП(б) в Петрограде // Политическая борьба в России в период подготовки и проведения Великой Октябрьской Социалистической революции. Межвузовский сборник научных статей. Ленинградский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. – Ленинград, 1987. – С. 160–169.

6. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб.). Ф. 16. Оп. 1-11. Д. 10643.

7. ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 1-11. Д. 10642.

8. ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 1-11. Д. 10726.

9. ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 1-11. Д. 10672.

10. ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 1-11. Д. 10647.

11. ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 1-11. Д. 10728.

12. Ломанов В.А. Общая характеристика положения российских немцев Новгородской губернии в период Гражданской войны 1918–1922 гг. (на основе опубликованных источников) // «Вызов» в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. В.А. Веремченко. Т. 2. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2021. – С. 283–289.

13. ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 1-11. Д. 10751.

*Левченко Валерий Валерьевич*

### **Одесский немецкий педагогический институт (1934–1938): история, персоналии, особенности**

**Аннотация.** В статье на основе широкого круга источников рассматривается история Одесского немецкого педагогического института. Несмотря на политические и экономические сложности были приложены усилия для разрешения вопросов материально-технического обеспечения, создания условий для деятельности педагогического коллектива, подготовки и переподготовки педагогических кадров. Сворачивание политики коренизации привело к реорганизации вуза.

**Ключевые слова:** Одесский немецкий педагогический институт, история, национальное образование, педагогическое образование.

## **The German Pedagogical Institute of Odessa (1934–1938): its history, personalities, features**

**Abstract.** The article examines the history of the German Pedagogical Institute of Odessa based on a wide range of sources. Despite the political and economic difficulties, efforts were made to resolve the issues of material and technical support, create conditions for the activities of the teaching staff, training and retraining of teachers. The curtailment of the indigenous policy led to the reorganization of the university.

**Keywords:** the German Pedagogical Institute of Odessa, history, national education, teacher training.

Исследование истории национальных меньшинств СССР является одним из приоритетных направлений в развитии данных этнических групп на современном этапе. Не исключение составляет история немецкого этноса в условиях повседневной жизни СССР в 1920-х–1930-х гг. Большую роль в формировании национального самоуважения, сохранения и обогащения национально-культурного наследия любого народа всегда играло образование. В указанный хронологический период формирование сети национальных образовательных учреждений было основой для национально-культурного возрождения всех народов, проживающих на территории СССР.

В марте 1934 г. для советских немцев, компактно проживающих в 30 районах Одесской, Донецкой, Днепропетровской и Киевской областей, в Одессе был открыт Немецкий педагогический институт (ОНПИ) – педагогическое высшее учебное заведение с целью подготовки и переподготовки педагогических кадров для немецких национальных школ.

ОНПИ не случайно был открыт в Одессе. Именно в этом городе в 1920 г. учитывая национальное разнообразие населения Одесской губернии в составе Одесского института народного образования (ОИНО, 1920–1930) [1] в первом (1920/21) учебном году было открыто немецкое отделение. 20 августа 1920 г. на заседании Совета ОИНО было принято решение об открытии немецкого отделения в селе Мариинское (ныне – Великодолинское), где организовывались показательные школы, детские сады и большое хозяйство, которые на основе трудовых методов воспитания и обучения должны были обслуживать сами студенты [2, с. 90.]. Разработка проекта учебного плана для первого семестра и распределение предметов между преподавателями осуществлялись по национальному принципу [1, с. 179]. Принимая во

внимание указания от НКП УССР и в связи с финансовыми проблемами 28 сентября 1920 г. было принято решение о переносе немецкого отделения из села Мариинского в Одессу [1, с. 106]. В январе 1921 г. его преподавательский и студенческий контингенты были переведены в состав ОИНО как отдельное подразделение, а весной того же года оно составило основу для создания рабочего факультета [2, с. 90.].

Осенью 1923 г. немецкое отделение было во второй раз выделено в самостоятельное структурное подразделение ОИНО согласно официальному постановлению президиума Украинского главного комитета профессионально-технического и специально-научного образования от 12 ноября 1923 г. [3, с. 3] и функционировало на протяжении всего времени существования ОИНО. Основным направлением его деятельности была подготовка педагогического персонала для немецких образовательных учреждений (детские сады, школы, детские дома, клубы, избы-читальни, библиотеки и т. п.) в местах компактного проживания немцев. В соответствии с программой обучения после рабочего факультета слушатели отделения в течение 4 лет обучались на факультете социального воспитания. В 1924 г. был проведен первый набор 40 учащихся на рабфак со сроком обучения 1 год. Длительное время заведующим отделением был В.Г. Мануляк (1924–1925, 1926–1928) [1, с. 125].

Немецкое отделение ОИНО также создавалось с целью повышения квалификации учителей школ этой национальности. Оно входило в состав института как структурная единица, имело свои факультетские и предметные комиссии, рабочий факультет (открыт в 1923 г.) и учебно-вспомогательные учреждения. В первые годы работы отделение переживало значительные трудности. Не было опытных педагогических кадров, учебников, но благодаря настойчивости и энтузиазму они вскоре были признаны частью системы педагогического образования УССР. В первые годы деятельности преподавание большинства предметов на немецком отделении проходило на русском языке. И только начиная с 1928/29 учебного года преподавание было переведено на немецкий язык [1, с. 126]. С этого же учебного года специализация студентов начиналась с третьего курса обучения, а не четвертого, как было в предыдущие годы. Данное изменение было связано с сокращением срока обучения в вузах с 4 до 3 лет [4, л. 6]. В составе немецкого отделения было три предметных комиссии: естественно-математическая (председатель М.К. Боссе, заместитель В.М. Фриц), педагогическая (общая с факультетом профессионального образования) и социально-экономическая (председатель Г.Г. Берзевици, заместитель Р.К. Миквиц). С 1928/29 учебного года

последнюю комиссию переименовали в обществоведческую (председатель А.Н. Штрем) [1, с. 221].

В декабре 1930 г. ОИНО был трансформирован и на его основе создали 3 новых института, одним из которых был Одесский институт социального воспитания (ОИСВ) в составе трех национальных отделений (украинского, еврейского и немецкого). В 1933 г. ОИСВ был реорганизован в Одесский педагогический институт (ОПИ), которому было передано немецкое отделение с рабочим факультетом и заочным отделением [5, л. 40].

В марте 1934 г. на основании постановления Политбюро ЦК КП(б)У и СНК УССР на базе немецкого отделения ОПИ был открыт единственный в УССР ОНПИ, который находился по адресу: улица Пастера, 42. Основной целью деятельности института была подготовка и повышение квалификации учителей для учебных заведений немецкого этноса в СССР. С первых дней обучение проходило по четырехлетней и двухлетней программам шесть дней в неделю [5, л. 40] на 5 факультетах: литературном, историческом (декан двух факультетов доцент Г.А. Денк), географическом, биологическом и математическом [6, л. 55 об. – 56]. В последнем учебном году (1937/38) факультетов было 4: исторический, литературно-языковой, естественно-географический и физико-математический [7, с. 200–201]. Согласно приказу заместителя наркома НКП УССР от 25 декабря 1934 г. в структуру ОНПИ были введены Одесский и Вормский (с. Вормс, ныне – Виноградное) немецкие рабфаки [6, л. 67 об.]. Должность директора института в разное время занимали С.С. Флякс (14 мая – 11 ноября 1934 г.) [6, л. 1, 57 об.], И.А. Класс (11 ноября 1934 г. – 20 февраля 1935 г.) [6, л. 57 об., 83 об.], Т.Я. Молчадский (20 февраля 1935 г. – 1937) [6, л. 83 об.], Ерухимович (1937), Беркович (1937–1938).

В 1934/35 учебном году структуру ОНПИ составляли 13 кафедр: истории большевизма, Украины, народов СССР (заведующий Х.А. Фельдман); истории вселенной (О.Л. Вайнштейн); политэкономии (М.Х. Фарбер); диалектического материализма (С.Л. Коган); педологии, психологии, педагогики (Д.Г. Элькин); математики (Д.А. Крыжановский); физики (Д.Д. Хмыров); зоологии и химии (Д.К. Третьяков); ботаники и географии (Г.О. Потапенко); русского и украинского языков и литератур (П.О. Потапов); немецкого языка и литературы (Н.М. Семенов); всемирной литературы (Т.Б. Малькмуз); военной подготовки (Я.Л. Розино) [6, л. 16 об. – 18]. В 1935/36 учебном году большинство кафедр было переименовано с заменой их заведующих и с сокращением их количества до 10: истории (заведующий И.М. Трачевский); экономики (Т.Я. Молчадский);

литературоведения (Д.А. Вольф); языковедения (П.О. Потапов); психологии, педологии и педагогики (Д.Г. Элькин); математики (Е.Х. Гохман); физики (М.Г. Шейн); зоологии, биологии и химии (Д.К. Третьяков); ботаники и географии (Г.О. Потапенко); военной подготовки и физкультуры (С.А. Шалыгин) [8, л. 36–40].

С 1934/35 учебного года в ОНПИ была утверждена сеть научно-вспомогательных учреждений в формате кабинетов: исторический (заведующий Г.Е. Каменец, затем Л.Г. Гофман); экономический (К.К. Стамеров); немецкой литературы (Нетцер); немецкого языка (Р.К. Ган); русского и украинского языков и литератур (В.И. Бойко); педагогический (М.А. Гофман); психологический (В.П. Крашенинникова); математический (Д.С. Гончаров); ботанический (Т.П. Шик); зоологический (Я.П. Бренайзе); химический (В.А. Бибер); географический (С.Т. Белозеров); военный (Я.Л. Розино) [6, л. 18; 9, л. 1]. К осени 1937 г. количество вспомогательных единиц было сокращено до 8: кабинеты педагогический, языка и литературы, зоологический, ботанический, исторический, математический, физический и химическая лаборатория [7, с. 201].

В первом учебном году преподавательский состав ОНПИ насчитывал 60 человек [10, л. 25–26]. В 1935/36 учебном году он уже насчитывал 73 преподавателя [11, л. 1–5]. Главной проблемой в формировании педагогического коллектива ОНПИ было то, что многие из преподавателей работали в вузе по совместительству. Подобная ситуация приводила к тому, что, например, осенью 1937 г. из 36 профессоров и доцентов только для 9 из них ОНПИ был основным местом работы, тогда как для 27 человек основным местом работы были другие вузы [7, с. 201], где они намного активно и результативно занимались профессиональной деятельностью.

По состоянию на начало 1937/38 учебного года в ОНПИ на дневной форме обучения в 12 академических группах училось 254 студента. Все они были обеспечены стипендиями и местами в общежитии [7, с. 201]. Выпускники ОНПИ по разнарядке Одесского областного отдела народного образования направлялись на работу в немецкие учебные заведения разных районов СССР. Например, в мае 1935 г. 6 выпускников вуза были направлены на работу в Мелитопольский, Высокопольский, Люксембургский, Ротфронтровский и Пятихатский районы Днепропетровской области [9, л. 152].

В ОНПИ осуществлялась практика получения высшего образования по разным формам обучения: вечерней [12, л. 9–10], заочной [13, л. 8], экстерната. Примером последней формы обучения являются краткосрочные (одномесечные) курсы (экстернат)

Центрального института повышения квалификации педагогов (ЦИПКП) при ОНПИ [14, л. 23–26, 38], которые курировал отдел повышения квалификации учителей ОНПИ в составе 11 человек административно-управленческого персонала [12, л. 8].

По состоянию на 20 февраля 1936 г. на заочном секторе числилось 259 студентов, которые представляли многие административно-территориальные единицы СССР компактного проживания немцев: Автономная Молдавская ССР (11 человек), Закавказская СФСР (1), Одесская (109), Днепропетровская (71), Донецкая (37), Киевская (23), Харьковская (2), Черниговская (2), Винницкая (1) и другие области (2) [13, л. 9–10]. При этом в период с 1 сентября по 31 декабря 1935 г. с заочного сектора было отчислено 34 студента. Основными причинами для исключения были не предоставление студентами документов в вуз (10 человек), отношение к «социально чуждым элементам» (6), академическая неуспеваемость (5), скрывание социального происхождения (5), увольнение с работы в районном отделе народного образования (4) и другие [13, л. 12]. В целом по состоянию на 1 сентября 1936 г. на заочном и вечернем секторах ОНПИ повышение квалификации проходило 420 учителей [13, л. 39].

Также при ОНПИ осуществлялась подготовка учителей немецкого языка. В 1934–1936 гг. эта задача воплощалась в жизнь на десятимесячных [15] и восьмимесячных [16] курсах по подготовке учителей немецкого языка при вузе.

За короткое время своей деятельности ОНПИ постоянно пребывал в сложном положении – с большим трудом его руководству приходилось укомплектовывать педагогическим персоналом сформированные факультеты. Существенная сложность в организации учебного процесса заключалась в отсутствии учебных программ по многим дисциплинам, учебников и пособий, учебных принадлежностей; нехватка квалифицированных лекторов; отсутствие методических указаний по ряду дисциплин [13, л. 8] и т. п. Главной проблемой учебного процесса ОНПИ на протяжении всех лет его существования был дефицит немецкоязычных педагогов, что приводило к ведению преподавания значительного числа дисциплин на русском языке. Подобная ситуация была по состоянию на 15 мая 1935 г. с занятиями по психологии, истории Украины, всемирной литературе, экономической географии, аналитической геометрии, элементарной математике, высшей алгебре, анатомии растений, аналитической химии, диалектическому материализму, топографии, географии растений, физической географии, военной подготовке [8, л. 115]. Проблема отсутствия педагогов-немцев усугубилась к началу 1937/38

учебного года, когда более половины дисциплин читались на русском языке [7, с. 202].

В октябре 1937 г. отдел школ ЦК КП(б)У провел обследование состояния партийно-политической, учебной и воспитательной работы в ОНПИ, в результате которой руководству и педагогическому персоналу были предъявлены обвинения в антисоветской деятельности, в засорении преподавательского и студенческого континентов «классово-враждебными элементами» и т. п. [7, с. 201–204]. 1 ноября 1937 г. бюро Одесского обкома КП(б)У, приняло постановление «О состоянии работы Одесского немецкого пединститута», в котором подняло вопрос о целесообразности дальнейшего функционирования института и переводе его в Энгельс – столицу АССР Немцев Поволжья. Однако ЦК КП(б)У не согласился с этим предложением и обязал Одесский обком КП(б)У «укрепить» вуз «членами партии и комсомола» [7, с. 204]. Постановлением ЦК КП(б)У от 10 апреля 1938 г. ОНПИ был закрыт с формулировкой: «Исходя из решения ЦК ВКП(б), Политбюро ЦК КП(б)У признает ненужным и вредным дальнейшее существование особых национальных школ, отделов, классов...». 29 июня 1938 г. согласно постановлению СНК УССР о реорганизации отдельных национальных школ, техникумов, вузов было принято решение о реорганизации ОНПИ в Одесский институт иностранных языков (ОИИЯ) с факультетами немецкой, английской и французской филологии [17, л. 1], который готовил педагогические кадры для школ и вузов. В 1960 г. ОИИЯ был присоединен к Одесскому государственному университету имени И.И. Мечникова.

В 1920-е–1930-е гг. в УССР, как и на всей территории СССР, несмотря на закрытие или реорганизацию всех дореволюционных национальных школ, наблюдался культурный ренессанс немецкого национального этноса. Немцы получили доступ в учебные заведения всех типов. Для них организовывались новые заведения с преподаванием на немецком языке. Формируя генерацию социалистической немецкой культуры в противовес культуре нацистской Германии, советская власть не учитывала особенности традиционной немецкой культуры, что привело к трагическим последствиям в 1937–1938 гг.

### **Библиографический список**

1. Левченко В.В. Історія Одеського інституту народної освіти (1920–1930 рр.): позитивний досвід невдалого експерименту. Одеса: ТЕС, 2010. 428 с.



2. Історія Одеського університету за 100 років (1865–1965). К.: Вид-во Київ. ун-ту, 1968. 423 с.

3. Из протокола Коллегии Главпрофобра // Бюллетень Украинского главного комитета профессионально-технического и специально-научного образования. 1923. № 9–10. С. 3.

4. Государственный архив Одесской области (далее ГАОО). Ф. Р-1593. Оп. 1. Д. 747.

5. ГАОО. Ф. Р-1561. Оп. 1. Д. 11.

6. ГАОО. Ф. Р-1561. Оп. 1. Д. 1.

7. Німці в Україні. 20–30-ті рр. XX ст.: Збірник документів державних архівів України. К., 1994. 244 с.

8. ГАОО. Ф. Р-1561. Оп. 1. Д. 35.

9. ГАОО. Ф. Р-1561. Оп. 1. Д. 2.

10. ГАОО. Ф. Р-1561. Оп. 1. Д. 14.

11. ГАОО. Ф. Р-1561. Оп. 1. Д. 20.

12. ГАОО. Ф. Р-1561. Оп. 2. Д. 9.

13. ГАОО. Ф. Р-1561. Оп. 2. Д. 42.

14. ГАОО. Ф. Р-1561. Оп. 2. Д. 39.

15. ГАОО. Ф. Р-1577. Оп. 1. 63 ед. хр.

16. ГАОО. Ф. Р-1626. Оп. 1. 21 ед. хр.

17. ГАОО. Ф. П-11. Оп. 1. Д. 1393.

*Коренева Наталья Ивановна*

**Советские немцы на Русском Севере в 1930-е – 1950-е гг.  
(на примере Тотемского района Вологодской области)**

**Аннотация.** В 30-е гг. XX в. Тотемский район Вологодской области становится местом ссылки – ссылки кулацкой и «наказанных народов». Данная работа освещает вопросы переселения немцев на Русский Север и личные истории членов немецких семей. Источниковедческую базу работы составили документы Архивного отдела администрации Тотемского муниципального района и воспоминания потомков немцев и людей, живших на спецпоселениях в 30–50-е гг. XX века. Это попытка на примере личных историй ссыльных немцев глубже изучить вопросы депортации на Русский Север этнических меньшинств периода репрессивной политики Советского государства.

**Ключевые слова:** депортация, спецпоселения, немцы Поволжья, Русский Север, репрессии.

**Soviet Germans in the Russian North in the 1930s – 1950s  
(on the example of the Totemsky district of the Vologda region)**

**Annotation.** In the 30s of the twentieth century, the Totemsky district of the Vologda region became a place of exile – the exile of the kulak and "punished peoples". This work highlights the issues of resettlement of Germans to the Russian North and the personal stories of members of German families. The source study base of the work was made up of documents from the Archival Department of the administration of the Totemsky municipal district and the memoirs of the descendants of German and people who lived in special settlements in the 30-50s. XX century. This is an attempt to study the deportation of ethnic minorities to the Russian North during the period of the repressive policy of the Soviet state using the example of personal stories of exiled Germans.

**Keywords:** deportation, special settlements, Volga Germans, Russian North, repression.

Города Русского Севера в карательной политике Российской и затем Советского государства – это уникальный исторический феномен. Особая роль северной территории именно в этом плане во многом объясняется ее природно-географическим положением, а именно: обширной территорией, суровым климатом, малонаселенностью, бездорожьем, удаленностью от административно – политических центров страны. Город Тотьма Вологодской губернии в XIX–XX вв. стал местом ссылки для многих политических деятелей, ученых, писателей (идеолог народничества, ученый и философ П.Л. Лавров, народник Н.В. Шелгунов, исследователь – этнограф Г.Н. Потанин, А.В. Луначарский, В.М. Молотов, писатель А. Аросев и другие). В годы Первой мировой войны под надзором полиции находились немецкие и австрийские военнопленные.

В 1930-е гг. Тотемский район вновь становится местом ссылки, но местом ссылки кулацкой и «наказанных народов». Данная работа освещает вопросы переселения немцев на Русский Север и личные истории членов немецких семей, высланных на территорию Тотемского района Вологодской области. Источниковедческую базу работы составили документы Архивного отдела Тотемского муниципального района и воспоминания потомков немцев и людей, живших на спецпоселениях. Это попытка на примере личных историй ссыльных

немцев глубже изучить вопросы депортации на Русский Север этнических меньшинств периода репрессивной политики Советского государства.

Начало переселения немцев из обжитых ими районов на Русский Север началось намного раньше, чем был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. и связан прежде всего с процессами коллективизации и раскулачивания. Уходит этот процесс в 1929 г., когда зажиточные крестьяне были лишены своего имущества, скота, домов и отправлены в необжитые районы страны. Таким образом, судьба русских, и немецких крестьян в годы коллективизации была одинакова трагична.

В начале 1930-х гг. на территорию Тотемского района прибыло несколько раскулаченных немецких семей. Среди первых немецких переселенцев была и семья Вебер. До высылки на север семья жила на юге Украины. Имели крепкое хозяйство: несколько лошадей, коров, была своя кузница. В 1930 г. семью Антона Вебер раскулачили. Из воспоминаний Рафаила Антоновича Вебер: «В тот день отца забрали и увели в сельсовет, где он провел ночь. Утром дали несколько часов на сборы. Вместе с семьей, погрузили в товарные вагоны и повезли на Север. Не доезжая до Вологды, на какой-то небольшой станции умер глава семейства, Антон Вебер. Место его захоронения до сих пор неизвестно. На север семья прибыла уже без главы семейства. В семье было трое детей: Антон, Рафаил и Ольга. В Вологде семьи переселенцев посадили на баржи и отправили дальше на север. Семью Вебер и еще несколько семей высадили в селе Красное Тотемского района и на телегах привезли сначала в село Никольское, а оттуда были переправлены на реку Воя, прямо в лес. На месте будущего спецпоселения – стояла охотничья избушка и дом, где жил комендант. Начали строить шалаши. Уже весной начали заготавливать лес для строительства барачков, куда стали постепенно перебираться семьи спецпоселенцев» [1; с. 288].

В первое время на поселках было очень голодно. Скучный паёк: кусок рыбы, горсть муки и хлеба ходили выменивали в деревнях на картошку. У семьи Вебер была швейная машинка «Зингер», которую пришлось обменять у местных жителей на хлеб и картошку, чтобы как-то выжить в этих нечеловеческих условиях. Основной работой для спецпереселенцев, в том числе и немцев была определена работа на лесозаготовках и строительстве барачков. Со временем с разработкой земельных угодий стали работать во вновь образованных колхозах.

Началась Великая Отечественная война. На фронт забрали старшего сына в семье Вебер – Антона. Он погиб в годы войны, место захоронения для семьи до настоящего времени неизвестно.

В 1946 г. на поселки Никольского сельсовета Тотемского района было переведено еще несколько депортированных немецких семей. Среди них была семья Гейер. Ида Никодимовна Гейер и Рафаил Антонович Вебер создали на поселке новую семью, где родилось четверо детей. Трое из них: это Эдуард, Мария и Юрий родились на спецпоселении Войница. Вся жизнь Рафаила Антоновича и Иды Никодимовны Вебер была связана с работой в колхозе «Объединение», который в 1959 г. вошел в состав колхоза «Никольский».

Вот так члены семьи Вебер по воле судьбы и репрессивной политики советского правительства стали жителями Тотемского района Вологодской области. Потомки семьи Вебер и в настоящее время живут на тотемской земле.

Немецкие корни, имеет и семья Роберта Эдуардовича Ридер, из семьи потомственных швейцарских сыроваров.

Роберт Эдуардович родился в 1897 г. в имении Пестово Новгородской губернии. Сыроварению учился у отца. В 1920-е гг. начались аресты и преследования членов семьи Ридер. В 1934 г. Роберта Эдуардовича арестовали по политической статье. Освободили в 1935 г. за недоказанностью обвинения. Из Ридеров были арестованы еще 4 брата, и жена одного из братьев. Удивительный факт: никого из Ридеров не расстреляли, более того всех освободили [2].

После таких жизненных коллизий семья Ридер принимает решение уехать подальше от столицы. Так в 1937 г. семья оказалась в деревне Погорелово Тотемского района. В Погорелове был свой маслосырзавод. Именно здесь Роберт Эдуардович Ридер более 20 лет проработал мастером.

Из воспоминаний Татьяны Адольфовны Сухаревой-Ридер, внучки Р.Э. Ридера:

«Роберта Эдуардовича Ридера уважали и очень ценили на заводе, хотя был строг, по-немецки педантичен. Мог по вкусу определить, куда пойдет молоко - на сыр или на масло. Было у него свое личное клеймо, я его помню «Мастер Р.Э. Ридер». Сыры с этим штампом шли без проверки ОТК, их посылали даже на экспорт.

Я не помню, что бы дед приносил с работы сыр, а мы к нему на завод бегали каждый день. Его работницы угощали нас обрезками от сыра – ничего вкуснее в жизни не ели! Даже по вкусу ничего подобного не встречалось.

Жила семья в большом крестьянском доме, скотину не держали, не умели ухаживать за животными, были интеллигентами. Дедушка столярничал, мебель делал своими руками: столы, табуреты, этажерки, цветочницы, я до сих пор храню его стол.

Дедушка обучался в дореволюционной гимназии, знал немецкий, французский, греческий, латынь. Бабушка также владела немецким и французским языками. Между собой общались на немецком и французском. Глядя на наши недоуменные мордашки, бабушка смеялась и говорила: «Учите языки, деточки!».

В 1959 году Роберт Эдуардович вышел на пенсию. Вскоре вместе с семьей уехал в Читу, затем в Киров. В 1970 г. его не стало. Похоронен в городе Киров. У Роберта Ридера было 4 детей: Людмила, 1925 г.р., Лидия, 1927 г.р., Адольф, 1928 г.р., Валерий, 1940 г.р. Сын Адольф в 1966–1968 гг. был первым секретарем Тотемского районного комитета партии» [2].

Таким образом, чтобы избежать новых арестов немцы порой сами определяли место своей ссылки.

Основная масса депортированных немцев появилась на Севере в период Великой Отечественной войны, когда в августе 1941 г. ликвидировали АССР немцев Поволжья, сотни тысяч их вывезли в Сибирь, Казахстан, Среднюю Азию, на Север. Часть немцев была направлена на территорию Коми. Как правило, немцев планировали переселить в малообжитые местности с более суровым климатом. Такой территорией для «наказанных народов» стала и территория Вологодской области.

Осенью 1941 г. в спецпоселках Вологодской области оказалось 160 депортированных советских немцев [3; с. 86]. Затем по постановлению ГКО № 1123 от 10 марта 1942 г. в так называемые рабочие колонны мобилизовали немцев-мужчин в возрасте от 17 до 50 лет. А по постановлению ГКО № 2383 от 7 октября 1942 г. дополнительной мобилизации подлежали не только мужчины, но и женщины-немки в возрасте от 16 до 45 лет. В результате в Вологодской области оказалось еще 350 советских немцев [3; с. 86].

Семьи депортированных немцев первыми на территории Тотемского района приняли поселки: Комарица (Нижне-Печенгский сельсовет, на 1941 г. прибыло 54 семей, 178 человек) и Чуриловка (Усть-Печенгский сельсовет, на 1941 год приняли 48 семей, 54 человека).

Из воспоминаний Александра Котова, уроженца поселка Чуриловка: «В сорок четвертом в поселок на барже привезли семей тридцать приволжских немцев. Сразу их разместить было не куда, и они жили на улице - в середине лесопункта. Примерно через неделю им

выделили в поле, в десяти километрах от Чуриловки несколько гектаров и разрешили строить бараки. Еды у них не было, поэтому они меняли свою хорошую одежду, красивые игрушки, губные гармошки хоть на что-нибудь мало-мальски съедобное. Но пищи все равно не хватало. Некоторые из них опухали от голода, заболели и умирали. Из лекарей тогда была лишь знахарка – бабка Манефа. Местные женщины старались хоть чем-то им помочь, особенно семьям с детьми, учили из обычной травы готовить салаты на местный лад. Работать немцев заставляли вместе с чуриловцами на заготовке леса и постепенно совместный быт, и работа сплотили хозяев и приезжих» [4].

Вторая волна выпала на 1945–1946 гг., когда после окончания войны на территории Советской зоны в Германии скопилось десятки тысяч немцев из СССР. Советские власти обещали вернуть их на места прежнего проживания, но часть из них была арестована и попала в исправительно-трудовые лагеря за измену Родине, а большинство, в основном женщины и дети, было направлено в спецпоселки под надзор комендатур и на долгие годы лишено всех прав. Трудиться им предстояло под административным надзором на лесозаготовительных участках. На тот момент в Тотемский район прибыло 335 немецких семей (1705 человек) [5; с. 5].

Местом их рождения были села Днепропетровской, Житомирской, Одесской, Николаевской, Запорожской областей.

На территории Тотемского района было определено четыре поселка, где должны были разместиться ссыльные немцы. Два поселка, где жили только репатриированные немцы – это поселок База (Погореловский сельсовет, Тафтинский лесопункт) и Налимов Ручей (Медведевский сельсовет, Камчугский лесопункт). Так, в Медведевский сельсовет, согласно списка №17 репатриированных по Тотемскому леспромхозу на 07.06.1946 г., прибыло 23 семьи (70 человек). Из них трудоспособных 36 человек, остальные старики, инвалиды, дети. Родиной этих людей была Одесская область. Они были определены на лесоучасток Налимов Ручей, который располагался в 4 км от поселка Камчуга. Для немцев были построены бараки. Кроме бараков на участке были магазин, столовая, баня, клуб, детский сад. Основная занятость репатриированных немцев – работа на лесозаготовках [6; с. 103].

Второй поселок – База. Располагался на левом берегу реки Тафты при впадении в нее речки Пихтеньки. Первоначально в нем находилась механизированная база освоения лесных массивов. Местные жители поселок называли между собой Тафта [7; с. 257].

Братья Иван и Фридрих Егер приехали на Тафту в 1946 г. «Неделю жили под открытым небом, – вспоминает Иван Андреевич

Егер, – Потом соорудили шалаш из тонких елочек, покрыли их еловой корой, дверцы тоже сделали из нее. Вот так и произошло новоселье. Кругом был сырой лес. Пришлось расчищать площадь под поселок. Подрубали корни у дерева, затем корчевали его. Только потом нам выделили бригаду из местных мужчин. Начали строить бараки» [8; с. 2].

Со временем трудолюбивые немцы построили добротные дома. Стали разводить коров, лошадей и свиней. Из воспоминаний Ивана Егер: «Первое время еды не хватало, люди были вынуждены менять одежду на продукты. Для обмена ходили в Погорелово. У нашей мамы была швейная машинка и она обшивала местных жителей за продукты питания» [8; с. 2].

Несмотря на тяжелые условия проживания и лесозаготовительного труда немцы не озлобились, находили взаимопонимание и общий язык с местными жителями. Когда был разрешен выезд в Западную Германию, не все покинули северные места, к которым привыкли за 10 лет: получили навыки работы на лесозаготовках, обзавелись огородами и домашним хозяйством, обрели семьи. Так, и братья Егер остались жить в поселке База. А когда в конце 50-х последние жители Базы были переселены в поселок Красный Бор переехали на постоянное место жительства в поселок. Иван Андреевич Егер сначала работал рабочим в лесопункте, затем трактористом. С 1952 г. трудился механиком, потом старшим механиком. В 80-е годы возглавил Тафтинский лесопункт. В этот период поселок заметно благоустроился: были построены рубленные дома, новая столовая, медпункт, клуб, проложены бетонные тротуары для пешеходов. В 1986 году И.А. Егер был награжден орденом «Дружбы народов».

Водителем в Тафтинском лесопункте проработал всю свою жизнь и его брат – Фридрих Андреевич Егер. За высокие производственные показатели и успешную работу отмечен медалью «К 100-летию В.И. Ленина». В настоящее время в поселке Красный Бор живут их жены [8; с. 19].

И еще один важный момент, связанный с высланными немцами на территорию Русского Севера, прежде всего с немецкими детьми. После войны в детских домах города Тотьмы и Тотемского района оказалось значительное количество немецких детей. Прежде всего, это были дети-сироты. Оставшись без родителей немецких детей направляли в детские дома. В то трудное и голодное время для большинства детей, детский дом стал «спасательным кругом». «Детский дом мне показался раем – вспоминает одна из воспитанниц Чуриловского детского дома Валентина Кокшарова, 1941 г.р. – Питались четыре раза в день, между завтраком и обедом давали еще

стакан горячего молока с ложкой меда и ложкой сливочного масла. Выдали чистое белье и одежду. Три четверти воспитанников были немецкими детьми, поэтому и моими друзьями были, в основном, немцы. Я шутила, что по их фамилиям можно изучать немецкий язык: Роза Фольк, Эрика Бек, Эрна Букмайер, Ира Рихтер, Райнгольд Наймиллер (мой партнер по танцам). Мы хорошо дружили и, кажется, что никогда не ссорились» [9, с. 286].

В архивном отделе Тотемского муниципального района хранится Личное дело на воспитанника Кригера Каспера Касперовича за 1947 год, немца по происхождению. Каспер Кригер с двумя братьями был направлен в Тотемский дошкольный детский дом в марте 1947 года. Произведен медицинский осмотр «оказался здоровым, поэтому может находиться в обществе». Затем Каспер получил путевку в Никольский детский дом. Документы свидетельствуют, что мать Кригеров Елизавета Фридриховна умерла, отец неизвестно где [10, л. 1]. В силу этих причин трое детей из немецкой семьи Кригер оказались в детском доме. И таких историй были десятки. Архивные материалы хранят имена немецких детей, которые оказались в детских домах: Гизе Мита, Янцен Анна, Штейгер Рудольф, Розин Федор, Суко Альберт Яковлевич, Янцева Елена и другие.

Многие впоследствии писали письма на «вынужденную» родину. В настоящее время письма воспитанников детских домов хранятся в школьном музее Памяти Тотемской средней школы № 2.

В начале 1956 года снятые с учета спецпереселенцы стали в массовом порядке выезжать из Вологодской области в другие регионы страны, в надежде там избавиться от бытовой неустроенности, низких заработков и безразличного отношения начальства к их нуждам и запросам. Судьба раскидала кого-куда. Кто-то оказался в Киргизии, кто в Казахстане, Калининграде, Красноярске. Но есть и такие кто остался на Русском Севере и в настоящее время проживает на территории Тотемского района Вологодской области.

### **Библиографический список**

1. Мартюкова Г.А. Поселки спецпереселенцев в Никольском сельсовете // Толшма. Краеведческий альманах. Вып.1.Архангельск. 2017. С. 288.
2. Личный архив Сухаревой – Ридер Т.А.
3. Конасов В.Б. История политических репрессий и пенитенциарной практики в Вологодском крае (1918–1953). Вологда. 2007. С. 86–91.
4. Личный архив Зимакиной Т.И.



5. Научный архив Тотемского музейного объединения. №1592. Подборка материалов по реабилитированным (воспоминания, выписки, газетные вырезки, списки реабилитированных, запросы и переписка с архивами).1990.

6. Решетникова Е. В краю скорби (история лесного участка Налимов Ручей) // Известия Вологодского общества изучения северного края. Вып.12. Вологда. 2002. С. 102–103.

7. Кузнецов А.В. Тотемский ономастикон. Вологда. 2007.

8. Там, где шумел сосновый бор. Тотьма. 2017. С. 2–19.

9. Зельцер А.Г. Мы из XX века: воспоминания жителей Череповецкого края о политических репрессиях. Книга2. Череповец: Порт –Апрель. 2016.

10. Архивный отдел Тотемского муниципального района. Ф. 40. Оп. 1. Д. 7.

*Свирина Дарья Викторовна*

### **Формирование комиссии советских немецких писателей в Союзе писателей РСФСР (1956-1968 гг.)**

**Аннотация.** В данной статье исследуется деятельность советских немецких писателей в рамках Союза писателей СССР после освобождения со спецпоселений. Деятельность советских немецких писателей была направлена не только на восстановление литературы советских немцев, но и на улучшение правового положения немцев в СССР. Одной из целей писатели видели в восстановлении национальной автономии. Таким образом, национальная интеллигенция играла важную роль в движении советских немцев за восстановление национальной автономии.

**Ключевые слова:** Советские немецкие писатели, Союз писателей СССР, советские немцы, Д.И. Гольман.

### **Creation of the Commission of Soviet German writers in the USSR Writers' Union (1956–1968)**

**Abstract.** This article examines the activities of Soviet German writers in the framework of the Union of Writers of the USSR after the release from special settlements. The activities of Soviet German writers were aimed not only at restoring the literature of Soviet Germans but also at improving

the legal status of Germans in the USSR. One of the goals of the writers saw in the restoration of national autonomy. Thus, the national intelligentsia played an important role in the movement of the Soviet Germans for the restoration of national autonomy.

**Keywords:** Soviet German writers, the USSR Writers' Union, Soviet Germans, D. Hollmann.

Начиная с середины марта 1953 г. происходил демонтаж спецпоселения [1, с. 90–92]. В отношении немецкого населения в декабре 1955 г. вышел приказ, по которому они, как один из народов, освобождались из-под административного надзора органов МВД [2, с. 177]. Послабления режима, расширение прав спецпоселенцев, в частности немцев, особая значимость вопроса о немецком населении в контексте установления дипломатических отношений с Западной Германией порождали необходимость активизации массово-политической работы среди этого населения для контроля настроений освобожденных. С декабря 1955 г., т.е. сразу после освобождения немцев со спецпоселения, в Алтайском крае стала издаваться газета «Arbeit» – первая на тот момент газеты в СССР на немецком языке, которая издавалась для советских немцев, и корреспонденты которой были люди из числа советских немцев [3, л. 27–32]. Эта газета дала возможность советским немецким писателям возобновить коммуникацию друг с другом, расширить авторский круг за счет молодых писателей и, что немаловажно, отправлять для публикации свои работы, даже если они имели скромный объем.

Одна из первых встреч, на которой немецкие писатели обсуждали состояние национальной литературы и возможности для ее развития состоялась в городе Ачинск (Красноярский край) в ноябре 1956 г. Тогда встретились Рейнгольд Франк, Доминик Гольман, Андреас Закс, Герберт Генке, они были знакомы друг с другом до депортации и уже имели опыт литературной или издательской деятельности. Дочь Гольмана, Ида Бендер вспоминала слова отца о той встречи: «Они пришли к единому мнению, что именно литераторы должны позаботиться о сохранении культуры своего народа. Обменялись сведениями о писателях и лицах, способных к творческой деятельности, их адресами» [4, с. 310].

Красноярская писательская организация стала официальным институтом, вокруг которого формировалась первая после войны рабочая группа советских немецких писателей. Понимание своего дела участники неформальной встречи нашли у секретаря Красноярского отделения Союза писателей СССР Николая Устиновича [5]. Именно при

его руководстве состоялись три встречи немецких писателей в рамках секции: 10–13 июля 1958 г., 16–18 июля 1959 г. и 16–18 июля 1962 г.

Первый семинар имел организационный характер. Друг и коллега Гольмана Эрнст Кончак, проживавший в Казахстане, выражал радость о том, что «через 18–20 лет вынужденного молчания мы увидим наших советских немецких представителей на следующем писательском съезде», но «как велика радость, так велика и ответственность или, правильнее сказать, обязанности за этих товарищей» [6]. Следующие два рабочих семинара советских немецких писателей в Красноярске имели более расширенный состав участников за счет писателей, композиторов и корреспондентов из Красноярского края, Новосибирской, Кемеровской и Иркутской областей, Москвы. Среди участников были и немцы, имевшие социалистические взгляды и мигрировавшие в Советский союз в начале 1930-х гг. (Ф. Лешницер, Б. Брайнин и Р. Жакмьен).

В период с 1962 г., с момента третьего семинара в Красноярске, творческие встречи писателей трансформируются в поэтические чтения и литературные встречи, которые чаще всего проводились в городе Славгород (Алтайский край) на базе редакции газеты «Rote Fahne» [7, с. 195–199]. Там же была организована немецкая секция при Алтайском региональном отделении Союза писателей РСФСР, которую возглавил Каценштейн Эвальд Эмильевич (1918–1992), который много сил отдавал развитию образования на немецком языке. В то время как в Алтайском крае разворачивалась активная творческая деятельность немецких писателей, постепенно создаются условия для формирования союзного писательского объединения.

Секция немецких писателей в рамках региональной секции выступала в качестве важной институции, в рамках деятельности которой обсуждалось не только творчество писателей, но и формировались запросы на более широкую культурную политику в отношении немецкого населения СССР (в области образования). И резолюции, которые принимались на этих семинарах, распространялось не столько на Красноярский край, сколько на весь Советский Союз. А для большей эффективности подобной работы, было важно создать всесоюзную секцию немецких писателей. Такая почва могла гарантировать рост и развитие литературы советских немцев.

Согласно небольшому сообщению в казахстанской немецкоязычной газете, издаваемой с 1966 г. «Freundschaft» (Целиноград), Секретариатом Союза писателей СССР решено организовать семинар советских немецких писателей в Москве во второй половине декабря 1967 г. [8]. В мае этого года проводился

четвертый съезд писателей СССР, на котором, вероятно, немецкие писатели обращались с просьбой о создании секции при Союзе писателей СССР, способной обеспечить представительство, а значит и национальные интересы, этой группы в данной организации.

Комиссия советских немецких писателей при РСФСР должна была дать возможность для обсуждения и других проблем. Вместо второй половины декабря 1967 г., как сообщалось в статье, рабочий семинар комиссии состоялся в первой половине января следующего 1968 г., о чем было известно. Писатели, которые не могли участвовать в семинаре, писали письма с поддержкой будущим участникам. К. Винтер написал Гольману 1 января 1968 г. небольшое письмо, обращенное всем писателям, которые должны принять участие в семинаре:

*«Народу стало известно, что Вы 8 января 1968 года собираетесь на свое совещание. Люди давно ожидают этого события и возлагают на Вас большие надежды. <...>.*

*Поэтому я лично пожелаю Вам хорошей, плодотворной работы, провести свою конференцию в интересах нашего народа. Вы должны всегда помнить, что единственная цель нашего народа – вернуться домой в свою АССРНП, поэтому я хотел бы обратить ваше внимание на необходимость направить острие своего пера и искусство своего слова на достижение этой цели. Говорить сейчас о политической реабилитации немцев Поволжья не приходится, это совершилось, однако осталась национальная ссылка, которая противоречит Марксизму-Ленинизму и которую следует ликвидировать.*

*Вы писатели много пишете о спасении родного языка. Я считаю, что было бы лучше писать о спасение людей как таковы и освобождение их из национальной ссылки. Это спасло бы и язык, и культуру, и равноправие, и литературу, и развитие, коротко говоря, жизнь наших людей как равноправных членов Советского общества» [9].*

Автор этого письма выражает идею о том, что одним из центров притяжения немецкого населения или его части являются писатели. Они создают не только литературные произведения, но и исполняют определенную миссию – «добиваются справедливости на земле», которую они могли сами взвалить на себя. Реализовать эту миссию было возможно через работу в Союзе писателей.

Не смотря на желание иметь всесоюзную организацию, комиссия советских немецких писателей была организована как структурное подразделение Союза писателей РСФСР. Ее руководителем с самого начала был Александр Львович Дымшиц (1910–1975). В силу

отсутствия полных данных о работе новой комиссии сложно составить полную схему того, как она функционировала. Тем не менее, косвенные материалы из личного фонда Дымшица дают некоторое представление. С 1968 г. он начинает активно переписываться с главой отдела, отвечающего за пропаганду и массовую работу в редакции газеты «Neues Leben», Виктором Митрофановичем Полянским [10]. От Секретариата Союза писателей СССР работу комиссии курировал Михаил Васильевич Горбачев, который присутствовал на собраниях советских немецких писателей.

Полянский часто упоминал, что копию каких-либо рабочих документов отсылал и Горбачеву. Все вместе они готовили письмо во отдел пропаганды ЦК КПСС в первой половине 1969 г. Текст этого письма посвящен проблеме издательской деятельности и распространения литературы советских немецких писателей. Он жалуетсся на издательства «Прогресс» и «Казахстан» из-за невыполнения планов по изданию этой литературы [11, л. 84]. Это письмо составлено тремя людьми, которые занимались тем, что контролировали идеологическое содержание печатной продукции, созданной советскими немцами или для советских немцев. В этом письме не затрагиваются проблемы национальных особенностей свойственных советским немцам, их работа воспринимается исключительно с прагматической для советской пропаганды позиции.

Советские немецкие писатели стремились подтвердить свою идеологическую лояльность, выраженную в их произведениях, которые соответствовали канону советской литературы. Такой подход, по их мнению, должен был дать возможность заявить о национальных проблемах, развить «национальный колорит» в своих произведениях, с помощью которых они бы сплотили свой народ и продвигали национальную повестку.

### **Библиографический список**

1. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: собрание документов в 7-ми томах. Т.5. Спецпоселенцы в СССР. М.: РОССПЭН, 2004. С. 90-92.
2. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 г. «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении» // История российских немцев в документах (1763-1992 гг.) / Сост. Ауман В. А., Чеботарева В. Г. М.: МИГУП, 1993.
3. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ) Ф. 5. Оп.16. Д. 753.

4. Бендер И. Сага о немцах моих российских / под ред. Гуго Вормсбехера. – Ёрлингхаузен: Deutsche aus Russland, 2013.

5. Freundschaft, №239, 14.12.1990. Перевод с немецкого.

6. Личный архив Д.И. Гольмана. Архив хранится у Р. Бендера, внука писателя (Ной-Вульмсторф, Германия). Der Brief von Ernst Kontschak an Dominik Hollmann. Alupka den 27. November 1958. Kopie: an Gen. Viktor Klein.

7. Paulsen N. «Ihre Existenz an sich stellt auch ihre höchste Leistung dar»: Einblicke in die entwicklung der Literatur der Russlanddeutschen der nachkriegszeit in der sowjetunion – Dokumentation, Vermittlung und erforschung bis in die gegenwart // Die Heimatbücher der Landsmannschaft der Deutschen aus Russland. 2017.

8. Freundschaft, №234, 26.11.1967. Перевод с немецкого.

9. Личный архив Д.И. Гольмана. Письмо от К. Винтера Д. Гольману, 01.01.1968 г.

10. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф.2843. Оп.1. Д.2484.

11. РГАЛИ. Ф. 2843. Оп.1. Д.652.

## ДЕПОРТАЦИЯ СОВЕТСКИХ НЕМЦЕВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

*Чернова-Дёке Тамара Николаевна*

### Общее и особенное в депортации немецкого населения Северного Кавказа

**Аннотация.** Автор анализирует постановления ГКО и других органов Союза ССР о выселении немецкого населения из северокавказского региона. Выявляются особенности и общие черты в депортации, роль НКВД; дана хроника хода операции и её результаты.

**Ключевые слова:** российские немцы, особенности депортации, НКВД, Северный Кавказ.

### General and special features in the deportation of the German population of the North Caucasus

**Abstract.** The author analyzes the decisions of the State Defense Committee and other bodies of the USSR on the eviction of the German population from the North Caucasus region, identifying the features and common features in deportation, the role of the NKVD, the chronicle of the operation and its results.

**Keywords:** Russian Germans, features of deportation, NKVD, North Caucasus.

История депортации «кавказских немцев» представлена в трудах российских ученых в контексте изложения регионального среза проблемы – принудительного выселения коренных народов Кавказа – [1] или фрагментарно, на фоне рассмотрения темы в масштабе страны. 80 лет тому назад депортация вырвала с корнем из привычной мирной жизни десятки тысяч ни в чем не повинных людей, лишив их крова, хозяйства, родных, и осталась глубокой раной в жизни немецкого народа как продолжение политики репрессий, которую нельзя оправдать никакой логикой законов военного времени.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года о переселении немцев АССР НП и антиконституционный акт её ликвидации стал первым ударом, нанесенным по немцам страны. На Кавказе их выселение началось осенью и шло поэтапно. Постановлением Государственного Комитета Обороны (ГКО) за № 698-сс («совершенно секретно») от 21 сентября 1941 года «О переселении

немцев из Краснодарского, Орджоникидзевского краев, Тульской области, Кабардино-Балкарской и Северо-Осетинской АССР» сроки депортации были определены с 25 сентября по 10 октября [2, лл. 42–43].

Заметим, что в документах не употребляется термин «депортация». Однако дефиниция его проясняет, что насильственное переселение семей (и стар, и мал) без предъявления вины, отправление «народов в эшелонах» хотя и не за пределы, а вглубь страны, не меняет сути дела.

Уже на следующий день последовал приказ наркома внутренних дел Союза ССР Л. Берии, «сс» за № 001347, о мероприятиях по организации операции [3, с. 81–84]. Следовало: 1. командировать из Москвы оперативных работников НКВД СССР, обязать их организовать на местах участковые тройки по проведению операции. 2. направить в Краснодарский край 100 сотрудников НКВД и 250 чел. от милиции, в Орджоникидзевский (бывший Ставропольский – Авт.) – 250 чел. от НКВД и 1 тыс. работников милиции, в Кабардино-Балкарскую АССР – 50 чел. от НКВД и 200 милиционеров, в Северо-Осетинскую АССР – 25 сотрудников НКВД и 100 от милиции. Кроме того, направить подразделения войск НКВД: в Краснодарский край – 2 тыс. красноармейцев, в Орджоникидзевский – 2300 чел.; в автономные республики, соответственно, – 300 и 100. Далее: на основании агентурно-оперативных материалов местных органов НКВД «учесть антисоветский элемент и перед операцией арестовать его, и семьи переселить в общем порядке». В случае отказа выехать «таких лиц арестовать и перевезти на место расселения в принудительном порядке». Пункт 11 приказа гласил: оперативно-чекистский состав «должен действовать без шума и паники. В случае возникновения волюнок, антисоветских выступлений и вооруженных столкновений принимать решительные меры по их ликвидации». Советско-партийным активом проводилась разъяснительная работа. Предупреждалось, что «в случае перехода на нелегальное положение отдельных членов семейств ответственность за них будет нести глава семьи в уголовном порядке, а остальные члены семьи будут репрессированы». Итак, принудительное переселение, депортация как превентивная мера, имело свое лицо под грифом «сс».

Интересен факт, что накануне распоряжения ГКО секретарю Орджоникидзевского крайкома ВКП(б) М.А. Сулову была представлена докладная записка «О немецком населении Орджоникидзевского края» (за подписью нач. УНКВД т. Шапиро) [4, с. 169–184]. Она проливает свет на мотивацию репрессий в отношении 45,5 тыс. немцев, проживавших в крае, из них свыше 4-х тыс. чел. в



городах. Субъективная интерпретация прошлых событий, следственных дел немцев в 1920-е – 1930-е гг. (неприятие советской власти и вредительство, сектантство, сопротивление коллективизации и др.), служит здесь основой для «аргументации» о шпионаже немцев в пользу германской разведки и их диверсионной деятельности, а также своеобразным «обоснованием» необходимости их выселения как «меры вынужденной». В документе отмечалось, что антисоветский элемент из числа немцев активизировал контрреволюционную деятельность: к сентябрю 1941 г. «по краю разрабатывается резко враждебно настроенных к СССР 1065 немцев». Вывод: в условиях военной обстановки «имеется большая база для германской разведки», «внутренний враг» и опасность вредительства (аэропорт, аэродромы, оборонные предприятия, госпитали и др.). Начальник УНКВД был убежден в неотвратимости наказания: «В целях предупреждения подрывной деятельности контрреволюционного элемента из числа немецкого населения необходимо переселить его из указанных выше районов в другие места нашего края или за его пределы». Как видим, предлагаемый НКВД метод решения проблемы совпадал с решением ГКО (за подписью И. Сталина).

Одновременно к операции переселения готовились органы власти Казахстана. Организация приема, расселения и хозяйственного устройства насильственно переселяемых возлагалась на секретаря ЦК КП(б)К т. Скворцова и председателя СНК КазССР т. Ундасынова. 23 сентября нарком КазССР Бабкин сообщил из г. Алма-Аты по «ВЧ» разнарядку: в Акмолинскую, Северо-Казахстанскую, Кустанайскую области принять по 20 тыс. немцев; в Восточно-Казахстанскую, Карагандинскую, Павлодарскую, Семипалатинскую, Джамбульскую и Алма-Атинскую (куда попали немцы из двух автономных республик) – по 10 тыс. чел.; а в Южно-Казахстанскую – 22 тыс. немцев. Свыше 7 тыс. немцев были направлены из Краснодарского края в Новосибирскую область [5, с. 115].

Депортация немцев с Северного Кавказа имела свои особенности. Вопрос о ней стал актуальным в Орджоникидзевском крае уже в конце лета, в связи с эвакуацией сюда немецкого населения из Крыма, в соответствии с «постановлением Совета по эвакуации за № СЭ-75с от 15.VIII-41 г.» Ответственность за проведение этой первой в стране операции по переселению этнических немцев лежала на наркome внутренних дел Крымской АССР т. Караназде и УНКВД края. Процесс эвакуации из Крыма был в спешке практически не подготовлен, без назначения начальников эшелонов, без пояснений, куда и как долго их везут, что «создало безответственность и внесло сумятицу в работу

дежурных по станциям» (из письма зам. нач. 12-го отдела ОК НКВД СССР т. Гусева от 31 августа) [6, с. 79–81]. Эшелоны прибыли на Северный Кавказ. Согласно сообщению краевого УНКВД, в 17 районах края было размещено 50 тыс. немцев из Крымской АССР [8, с. 257]. (Кроме того, 3 тыс. чел. в Ростовской области.) Это привнесло в организацию депортации местных немцев как своеобразие, так и дополнительные сложности: заботы о расселении и временном пребывании крымских немцев, фактически депортированных дважды. Тема долго оставалась «белым пятном» в историографии.

Вторая особенность проявилась в том, что немецкое население выселялось из 4-х автономных республик региона. Через месяц после первого постановления, 22 октября 1941 г. было принято (за подписью И. Сталина) Постановление ГКО № 827-сс «О переселении немцев из Дагестанской и Чечено-Ингушской АССР» [7, л. 176]. Приступить к операции следовало 25 октября, закончить к 30 октября, руководство возлагалось на НКВД. Предусматривалось переселить в КазССР 4 тыс. немцев из Дагестана и 574 чел. – из Чечено-Ингушетии. Перевозку произвести по железной дороге и морским путем по Каспию до Краснодарска. Но по сведениям по окончании отправки в ноябре, в ходе операции было выявлено и отправлено свыше 7 тыс. немцев.

По переписи 17 января 1939 г. в Краснодарском крае числилось 34 287 этнических немцев, в Орджоникидзевском – 45 689 чел., в Кабардино-Балкарской АССР – 5327, в Северо-Осетинской АССР – 2929 чел. В постановлении ГКО эти цифры были взяты за основу (без уточнения на 1941 г.). Но с учетом крымских немцев, выселяемых вместе с местными, число подлежащих переселению из Ставрополя увеличивалось до 95 689 чел. Итого, депортации подвергались 138.232 этнических немца. Однако «протолкнуть» такую масштабную операцию в срок до конца октября не удавалось. Согласно справке отдела спецпереселений НКВД СССР, на 28 октября 1941 г. было выселено: из Краснодарского края – 38136 чел. (свыше «нормы»), из Орджоникидзевского – 95489 (план), из Кабардино-Балкарской АССР – 3573 немца, из Северо-Осетинской – 2415 чел. (недобор!) [8, с. 264–266]. Расхождения в цифрах о проживавших, выявленных и реально отправленных немцах замечали и сами исполнители. Для выяснения подлинной численности выселяемых из северокавказского региона начальник отдела спецпереселений майор ГБ Иванов указал своему заместителю Конрадovu [8, с. 268–269] уточнить данные по двум краям «как о наличии лиц немецкой национальности, так и о количестве переселенных на 1 декабря 1941 г.», и пояснить, «почему в этих краях остался еще большой процент непереселенных немцев».

В ответном рапорте отмечалось, что, по данным Транспортного управления (ТУ) НКВД, «на 25/ХІІ-41 г. в места вселения было отправлено»: 98 903 немца из Орджоникидзевского края и 37 300 чел. – из Краснодарского (менее учтенных 40 636 немцев); 2415 чел. из Северо-Осетинской АССР. И уточнялось, что по сводкам ТУ НКВД, из Кабардино-Балкарии ушло три эшелона – 5803 чел. (Примечание: 3573 чел. указаны были в справке от 28 октября ошибочно, т.к. не был учтен отправленный эшелон № 459 – 2230 немцев.) Из Дагестанской и Чечено-Ингушской АССР, по данным ТУ НКВД, было отправлено 7306 чел. [3, с. 65–67]. Так что определенную «путаницу» вносили сами рапорты сотрудников отдела спецпереселений НКВД и справки ТУ НКВД. Данные то и дело уточнялись, что вносило разночтения.

По справке Народного комиссариата внутренних дел Союза ССР на 1 января 1942 г. были выселены: из Орджоникидзевского края – 99 900 немцев, из Краснодарского – 37 733 чел., из Северо-Осетинской автономии – 5843 чел., из Кабардино-Балкарии – 5803 чел. [8, с. 271]. С учетом выселенных из Дагестана и Чечено-Ингушетии 7306 чел. и 5705 немцев из Калмыцкой АССР (вывезенных с 3 по 10 ноября по распоряжению Совнаркома СССР № 84-кс от 02.11.1941) [8, с. 266–267; 3, с. 55] получаем общую численность депортированных с Северного Кавказа – 162 290 немцев. Важно учитывать методику подсчета. Так, с включением данных по Ростовской области (с 6 сентября было отправлено 17 эшелонов, 38742 немца) общая численность возрастает до 200 тыс. чел. Из депортированных в стране к 1942 г. в места выселения 856 168 этнических немцев пятую часть, до 19 % составили немцы с Северного Кавказа и из Крыма. (Заметим, что депортация 46 533 немцев с Южного Кавказа была закончена 28 октября 1941 г., по советской традиции – «досрочно»!) Немцы оказались «наказаны» фактически первыми среди народов Кавказа. (В ходе войны, в 1943–1944 гг. были выселены коренные кавказские народы.) Это можно отметить как особенность региона.

Общее в депортации немцев – общность судеб, страдания и пережитое в пути, на поселении; потеря родных и близких. Условия переселения в целом были одинаковы по всей стране и определялись инструкциями высших органов власти. Например, СНК СССР, от 30 августа 1941 г. о порядке приема имущества: сдать опечатанные дома, скот, хозяйство; для приема и оценки имущества переселяемых колхозов и личного создать оценочные комиссии. Типична была картина отъезда: плач, рев оставленной скотины, лай собак, порой до изнеможения бежавших за уезжавшим хозяином. Получив жалкие расписки о принятом, семьи с горечью покидали дома, в которые по

решению советско-партийных органов вскоре вселяли местных или эвакуированных. Об использовании колхозной земли шли запросы в ЦК партии. Так, секретарь Орджоникидзевского крайкома ВКП(б) Суслов обратился к секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Андрееву с просьбой «разрешить использовать» имущество и земли немецких колхозов, – таких было в крае 53, с общей земельной площадью 101,4 тыс. га – т.е. «передать смежным с ними колхозам» или совхозам. Сельхозотдел ЦК ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров (распоряжение № 1111-рс от 23 января 1942 г.) поддержали мероприятия крайкома [8, с. 278–279], фактически «узаконили» задним числом. На деле уже шли передача земли и внутрирайонное переселение; ведь оставленный скот требовал ухода. Инструкции по проведению самой операции носили региональный характер. Директивные указания краевых управлений НКВД уже в сентябре 1941 г. ориентировали районные отделы на выявление немцев, составление списков и организацию процесса выселения.

Переезд около месяца в вагонах-теплушках, болезни и смерти в пути, трудности обустройства в зиму на новом месте и трудоустройства были схожи по всем направлениям. Конкретику процесса отражают десятки рапортов и докладных записок «сс» майору ГБ тов. Иванову, начальнику отдела спецпереселений НКВД СССР. В них выявлялись не только недостатки на ж.-д. транспорте, положение с обеспечением хлебом и скотом по квитанциям за сданное имущество и без них, но и политическое настроение переселенцев. Расселение шло в основном в дома местных жителей (родные которых были на фронте, а в семьи шли похоронки). Отношения складывались по-разному. Но не всегда проявлялась враждебность, были и добро, и сострадание, и помощь [9, с. 187–189].

Иное дело – действия советско-партийных органов. Показательна установка ЦК КП(б) Казахстана (директивное письмо от 4 сентября 1941). ЦК требовал повышения бдительности: 1) коммунистам активнее вести массово-политическую работу в колхозах, куда прибывали переселенцы (уже было «отмечено оживление антисоветских настроений», «вскрыты фашистские диверсионные группы» и т.п.); 2) «необходимо принять меры к недопущению распространения влияния этих элементов на местное население». О выполнении директивы информировать ЦК [5, с. 103–104].

«Наказанный народ», немцы оказались первыми в череде репрессий по национальному признаку. И сегодня трагедия депортации остается в сердцах переживших ее людей и их потомков, вызывает к

исторической памяти, напоминает об ответственности тоталитарной власти за содеянное, за которым стоят сотни тысяч поломанных судеб.

### **Библиографический список**

1. Хунагов А.С. Депортация народов с территории Краснодарского края и Ставрополья (20-е – 50-е годы): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998; Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: народы в эшелонах (20–60-е годы). М.: ИНСАН, 1998.
2. Российский Центр Хранения и Изучения Документов Новейшей Истории (РЦХИДНИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 10. Лл. 42–43.
3. Депортации народов СССР (1930-е – 1950-е годы). Ч. 2. Депортация немцев (сентябрь 1941 – февраль 1942 гг.) / Сост. О.Л. Милова. М., 1995. (Материалы к серии «Народы и культуры»). Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9401. Оп. 1. Д. 35. Лл. 273–276; и др.
4. Немецкое население Северного Кавказа: социально-экономическая, политическая и религиозная жизнь (последняя четверть XVIII – середина XX в.) Сб. док. Сост. Плохотнюк Т.Н. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002.
5. Из истории немцев Казахстана (1921–1975): сб. док.: Архив Президента Республики Казахстан / Отв. ред. П. Карпыкова. Алматы; М.: Готика, 1997.
6. Бугай Н.Ф. Депортация народов Крыма. Документы, факты, комментарии. М.: ИНСАН, 2002.
7. РЦХИДНИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 12. Л. 176.
8. «По решению правительства Союза ССР...» Нальчик: Изд. центр «Эль-Фа». 2003. (ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 39, 43; Д. 84. Л. 115; и др.)
9. Чернова-Дёке Т.Н. Немецкие поселения на Северном Кавказе Российской империи. М.: ООО «МаВи групп». 2020. (См.: Эпилог)

***Красникова Юлия Николаевна***

### **Депортация немецкого населения Европейской части СССР в Казахстан (по воспоминаниям немцев Поволжья)**

**Аннотация.** История нашей страны неразрывно связана с историей многих народов и этносов. Россия до сих пор является многонациональным государством, что отражено в ее Конституции. Это делает изучение национальной политики, ее принципов и методов,

которые определяли жизнь народов, актуальной и в современной исторической науке. Статья основана на воспоминаниях депортированных немцев Поволжья. Изучение нарративных источников, дает возможность сформировать представление о судьбе немецкого народа, оценить историю не с позиции цифр и официальных отчетов, а со стороны человека, попавшего в экстремальную ситуацию.

**Ключевые слова:** депортация, немцы Поволжья, Семипалатинская область Казахстан, воспоминания

### **Deportation of the German population of the European part of the USSR to Kazakhstan (according to the recollections of the Volga Germans)**

**Abstract.** The history of our country is inextricably linked with the history of many peoples and ethnic groups. Russia is still a multinational country, which is reflected in its Constitution. This makes the study of national policy, its principles and methods that determined the life of peoples, relevant in modern historical science. The article is based on the memoirs of the deported Germans from the Volga region. The study of narrative sources makes it possible to form an idea of the fate of the German people, to evaluate history not from the standpoint of numbers and official reports, but from the side of a person who is in an extreme situation.

**Keywords:** deportation, Germans of the Volga region, Semipalatinsk region Kazakhstan, memories

История нашей страны неразрывно связана с историей многих народов и этносов. Россия до сих пор является многонациональным государством, что отражено в ее Конституции. Это делает изучение национальной политики, ее принципов и методов, которые определяли жизнь народов, актуальной и в современной исторической науке.

В исторической науке устоялось мнение, что СССР использовало насильственное переселение народов, как часть репрессивной политики и возможность расширения своего политического влияния на все сферы жизни общества [1]. Но переселения применялись советской властью и в отношении русского населения, например, в период коллективизации. От политики принудительного переселения в разной степени пострадали все нации и этносы. Однако, с конца 1930-х – 1940-х гг. политика принудительного перемещения все чаще носила этнический характер. Ее реализация имела свои особенности для каждого этноса и региона. Определяющую роль в этом сыграли и особые обстоятельства, в нашем случае Вторая мировая война.

Решение вопроса о депортации немцев Поволжья было принято еще 26 августа 1941 г. Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О переселении всех немцев из Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей в другие края и области». В документе указывалось, в какие края и области Сибири и Казахстана какое количество немцев следует переселить. Организация и проведение переселения возлагались на НКВД СССР. В тот же день в АССР Немцев Поволжья, Саратовскую и Сталинградскую области были направлены части войск НКВД, которые должны были обеспечить проведение депортации, всего до 12,4 тыс. чел. [2]. 28 августа 1941 г. был издан известный указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Для того, чтобы придать переселению юридическое обоснование, немцев Поволжья обвинили в пособничестве агрессору. Согласно указу, чуть больше 400 тыс. немцев, проживавших в АССР Немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской области, скрывали в своей среде «тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов». С 29 августа на местах участковыми оперативными группами началось спешное составление учетных карточек на выселявшиеся немецкие семьи. Затем в период с конца августа по ноябрь 1941 г. были приняты подобные указы и постановления и проведены соответствующие операции по отношению немцев, живших в районах Поволжья, Крымской АССР, УССР, пригородах Ленинграда, Московской, Ростовской областях, Северном Кавказе и Тульской области, а также в Краснодарском и Орджоникидзевском краях, Кабардино-Балкарской и Северо-Осетинской АССР, Грузинской, Азербайджанской и Армянской ССР, Горьковской области, Дагестанской и Чечено-Ингушской АССР, Калмыцкой АССР. Таким образом, немцев, в СССР депортировали почти из всех районов большей или меньшей их концентрации, если только обстоятельства войны это позволяли.

Статья основана на личном интервью автора с немцами Поволжья, которые непосредственно попали под депортацию. История их депортации началась 28 августа 1941 г., когда было принято решение об их переселении в Семипалатинскую область республики Казахстан [3].

Депортация была проведена в самые короткие сроки согласно плану. Люди старались забрать с собой на места переселения, все то, что можно было унести. Чем больше в семье было мужчин, тем больше имущества семья могла перевезти. Некоторые переселенцы смогли взять с собой даже мебель, стол и стулья, большой сундук, прялку, маслобойку, кухонную утварь и пр. Переезд был тяжелый, сначала

плыли на барже, потом ехали на поезде, между этими перегонами мебель надо было тащить на себе. Если семья переселялась без мужчин, только женщина с детьми, то, к сожалению, зачастую они не могли взять с собой даже теплые вещи. Все остальное имущество переселенцы оставляли на месте. Уже находясь в местах переселения, больше всего люди вспоминали свои дома, сады и скот. Переселенцы верили, что когда-то они смогут вернуться на свою родину, на территорию Поволжья. Сначала ожидания усилились после окончания войны, потом в 1953 г. после смерти Сталина, когда стали возвращать другие народы на прежние места проживания. Из Казахстана стали уезжать чеченцы и ингуши [3].

Переселенцы, добравшись до места, оставались практически предоставлены сами себе. Одной семье, состоящей из матери и пятерых детей, один из которых был еще грудным, выделили для проживания помещение бани. В октябре уже выпал снег, стояли морозы. Помещение надо было еще вычистить и утеплить. Протопить помещение бани оказалось делом сложным, все тепло выдувалось через щели и дыры. Чтобы защититься от холода и ветра, женщина решила рыть землянку. Ей помогали ее старшие дети. Для обогрева помещения решили сделать печь. Кирпичи делали вместе с детьми прямо в землянке. Из них удалось сложить незамысловатую печь, но с лежанкой для детей, которую застелили соломой. Семипалатинская область не богата лесами, поэтому топили печь кизяками, дым выходил через трубу. Крышу землянки выложили кустарником, соломой и дерном, все то что можно было найти вокруг.

Со временем переселенцы стали переезжать из землянок в дома. Если в семье не было мужчин, то помощь в строительстве оказывали жители деревни. Строили из кирпичей, которые делали из глины и соломы. Надо было успеть за сезон, а он очень короткий, с мая по октябрь. Кирпичи надо было успеть высушить, сложить дом, оштукатурить. Во время стройки дом постоянно топили, чтобы просушить стены до холодов. Готовые дома оставались после реабилитации народов Кавказа, их занимали поволжские немцы, которых реабилитация первой волны так и не коснулась [3].

Переселенцы старались поддерживать друг друга. Так, в одной семье переселенцев умерли родители и двое детей остались без попечения. Мальчик, которому было 15 лет, сразу пошел работать, но его заработка не хватало, чтобы прокормить себя и сестру, они голодали. Тогда их забрали к себе соседка, фактически спасая от



голодной смерти. Интересно, что это мальчик позже жениться на дочери этой женщины.

Все переселенцы работали, чаще в местных колхозах. Но это не позволяло прокормиться. Первоначально, вопрос с продовольствием решали путем обмена того, что было, одежды, мелочевки, на продукты. Для обмена приходилось бежать в деревни, где проживали местные жители, а это зачастую 10–15 км, у самих переселенцев нечего было выменять. Когда становилось совсем голодно, а обменять было уже нечего, то просили еду. Люди относились по-разному, кто-то пускал в дом и кормил, разрешал переночевать, а кто-то спускал собак на них. Самыми тяжелыми были первые года переселения. Чувство голода было постоянно, поэтому, как только сходил снег, ели траву и все что казалось съедобным. К сожалению, не обходилось и без трагедий. Так, один из мальчиков наелся зеленой земляники, у него вспух живот, и он умер [3].

Многие переселенцы искали возможность подработать. Кто-то делал печи в землянках, кто-то шил вещи, делал теплые платки. Все это приносило в основном натурализованный доход. Редко удавалось выручить деньги.

Со временем практически все обзавелись хозяйством, разрабатывали огороды, имели скотину. Но переселенцы старались не заводить много животных, ожидая, что скоро их возвратят обратно и придется это снова все оставить. Из молока делали сметану и масло, которые сдавали в магазин, чтобы выручить деньги. Сами же питались скудно. Нашим интервьюерам особенно запомнился факт, что даже борщ если без сметаны, т.к. ее делали только для обмена в магазине. В деревню иногда привозили фильмы, тогда детям давали по яйцу, его можно было обменять в магазине на денежку.

По режиму питания все было строго три раза в день, никаких перекусов. Еда в основном состояла из мучного в разных вариантах. На завтрак, чаще ели кашу, которую варили из муки. Иногда, были бутерброды с маслом. На обед всегда был суп, но только суп. Его варили с домашней лапшой или с клецками. На ужин делали штрули. Редко пекли выпечку, но особенно запомнился пирог крошками из сливочного масла и сахаром. Хлеб в основном был ржаной, белого хлеба мало было. Его давали только больным и маленьким детям.

Переселенцы старались отмечать праздники. Самым ожидаемым было Рождество. На Рождество всегда пекли пирог. Вместо елки ставили кустарник, который украшали вырезанными флажками. Позже в клуб привозили елку, которая была большой редкостью в тех местах.

Поволжские немцы старались сохранить свою идентичность. Между собой говорили по-немецки. В каждой семье были книги, привезённые еще из Германии. Переселенцы взяли их с собой. В основном это были лютеранские песенники и Библия на немецком языке. Женщины и мужчины собирались вместе и пели из этих сборников песен. При отпевании умерших, тоже сохраняли традицию пения из лютеранских сборников. Проводились религиозные собрания, собирались тайно, меняли дома, т.к. комендатура за этим тщательно следила. Такие собрания иногда выявлялись местными жителями, которые заметив, что в доме проводится собрание, сообщали в правоохранительные органы. В этом случае дом ставился на контроль комендатуры, а проживающим в нем не разрешалось покидать деревню. Очень редко такие собрания посещали лютеранские пасторы. Они приезжали периодически для проведения обрядов: венчания, благословения детей. Лютеранские пасторы были под контролем специальных служб, им как-то удавалось посетить местные общины. Собрания проводились обычно поздно вечером, чтобы не привлекать внимание местных жителей. Но периодически властями проводились облавы.

Медицинского обслуживания, по воспоминания переселенцев, не было. Для лечения чаще обращались к местным знахаркам, русским или украинкам. При этом, по воспоминаниям, многие жители деревень, находящихся близко к Семипалатинскому полигону, часто болели онкологией, лечить которую было достаточно сложно при том уровне медицинского обслуживания. По воспоминаниям, смертность среди переселенцев в этой местности от онкологии была высокой.

В связи с дискриминацией немцев-переселенцев, они часто меняли свои имена на более приближенные к русским. Старались своих детей записать под русскими именами, хотя им давалось и немецкое имя. Одна из женщин, при переселении не смогла взять с собой свои документы. Они находились у мужа, которого отправили трудовой лагерь. Найти его там она не смогла, хотя предпринимала такие попытки. Когда она начала работать в колхозе то назвалась русским именем, которое и записали в трудовой книжке. Но при оформлении пенсии возникли сложности, так как по запросу председателя колхоза, прислали свидетельство о рождении из архива, а там стояло другое имя. Доказать свою принадлежность к этому документу она не смогла, поэтому пенсию ей не назначили, хотя она всю жизнь проработала. Справедливости удалось добиться только к 86 года, только тогда ей была назначена первая пенсия [3].

Со временем, когда политика в отношении немцев была смягчена, они начали переселяться в другие районы Казахстана. История немецкого этноса на долгие годы оказалась связанной с экономической, социальной и культурной жизнью республики.

Итак, депортация немцев Поволжья стала для них настоящим жизненным испытанием. Они до сих пор с грустью вспоминают покинутые дома и хозяйства. Переселенцы были предоставлены новой реальности и просто старались выжить. Зачастую это определялось равнодушием других людей, которые старались помочь. Изучение нарративных источников, дает возможность сформировать представление о судьбе немецкого народа, оценить историю не с позиции цифр и официальных отчетов, а со стороны человека, попавшего в экстремальную ситуацию.

### **Библиографический список**

1. Ефремова-Шершукова Н.А. Немцы Казахстана: депортация, спецпоселение, реабилитация. Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Томск, 2009. С. 3
2. Герман А. А., Плева И. Р. Немцы Поволжья: краткий исторический очерк. Саратов: изд-во Саратовского ун-та, 2002. С. 51
3. Мемораты Дорн З.А. Информант: Дорн Зинаида Александровна, 1950 г. р., Семипалатинская область республика Казахстан. Собиратель: Ю.Н. Красникова. Записано: 22.01.2021 г., г. Санкт-Петербург.

*Степанов Михаил Геннадьевич*

### **Уголовное преследование по политическим мотивам депортированных в Хакасию поволжских немцев**

**Аннотация.** В статье исследуется процесс уголовного преследования по политическим мотивам поволжских немцев, депортированных в Хакасскую автономную область в годы Великой Отечественной войны. В качестве базового исторического источника выступили преимущественно архивные материалы делопроизводственной направленности Национального архива Республики Хакасия, Государственного архива Российской Федерации, Государственного архива Красноярского края. В статье резюмируется, что уголовное преследование депортированных в Хакасию немцев

следует рассматривать как проявление субрепрессий политической направленности, а данный репрессивный механизм применялся по большей части в качестве инструмента устрашения гражданского населения на сложном этапе Великой Отечественной войны.

**Ключевые слова:** этнические депортации, депортация поволжских немцев, Великая Отечественная война, Хакасия, политические репрессии, уголовное преследование.

### **Criminal prosecution of Volga Germans deported to Khakassia for political reasons**

**Abstract.** The article examines the process of criminal prosecution for political reasons of Volga Germans who were deported to the Khakass autonomous region during the Great Patriotic war. The basic historical source was mainly archival materials of the office-related nature of the National Archive of the Republic of Khakassia, the State Archive of the Russian Federation, and the State Archive of the Krasnoyarsk Territory. The article summarizes that the criminal prosecution of the Germans deported to Khakassia should be considered as a manifestation of political sub-repressions, and this repressive mechanism was used for the most part as a tool to intimidate the civilian population at a difficult stage of the Great Patriotic war.

**Keywords:** ethnic deportations, deportation of Volga Germans, the Great Patriotic war, Khakassia, political repression, criminal prosecution.

Массовая депортация российских немцев из районов Поволжья привела к прибытию 77259 чел. в Красноярский край по состоянию на 5 ноября 1941 г. [1, с. 21]. Из данного «спецконтингента» формировалась группа немцев, перебрасываемая в Хакасию. Следует отметить, что до начала Великой Отечественной войны в Хакасской автономной области проживало 333 человека представителей немецкой национальности (по состоянию переписи населения 1939 г.) [2, л. 161]. Проживавшие на 1939 г. в Хакасии немцы были переселены в Южную Сибирь еще в период проведения знаменитой сталинской аграрной реформы в начале XX в.

Вопросом приема и размещения депортируемого контингента в Хакасии занималась созданная 8 сентября 1941 г. областная «тройка» из числа представителей Хакасского обкома ВКП(б), областного управления НКВД и исполкома облсовета. Областная «тройка» планировала принять на расселение в Хакасии 10,5 тыс. советских граждан немецкой национальности [3, л. 161].

По данным же Государственного архива РФ в Хакасию было депортировано 15136 немцев из районов Поволжья [4, ЛЛ. 90, 94, 106, 156, 161, 165].

Прибывшие в область спецпереселенцы сразу же брались на учет Хакасским областным управлением НКВД СССР. Государством был четко определен статус депортированных немцев: «...Имеющиеся у ссыльнопоселенцев на руках паспорта, подлежат уничтожению органами НКВД и замене их соответствующими удостоверениями, установленными для этой категории лиц (ссылных). Ссыльнопоселенцы обязаны являться на регистрацию в органы НКВД в установленное время. Самовольный выезд из места поселения рассматривается как побег из ссылки. За совершенные преступления ссыльнопоселенцы привлекаются к уголовной ответственности в общем порядке. Ссыльнопоселенцы имеют право: а) работать на государственных, кооперативных и других предприятиях и в учреждениях, быть членами сельскохозяйственных, кустарно-промысловых и рыболовецких артелей, с распространением на них общего трудового законодательства; б) вступать в брак, как между собой, так и с другими гражданами; в) получать государственное пособие по инвалидности, по смете НКВД СССР» [5, л. 1 об.].

Трудовое использование немцев началось практически сразу же по прибытии в районы спецпоселения. На заседании бюро Хакасского обкома партии 18 ноября 1941 г. был рассмотрен вопрос об устройстве прибывших немцев-спецпереселенцев в Хакасию. Было отмечено следующее: «Проведенной проверкой ОК ВКП(б) Усть-Абаканского, Богградского и Бейского районов установлено, что в основном переселенцы, прибывшие в Хакасскую область, хозяйственно устроены, с прибытием на места расселения сразу же включились в производственную работу колхозов, предприятий [2, л. 316]. Также на заседании Бюро подчеркивалось, что специалисты среди спецпереселенцев использовались не по специальности, особенно это проявлялось в Шарыповском районе, также отмечался факт недостаточной включенности в производственную работу женщин, имеются факты отказа отдельных спецпереселенцев от физической работы в колхозе (Боград, Шарыпово, Усть-Абакан) [2, л. 317].

20 декабря 1941 г. в Хакасский обком ВКП(б) поступила информация от секретаря Аскизского райкома ВКП(б) А. Серпуховитина об устройстве переселенцев-немцев Поволжья из Сталинградской и Саратовской областей: «Из прибывших переселенцев – немцев трудоспособных старше 16 лет – 820 человек, имеющих квалификации: трактористов – 51, комбайнеров – 7, шоферов – 2,

счетоводов-бухгалтеров – 11, учителей – 14, агрономов – 2, зоотехников – 1, сапожников – 7, плотников – 6. В числе прибывших переселенцев немцев 13 членов ВКП(б), 1 кандидат, всего 14, из них работают в колхозах 13 человек» [2, л. 715].

В более выгодном положении оказались работники сельского хозяйства: механизаторы, комбайнеры, агрономы, ветеринары, зоотехники, счетоводы, что позволило деревне в какой-то мере ликвидировать дефицит рабочей силы, вызванный военной мобилизацией. Однако, большинству представителей немецкой интеллигенции, ученым, врачам, учителям, инженерно-техническим работникам и другим специалистам пришлось работать на неквалифицированных работах.

Депортация немцев из районов Поволжья была лишь первым этапом проявления репрессивной политики в отношении национальных меньшинств государством.

На территории Хакасии находилось, более 30 спецкомендатур НКВД, в задачи которых входило: установление численности семей и количества спецпереселенцев; обеспечение контроля за движением спецпереселенцев в границах районов расселения; выявление трудоспособных спецпереселенцев в целях контроля за их трудовым устройством; своевременное выявление побегов спецпереселенцев с мест их расселения; выдача справок спецпереселенцам [6, с. 92]. На основании этих положений немцы-спецпереселенцы оказались привязанными к месту своего района и спецкомендатуры, становясь объектом тотального контроля со стороны властей.

Следующим этапом репрессивной политики государства в отношении немцев была мобилизация трудоспособного населения в трудовые армии. В Хакасской автономной области немцы использовались по линии НКПС СССР на строительстве железной дороги Сталинск-Абакан. Кроме того, спецпереселенцы использовались в качестве рабочей силы на лесозаготовках. Всего в предприятия лесной промышленности «направлено переселенцев спецконтингента 6858 человек, из них трудоспособных 2794 человека и работает 2673 человека» [7, л. 120]. К тресту «Хакаслес» было приписано 1748 человек, из которых работало 433 человека [7, л. 121]. Администрацией треста отмечалось, что: «Вследствие отсутствия навыков и недостаточной работы руководства предприятиями по производственному обучению, большинство работающих из спецконтингента не выполняют дневных норм выработки, медленно осваивают квалификацию лесного рабочего» [7, л. 122].

Новым явлением в развитии политических репрессий в Хакасии во время войны было проведение карательных акций в отношении депортированного в регион так называемого «спецконтингента» из числа немцев Поволжья. Этот народ рассматривался местными властями как потенциальный «контрреволюционный элемент». За период войны в Хакасии было арестовано по «контрреволюционным преступлениям» 30 немцев [8, с. 109].

Уже в конце 1941 г. местные органы НКВД активно начали арестовывать лиц из числа депортированных немцев Поволжья. Так, был арестован В.И. Кронвальдт, конюх сельпо Шарыповского района. Он обвинялся в том, что: «В октябре месяце 1941 г. во время раскомандировки клеветал на материальное положение колхозников, дискредитировал колхозы и высказывал угрозы в адрес руководителей колхоза... Кронвальдт говорил: «В колхозе пусть работают колхозники... Советская власть издевается над честным народом, заморила его голодом» [9, л. 48]. Хакасский областной суд приговорил арестованного по этому делу Кронвальдта на основании статьи 58-10 ч.II УК РСФСР к высшей мере наказания – расстрелу с конфискацией лично принадлежащего ему имущества [9, л. 51 об.].

В 1942 г. был арестован другой немец-спецпереселенец И.Н. Штауб, шофер колхоза им. Буденного. Он обвинялся в «систематическом распространении контрреволюционных пораженческих слухов...» [10, л. 5]. Арестованной в 1943 г. П.И. Кайзер инкриминировалось, что: «...Будучи враждебно настроенной, против существующего в СССР строя, она систематически проводит среди населения контрреволюционную клевету на руководителей партии и советского правительства, предсказывая неизбежную гибель Советской власти в войне с фашистской Германией. Допрошенная по данному делу свидетель показала следующее: «В июле месяце 1942 г. я была на квартире у Кайзер, последняя в разговоре о военных действиях, обратившись ко мне, заявила: «Ты знаешь, русские уже сами убеждены в том, что Гитлер победит, да это и так вполне понятно. Немцы не дают Красной Армии отдохнуть» [11, л. 3]. Судебная коллегия по уголовным делам Хакасского областного суда приговорила П.И. Кайзер на основании статьи 58-10 ч.II УК РСФСР к десяти годам лишения свободы, с отбыванием срока в ИТЛ НКВД СССР, с последующим поражением в избирательных правах сроком на пять лет [11, л. 65].

Следует отметить, что в период войны некоторые советские немцы, которые подвергались репрессиям, занимали в народном хозяйстве руководящие должности. В 1942 г. в отношении начальника участка по строительству железнодорожной линии Бурмейстера было

возбуждено уголовное дело. К обвинению в антисоветской агитации добавлялось обвинение следующей формулировкой: «Арестованный систематически саботировал выполнение государственного задания по строительству железнодорожной линии, отказывался от работы, нормы выработки выполнялись на его участке на 50%, был застрельщиком организованного срыва работ» [11, л. 3]. Практически аналогичным образом звучало обвинение в отношении гражданина Кербера, который в 1942 г. обвинялся в том, что «систематически саботировал в системе лесной промышленности – лесоплава, ежедневно демонстративно производил отказ и невыход на работу, в то же время проводил разложенческую агитацию, направленную на срыв выполнения плана сплавных работ» [12, л. 3].

Таким образом, уголовное преследование депортированных в Хакасскую автономную область немцев следует на наш взгляд рассматривать как проявление субърепрессий политической направленности. Анализ доступных архивных материалов по проблеме позволяет констатировать, что механизм арестов по «контрреволюционным» статьям особо активно применялся лишь в 1941–1942 гг. Этот факт по большей части говорит, что данный репрессивный механизм применялся по большей части в качестве инструмента устрашения гражданского населения на сложном этапе Великой Отечественной войны.

### **Библиографический список**

1. Шадт А.А. Прием и расселение спецпереселенцев–немцев в Западной Сибири (1941–1942) // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект (Материалы международной научной конференции, Анапа, 26–30 сентября 1997 г.). М.: Готика, 1998. С. 314–322.
2. Государственное казенное учреждение Республики Хакасия «Национальный архив» (далее ГКУ РХ «НА»). Ф. 2. Оп. 1. Д. 798.
3. Краевое государственное казенное учреждение «Государственный архив Красноярского края» (далее КГКУ «ГАКК»). Ф. 26. Оп. 3. Д. 116.
4. Федеральное казенное учреждение «Государственный архив Российской Федерации» (далее ФКУ «ГАРФ»). Ф.Р-9479. Оп. 1. Д. 83.
5. ФКУ «ГАРФ». Ф.Р-9479. Оп. 1. Д. 87.
6. Зяблицева С.Н. Особенности репрессивной политики государства по отношению к гражданам немецкой национальности в 1940–1960-е гг. // Политические репрессии в Хакасии и других регионах Сибири (1920–1950-е годы). Материалы межрегиональной научно-



практической конференции, проходившей 20 декабря 2000 г. в г. Абакане / отв. ред. А.П. Шекшеев. Абакан: Журналист, 2001. С. 91–97.

7. КГКУ «ГАКК». Ф. 26. Оп.3. Д. 383.

8. Степанов М.Г. Сталинские репрессии в Хакасии в конце 1930-х – начале 1950-х гг. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2006. 182 с.

9. ГКУ РХ «НА». Ф. Р-674. Оп. 1а. Д. П-21910.

10. ГКУ РХ «НА». Ф. Р-674. Оп. 1а. Д. П-14036.

11. ГКУ РХ «НА». Ф. Р-674. Оп. 1а. Д. П-13605.

12. ГКУ РХ «НА». Ф. Р-674. Оп. 1а. Д. П-20416.

*Скоп Евгения Александровна*

### **Немцы – трудармейцы г. Новосибирска: прошлое и настоящее**

**Аннотация.** В статье исследуется положение немецких трудармейцев г. Новосибирска, их расположение на территории города после мобилизации, приводятся воспоминания трудармейцев и членов их семей. Автор рассматривает актуальную на сегодняшний день проблему – увековечивания и сохранения исторической памяти о событиях, которые происходили в г. Новосибирске в период с 1941 по 1945 г., отдавая дань всем уже ушедшим и ныне живущим свидетелям тех лет. Именно сейчас наблюдается возросший интерес молодых российских немцев к своим истокам, культуре, традициям, языку. Многие молодые люди, которые родились в 80–90-х гг. XX в., стараются по крупицам собирать историю своих семей, реликвии и прививать детям любовь к родной культуре, некогда несправедливо отобранной у многих поколений немцев, которые оказались оторванными от родной земли – земли своих предков, нашедших новый дом в Новосибирской области.

**Ключевые слова:** трудовая армия, мобилизация, трудармейцы г. Новосибирска, завод «Сибсельмаш», военный Новосибирск.

### **Germans-labor soldiers of Novosibirsk: past and present**

**Abstract.** The article examines the position of the Germans-labor army members of Novosibirsk, their location in the city after mobilization,

recounts the memoirs of the labor army members and their families. The author examines the current problem of perpetuating and preserving the historical memory of the events that took place in Novosibirsk in the period from 1941 to 1945, paying tribute to all the witnesses of those years who have already passed away and are now living. Right now, there is an increased interest of young Russian Germans in their origins, culture, traditions and language. Many young people who were born in the 80s and 90s. XX century, try to collect bit by bit the history of their families, relics and instill in children a love for their native culture, once unfairly taken away from many generations of Germans who were torn off from their the land of their ancestors who found a new home in the Novosibirsk region.

**Keywords:** labor army, mobilization, labor army of Novosibirsk, military Novosibirsk, «Sibselmash» factory.

В августе 1941 г. советское руководство решилось на депортацию граждан СССР немецкой национальности в восточные районы страны. Из подробного доклада министра внутренних дел С.Н. Круглова Л.П. Берии явствует, что в 1941–1942 гг. в целом было выселено 806533 советских граждан немецкой национальности. Вместе с военнослужащими, заключенными ГУЛАГа и женщинами, состоявшими в смешанных браках и не затронутыми депортацией, в конце 1941 г. на территории, контролируемой Советской властью, находилось не более 1100 тысяч немцев. Следующей ступенью лишения немецкого меньшинства гражданских прав стало почти полное заключение всех взрослых в трудовые лагеря, что официально называлось «мобилизацией в рабочие колонны» [1, с. 93].

В годы войны труд граждан немецкой национальности широко использовался на предприятиях восточной части СССР.

Новосибирская область, включавшая в свой состав территории нынешних Томской и Кемеровской областей, приняла в 1941 г. свыше 120 тыс. депортированных из Поволжья и других регионов СССР советских немцев. Более половины их оставалось в ее пределах вплоть до 1956 г. – года снятия немцев с учета спецпоселений [2, с. 47].

Немцы, прибывшие в 1941 г. в город Новосибирск, размещались, в том числе, в Левобережной части города (в Кировском районе г. Новосибирска). Так возникло два «немецких посёлка». Один в районе поселка Западный, другой – в районе Затон.

Это были посёлки-близнецы. На открытом месте построили многоместные бараки, медпункт, детский сад, школу. Посёлки обнесли высоким забором с колючей проволокой, установили военную охрану и пропускную систему. Затем привезли людей. Отличалась жизнь в

посёлках только тем, что с Западного посёлка на работу вели под конвоем, а с Затона возили на грузовых машинах.

По воспоминаниям очевидцев тех событий, проживающих в районе Затон г. Новосибирска: «людей привезли поздней осенью на место, где были только бараки. О дровах для печек никто не думал. Многие в первую зиму умерли от переохлаждения, некоторые смогли выкопать землянки, в них было теплее, чем в бараках. В одном бараке была столовая, другой барак был разделен на две части. На одной из них была своя школа, на другой – детский сад. Преподавание было на русском языке».

«Затонцы» пытались перебросить через высокий забор куски хлеба, но охрана не позволяла этого делать, угрожая применить оружие. Некоторые ребяташки из района Лесоперевалки, что вблизи Затона, умудрялись переплывать реку, делали подкоп под забором и проникали в лагерь, в котором было 6–7 барачков.

После войны забор вокруг посёлка убрали, немцам разрешили работать без конвоя. В 1949 г. закрыли детский сад, перевели его в район Сада Кирова г. Новосибирска. Школьники стали ходить в школу. Некоторые немецкие семьи переехали в район Затон, а основная масса осталась в «немецком посёлке».

Люди начали отстраиваться. Особенно бурно строился «немецкий посёлок» в пятидесятые годы. Строились без официального разрешения властей. Место неплановое, затапливаемое. Но если за ночь успел построить небольшой домик и затопить печь, значит, твой дом не пойдет под бульдозер. Некоторые не успевали и отстраивались по несколько раз [3].

В музее «Затон» автором обнаружен сохранившейся список детей, зачисленных в 1944 г. в 1 «В» школы № 69, которая располагалась в Затоне г. Новосибирска. В списке 39 детей, среди которых преобладают немецкие фамилии [4].

В работе новосибирского краеведа К. Голодяева указывается, что на картофельном пустыре (ныне улица Немировича-Данченко) был устроен специальный лагерь для интернированных трудмейцев. В основном это были эстонцы и поволжские немцы. Его называли «Копай-город» – 12 землянок по 96 нор в каждой – половина окошка в земле, половина на улице. Потом для них были выстроены двухэтажные бараки. Жительница деревни Бугры Н.П. Боневоленская вспоминает: «в войну мама была одновременно главврачом нашей бугринской больницы № 10, а также новой – № 9, и заведующей Кировского райздрава. По дороге с райисполкома она проверяла санитарное

состояние землянок. Вечером придет домой расстроенная: «ну-ка, ребята, быстро на санки ведро картошки и в 12 землянку» [5].

Согласно данным из Докладной записки УНКВД по Новосибирской области в ГУЛАГ НКВД СССР «О трудовом и хозяйственном устройстве спецпереселенцев-немцев, расселенных в Новосибирской области» (по состоянию на 20.03.1943 г.), было передано мобилизованных военкоматами промпредприятиям Новосибирской области, согласно нарядам НКВД:

мужчин – 5120 чел.;

женщин – 6424 чел.;

итого – 11544 чел.

В настоящее время находятся в стадии выполнения наряды ГУЛАГа по передаче 500 чел. Немок Новосибирскому заводу № 179, 200 чел. немцев-мужчин Новосибирскому заводу № 65. Кроме того, непосредственно облвоенкоматом в настоящее время выполняется наряд штаба СибВО по передаче Новосибирскому строительству заводу станкостроения 500 чел. женщин-немок [6, с. 272, 273].

В документе отражены факты, имевшие место быть в связи с принудительным перемещением советских немцев. Сообщалось, что наряду с недобросовестным отношением к работе спецпереселенцев имелись факты необъективного, а в отдельных случаях пренебрежительного отношения к ним со стороны местных руководителей. Отмечались случаи невыхода на работу спецпереселенцев из-за отсутствия продуктов питания. Наблюдались случаи недоброжелательного отношения к спецпоселенцам-немцам со стороны и коренного населения. Всюду можно было слышать заявления местного населения и такого содержания: «Привезли немцев в наш район, надо было бы расстрелять на месте и не везти сюда». «Это такие же фрицы, как и в Германии. Они так же хотят, чтобы не было Советской власти, их надо поморить здесь».

В неудовлетворительном состоянии обстоит дело и с обучением спецпереселенцев-немцев в школах. Несмотря на большое количество детей школьного возраста, школы посещали единицы. «Причины слабого охвата детей школьным обучением объясняются нежеланием родителей учить детей в русских школах, часть же детей не посещают школы из-за отсутствия зимней одежды и обуви, а материальная помощь нуждающимся не оказывается [6, с. 275, 276, 277].

В феврале 1945 г. комиссия, в состав которой входили представители Новосибирского обкома, НКВД и облздравотдела, проверяющая жилищно-бытовые условия рабочих, подавляющее большинство которых составляли спецпереселенцы-немцы,

работавшие на новосибирских предприятиях, описывала их как «исключительно тяжелые». Так, работающие на заводе № 65 и комбинате № 179 295 семей спецпереселенцев-немцев проживали в так называемой «зоне», которая состояла из «забора, обнесенного вокруг трех бараков, столовой и бани» (бараки – каркасно-засыпные). Каждый барак состоял из двух секций без перегородок и коридора. Помещения оказались не утепленными и не отремонтированными, несмотря на наличие акта приемки. Из-за отсутствия топлива из каждых четырех печей топились только одна-две. Санитарные условия можно описать только как вопиющие: не было ни постельных принадлежностей, ни умывальников, ни уборных [7, с. 475].

Одним из основных производственных предприятий г. Новосибирска в годы Великой отечественной войны был комбинат № 179 (в последующем – завод «Сибсельмаш»), который с 1939 г. начал выпускать оборонную продукцию. В 1941–1945 гг. комбинат стал «главным арсеналом» страны. Каждый третий снаряд поступал к советским солдатам именно из цехов этого новосибирского предприятия. К 1941 г. комбинат № 179 еще не был полностью достроен и располагал лишь 10% проектной мощности производства.

Комбинат № 179 первым в городе размещает на своих площадях 7 эвакуированных предприятий. В декабре 1942 г. завершено строительство комбината и предприятие впервые выполнило госзадание на 107,5% [8].

Именно на данном производстве трудились многие мобилизованные немцы-трудармейцы, добросовестно относившиеся к работе.

Например, в марте 1943 г. горком ВКП(б) учредил для передовых цехов комбината № 179 5 переходящих Красных знамен. Каждый десять дней жюри комбината рассматривало результаты соревнования, и передовым цехам присуждали эти знамена. Первым были удостоены чести получить Знамя цехи, которыми руководили М.Н. Королев, А.Т. Шмелев, М.Я. Шнейдер Ф.А. Метлин и П.Ф. Могулов [7, с. 37].

Многие спецпоселенцы имели среднее или высшее образование, однако работать приходилось разнорабочими на производствах города Новосибирска. Сложности с трудоустройством решались в основном самими немцами, их переквалификацией или примирением с предложенной работ, т.к. режим спецпоселения с запретом на свободу передвижения не оставлял возможности и надежды устроиться по своей специальности в будущем.

Так, на заводе «Сибсельмаш» – Д.Г. Швенк, агроном, работал грузчиком, В.Э. Краузе, агроном – мастером. На заводе № 566 – В.П.

Гряслих, агроном, и Э.Ф. Гряслих, зоотехник – работали контролерами и т.д. [7, с. 450–451].

Имеется множество воспоминаний трудармейцев и членов их семей о работе на предприятиях г. Новосибирска.

Согласно данным Якоба Гюнтера, его отец, Гюнтер Давид Давидович с января 1942 г. по май 1948 г. находился в трудовой армии в г. Новосибирске на «Оловозаводе». Условия труда – тяжелейшие. На пустыре начали возводить цеха и одновременно строили плавильные печи. У цеха еще не было крыши. А печи уже выплавляли олово. Давид Давидович вызвался в рафинировочный цех, там паек была больше, но производство крайне вредное, вследствие чего он стал инвалидом [10].

По воспоминаниям Фриды Даниловны Беч (Борискиной) и Розы Даниловны Беч (Ковалевой), дочерей трудармейцев Данила Даниловича Беч и Фриды Александровны Беч (Гаас), записанным автором, их родители познакомились во время пребывания в трудармии в 1943 г., оба были мобилизованы из Алтайского края.

Проживали они в одном из «немецких поселков», работать приходилось в цехах комбината № 179 (завод «Сибсельмаш») и на сортировке овощей в холодное осеннее время (перебирали овощи руками, без теплой одежды с утра и до позднего вечера). На работу и с работы ходили под конвоем, под охраной собак. Люди, которые не выдерживали тяжелых условий труда или голода, замертво падали по ходу движения колонны. Родители никогда не говорили, как их хоронили, потому что было страшно.

Судьба Генафефы Александровны Думрауф – трудармейки, одной из основателей общественного движения российских немцев Новосибирской области, во многом схожа с большинством трудармейцев г. Новосибирска, которые не уехали после всего пережитого, а остались в городе.

Она вспоминала: «Когда вышел указ, мне было около 13 лет. Из деревни немцы уезжали, бросив всё нажитое. Довезли нас до Энгельса, на станции погрузили в скотские вагоны. Было много детей, они плакали, просили пить. Везли нас целый месяц, о маршруте нам не сообщали. Наконец мы оказались в Сибири. Уже было холодно, лили дожди.

Вскоре начали мобилизовывать в трудармию мужчин, потом и до женщин дошла очередь.

В декабре 1944 г., когда мне 16 лет было, стала работать в цехе на 8-часовой смене по списку № 1 (вредное производство), а с 1945 г. уже перешла на 12-часовой рабочий день. Изготавливала для снарядов гильзы разного калибра, чтобы приблизить долгожданный День

Победы. И он настал, правда, не принёс нам ожидаемых перемен. Как и прежде, российские немцы ходили отмечаться в комендатуру» [11].

По воспоминаниям трудармейцев, комендатура располагалась в Кировском районе г. Новосибирска, туда нужно было ходить отмечаться один раз в неделю. Многие бывшие трудармейцы остались работать на заводе «Сибсельмаш» и, создавая целые семейные династии работников завода, получали жилье и осваивали новые специальности.

В конце 80-х гг. XX в. бывшие трудармейцы и их потомки стали объединяться, принимать активное участие в возрождении общественного движения российских немцев, создавать свои общества, приложили много сил для организации в городе Российско-немецкого дома, были инициаторами создания музея репрессированных по политическим мотивам в одной из школ города, выступали перед школьниками на классных часах, посвящённых памяти жертв политических репрессий.

Долгие годы проблема и сама тема российских немцев сначала в СССР, а затем и в России, замалчивались. Но наша задача – сохранить память и не допустить повторения истории.

### **Библиографический список**

1. Кригер В. Патриоты или предатели? Политические и уголовные процессы против российских немцев в 1942 – 1946 годах // Родина. – 2002. – № 10. – С. 93.

2. Страницы истории Новосибирской области. Люди, события, культура: первая областная научно-практическая конференция краеведов: тезисы докладов и сообщений / [редкол.: Л.М. Горюшкин, В.А. Зверев (отв. ред.) и др.]. – М.: [б. и.]. – Ч. 1. – 1995. – 198 с.

3. Немецкий посёлок [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://asa.ict.nsc.ru/jspui/bitstream/ICT-PS/84/1/Немецкий%20поселок.pdf> (дата обращения: 21.05.2021).

4. Материалы музея «Затон» МБУК г. Новосибирска «Центральная библиотечная система имени П.П. Бажова Ленинского района» (филиал «Библиотека имени А.А. Фадеева»).

5. Голодяев К. Тюрьмы и лагеря столицы Сибири. Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://bsk.nios.ru/sites/bsk.nios.ru/files/tyurmy\\_i\\_lagerya\\_stolicy\\_sibiri.pdf](http://bsk.nios.ru/sites/bsk.nios.ru/files/tyurmy_i_lagerya_stolicy_sibiri.pdf) (дата обращения: 21.05.2021).

6. Наша малая родина. Хрестоматия по истории Новосибирской области. 1921–1991 / Сост. В.И. Баяндин, В.А. Ильиных, С.А. Красильников, И.С. Кузнецов и др. – Новосибирск: «Экор». – 1997. – 768 с.

7. История и этнография немцев Сибири / сост., науч. ред. П.П. Вибе. – Омск: Изд-во ОГИК музея, 2009. – 752 с.
8. По материалам совместного проекта МБУК г. Новосибирска «Центральная библиотечная система имени П.П. Бажова Ленинского района» и МБОУ Центр героико-патриотического воспитания «Пост № 1» – «90 лет заводу «Сибсельмаш». – 2019.
9. Новосибирский арсенал, 1941–1945 гг. / [редкол.: В.Н. Шумилов (гл. ред.) и др.]. – Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, – 2005. – 399 с.
10. Трудармия г. Новосибирска [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://forum.wolgadeutsche.net/viewtopic.php?t=9104&start=40> (дата обращения: 21.05.2021).
11. Волжская республика: уроки истории. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vn.ru/news-20768> (дата обращения: 21.05.2021).

*Смирнова Татьяна Борисовна*

### **Влияние депортации на идентичность немцев России\***

**Аннотация.** Депортация советских немцев в 1941 г. оказала очень большое влияние на этническую идентичность и трансформировала ее. В статье приводятся основные факты, связанные с депортацией и анализируются ее последствия, главным из которых было изменение территориального размещения немцев. Центральная часть статьи посвящена влиянию травмирующих событий на идентичность народа. Эмпирической базой исследования стали воспоминания, собранные в экспедициях, хранящиеся в архивах, а также результаты этносоциологического опроса немцев, проведенного в 2020 г. Причинами сохранения памяти о депортации являются неполная реабилитация, широкое обсуждение темы депортации, деятельность общественных организаций, формирование коллективных представлений об этих событиях.

**Ключевые слова:** российские немцы, этническая идентичность; депортация; историческая память.

---

\* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Этническая идентичность на постсоветском пространстве (на примере немцев России, Украины и Казахстана)», проект № 20-09-00177.



## The impact of deportation on the identity of Russian Germans

**Abstract.** The deportation of Soviet Germans in 1941 had a very large impact on ethnic identity and transformed it. The article presents the main facts related to deportation and analyzes its consequences, the main one of which was the change in the territorial distribution of Germans. The central part of the article is devoted to the impact of traumatic events on the identity of the people. The empirical basis of the study was the memories collected in expeditions, stored in archives, as well as the results of an ethnosociological survey of Germans conducted in 2020. The reasons for preserving the memory of deportation are incomplete rehabilitation, extensive discussion of the topic of deportation, the activities of public organizations, and the formation of collective ideas about these events.

**Keywords:** Russian Germans; ethnic identity; deportation; historical memory.

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., на территории Советского Союза проживало более 2 млн. немцев, из них 957 тыс. в Казахстане и 842 тыс. в России [1]. С распадом СССР и началом массовой эмиграции, численность немцев значительно сократилась, до 120 тыс. в Казахстане и до 400 тыс. в Российской Федерации. Резкие колебания численности и изменения в расселении были характерны для российских немцев на протяжении всей их истории, что, несомненно, являлось следствием масштабных миграционных процессов.

Постоянные миграции, переселения оказали большое влияние на этническую идентичность немцев. Тем более, что переселения эти были не только добровольными, но были и принудительными, насильственными. Депортация советских немцев в 1941 г. из Поволжья и других регионов европейской части СССР в Сибирь и Казахстан была поворотным событием в их этнической истории. Такие события не забываются, и они, безусловно, оказывают очень большое, трансформирующее влияние на идентичность этнической группы. Со времени депортации прошло 80 лет, и сегодня осталось в живых очень немного людей, которые помнят события 1941 г. Изучение воспоминаний свидетелей тех далеких событий, но главным образом – изучение мнения об этих событиях потомков депортированных немцев, позволяет внести вклад в копилку исследований этнической идентичности.

Эмпирической базой исследования стали воспоминания, собранные в экспедициях, хранящиеся в архивах, а также результаты

этносоциологического опроса немцев, проведенного в 2020 г. при поддержке Международного союза немецкой культуры.

По Указу Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» от 28 августа 1941 г. [2] произошло выселение немцев с территории Автономной Советской Социалистической Республики немцев Поволжья. В Красноярский край было доставлено 79,5 тыс. человек, в Алтайский край – 80,4 тыс. человек, в Омскую область – 82,9 тыс. человек, в Новосибирскую – 88,7 тыс. человек, в Казахскую ССР – 117,7 тыс. человек. Всего с территории Поволжья на новые места прибыло 440,2 тыс. человек [3, с. 77). На 1 января 1942 г. общее число депортированных немцев из европейской части Советского Союза составило 856,2 тыс. человек.

После депортации населения, немцы в местах назначения стали третьим и даже вторым по численности народом после русских. Так, по результатам первой послевоенной переписи населения 1959 г., всего в СССР насчитывалось 1619,6 тыс. немцев, из них в РСФСР проживало 820 тыс. человек, в Алтайском крае немцы с численностью 143,1 тыс. человек стали второй национальной группой после русских. Аналогичная ситуация сложилась в Новосибирской области, где теперь насчитывалось 78,8 тыс. немцев, и в Омской области, где стало 105,8 тыс. немцев [4].

Несомненно, депортация стала самой трагической страницей в истории немцев России. Она явилась той точкой отсчета, после которой началось постепенное размывание этнической идентичности, иногда – намеренное отрицание своих этнических черт. Главное негативное последствие депортации было связано с изменением характера проживания советских немцев. Если раньше немцы проживали компактно, прежде всего, на территории Республики немцев Поволжья, а также компактными группами на территории Украины, Закавказья и Сибири, то после переселения немецкое население стало проживать дисперсно, на огромных расстояниях друг от друга. Это сыграло свою большую роль в развитии ассимиляционных процессов.

Помимо изменения территории проживания и характера расселения, депортация привела к психологическим изменениям, которые надолго определили процессы в сфере этнической идентичности, отголоски которых есть и сегодня. Депортация, а затем мобилизация в трудовую армию и режим спецпоселения деформировали процесс самоидентификации, этнокультурной преемственности поколений, наложили отпечаток на формирование коллективной памяти.

Депортация и режим трудармии привели к радикальным социальным переменам и, фактически, сформировали современных российских немцев. До депортации они очень отличались друг от друга (городские жители от сельских, носители разных диалектов, приверженцы разных конфессий, жители разных регионов и т.д.), а трудармия и спецпоселение сформировали общую идентичность «страдающего», «наказанного» народа.

Депортированные немцы оказались разбросаны по огромной территории Сибири, компактность проживания почти везде была нарушена. Переселенцы попадали в разные условия и окружение, к которым в короткий срок необходимо было адаптироваться. Местное население в большинстве своем было негативно настроено к вновь прибывшим, люди оказались на грани выживания без запасов еды и теплой одежды. Многие были вынуждены обменивать личные вещи на продукты; наниматься на любую работу, получая за нее немного продуктов для поддержания сил. Из воспоминаний, собранных в этнографических экспедициях, можно сделать вывод, что самый трудный был 1942 год, «... сразу после депортации, работали у местных, за это нам давали молоко и мерзлую картошку, потом варили паштет для русских за мешок свеклы или килограмм любого зерна». Другой пример: «Во время войны жили бедно, был голод. Не было собственного дома, копали землю и за это нам разрешали жить в комнате» [5]. Депортация разобщила многие семьи, родственники терялись и умирали в дороге, были распределены по разным населенным пунктам. Мобилизация в трудовую армию усугубила ситуацию. Депортация запустила интенсивные этноязыковые процессы, которые привели к слабому владению немецким языком современными поколениями и фактической утрате диалектных форм языка. Многим немцам в короткие сроки пришлось освоить русский язык, при этом немецкий остался языком семейного общения и религиозных собраний.

Ассимиляции способствовало большое количество смешанных браков. Уже в 1945 г. доля национально-смешанных браков в сельских населенных пунктах Омской области составляла 52,5% от всех заключенных браков (а у городского населения этот показатель был еще выше), и в последующие периоды постоянно росла [6, с. 204]. При этом национальность детей в таких семьях практически всегда указывалась не немецкая. Эти процессы, также привели к усложнению процесса этнического самоопределения.

Депортация имела и отложенный эффект, сегодня травматические страницы этнической истории немецкого населения являются важным элементом культурной памяти народа и

инструментом для его этнической идентификации. В 2020 г. был проведен этносоциологический опрос немцев, живущих в Российской Федерации. Темой опроса было современное состояние идентичности, языка и культуры. Всего была опрошена 1 тыс. чел. Этносоциологический опрос проводился во всех 8 федеральных округах России, от Калининграда до Владивостока, в 200 населенных пунктах, от крупных мегаполисов до небольших деревень. Широкий территориальный охват, в сочетании с соблюдением пропорций в расселении и численности немцев по регионам России подтверждает репрезентативность полученных данных. По данным опроса, история играет роль консолидирующего фактора. Так, на вопрос «Что, по-Вашему, объединяет немцев, живущих в России?» 54,7% респондентов сказали, что главным объединяющим признаком является именно общая историческая судьба (почти столько же – 55,3% назвали общую культуру, на третьем месте по значимости находится немецкий язык – 48,1%).

Ключевым моментом в истории депортация является до настоящего времени, об этом свидетельствуют ответы на вопрос о наиболее важных датах. 66,9% респондентов назвали даты в истории, которые считают важными, 33,1% – затруднились ответить. Из ответивших положительно, 73,7% назвали важнейшей датой 28 августа 1941 г., когда вышел указ о депортации немцев Поволжья. Многие респонденты не указывали точную дату, но писали просто «депортация», «выселение поволжских немцев в Сибирь», «ликвидация Республики немцев Поволжья». Так или иначе, о депортации знают все немцы, поскольку все они являются либо потомками депортированных, либо мобилизованных в «трудармию». Можно сказать, что в коллективной памяти российских немцев преобладают даты, связанные с трагическими, драматическими событиями.

На втором месте по значимости – Манифест Екатерины II о приглашении иностранцев в Россию. Среди других важнейших дат назывались организация АССР немцев Поволжья, указы о частичной реабилитации 1955, 1964 и 1972 гг., движение за восстановление республики 1988–1992 гг. На наш взгляд, для формирования позитивной идентичности необходимо распространение информации не только о трагедии немецкого народа, но и о вкладе немцев в отечественную историю и культуру, о выдающихся достижениях в области экономики, культуры, науки, об успешном преодолении негативных последствий правовой и политической дискриминации. Преодоление образа «народа-жертвы» будет способствовать развитию нормальных, гармоничных отношений с другими народами. Пока же

тема депортации и ликвидации республики занимает центральное место в историческом дискурсе.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что депортация советских немцев в 1941 г. из европейской части в СССР в Сибирь и Казахстан, продолжает оказывать очень большое влияние на этническую идентичность немцев, живущих сегодня в России. Возможно, сегодня это влияние даже больше, чем сразу после депортации, или в советское время. Причинами такого длительного сохранения памяти о депортации, и придания этим событиям особых смыслов является то, что депортация коснулась каждой семье российских немцев, широкое обсуждение этой темы и формирование коллективных представлений, неполная реабилитация. Все это дает основу для осмысления событий прошлого и признания необходимости формирования позитивной идентичности, которая влечет за собой интерес к истории и культуре своего народа, чувство гордости и целостность этнической идентичности.

#### **Библиографический список**

1. Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по республикам СССР. (2011, июнь 4). Демоскоп Weekly. URL: [http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng\\_nac\\_89.php?reg=0](http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=0)
2. О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья (1941, сентябрь 2). Электронная библиотека «Наука Права». Газета «Ведомости Верховного Совета СССР». URL: <https://naukaprava.ru/catalog/1/127/12701/68818?view=1>
3. Герман А.А. Депортация немцев Поволжья // «Выселить с треском». Очевидцы и исследователи о трагедии российских немцев. М.: МСНК-пресс, 2011. С. 7–126.
4. Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по регионам России. (2016). Демоскоп Weekly. URL: [http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus\\_nac\\_59.php?reg=50](http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php?reg=50)
5. Блинова А. Н. Память о трагическом прошлом, ее сохранение и трансформация в поколениях семей этнических немцев Западной Сибири. Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков. М.: МСНК-пресс, 2011. С. 355–359.
6. Смирнова Т. Б. Межэтнические процессы у российских немцев Западной Сибири // Российские немцы в инациональном окружении: проблемы адаптации, взаимовлияния, толерантности. Москва: МСНК-пресс, 2005. С. 203–212.

## ЭТНИЧЕСКИЕ МЕНЬШИНСТВА И ИХ РОЛЬ В РАЗВИТИИ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ - СССР

*Бахарева Ольга Яковлевна,  
Алексеев Василий Павлович*

### **Вклад немецких специалистов в развитие горного дела в Оренбургском крае (XIX в.)**

**Аннотация.** Известный горнодобывающий и перерабатывающий центр Российской империи Златоустовский горный округ образовался на территории южной части Уральских гор, входящей в начале XIX в. в Оренбургский край. 79 рудников, известных под названием «Каргалинские рудники» находились на территории Оренбургского уезда. Существенный вклад в развитие Златоуста принадлежит немецким специалистам. Участие иностранных горнорабочих в разработке Каргалинских рудников мало известно. Маркшейдер Франц Мориц Ридель один из них.

**Ключевые слова:** Горное дело, министр Е.Ф. Канкрин, Златоуст; немецкие мастера, Каргалинские рудники, маркшейдер Франц Мориц Ридель.

### **German miner's contribution in Orenburg area's 19<sup>th</sup> century mining developing**

**Abstract.** The Russian Empire famous mining and manufacturing Zlatoust center was founded on the south part of the Ural Mountains, Orenburg area. 79 mining camps were known as Kargala mines, Orenburg. German miners and armorers brought progressing to Zlatoust center. Foreign partnership in Kargala mines is less open. Mineral surveyor Franz Moritz Riedel is one of them.

**Keywords:** Mining, minister E. Kankrin, Zlatoust, German masters, Kargala mines, mineral surveyor Franz Moritz Riedel.

Практика приглашения иностранных специалистов из стран Западной Европы существовала еще в XV в. при царе Иване III. В 1488 г. Иван III отправил «посла к императору германскому грека Траханиота для поиска в германских землях горных мастеров, архитекторов для приглашения их на российскую службу» [1, с. 9]. Уже

в первой четверти XVII в. территория Урала заняла лидирующее место по богатству и разнообразию полезных ископаемых, запасов меди и железа, количеству действующих железоделательных и чугунолитейных заводов. Особый вклад в развитие горной промышленности внесли немецкие специалисты: рудоискатель Иоганн Фридрих Блиер из Саксонии; Георг Вильгельм де Геннин, горный мастер и специалист по поискам руд, инженер и артиллерист, управляющий уральскими заводами с 1722 по 1734 гг.; штейгер Герман Штейнфельд [1, с. 73]; геодезист швед Индрик Шульц; геолог Герман, открывший месторождение золота в долине р. Миасс. Ученый-естествоиспытатель Петр Симон Паллас во время научной экспедиции 1768 – 1770 гг. сделал ценное открытие в строении горных пород на восточных склонах Среднего и Южного Урала.

На государственном уровне необходимо отметить особый вклад министра финансов Егора Францевича Канкрина с 1823 по 1844 г., выходца из немецкого ландграфства Гессен-Кассель, в 1803 г. вступил в российское подданство. Он многое сделал для развития горного дела: с первого июля 1825 г. начал издаваться «Горный журнал» и ежемесячно поступать иностранные журналы по горному делу; при заводах и рудниках открывались горные школы; был переработан Устав Технологического института; состоялись промышленные выставки в С-Петербурге и Москве (1831–1835 гг.); был принят закон о привилегиях на изобретения (1833 г.). В 1834 и 1844 гг. он исполнял должность главного управляющего корпуса горных инженеров, был председателем Горного совета при Департаменте горных и соляных дел [2, с. 24]. По предложению Е.Ф. Канкрин Южный и Средний Урал исследовали русские поданные, выходцы из немцев Прибалтики, геологи Э.К. Гофман (1801 – 1871 гг.) и Г.П. Гельмерсен (1803 – 1885 гг.). Они искали месторождения каменного угля, железных руд, золота, платины. При содействии Е.Г. Канкрин, на Урал прибыли: минеролог И.Н. Менге из Любека в 1824 г.; известный ученый А. Гумбольдт в 1829 г.; профессора Берлинского университета Х. Эренберг и Г. Розе – авторы фундаментальных описаний недр Урала, составители геологических карт Уральского хребта. Найденный Г. Розе на Урале ранее неизвестный науке минерал, назван в 1839 г. канкринитом в честь Е.Г. Канкрин.

К началу XIX в. Златоустовский завод считался крупнейшим железоделательным заводом Южного Урала в одноименном горном округе. Округ входил с 23 декабря 1781 г. по май 1865 г. в Троицкий уезд Оренбургской губернии. В составе Златоустовского округа числилось 6 заводов: Кусинский, Саткинский, Артинский, Миасский и

Златоустовский, последний начал строить тульский купец Мосолов в 1756 г. на реке Ай, позже перешел в частное пользование купца Лугинина и, наконец, отошел в государственную казну. В сентябре 1801 г. его передали в руки предпринимателя Андреаса Кнауфа. Ганс Петер Андреас Кнауф, родился в 1768 г. в г. Киле (земля Шлезвиг-Голштиния), лютеранского вероисповедания, переехал в Россию в 1795 г. и принял российское подданство [3, с. 126]. Вскоре он докупил еще три чугуноплавильных и железоделательных заводов – Миасский, Артинский, Кусинский. В 1807 – 1809 г. в Златоуст переселилось 289 немецких мастеров с Ижевского оружейного завода.

А. Кнауф оснастил купленный завод современным оборудованием для литья пушек и выпуска ядер. Переоборудовав завод, А. Кнауф к 1811 г. задолжал Оренбургской губернии за аренду 34694 руб. Открывшаяся в 1815 г. Оружейная фабрика, благодаря её первому директору в 1811 – 1817 гг. – бывшему горному и военному советнику Пруссии, Александру фон Эверсману, совместно с поверенным в делах Георгом Гартманом, комплектовалась немецкими мастерами. В Златоуст приглашались оружейники для производства холодного наградного оружия из германских городов Золингена, Ремшайда, Клингенталя (Эльзас), г. Эссена [4, с. 130].

С иностранцами заключали трудовые договоры на 5 лет, в них оговаривались размер оплаты труда, льготы и обязательства. Они обучали ремеслу учеников за дополнительную плату в 500 руб. за каждого и передавали секреты производства. Общее число иностранцев в Златоусте выросло до 450 человек [4, с. 132]. Правительство тратило в год на каждого иностранца 225 тыс. руб. За длительный срок пребывания в Златоусте многие из них вступили в российское подданство, часть разъехалась по городам России, лишь немногие вернулись на родину. За добросовестный труд и изобретения немецкие мастера награждались денежными премиями, золотыми и серебряными медалями. В 1828 г. оберберггауптман 5 класса А.А. Агте изобрел машину для промывки золотоносных песков и получил государственную премию в шесть тыс. руб. [5, с. 178]. В XVIII–XIX вв. в Златоустовском округе находилось примерно 1200 немецких специалистов, 150 из которых занимались горным делом [6, с.27].

Управляющими Златоустовских заводов назначались немцы со специальным горным образованием: М.И. Клейнер (1811 – 1815 гг.); А.Ф. Фурман (1815 – 1820 гг.); А.А. Агте (1826 – 1831 гг.); А.Ф. Мевуис (1848 – 1851 гг.); Э.А. Гертум (1898 – 1908 гг.) [7, с. 409].

На территории Оренбургского уезда в Уфимском горном округе находились Каргалинские медные рудники [8, с.126]. Рудники



представляли из себя отвалы, хутора, горные конторы от заводов, а также населенные пункты, сохранившиеся до сих пор, в частности село Васильевка, находящаяся на берегу реки Янгиз. Военный топограф И. Ф. Бларамберг описал медные рудники Оренбургского края. «В 3 часа дня мы выехали в Каргалу ... переправились через речку Янгиз. Здесь ... много медных рудников ... Медная руда доставляется на телегах на Преображенский, Воскресенский, Богоявленский, Верхотурский и другие медеплавильные заводы, расположенные в 120–300 верстах к северу от карьеров» [9, с.260]. К середине века владельцами заводов, земельных угодий, лесных дач и приписанных заводских крестьян стали прямые потомки И.Б. Твердышева и И.С. Мясникова известные меценаты и богатейшие дворяне Пашковы.

«В мае–июне 1863 г. на медные рудники генерала Пашкова В.А. прибыли из Саксонии, из-под г. Фрайбурга, 64 немецких шахтера (59 мужчин и 15 женщин), в том числе 9 семей и 15 детей ... горный инженер из Пруссии. Они выехали на рудники, находящиеся в 50 верстах от Оренбурга» [10, с.318]. Все приезжие были лютеранами, к немецким шахтерам ежемесячно приезжал из г. Оренбурга пастор Эдуард Фриауф [11, с.73].

Газета «Оренбургский Листок» в №11 за 1898 г. описывает Каргалинские рудники: «Верстах в 50 к северу от Оренбурга лежит местность, известная под общим наименованием «рудных площадей» и принадлежащие ныне отставному гвардии полковнику В.А. Пашкову. Эти «рудные площади» составились из целого ряда отводов, сделанных с 1744 г. ... приписанных к разным заводам, именно – к Богоявленскому 53 рудника, Верхотурскому – 66, Воскресенскому и бывшему Преображенскому – 117 ... Каждый из этих отводов носит свое особое наименование, до последнего времени сохранившееся за ними и официально» [12].

Село Уранбаш, Октябрьского района, Оренбургской области выросло из хутора Воскресенский после того, как земля была конфискована у потомков Пашкова после Октябрьской революции 1917 г. На хуторе ранее находилась Воскресенская горная контора, а позднее Каргалинская горная контора наследников В.А. Пашкова, где проживали немецкие подданные. Рядом с селом находился рудник Ордынский с которого поставляли руду на Воскресенский завод – один из крупнейших медеплавильных заводов в России XIX в. [13, с.4]. До недавнего времени на территории старого заброшенного кладбища северно-западнее п. Уранбаш, рядом с автодорогой в сторону с. Комиссарово и бывшего п. Горный возвышался 2-х метровый чугунный крест с текстом на немецком языке, выполненный выпуклыми буквами,

пока охотники за металлом не спилили его и не увезли в неизвестном направлении. На кресте были нанесены изречения из Евангелия, а на обратной стороне были указаны даты рождения и смерти отца и сына – Boris Freymann (28.05.1890–14.03.1894) и Alexander Freumann (06.12.1853–03.02.1894) [14].

В 1929–1930 гг. Каргалинские рудники посещал известный советский ученый и писатель И.А. Ефремов. В своем рассказе "Путиами старых горняков" автор упомянул Верхоторскую и Воскресенскую горные конторы, находящиеся недалеко от с. Уранбаш отводы Бурановский и Чебеньки. В рассказе географические наименования совпадают по местоположению с воспоминаниями жителей с. Уранбаш и исследованиями И.О. Грека и Ю.А. Долотова рудников в Оренбургской области в 1991, 1992 и 1999 гг. Составленная в экспедиции карта указывает на расположение 79 рудников [15].

Согласно рассказу И.А. Ефремова, управляющий Воскресенской горной конторой был Фома Рикард [16, с. 92]. Учитывая, что автор в рассказе называет себя Васильевичем, имея отчество Антонович, а второму главному герою, старику штейгеру Хренову, дал благозвучную фамилию Поленов, возможно и управляющий Воскресенской горной конторой был немецким подданным.

С другой стороны, в метрических книгах села Васильевка есть запись о браке в сентябре 1902 г. крестьянина Воскресенского завода Н. Ракитина с девицей Анной, дочерью саксонского подданного Франца Морица Ридель [17, л. 115]. В этом необычном браке появилось пятеро детей: Любовь, Алевтина, Леонид, Борис, Владимир. Семейство в дальнейшем проживало в селе Воскресенское, Стерлитамакского уезда, по месту нахождения Воскресенского завода. Семейство Ридель оставило большой след в истории Каргалинских рудников, а также Воскресенского, Верхоторского и Преображенского заводов. Ридель были лютеранского вероисповедания: Франц Мориц Ридель, по воспоминанию потомков, был маркшейдером, его жена Амалия Августа, двое сыновей Отто Макс, Александр и дочь Анна. Семейство полностью посвятило себя горному делу и встретила закат Каргалов воочию. Старший сын Отто Макс Ридель, написав прошение в Оренбургское Губернское правление по достижении возраста совершеннолетия, принял российское подданство в 1893 г. и был приписан к мещанскому сословию г. Оренбурга [18, л. 1–16.]. Максим Маврикиевич, на русский манер, впоследствии взял отчество Лаврентьевич, с 1891 г. работал в Каргалинской горной конторе полковника В.А. Пашкова в качестве маркшейдерского ученика, а затем полевым смотрителем в Каргалинском имении. После смерти В.А.

Пашкова в 1902 г., Максим Лаврентьевич перевелся на такую же работу в качестве полевого смотрителя на Верхоторский завод. В период с 1907 г. по 1908 г. он совмещал работу штейгера и смотрителя медного рудника Преображенского завода. В этот период Каргалинские рудники полностью истощились. К 1908 г. окончательно закрылся последний медеплавильный завод – Преображенский (ныне с. Зилаир, Зилаирского района, Оренбургской области), принадлежащий на тот момент действительному тайному советнику В.Н. Охотникову. Завод оказался последним медеплавильным заводом в империи Пашковых. В период с 1907 г. по 1908 г. на заводе возобновлялось медеплавильное производство и как раз за добычу и поставку сырья отвечал Отто Макс Ридель. Максим Лаврентьевич был женат на Анне Ивановне Курышевой. В браке было четверо детей: Александр, Павел, Леонид и Александр. Младший сын Александр Лаврентьевич, посвятил себя Преображенскому заводу. Нынешний Зилаир был спроектирован им с немецкой педантичностью. Основная масса улиц представляет собой прямые линии, пересекающиеся под прямым углом. В браке с Марией Федоровной Аршиновой у него родилось 7 детей: Анна, Борис, Ольга, Василий, Юлия, Леонид и Владимир.

Наше исследование показало значительный вклад немецких специалистов в развитии горной промышленности в Оренбургском крае XIX в. На государственном уровне он исходил от министра финансов Е.Ф. Канкрин, а на местах трудовой деятельности от военных и гражданских лиц немецкой национальности, таких как маркшейдер из Саксонии Франц Мориц Ридель и его семейство. Многие из них принимали российское подданство и добросовестно служили на благо новой Отчизны.

### **Библиографический список**

1. Архипова Н.П., Ястребов Е.В. Как были открыты Уральские горы. Челябинск, 1982.
2. Степанов В. Канкрин Е.Ф. Немцы России. М.: 2004. Т. 2.
3. Петрова Г. Кнауф А.А. Немцы России. М.: 2004. Т.2.
4. Окунцов Ю. Златоуст и златоустовцы. Златоуст, 2015.
5. Агте В.С. Дорога длиною в 500 лет. Судебная связующая нить. Краеведческий альманах. Уфа, 2006.
6. Моисеев А.П. Немцы на Южном Урале. Челябинск, 2013.
7. Микитюк В. Мевуис А.Ф. Немцы России. М.:2004. Т.2.
8. Бармин А.В. Материалы XIII Всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 18–19 октября 2018 г. Том 1. С. 126.
9. Бларамберг И.Ф. Воспоминания. М.: 1978.

10. Busch E.H. Ergaenzungen der Materialien zur Geschichte und Statistik des Kirchen – und Schulwesens der Evangelisch-lutherischen Gemeinden in Russland. St. Petersburg: Haessel, 1862.

11. Бахарева О.Я. Немецкое городское население Оренбургской губернии (конец XVIII – начало XIX века). Оренбург, 2011.

12. Газета «Оренбургский Листок». 1898. № 11.

13. Богданов С.В., Рябуха А.С. Историко-культурное наследие Каргалинского древнего горно-металлургического центра. Вестник ОГУ, № 2. Оренбург, 2005. Приложение Гуманитарные науки.

14. Экспедиция историко-краеведческого кружка школы № 41г., очерк, Оренбург, июль, 2000 г.

15. Грек И.О. Долотов Ю.А. Исследования древних рудников в Оренбургской области и Башкирии. Спелестологический Ежегодник РОСИ 2000. М.: 2001., <http://rosi-spelesto.narod.ru/speg/2000/ural99.html>

16. Ефремов И.А. Путиами старых горняков. Собрание сочинений. М.: Советский писатель, 1992. Том 1. Рассказы.

17. Государственное Бюджетное Учреждение Государственный Архив Оренбургской Области (ГБУ ГАОО) Ф.173. Оп.16. Д.1480.

18. ГБУ ГАОО Ф.11. Оп.1. Д.353.

*Дьякова Елена Васильевна*

### **Участие немцев в развитии промышленности Харькова в XIX в.**

**Аннотация.** В статье освещается участие немцев в развитии промышленности Харькова в XIX в. Представители этой национальности в городе появились раньше, но их количество увеличилось в связи с открытием университета. Среди переселенцев было много ремесленников. С совершенствованием промышленности изменялась и ее инфраструктура. Открыв в начале века небольшие мастерские, в конце столетия немцы основывали в городе крупные заводы.

**Ключевые слова:** Харьков, промышленность, ремесло, немцы, XIX в.

### **Participation of Germans in the development of Kharkov industry in the 19th Century**

**Abstract.** In the article lights up participating of Germans in development of industry of Kharkov in the 19<sup>th</sup> century. The representatives

of this nationality in town appeared before, but their amount was increased in connection with opening of university. Among migrants there were many artisans. Its infrastructure changed with perfection of industry. Opening small workshops at the beginning of age, at the end of century Germans founded large factories in town.

**Keywords:** Kharkov, industry, handicraft, Germans, the 19<sup>th</sup> century

В становлении и развитии любого города важную роль играет промышленность. Ее зарождение и дальнейшая модернизация определяют статус населенного пункта не только в регионе, но и в стране и даже во всем мире. Как известно, предприятия в одном и том же городе создают люди разных национальностей. Целью данной публикации является освещение участия в развитии промышленности Харькова немцев. Хронологическими рамками выбран XIX в., т.к. именно тогда активно развивалась экономика исследуемого города.

Этот вопрос в определенной мере уже освещался в научной и научно-популярной литературе. Первым косвенно эту тему затронул Феликс Осипович фон Рейнгардт, живший на Харьковщине в первой половине XIX в. [1]. Больше информации содержится в 2-томном исследовании выдающихся украинских историков Д.И. Багалей и Д.П. Миллера «История города Харькова за 250 лет его существования» [2]. Местные краеведы при описании жизни немцев в Харькове также затронули тему их бизнес-деятельности в указанном городе [3]. В 2014 г. по обращению руководства немецкой диаспоры историк В. Маслийчук написал книгу, посвященную пребыванию немцев в Харькове [4]. Интересные сведения об одном немецком предпринимателе – Жорже Бормане – оставила потомок этого рода Муза Сергеевна Борман-Колесникова [5].

Харьков считается относительно молодым городом. Он был основан в середине XVIII в. на окраине Русского государства переселенцами из Речи Посполитой, которых со временем назвали малороссами, а затем – украинцами. Скорее всего, переселенцы были разных национальностей, но тогда понятие «национальность» не играло такую роль, как в более поздний период – в XIX – XXI веках. А в XVII – XVIII веках при переписях населения национальность не определялась. Важным определителем национальности этого периода для исследователей было вероисповедание. Поэтому можно предположить, что немцы могли появиться в городе еще в XVII столетии.

Так, Д.И. Багалей и Д.П. Миллер отмечают, что «в конце XVIII века в Харькове существовала маленькая немецкая колония» [2, с. 139].

И это обусловлено их лютеранским вероисповеданием.

В начале XIX в. количество немцев в городе стало увеличиваться. Если в начале века насчитывалось 95 взрослых и детей лютеран, то в 1804 г. их было уже 200 человек [2, с. 139], а в 1830 году – 500 [1]. Первое увеличение количества переселенцев этой национальности связано с открытием университета. Вместе с профессорами в Харьков переезжали и ремесленники.

Следует отметить, что немцы прибывали сюда не только из Германии, но и из других стран Европы, а также из других городов Российской империи.

В начале века немецкой колонии числились, например, университетский переплетчик Генрих, слесарь Вестман, шапочники Альгрим и Сангвирт, сапожник Шмидт, медник Шпеман и др. [2]. Это говорит об участии немцев в развитии городского хозяйства.

В первой половине XIX в. в Харькове в основном развивалось ремесленное производство. Известны открытые немцами мастерские по выделке кожи, заводы по изготовлению стеариновых свечей, уксуса и пр. [1].

Д.И. Багaley и Д.П. Миллер называют эти ремесла демократическими, т.к. они ориентировались на городских и сельских простолюдинов [2, с. 541]. Считается, что изысканные товары делали прежде всего немецкие ремесленники. Долгое время в городе немцы считались лучшими булочниками и колбасниками [1; 2, с. 541]. Известно, что в 1840-х гг. своими мясными изделиями славился некто Легер. Его заведение стяжало себе популярность разнообразием товаров и необычной обстановкой. Легер даже при мастерской устроил ресторан, в котором продавались венские сосиски, котлеты и другие мясные лакомства. Позже, во время Крымской войны, он поставлял в действующую армию окорока и т.п. [1].

Одним из уважаемых жителей Харькова в первой половине XIX в. был Федор Иванович Рупрехт, занимавшийся различными химическими, техническими и сельскохозяйственными производствами. Он делал курушки, горчицу, кофе, шоколад. Особым способом очищал поваренную соль, которую продавал в маленьких конусах наподобие сахарных головок. Это был довольно предприимчивый человек. В снятой даче Тюрина он содержал сад, парник, огород, выращивал табак, изготавливал молочную продукцию, что приносило Ф.И. Рупрехту солидный по тем временам доход [1; 4, с. 70].

Примечательным в начале XIX в. был быт немецких жителей Харькова. В общем он не имел кардинальных отличий от быта других

харьковчан. Но на историков производило впечатление демократичность отношений между представителями этой национальности. «Немцы-чиновники не чуждались общества сапожников и столяров, в церковном совете и благотворительных учреждениях сидели вместе и вечера проводили также рядом, за кружкой пива в ресторанах у Чонгради, Шварца или Циммермана», – писал Ф. Рейнгардт [1].

В середине XIX в. в Российской империи стали активно развиваться капиталистические отношения. Модернизация коснулась и Харькова. Город сильно изменился даже внешне. До этого путешественники отмечали неблагоустроенность города. Даже местные жители иронично высказывались о нем: «*Летом – песочница, весной и осенью – чернильница*». Однако в 1850-х гг., благодаря губернатору Сергею Кокоркину, были выровнены и замощены улицы, большое внимание стали уделять архитектурному облику города.

Рядом с мастерскими появились и заводы. Они были связаны не только с переработкой сельскохозяйственной продукции, но и металлообработкой. Заводы открывали на окраинах. Но в связи с этим город расширялся и многие предприятия со временем оказались внутри населенного пункта (по сегодняшним меркам недалеко от исторического центра).

В это время росла численность населения, в т.ч. и немецкого. Согласно городской переписи 1866 г., оно составляло 1180, 1877-го – 1690, 1897-го – 2353 чел. Причем по вероисповеданию большинство были протестантами, но встречались среди них католики (161) и даже православные (61) [3].

В середине XIX в. работало несколько крупных предприятий. В это же время немцы Бельке, Вестбер, Пильстрем, основали так называемые железоделательные заводы. Карл Андреевич Трепке открыл завод по производству сеялок. В 1870-х гг. были основаны заводы: генерал-майором бароном Корфом алебастровый, коллежским секретарем Вольнером и купцом Гильденбрандтом – водочный, Кнаппе – пивной, Шмидтманом – кафельный, мещанином Беверсдорфом – литография, Эрнестом Мельгозе – сельхозмашин и др. [2, с. 140, 547–548; 4, с. 070].

Для производства пива несколько пивоваров из Баварии приехали в Харьковскую губернию для поиска необходимой для производства этого напитка воды. В 1872 году немецкий пивовар Франц Гершгаймер основал в предместье Харькова пиво-медовый завод. Причем следует отметить, что этот напиток долгое время не пользовался популярностью среди харьковчан, которые больше

предпочитали традиционные для малороссов и великороссов алкогольные напитки. Но в жесткой конкуренции пиво завоевало всё же свое место и стало популярным среди местного населения. Интересно, что после открытия завода близлежащая территория стала называться «Новая Бавария».

Во второй половине XIX в. история Харькова связана со многими предпринимателями немецкого происхождения, проживавшими и открывавшими здесь фабрики и заводы. Но особо хочется выделить таких, как Максимилиан Карл Юлиус Гельферих и Григорий Николаевич Борман.

Максимилиан Карл Юлиус Гельферих (Максимилиан Христианович) родился в 1828 г. в немецком королевстве Вюртемберг. В 1850 г. он переехал в Россию, а в 1853 г. обосновался в Харькове. Сначала он работал заведующим складом харьковского филиала одесской промышленной фирмы «Беллино-Фендерих», занимавшейся продажей сельскохозяйственной техники. В 1868 г. М.Х. Гельферих женился на внучке руководителя торговой фирмы «М. Саде» Жозефине. Таким образом он стал довольно зажиточным человеком и открыл свою фирму по сбыту сельскохозяйственной техники. Кроме того, Максимилиан Христианович стал представителем английской фирмы «Клейтон и Шуттльворт», немецкой «Сакк и Экперт», американской «Джонсон и Гарвейст» в Харькове [5]. В 1878 г. он открывает кузнечно-слесарную мастерскую для ремонта зарубежной техники, имеющей изъяны [5]. Через два года в мастерской была установлена паровая машина. А в 1881 г. М.Г. Гельферих основал завод земледельческих машин. В конце 1880-х гг. к заводу присоединилась торгово-промышленная фирма семьи Саде. И завод стали называть «Гельферих-Саде». В конце XIX в. этот завод вместе с паровозостроительным считался крупнейшим не только в городе, но и в Российской империи.

В 1896 г. в Харькове другой немец – Егор Николаевич Борман – открывает кондитерскую фабрику, оснащенную по последнему слову техники. Егор Николаевич происходил из обрусевших немцев Петербурга. Он родился в 1837 г. и «считался лодырем и «никчемушником» (Taugenichts)» [4, с. 88]. Чтобы чем-то занять сына Николай Александрович Борман решил основать для него кондитерскую на углу Екатерининского канала и Невского проспекта [4, с. 88–89]. И тут проявились коммерческие способности юноши. Его магазин стал популярным в Петербурге. Однажды в лотерею ему удалось выиграть 75 тысяч рублей [4, с. 89]. После поездки в Европу Егор Николаевич решил расширить свое производство. С этой целью он приехал в Харьков, основал товарищество «Жорж Борман» и в 1896 г.



открыл здесь кондитерскую фабрику. По мнению Музы Сергеевны Борман-Колесникова, его выбор остановился на Харькове, так как «это была Украина, где такое сырьё, как сахар, белая мука, да и рабочие руки были значительно дешевле, чем в северных городах, а особенно в столицах» [4, с. 89]. Жорж Борман был новатором в своем деле. Большое внимание он уделял рекламе своей продукции. И в то же время считал, что даже упаковка должна иметь хозяйственное и образовательное значение. Он продавал конфеты в коробках, которые после поедания сладостей можно было еще долго использовать в быту. Также некоторые конфетные обертки имели определенную тематику для коллекционирования (серии «Известные писатели», «Спорт», «Коллекция жуков», «Народы Сибири», «Географический атлас» и др.) [4, с. 078; 4, с. 92]. В Харькове считается, что именно Жорж Борман придумал шоколадные яйца с сюрпризом, известные сегодня под брендом «Kinder Sorpresa». В 1900 г. Жорж Борман открыл в центре Харькова кондитерский магазин, и сегодня пользующий популярностью среди местных жителей и гостей города. В то время для его освещения было использовано электричество [4, с. 078].

М.Х. Гельферих и Ж. Борман были меценатами и вкладывали деньги не только в производство, но и в развитие города. Однако этим отличались многие немецкие предприниматели Харькова.

Таким образом, немецкие предприниматели внесли заметный след в развитие ремесленного хозяйства и промышленности, несмотря на то, что в XIX веке их насчитывалось лишь 2% от всего городского населения. Многих из них можно считать новаторами своего времени. И ярким свидетельством этому является то, что в течение XX столетия их предприятия продолжали работать и вносить свою лепту в развитие экономики не только Харькова, но и всей страны – сначала Российской империи, а затем и Советского Союза.

### **Библиографический список**

1. Рейнгардт Ф. Харьков 20-х и 30-х годов // Харьковский сборник. Вып. 1, 1887 г., 28 с. – URL: [http://dalizovut.narod.ru/istorii/20\\_30887.htm](http://dalizovut.narod.ru/istorii/20_30887.htm) (дата обращения 25.05.2021).

2. Багалея Д.И., Миллер Д.П. История города Харькова за 250 лет его существования (с 1655-го по 1905-й год): В 2-х т. Т.2: XIX-й и начало XX века. – Репринт. изд. – Харьков, 2004. – 982 с.

3. Цыпина Д., Эрдманн З., Ярошик В., Чистякова И., Саратов И. Жизнь и деятельность немцев в Харькове. – Киев, 2004. – URL:

[https://mistaua.com/История/Исторические\\_события/Жизнь\\_и\\_деятельность\\_немцев/23/?setcity=125](https://mistaua.com/История/Исторические_события/Жизнь_и_деятельность_немцев/23/?setcity=125) (дата обращения 25.05.2021).

4. Deutsche Харьков. – Charkow, 2015. – 164 s.

5. Борман-Колесникова М. С. Предки и потомки. Семейная хроника / подгот. и ред. Е. А. Сеничевой. – СПб.: «Реноме», 2018. – 288 с.

6. Крупнейшие бизнесмены Харькова: Максимилиан Гельферих. – Сайт: Мой Харьков. – 2020. 6 июля. – URL: <https://mykharkov.info/news/krupnejshie-biznesmeny-harkova-maksimilian-gelferih-98761.html> (дата обращения 25.05.2021).

*Мельникова Дарья Андреевна*

### **Коневодство Калмыцкой степи Астраханской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.)**

**Аннотация.** На протяжении многих веков коневодство играло важную роль в жизни калмыков как кочевого народа. Лошадь была не только средством передвижения, но и источником мяса и молока. Природно-климатические условия Калмыцких степей позволяли разводить лошадей, как для повседневной и хозяйственной жизни местного населения, так и для государственных нужд – ремонта армии. В данной статье на основе комплекса исторических источников рассматриваются основные мероприятия Управления государственного коннозаводства и Военного министерства в отношении коневодства астраханских калмыков.

**Ключевые слова:** коневодство, Калмыцкая степь, Российская империя, калмыки, Астраханская губерния, Управление государственного коннозаводства.

### **Horse breeding of the Kalmyk steppe of the Astrakhan province (the second half of the XIX – beginning of the XX century)**

**Abstract.** For many centuries, horse breeding has played an important role in the life of the Kalmyk's as a nomadic people. The horse was not only a means of transportation, but also a source of meat and milk. The natural and climatic conditions of the Kalmyk steppes made it possible to breed horses not only for the daily and economic life of the local population, but also for state needs – the repair of the army. In this article, based on a set of historical

sources, the main activities of the Department of State Horse Breeding and the Military Ministry in relation to horse breeding of the Astrakhan Kalmyks are considered.

**Keywords:** horse breeding, Kalmyk steppe, the Russian Empire, Kalmyk's, Astrakhan province, Department of state horse breeding.

К середине XIX в. коневодство Российской империи развивалось в нескольких формах: сельскохозяйственной, государственной и частной заводской (племенной) и табунной (степной). Последняя была характерна в первую очередь для южных территорий, природно-климатические условия которых позволяли круглогодично (в случае плохих погодных условий – сезонно) содержать лошадей на степных пастбищах, таким образом, создавая для конского поголовья условия максимально естественные к их дикому содержанию.

Табунная форма разведения лошадей прежде всего была характерна для кочевых народов России, проживающих на территориях Астраханской губернии, Донской области, Новороссии, Кавказа и Азии. Кроме того, часть лошадей разводилась в табунах, которые искусственно создавались для получения поголовья верховых пород, необходимых для ремонта армии – поставок лошадей в кавалерию. Одним из таких примеров служит Задонская степь Донской области, на территории которой разведением ремонтных лошадей занимались коннозаводчики, арендующие участки степи для табунов [См. подробнее: 1]. Часть Задонской степи выделялась для калмыков-кочевников, которые только с 1877 г. получили право заниматься на данных землях частным коннозаводством.

Кроме Области войска Донского, близлежащие территории кочевания калмыков распространялись на северо-восток Ставропольской губернии, а также юго-запад Астраханской губернии – Калмыцкую степь, которая разделялась на Александровский, Багацохуровский, Икицохуровский, Хараховский, Яндыко-Мочажный и Эркетеневский улусы, а также северную и южную части Малодербетовского улуса. Хозяйственную основу кочевой жизни калмыцкого народа составляло животноводство, в частности, коневодство, которое играло важную роль не только для местного населения, но и для «для приобретения лошадей в ремонт отечественной конницы» [2, л. 25].

К 1 января 1868 г. у калмыков по официальным данным числилось – 86 893 лошади [3, с. 125], большая часть поголовья которых относилась к калмыцкой породе (кроме того, в местных хозяйствах и конных заводах можно было встретить донскую, киргизскую,

черкесскую породы), не имеющей «ни красивой наружности», «ни хороших статей». В отчете Кумо-Манычской экспедиции, организованной Министерством государственных имуществ в 1860–1861 гг., отмечалось, что «лошади чисто калмыцкой породы для работы весьма слабы, неспособны и с большим трудом приучаются к упряжи. Большая часть из них упрямы и пугливы; и остаются с этими пороками навсегда, как бы долго не ходили в упряжи.» [4, с. 131].

Однако, отмечались положительные качества данной породы для верховой езды, что ценилось не только в России, но и за границей для кавалерии. Так, с целью сохранения поголовья калмыцких лошадей в 1736 г. было запрещено пропускать торговцев лошадьми в Персию и на другие пограничные азиатские территории [5, с. 872]. В 1737 г. для пополнения кавалерии в Калмыцкую степь были посланы «ремонтёры Степан Крюков и капитан Шахматов, с приказанием купить лошадей у калмыков» [4, с. 132]. Калмыцкая лошадь все более становилась востребованной и полезной для отечественной армии. С 1798 г. в течение года калмыкам было запрещено продавать своих лошадей сторонним лицам, таким образом неоднократно предпринималась попытка сохранить конское поголовье калмыков для государственных нужд.

На протяжении первой четверти XIX в. ремонтёры часто приобретали лошадей в Калмыцкой степи, что вскоре негативно отразилось на состоянии местного животноводства и привело к значительной убыли скота. Нуждаясь в лошадях, калмыки были вынуждены временно сократить продажу «конского материала». Постепенно обороты конской торговли были восстановлены: калмыцких лошадей пригоняли на ярмарки в Донскую область, в Саратовскую губернию (Царицынская ярмарка), южные уезды Воронежской, Курской и Харьковской губерний [6, с. 49]. В 1867 г. по просьбе калмыков Эркетеновского улуса Астраханской губернии на урочище Джанай было разрешено открыть осеннюю ярмарку продажи скота (в том числе лошадей) преимущественно для жителей Кавказа [3, с. 128]. Средняя стоимость лошади в возрасте от 3 до 4-х лет колебалась от 25 до 100 руб. Сбыт лошадей для государственной обороны и на ярмарках населению близлежащих регионов составляли выгодную для калмыков статью доходов.

Как отмечалось ранее, кроме Астраханской губернии, табунных лошадей также разводили на территориях других регионов, среди которых особо в этом вопросе выделялись губернии Новороссийского края (Екатеринославская, Таврическая, Херсонская и Бессарабская). Несмотря на широкое разведение табунов в других регионах России, к

началу Крымской войны коннозаводчики Новороссии являлись главными поставщиками верховых лошадей для отечественной кавалерии.

После событий 1853–1856 гг. экономическое состояние региона было сильно ослаблено, что привело к резкому сокращению количества конных заводов – кризису частного коннозаводства. Кроме того, последовало сокращение кавалерии в 1856 г., что «имело результатом прекращение вовсе спроса лошадей верхового сорта в течение нескольких лет» [7, л. 3.]. Негативно на верховом коннозаводстве отразилась и реформа отмены крепостного права, приведшая к ликвидации многих заводов, так как сократилось количество рабочей силы. Постепенно земли Новороссийских губерний опустели, стали негодными для разведения качественного поголовья лошадей. Новые экономические и природно-климатические условия региона теперь больше были пригодны для овцеводства и скотоводства.

Кризис частного коннозаводства был преодолен усилиями Управления государственного коннозаводства (далее – УГК) и военного ведомства, которые были заинтересованы в получении ремонтных лошадей на территории России. В качестве новых территорий пригодных для этих целей была обозначена ранее упоминавшаяся Задонская степь Донской области [См. подробнее: 1], коннозаводчики которой успешно разводили лошадей для нужд отечественной конницы.

В конце 1884 г. по распоряжению Главноуправляющего государственным коннозаводством И.И. Воронцова-Дашкова для изучения состояния калмыцкого коневодства были направлены: главный ветеринарный консультант УГК П.М. Медведский, старший чиновник особых поручений полковник А.А. Фейхтнер и коллежский ассесор П.А. Костычев. Им предстояло определить какие мероприятия могут положительно сказаться на разведении местных лошадей для их последующей закупки в ремонт. По результатам исследования был подготовлен и опубликован отчет, составленный П.М. Медведским [См. подробнее: 8]. Осмотр степи осуществлялся непосредственно А.А. Фейхтнером и М.П. Медведским, описание природно-климатических условий местности были позаимствованы из работы К.И. Костенкова [См. подробнее: 3]. По данным от 1883–1884 г. в Калмыцкой степи числилось 39028 лошадей, что было почти на половину меньше, чем по результатам исследования К.И. Костенкова в начале 1868 г., когда было насчитано 86893 лошадей [3, с. 125]. Резкое сокращение поголовья объяснялось холодной зимой 1880–1881 гг.

В качестве корреспондента от коннозаводского ведомства был назначен Эмген-Убуши Дундуков, в обязанности которого входили

сбор своевременных сведений о состоянии калмыцкого коневодства и передача их в УГК [См., напр.: 9]. Мероприятия, проводимые непосредственно коннозаводским ведомством, заключались не только в сборе материалов по Калмыцкой степи, но и в проведении с 1885 г. выставок [10, с. XL; 11, с. 213–216; 12, с. XLV], которые были необходимы для подтверждения результатов работы и поощрения коннозаводчиков, расширения контактов между ними и будущими покупателями. Кроме того, на Калмыцких территориях Астраханской губернии ежегодно проводились скаковые испытания лошадей, на которых, как и на выставках коннозаводчики и другие лица могли продать или купить понравившуюся лошадь.

Новым этапом в вопросе ремонта и комплектования лошадьми войск стала организация военно-конских переписей с 1870–1880-х гг. Вследствие этого в Калмыцкой степи было проведено две переписи конского поголовья. В 1891 г. общее количество лошадей в Калмыцкой степи достигло 107870 голов [13, с. 3], а по переписи 1901 г. – 89048 [14, с. 3] Годовой оборот продаж калмыцких лошадей возрос до 5–6 тыс. голов в год. Некоторые коннозаводчики ежегодно продавали казне по 600–700 лошадей [15, с. 66]. Увеличение количества конского поголовья и оборотов конской торговли подтверждают эффективность мероприятий со стороны коннозаводского ведомства, чья работа на этом не заканчивалась. Таким образом, Калмыцкая степь Астраханской губернии стала новым официальным центром закупки ремонтных лошадей, что создало благоприятные условия для увеличения числа табунов и конных заводов у калмыков, для которых, как и ранее, конная торговля являлась одним из главных источников дохода.

Покупка лошадей для нужд армии все больше обращала внимание правительства на высокие качества калмыцкого поголовья «и на полную возможность путем рационального скрещивания поставить ее на одну степень с пользующейся всеобщей известностью, донской лошастью» [16, с. 15.]. С этой целью в 1908 г. коннозаводское ведомство вынесло на обсуждение в Государственную Думу проект об учреждении заводской конюшни на 100 жеребцов в Калмыцкой степи Астраханской губернии [17, л. 25], с тем, чтобы «как богатый, так и рядовой калмык» имел возможность получить за небольшую плату приплод от своей кобылы и казенного жеребца, находящегося при учреждаемой конюшне. Кроме того, планировалось, что коннозаводское ведомство постепенно будет открывать случные пункты в улусах «всем в одинаковой мере доступных» [16, с. 15.]. До 1908 г. в Калмыцкой степи учреждались только отдельные случные

пункты от отделения Лимаревской конюшни в Донской области [18, с. 81].

Новая конюшня была основана в с. Элиста Черноярского уезда Астраханской губернии. В 1911 г. в конюшне числилось 44 жеребца [подсчитано по: 19, с. 9–11], что не соответствовало установленному штату в 100 жеребцов, так как комплектование заводского учреждения происходило постепенно, и уже к 1914 г. количество жеребцов было увеличено до 90 [подсчитано по: 20, с. 9–14]. Породистый состав конюшни был достаточно разнообразен и включал жеребцов орловской, английской, донской пород, что объяснялось необходимостью поддержать не только коннозаводчиков, разводящих лошадей для ремонта, но и всех тех, кто разводил лошадей для собственных нужд или продажи.

Рассмотрев основные направления мероприятий Управления государственного коннозаводства и других центральных органов в отношении коневодства Калмыцкой степи Астраханской губернии, мы можем сделать вывод, что все усилия, направленные на улучшения данной отрасли в первую очередь, были мотивированы потребностью создать устойчивый рынок верховых лошадей, которые были необходимы для комплектования отечественной кавалерии. Несмотря на сосредоточенную работу коннозаводского ведомства в этом направлении, улучшить коневодческое хозяйство также могли и те, кто не занимался специальным разведением ремонтных лошадей. В целом оценивая деятельность центральных ведомств, можно сказать о том, что их работа была успешна и способствовала постепенному улучшению коневодства Калмыцкой степи и увеличению конского поголовья данного региона.

### **Библиографический список**

1. Мельникова Д.А. Донское частное коннозаводство во второй половине XIX в. // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием / отв. ред. В.В. Карпова. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2017. С. 18–21.
2. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1291. Оп. 85. Д. 399.
3. Костенков К.И. Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии. СПб.: Мин-во гос. имуществ, 1870. [4], 171 с.
4. Калмыцкая степь Астраханской губернии по исследованиям Кумо-Манычской экспедиции. СПб.: М-во гос. имуществ, 1868. 300 с.

5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. IX. СПб., 1830.

6. Мельникова Д.А. Конская торговля в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. // История повседневности. 2017. № 2(4). С. 42–52.

7. РГИА. Ф. 412. Оп. 4. Д. 2190.

8. Отчет по командировке 1884 году главного ветеринара-консультанта Главного управления государственного коннозаводства, магистра ветеринарных наук... Медведского, старшего чиновника особых поручения того же Управления подполковника Фейхтнера и причисленного к Управлению магистра агрономии коллежского асессора Костычева, с целью исследования коневодства киргизов Тургайской и Уральской областей, Внутренней киргизской орды и Астраханских калмыков / Сост. П. Медведский. СПб.: Тип. Месника и Римана, 1885. 157 с.

9. Дондуков Э.У. Донесение корреспондента Главного Управления по Калмыцким степям // Журнал коннозаводства. 1885. № 7. С. 209–212.

10. Дубенский Д.Н. Коневые средства Европейской России: (Обследование соврем. состояния коннозаводства и коневодства губерний Европ. России с ист. очерком) / Сост. подполк. Дубенский. СПб.: Глав. Штаб, 1903. [6], LXIV, 420 с.

11. Выставка калмыцких и киргизских лошадей в Элисте // Журнал коннозаводства. 1885. № 7. С. 214.

12. О выставках киргизских и калмыцких лошадей в 1886 г. // Журнал коннозаводства. 1886. № 1. С. XLV.

13. Военно-конская перепись 1891 года. СПб.: Типо-литография и фототипия П.И. Бабкина, 1894. XXIX. 149 с.

14. Военно-конская перепись 1899–1901 гг. СПб.: Тип. кн. В.Н. Мещерского, 1902. [2], XIV, 223 с.

15. Батыров В.В. Калмыцкое коневодство и военная реформа Д.А. Милютина в конце XIX – начале XX в. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010. Т. 3. № 1. С. 65–66.

16. Калмыцкая степь // Сельское хозяйство Астраханского края. 1908. № 1. С. 15–16.

17. РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 845.

18. Мельникова Д.А. Земские и заводские случные конюшни Российской империи во второй четверти XIX – начале XX вв. // Клио. 2018. № 5 (137). С. 76–84.



19. Памятная книжка по Главному управлению государственного коннозаводства на 1911 год. СПб.: Типо-литография Ю.Я. Римана, 1911. 505 с.

20. Памятная книжка по Главному Управлению государственного коннозаводства на 1914 год. СПб.: Типо-литография Ю.Я. Римана, 1914. 1037 с.

*Микитюк Владимир Петрович*

### **Екатеринбургские купцы Шварте**

**Аннотация.** Статья посвящена предпринимательской деятельности купцов Шварте, немцев по национальности. Рассматривается вклад рода Шварте в развитие торговли заводским оборудованием и техническими принадлежностями. Приводятся сведения о российских и иностранных поставщиках Шварте. В статье рассматривается участие представителей семьи Шварте в разработке месторождений золота.

**Ключевые слова:** немец, Златоуст, Екатеринбург, купец, золотопромышленник, общественный деятель.

### **Yekaterinburg merchants Shwarte**

**Abstract.** The article is devoted to the entrepreneurial activity of Shwarte merchants, Germans by nationality. The contribution of the Shwarte clan to the development of trade in factory equipment and technical accessories is considered. Provides information about Russian and foreign suppliers of Shwarte. The article discusses the participation of representatives of the Schwarte family in the development of gold deposits.

**Keywords:** German, Zlatoust, Yekaterinburg, merchant, gold miner, public figure.

В начале XIX в. на Златоустовские заводы прибыла группа выходцев из разных немецких городов, в т. ч. из Золингена и Клингенталя [1, с. 66]. Прибывшие в основном являлись мастерами-оружейниками: их задачей было увеличение выпуска холодного оружия на Златоустовской оружейной фабрики. К началу 1830-х гг. нужда в части немецких оружейников отпала, так как не все они показали себя настоящими мастерами своего дела, поэтому последовало увольнение

лишних иностранцев. Среди уволенных был Людвиг-Август Абрамович Шварте, трудившийся на Златоустовских заводах в 1824–1838 гг. В 1840 г. он объявился в Екатеринбурге в качестве часовщика и записался в цеховые [2, л. 45].

Упорный труд позволил ему улучшить свое материальное благосостояние и стать домовладельцем: «В 1856 году совершены купчие крепости: в Пермской палате уголовного и гражданского суда: 31 июля на проданный коллежским ассессором Григорием Васильевым Удинцевым иностранцу Августу Абрамову Шварте деревянный дом со службами и землею, состоящий в 1-й части г. Екатеринбурга на Главном проспекте за 2000 руб.» [3, с. 173]. А.А. Шварте некоторое время пребывал в мещанстве, а в 1861 г. записался в екатеринбургские купцы 3-й гильдии [4, л. 53]. Являясь купцом, он торговал часами и ружьями, делая это в Екатеринбурге и на Ирбитской ярмарке. Дата его смерти неизвестна, но он дожил по крайней мере до 1879 г.

Его главный наследник, сын Адольф-Вильгельм родился около 1846 г. Увольнение его отца со службы на Златоустовских заводах не позволило ему воспользоваться привилегиями, которые были дарованы немецким мастерам-оружейникам, в том числе и в сфере получения образования. В силу этого Адольф Шварте получил лишь скромное домашнее образование. Немалую часть детства и юности он провел, числясь мещанином, а в возрасте около 15 лет обрел статус купеческого сына.

В 1873 г. А.А. Шварте в возрасте около 27 лет начал самостоятельную работу в Екатеринбурге в качестве часового мастера. Подобный статус он мог получить лишь в случае длительного обучения сначала в роли ученика, а затем подмастерья. К сожалению, документы на эту тему в местных архивах не сохранились. Вероятно, часовой мастер не собирался всю свою жизнь посвятить починке часов. Уже в 1870-е гг. он стал присматриваться к другим направлениям предпринимательской деятельности. Резон в этом был. Уральский регион, тяжело переживший отмену крепостного права, в 1870-е гг. начал оживляться. Развивались торговля и промышленность: возникали новые отрасли производства, появлялся и увеличивался спрос на разные товары, и не только на товары первой необходимости. Иными словами, деловому человеку было куда приложить свои силы и капиталы. Оставалось только найти прибыльное дело.

На первых порах часовой мастер ничего оригинального не придумал. Многие екатеринбуржцы были больны «золотой лихорадкой». Не избежал этой участи и Адольф Августович Шварте: 22 апреля 1875 г. ему было выдано, так называемое, дозвожительное

свидетельство «на поиски и разработку золотых россыпей на землях: Оренбургского казачьего войска, башкирских и казенных, в губерниях, к Уральской горной области принадлежащих» [5, л. 109]. Данный документ выдавался главным начальником горных заводов Уральского хребта. Он говорил только о намерениях получателя начать поиск месторождений золота. Многие обладатели этих свидетельств никакими конкретными шагами не отметились: так как дело было прибыльным, но и очень рискованным. Адольф Шварте также не спешил с началом разведывательных работ. Вполне вероятно, что сдерживающим фактором была нехватка средств.

Ближе к концу 1870-х гг. Адольф Августович отважился на открытие собственного торгового заведения (Екатеринбург, Пушкинская, 12). Помещение для часового магазина было арендовано у владельцев дома – А.А. и О.И. Дрозжиловых, уральских золотопромышленников. Видимо, Дрозжиловы сочли, что торговые операции, производившиеся Шварте, могут быть небезвыгодны и для них. Результатом такого осознания стало создание товарищества на вере «А.А. Шварте и К<sup>о</sup>» с основным капиталом в 15 тыс. руб. [6, л. 85]. Фирменный договор не выявлен, но можно предположить, что большую часть основного капитала составил взнос главной компаньонки Шварте – Ольги Ивановны Дрозжиловой. Сам же Шварте скорее всего мог предложить в качестве вноса личный труд, некоторое количество товара и немного наличными.

Союз А.А. Шварте с О.И. Дрозжиловой оказался удачен: товарищество на вере действовало по октябрь 1915 г., т. е. 36 лет. Взнос Ольги Дрозжиловой позволил Адольфу Шварте заметно расширить ассортимент товара в магазине и нарастить объемы торговли. Начиная с 1879 г., рекламные объявления магазина А.А. Шварте в екатеринбургской прессе стали частым явлением. Летом 1879 г. появилось нижеследующее объявление: «Часовой магазин А. Шварте и К<sup>о</sup>. Ружья центрального боя лучших заграничных мастеров, английские патроны к ним, а также приборы для зарядания. По заказу заряжают патроны. Лучшие гаванские сигары» [8, с. 20]. По сути дела, магазин Шварте лишь формально назывался «часовым», поэтому уже в 1880 г. Адольф Августович отказался от этого названия и стал именовать свое детище просто «магазином А. Шварте и К<sup>о</sup>».

Расширяя ассортимент, Адольф Шварте все чаще предлагал потребителям разные товары (российского и иностранного производства), нужные крестьянам, владельцам фабрик и заводов, золотопромышленникам и т. д. Так, рекламное объявление в конце 1884 г. гласило, что Шварте предлагает «арматуру, газовые и дымогарные

трубы, английские и немецкие инструменты, весы, насосы, молотилки, веялки, тигли и пр.» [9, с. 721]. В аналогичном объявлении, датированном январем 1885 г., помимо вышеуказанного предлагались «прочие принадлежности механических и других заводов» [10, с. 33]. В этот момент в Екатеринбурге было не менее трех механических фабрик.

Деятельность магазина была успешной, что отразилось на материальном благосостоянии Адольфа Шварте, а также стало стимулом к новым, точнее старым, предпринимательским начинаниям. Он реанимировал дозволительное свидетельство на поиск и разработку золотых месторождений, начав поиск золота в Пермской и Оренбургской губерниях. Разведка в каких-то случаях не принесла результата, в каких-то оказалась небезуспешной. 4 мая 1884 г. А.А. Шварте заявил Екатеринбургскому уездному полицейскому управлению золотосодержащую местность в Екатеринбургском уезде Пермской губернии «на левой стороне речки Долгой, от устья в 52 саженьях, от речки Глухой в 6 верстах» [12, с. 458]. 5 января 1885 г. Адольф Шварте заявил Верхотурскому уездному полицейскому управлению две аналогичные местности: «а) в Лялинской № 189 казенной даче по речке Ивделю от села того же названия около 2 верст и от пересекающей ту речку грани Всеволожского в 5 верстах и б) в Гороблагодатском округе по правой вершине Кузнецовского лога, за шириной Архангельского прииска» [13, с. 215].

Шварте использовал и другой способ приобретения приисков. Ежегодно в Екатеринбурге производились торги на брошенные прииски, именовавшиеся «тунележащими». Их изымали у частных владельцев, передавали в казну и вновь выставляли на торги, которые велись вслепую. Золотопромышленники, получив информацию о торгах, брали лист бумаги, составляли список приисков, которые желали купить, не забывая указать сумму, назначенную ими за вожаделенные месторождения. Список, вложенный в конверт, отправлялся в Уральское горное управление, чиновники которого вскрывали письма и сравнивали цены на конкретный прииск, предложенные разными лицами. Победителем оказывался предприниматель, назначивший высшую цену. А.А. Шварте время от времени участвовал в таких мероприятиях, но без особого усердия. 9 февраля 1899 г. он торговался за 4 прииска, находящиеся в Оренбургской. За каждый прииск им было предложено от 20 до 55 руб. В результате он купил лишь один прииск, обошедшийся ему в 55 руб. Победа А.А. Шварте объясняется просто: другие покупатели отсутствовали [16, с. 7].

В ряде случаев А.А. Шварте арендовал чужие прииски. 18 января 1885 г. он заключил договор с екатеринбургским кушом 2-й гильдии Е.П. Суловым об аренде у него трех приисков (Надеждинского, Спасского и Удалого), которые находились в Оренбургской губернии, близ Кваркенской станицы [7, л. 78].

Золотопромышленность была проблемной сферой деятельности. Порой прииск, сулящий неплохую прибыль, оказывался в конце концов пустышкой. В подобных случаях от него старались избавиться, иногда сдавая в аренду, а чаще всего просто бросая его разрабатывать. По российским законам такие прииски забирались в казну и выставлялись на продажу. Так произошло с Компанейским прииском А.А. Шварте, который он заявил 19 июля 1886 г. в Каменской даче Екатеринбургского уезда. После землеотвода Шварте так и не начал разработку прииска, умудрившись сдать его в аренду купеческой жене Е. Бурдаковой, но и та не стала его эксплуатировать. Прииск после возврата в 1890 г. в казну был выставлен на публичные торги [14, с. 376].

Адольф Августович не был единственным представителем рода Шварте, отдавшим дань золотопромышленности. Среди тех, кто разрабатывал золотые прииски в Оренбургской губернии, время от времени упоминались Вильгельм Августович и Лидия Августовна Шварте, родные брат и сестра А.А. Шварте. Они были приписаны в екатеринбургское купеческое сословие: сначала состояли при семействе отца, а затем при семье старшего брата. Благодаря этому Вильгельм Шварте числился купеческим братом, а Лидия – купеческой сестрой. В.А. Шварте, окончив гимназию в Екатеринбурге, трудился в фирме брата, иногда выполняя роль доверенного. В 1880-е гг. он увлекся золотопромышленностью, сделав ставку на добычу золота в Верхнеуральском уезде Оренбургской губернии. Как и брат, он имел свои прииски, а также брал их в аренду. Сложно судить о его успехах на этом поприще, так как его личный архив не сохранился. Тем не менее, можно утверждать, что золотодобыча стала главным делом его жизни. Он занимался ею не менее 17 лет, и занимался бы и дальше, если бы не скончался в 1902 г., в возрасте 46 лет [17, с. 1]. Умер он в Оренбургской губернии, на своих приисках.

Лидия Шварте в 1888 г. получила дозволительное свидетельство на поиски и разработку золотых россыпей. Начиная с этого времени, она вошла в состав золотопромышленников Урала, действуя в основном в Оренбургской губернии. Размах ее деятельности был скромным. Владея немногими приисками, она в конце концов распродала их. Часть приисков были проданы брату В.А. Шварте, а некоторые стали собственностью А.А. Дрозжилова.

Адольф Шварте смотрел на золотодобычу как на побочное занятие. Его основным занятием была торговля. Магазин Шварте в Екатеринбурге с каждым годом расширял свой ассортимент. В нем постоянно можно было приобрести разные музыкальные инструменты, в т. ч. пианино и рояли, а также бемское стекло, портландский цемент, металл разных сортов, различные трубы и многое другое. Адольф Шварте, расширяя дело, находил новых поставщиков. С этой целью он стал представителем ряда российских и иностранных фирм, благодаря чему в его магазине стало возможным купить тепловые двигатели Дизеля, колеса и бандажи завода «Людвиг Нобель», напильники американского завода «Никольсона С-я и К°», линолеум шведской фирмы «Викандер и Ларсон», продукцию машиностроительных заводов в Нюрнберге и Аугсбурге (Германия). При магазине находился склад изделий товарищества Российско-Американской резиновой мануфактуры А. Шварте и К° [18, с. 1].

Товары Адольфа Шварте чаще всего находили сбыт. Их приобретали ремесленники, владельцы фабрик и заводов, горожане и жители близлежащих селений. Порой в роли покупателей выступали органы самоуправления. В 1897 г. Шварте поставил Шадринскому уездному земству ватерклозеты и трубы к ним. В 1904 г. Екатеринбургскому уездному земству для работ по устройству водоемов понадобился насос, который был приобретен за 124 руб. 20 коп. в магазине Шварте [15, с. 453]. Поиск новых клиентов давал возможность выжить даже в условиях экономической депрессии: в 1909 г. оборот магазина Шварте составил 347 тыс. руб. [2, л. 390].

Адольф Шварте проявлял заботу не только о потребителях, но и о своих служащих. В 1909 г. он немало удивил екатеринбургских коммерсантов своим оригинальным нововведением: «С первого мая в магазинах Шварте вводится для служащих восьмичасовой рабочий день. Магазины будут открываться в 8 часов утра и закрываться в 6 часов вечера с перерывом на 2 часа для обеда» [19, с. 3].

А.А. Шварте был не только предпринимателем, но и общественным деятелем. В 1880–1892 и 1902–1906 гг. он был гласным Екатеринбургской думы, участвовал в работе многих думских комиссий. Кроме того, он был членом совета Лютеранской церкви, а также членом-соревнователем вольного пожарного общества, действительным членом благотворительного общества, общества попечения о начальном образовании в г. Екатеринбурге и его уезде, Уральского общества любителей естествознания и других. Адольф Шварте был одним из организаторов в Екатеринбурге общества охоты.

Бизнес Адольфа Августовича Шварте продолжал развиваться и в годы Первой мировой войны. Как подданного Российской империи, его не коснулся процесс закрытия заводов и магазинов, принадлежащих гражданам стран Тройственного союза. Все кардинально изменила смена власти: с большевиками отношения у Шварте не сложились. В 1919 г. он покинул сначала Екатеринбург, а потом и Россию. Судьба забросила его в Харбин, где он и скончался 18 марта 1935 г. [20].

Два поколения семейства Шварте занимались предпринимательством на Урале: они внесли определенный вклад в развитие золотопромышленности на Среднем и Южном Урале, в снабжение уральцев различными потребительскими товарами и в поставку в регион разной техники и технических принадлежностей, поучаствовав таким образом в модернизации местной промышленности.

### **Библиографический список**

1. Шнейдер В.А. Немецкие оружейники в Златоусте. // Первые Бушуевские чтения: Сборник материалов. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2003. 112 с.
2. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 43. Оп. 1. Д. 1007. Л. 45.
3. Пермские губернские ведомости. 1856. 21 сент.
4. ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 137. Л. 53.
5. ГАСО. Ф. 24. Оп. 31. Д. 4045. Л. 109.
6. ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 137. Л. 85.
7. Екатеринбургская неделя. 1879. 1 авг.
8. Екатеринбургская неделя. 1884. 31 окт.
9. Екатеринбургская неделя. 1885. 16 янв.
10. Пермские губернские ведомости. 1884. 24 нояб.
11. Пермские губернские ведомости. 1885. 4 мая.
12. Уральское горное обозрение. 1899. Приложение к № 8. 7 с.
13. ГАСО. Ф. 24. Оп. 31. Д. 3638. Л. 78.
14. Пермские губернские ведомости. 1890. 12 сент.
15. Уральская жизнь. 1902. 21 июля.
16. Уральская жизнь. 1907. 16 мая.
17. Сметы доходов и расходов Екатеринбургской уездной земской управы за 1906 год. Отчет Екатеринбургской уездной земской управы о движении денежных сумм и капиталов за 1904 год. Екатеринбург: типография газеты «Уральская жизнь», 1906. С. 502.
18. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 111. Оп. 2. Д. 752. С. 390

19. Уральский край. 1909. 3 мая.

20. Волков С. В. Участники белого движения в России. База данных № 2 // URL: [http://swolkov.org/2\\_baza\\_beloe\\_dvizhenie/2\\_baza\\_beloe\\_dvizhenie\\_abc-01.htm](http://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/2_baza_beloe_dvizhenie_abc-01.htm) (дата обращения 21.05.2021)

*Тихонова Анастасия Владимировна*

### **Немецкие врачи и учителя в российской провинции (первая половина XIX в.)**

**Аннотация.** На основе архивных документов, в статье рассматривается деятельность немецких врачей и учителей в российской провинции (на примере Смоленской губернии). На конкретных примерах, относящихся к первой половине XIX века, автор показывает этапы карьеры иностранных подданных немецких государств в Российской империи. Успешное прохождение профессиональных экзаменов и принесение присяги России открывало иностранцам возможности не только стабильной профессиональной деятельности, но и повышения социального статуса, сохранения недвижимости и передачи ее по наследству. С получением российского подданства иностранцы уже фигурировали в документах без упоминания происхождения, так как имели одинаковые права с россиянами.

**Ключевые слова:** немцы, иностранцы, иностранные учителя, иностранные врачи, российская провинция, первая половина XIX века.

### **German doctors and teachers in the Russian province (the first half of the XIX Century)**

**Abstract.** On the basis of archival documents, the article deals with the activities of German doctors and teachers in the Russian province (using the example of the Smolensk province). Using specific examples from the first half of the 19th century, the author shows the stages of the career of foreign nationals of German states in the Russian Empire. Successful passing of professional exams and taking the oath of office in Russia opened up opportunities for foreigners not only to have a stable professional activity, but also to improve their social status, preserve real estate and transfer it by inheritance. With the receipt of Russian citizenship, the foreigners already



appeared in documents without mentioning their origin, since they had the same rights with Russians.

**Keywords:** Germans, foreigners, foreign teachers, foreign doctors, Russian province, first half of the 19th century.

Иностранные подданные «традиционно сосредоточивались в российских столицах и значимых городских центрах» [2, с. 51], однако представители наиболее социально ориентированных профессий – врачи и учителя – нередко выбирали для своего места жительства провинцию. Смоленская губерния, находившаяся на своеобразном перекрестке дорог между белорусскими землями и центральной Россией, а также югом страны (Черниговской губернией) оказывалась привлекательна для иностранцев, в том числе немцев.

Архивные документы свидетельствуют, что еще до начала военных действий 1812 г. вольнопрактикующим врачом в Смоленске являлся уроженец Пруссии Карл Степанович Крауз. К этому времени ему уже было 45 лет, он имел большую семью (жену и 8 детей) и являлся владельцем двухэтажного каменного дома в 1-й части города [25, л. 134 об. – 135]. Свою успешную практику врач продолжил и в послевоенное время. Известно, что штаб-лекарь Крауз скончался в декабре 1835 г. [24, л. 3 об.], оставив родным солидное наследство в размере 12 тысяч рублей [16, л. 10].

Для того, чтобы иметь соответствующее звание штаб-лекаря иностранец обязан был успешно пройти экзамен в Императорской медико-хирургической академии. Это удалось в 1814 г. военнопленному вестфальцу Касперу Вильгельму Либерту [7, л. 250], который поселился в имении помещицы Рибопьер в Вяземском уезде [27, с. 31], где не только лечил ее, но и крестьян. Вяземский уездный исправник еще в мае 1813 г. сообщал гражданскому губернатору, что К.В. Либерт, «поведения скромного» и «во врачевании знающ» занимается тем, что «преподает врачевание крестьянам с пользою» [6, л. 2–3].

На Смоленщине много лет работал немец Франц Егорович Гордто. Известно, что врачом он был в России с 1809 г. [55] Являясь городским лекарем в Ельне и состоя там в местном рекрутском депо, он в 1811 г. проявлял «отличное лечение больных рекрут, употребляя на то даже собственные медикаменты» [39, с. 310]. В качестве поощрения «таковой ревности в службе» М.Б. Барклай де Толли в своем письме от 16 октября 1811 г. просил А.Д. Балашева объявить Гордто «благодарность от начальства» [39, с. 310]. Впоследствии Франц Егорович Гордто был награжден бронзовой (на Владимирской ленте) и

серебряной (на Андреевской ленте) медалями 1812 года. В 1821–1823 гг. он служил штаб-лекарем в Смоленском кадетском корпусе (в чине титулярного советника) [28, с. 944; 29, с. 774]. В 1826 год Ф.Е. Гордто значился штаб-лекарем на Скопинском военном конном заводе в чине коллежского асессора [30, с. 117], а в 1828–1829 гг. – инспекторским помощником по хозяйственной части Императорской Медико-хирургической академии (Московском отделении) [31, с. 446; 32, с. 461].

В 1830 г. Франц Егорович Гордто «был переведен по собственному желанию в Рославль, а в 1831 г. – в Сычевку на должность уездного врача» [37, с. 42]. В «Российском медицинском списке...» на 1839 и 1840 гг. Франц Гордто указан штаб-лекарем в чине надворного советника [48, с. 92; 49, с. 97]. С 1839 г. он являлся оператором (хирургом) в Смоленской врачебной управе [33, с. 496], а 18 мая 1840 г. Именным Высочайшим указом, данным Правительствующему Сенату, Франц Егорович получил за выслугу лет чин коллежского советника [38, с. 182]. В 1841 г. 55-летний штаб-лекарь Франц Егорович Гордто был по-прежнему указан оператором (хирургом) в Смоленской врачебной управе [47, л. 127–131 б]. С 1843 по 1854 г. Франц Гордто значится в «Российском медицинском списке» как штаб-лекарь в чине коллежского советника, награжденный знаком за 25 летнюю беспорочную службу [50, с. 97; 51, с. 85].

Городовым врачом в Рославле служил в 1849–1860 гг. уроженец Бадена Август Иванович Дурлахер (ок. 1778 – после 1860). Он окончил медицинский факультет Гейдельбергского университета, получив право быть вольнопрактикующим врачом и акушером. Иностранец в 1846 г. подтвердил свои знания на экзамене в Московской медико-хирургической академии. 23 марта А.И. Дурлахер принес присягу на верность России в Черниговском губернском правлении [11, л. 1об] и с 21 сентября 1849 г. начал службу в Рославле в качестве городского врача [11, л. 4–5]. В 1856–1860 гг. он сочетал эту работу с лечением учащихся Рославльского уездного училища, часто осуществляя медицинскую помощь за собственный счет [36].

Из немецких врачей, проживавших в Смоленской губернии, стоит упомянуть и Богдана Ивановича Штриттера, уроженца Нассау. Этот выпускник Вюрцбургского университета 1808 г. являлся лекарем в Симбирском гренадерском полку. После смерти своей супруги – дочери капитана Н.М. Полтевой – Б.И. Штриттер в 1840 г. принял русское подданство и вскоре был причислен «к дворянству Смоленской губернии по Рославльскому уезду» [9, л. 77]. Там отставной штаб-лекарь, коллежский асессор Б.И. Штриттер проживал в собственном

имении вместе со своими шестью детьми [4, л. 264]. В январе 1845 г. он указан в списке врачей-дворян, составленном Смоленской врачебной управой [54, с. 13].

Были среди немецких медиков и женщины. Так, повивальной бабкой в Ельне в 1827–1841 гг. служила дочь капитана прусской службы Каролина Федоровна Штелер, окончившая «курсы искусства повивального мастерства в Императорском Виленском университете». В аттестате при оставлении ею службы значилось, что немка исполняла «свою должность с усердием» [8, л. 6 об.].

В числе смоленских аптекарей встречались представители немецких земель: уроженец Данцига Мануил Богданович Шеио в 1812 г. владел в губернском городе собственной аптекой [5, л. 20 об. – 21], а в 1820-е гг. в Смоленске была известна аптека, принадлежавшая прусскому подданному, вольному аптекарю Емануилу Мего [46, л. 25]. В документах 1813 г. в Смоленске упоминается подаптекарь – саксонец, уроженец города Эссена «Данила Егоров сын Шлосиер» [5, л. 21 об., 19]. В списке иностранцев, проживавших в Смоленской губернии в 1841 г., указан «аптекарский ученик», родом из Саксонии [3, л. 262–263 об.].

Представители немецких государств также успешно проявили себя в сфере образования. Более 30 лет (с 1804 по 1835 г.) учителем немецкого языка в Смоленской мужской гимназии служил саксонец Егор Кондратьевич Штанге (ок. 1770–1851) [23, л. 27 об. – 28]. Он приехал в Россию в 1793 г., здесь получил образование и с 1804 г. (с момента открытия) стал учительствовать в Смоленской губернской гимназии [34, с. 57; 1, с. 62, 99], занимался библиотекой учебного заведения и даже в течение трех лет преподавал гимназистам математику и физику [1, с. 176]. Выйдя в отставку в 1835 г., титулярный советник Е.К. Штанге в 1848 г. решил открыть в Смоленске частную школу «для обучения детей обоего пола» [12, л. 4–4 об.] немецкому языку. Отличная репутация способствовала положительному решению вопроса, и школа успешно действовала [15, л. 70 об. – 71; 17, л. 49 об. – 50, 58 об. – 59] до февраля 1851 г., когда была закрыта в связи со смертью устроителя [45, л. 1–4]. Генрих Карл Штанге (Heinrich Carl Stange), уроженец Лейпцига, скончался 7 февраля 1851 г. в возрасте 82 лет [24, л. 17 об. – 18]. В 1853 г. дочь Е.К. Штанге Софья сумела продолжить дело отца, открыв свою частную школу «первоначального обучения детей женского пола» [20, л. 2–2 об., 8], которая работала в Смоленске до 1865 г. [40, с. 23; 41, с. 30; 42, с. 25; 43, с. 26; 44, с. 31]

В Смоленской мужской гимназии, помимо Егора Кондратьевича Штанге преподавали: саксонец Федор Федорович Кейзер и прусский

подданный Георгий Теофилович (Егор Иванович) Ян. Воспитанник благородного пансиона при гимназии Н.А. Щеховской вспоминал, что надзиратель Ф.Ф. Кейзер, преподававший немецкий язык, «человек... был серьезный, спокойный и умный, обращался со всеми вежливо и с некоторыми из нас, как, например, со мною, говорил не иначе, как по-французски... по просьбе наших родителей, для того чтобы не забыли этого языка» [53, № 9, с. 142]. После принесения присяги на подданство России в 1843 г., этот учитель несколько лет работал в качестве домашнего учителя в частных домах Смоленска, обучая немецкому, русскому языкам, математике, географии [13, л. 5, 20, 23; 14, л. 26; 16, л. 33–35]. В 1848 г. Кейзер выдержал экзамен в Московском университете на учителя немецкого языка и с 1849 по 1853 г. преподавал в Смоленской губернской мужской гимназии немецкий язык [19, л. 1–1 об.; 21, л. 5, 7], проявляя усердие и подтверждая «успехами учеников» собственные отличные знания предмета [19, л. 1–1 об.]. В 1853 г. Кейзер покинул Смоленск, получив место надзирателя за воспитанниками в 1-ой Московской гимназии [21, л. 5, 7].

Выходец «из Еупена, родившийся в Ахенском округе» [22, л. 6], Георгий Теофилович (Егор Иванович) Ян поселился в Смоленске в 1850 г. К этому времени он уже получил опыт работы в учебных заведениях Минска, Могилева, Мстиславля [35, л. 314–315]. Г.Т. Ян с 1850 по 1863 г. преподавал французский язык в Смоленской гимназии [18, л. 2 об. – 3; 43, с. 25]. Известно, что еще в 1844 г. он принял присягу на верность службе [18, л. 2 об.], а в 1853 г. стал подданным России [22, л. 5].

Немцы были и среди домашних учителей. Например, в 1812 г. детям вяземского помещика Шагарова преподавал вюртембергский подданный Карл Карлович Сюрло, приехавший в Россию в 1803 г. и проживавший в Смоленской губернии вместе с семьей. Однако с началом военных действий против Наполеона, Шагаров заметил у иностранца «великую преданность к своей нации», а потому помещик признался, что «держат его у себя опасается» [5, л. 6], и за Сюрло был установлен полицейский надзор.

У графа Н.П. Панина в имении Дугино Сычевского уезда в 1812 г. и в послевоенные годы служил уроженец Ганновера Иван Егорович Фогель, который прежде был в течение десяти лет профессором в кадетском Сухопутном корпусе. В 1796 г. он принес «присягу верности российской Империи» [5, л. 50–51]. В феврале 1814 г. в Ельнинском уезде работал «экзаменованный учитель» из Пруссии Николай Иванов Сушарт [5, л. 69]. В 1840–1841 гг. учителем детей штаб-ротмистра Владимира Лыкошина в Бельском уезде служил Теобольд Фребус из Веймара [10, л. 40].

В целом немцы занимали первое место по численности среди иностранцев: в ноябре 1812 г. из 13 человек, живших в Смоленске и попавших в «разбор», представителями немецких земель являлись восемь (61,5 %); двое (40%) из 5 человек в Ельнинском уезде; трое (50%) из 6 человек в Сычевском уезде [5, л. 18–21 об., 69, 45–46 об.]. При этом только двое из них имели отношение к аптекарскому делу, один являлся учителем. В большинстве же своем – это были ремесленники, купцы и слуги богатых помещиков. В 1841 г., по сведениям, предоставленным Смоленским губернатором по требованию Министерства внутренних дел, из 60 европейцев подданными немецких государств состояли 25 человек (41,7%), из них 14 пруссаков [3, л. 262–263 об.] Среди немцев указан лишь один «аптекарский ученик» и два домашних учителя.

Невысокие показатели числа врачей и преподавателей имели ряд причин: ограниченное число мест для работы иностранцев специализации, высокие требования к их квалификации (сдача профессионального экзамена), законодательные решения в правление Николая I, которые побуждали иностранных врачей и учителей принимать российское подданство. В случае же, если они желали работать в Российской, стремились повысить свой социальный статус и передать наследникам приобретенное в империи недвижимое имущество, им было необходимо принести присягу на верность России [52, с. 124–128, 147–153]. Как только иностранцы становились российскими подданными, они уже не фигурировали в документах в качестве иностранцев.

### **Библиографический список**

1. Аксенов М.В. Историческая записка о Смоленской губернской гимназии. Ч. I (1786–1833 гг.). Смоленск: Тип. П.А. Силина, 1912. 208 с.
2. Алексеева Е.В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII–начало XX в.). М.: РОССПЭН, 2007. 386 с.
3. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 161. П-8. Оп. 82. 1841 г.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. Оп. 227. Д. 16. 1828–1852 гг.
5. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 78. 1812 г.
6. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 163. 1813 г.
7. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 240. 1814 г.
8. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 31. 1831 г.
9. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 22. 1840 г.

10. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 38. 1841 г.
11. ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 664.
12. ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 100.
13. ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 572.
14. ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 792.
15. ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 890.
16. ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 909.
17. ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1100.
18. ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1262.
19. ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1446.
20. ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1456.
21. ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1483.
22. ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1530.
23. ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 3094.
24. ГАСО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 13.
25. ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 1.
26. ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 218.
27. Ермоленко Г.Н. Французские военнопленные 1812 года на Смоленщине // Край Смоленский. 2002. № 5–6. С. 26–33.
28. Месяцослов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1821. СПб., 1821. Ч. 1.
29. Месяцослов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1823. СПб., 1823. Ч. 1.
30. Месяцослов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1826. СПб., 1826. Ч. 1.
31. Месяцослов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1828. СПб., 1828. Ч. 1.
32. Месяцослов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1829. СПб., 1829. Ч. 1.
33. Месяцослов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1839. СПб., 1839. Ч. 1.
34. Мицюк Н.А. Женщины российской провинции XIX – начала XX века: воспитание, образование, социокультурное пространство и повседневная жизнь (на материалах Смоленской губернии). Смоленск, 2013. 415 с.

35. Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ). Ф. 2254. Оп. 1. Д. 311.

36. Никитина Н.В. Развитие просвещения и культуры в российской провинции в конце XVIII – первой половине XIX вв.: на материалах Западного региона России: дис. ...канд. ист. наук. Брянск, 2006.

37. Никитина Н.В. Становление системы здравоохранения в российской провинции XVIII – первой половины XIX вв. (по материалам Смоленской губернии) // Смоленский медицинский альманах. 2015. № 3. С. 41–44.

38. О награждении чином // Смоленские губернские ведомости. 1840. 19 августа (№ 34). Часть официальная. С. 182.

39. Отечественная война 1812 года. Отдел I. Переписка русских правительственных лиц и учреждений. Том VII. Подготовка к войне в 1811 г. СПб.: типография «Бережливость», 1907. 342 с.

40. Памятная книжка Смоленской губернии на 1858 год. Смоленск, 1858. Ч. I.

41. Памятная книжка Смоленской губернии на 1861 год. Смоленск, 1861. Ч. I.

42. Памятная книжка Смоленской губернии на 1862 год. Смоленск, 1862. Ч. I.

43. Памятная книжка Смоленской губернии на 1863 год. Смоленск, 1863. Ч. I.

44. Памятная книжка Смоленской губернии на 1864 и 1865 год. Смоленск, 1865. Ч. I.

45. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 10. Д. 526.

46. РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 734.

47. РГИА. Ф. 1349. Оп. 6. Д. 69.

48. Российский медицинский список, издаваемый по Высочайшему повелению Медицинским департаментом Министерства внутренних дел. На 1839 год. СПб.: В типографии Министерства внутренних дел. Б.д. 403 с.

49. Российский медицинский список, издаваемый по Высочайшему повелению Медицинским департаментом Министерства внутренних дел. На 1840 год. СПб.: В типографии Министерства внутренних дел. Б.д. 411 с.

50. Российский медицинский список, издаваемый по Высочайшему повелению Медицинским департаментом Министерства внутренних дел. На 1843 год. СПб.: В типографии Министерства внутренних дел. Б.д. 424 с.

51. Российский медицинский список, издаваемый по Высочайшему повелению Медицинским департаментом Министерства внутренних дел. На 1854 год. СПб.: В типографии Министерства внутренних дел. Б.д. 375 с.

52. Тихонова А.В. «Надлежаще смотреть...» Надзор за иностранцами в Российской империи (1801–1861). Смоленск: СмолГУ, Свиток, 2013. 256 с.

53. Щеховской Н.А. Воспоминания, мысли, признания человека, доживающего свой век смоленского дворянина // Русская старина. 1895. Т. 83. № 6. С. 61–106; т. 84. № 7. С. 89–119; № 8. С. 99–133; № 9. С. 121–146; № 10. С. 91–111; № 11. С. 131–154; № 12. С. 125–147; 1896. Т. 85. № 1. С. 191–204; № 3. С. 639–654; т. 87. № 7. С. 201–226.

54. Юденич И. Эпитафия Евстафию. Вяземские врачи Юденич и Филонов // Край Смоленский. 2019. № 1. С. 11–19.

55. Erik-Amburger-Datenbank.Ausländer im vorrevolutionären Russland. URL: <https://amburger.ios-regensburg.de/index.php?id=59429>

*Булатов Айдер Аметович*

### **Российские немцы и создание атомного щита советского государства**

**Аннотация.** Работа посвящена трагической странице истории советских немцев в 1941–1944 гг., под надуманным предлогом «неблагонадёжного» населения, депортированных из мест постоянного проживания в республики Средней Азии. Прибывшие «спецпереселенцы» и «трудоармейцы» были заключены в подневольную систему ГУЛАГа, где в качестве дешёвой рабочей силы, в тяжёлых и опасных для жизни условиях участвовали в разработке урановых рудников и создании атомного оружия Советского государства.

**Ключевые слова:** Великая Отечественная война, депортация, Средняя Азия, Таджикистан, система ГУЛАГа, урановые рудники.

### **The Russian Germans and the creation of the Soviet State's atomic Shield**

**Abstract.** The work is devoted to the tragic page of the history of the Soviet Germans in 1941–1944, under the far-fetched pretext of the «unreliable» population, who were deported from their places of permanent



residence in the republics of Central Asia. The «special settlers» and «labor soldiers» who arrived were imprisoned in the forced labor system of the GULAG, where they participated in the development of uranium mines and the creation of atomic weapons of the Soviet state as cheap labor, in difficult and life-threatening conditions.

**Keyword:** the Great Patriotic War, deportation, Central Asia, Tajikistan, GULAG system, uranium mines.

Трагическая история принудительного переселения целых народов и этнических групп в СССР, несмотря на свои масштабы (по разным источникам, с 1919 по 1953 г. были насильно переселены 6 015 000 человек), была покрыта строгой завесой государственной тайны. Как отмечают исследователи, в предвоенные годы фашистская разведка стремилась использовать многочисленное немецкое население СССР для агентурно-диверсионной работы в пользу Германии. Эти усилия не принесли желаемого результата. Однако, в условиях повсеместной шпиономании и нагнетаемой сталинским режимом взаимной подозрительности, постепенно менялось и отношение к гражданам немецкой национальности в целом [1, с. 55]. Уже 4 июля 1941 г. была издана директива НКВД и НКГБ СССР «О мероприятиях по выселению социально опасных элементов с территорий, объявленных на военном положении». Эта директива подразумевала и депортацию немцев из Крыма. Когда в Крыму началось формирование 51-й армии, директивой Ставки Верховного главнокомандования от 14 августа 1941 г. ей давалось предписание «очистить немедленно территорию полуострова от местных жителей немцев и других антисоветских элементов» [2, с. 6–7]. Операция по выселению немцев из Крыма началась 18 августа 1941 г. и завершилась 9 сентября. Было депортировано 61 184 человека: немцев, лиц других национальностей, членов их семей [3, с. 63]. Через 14 дней трагедия депортации коснулась и немцев Поволжья, которые, согласно Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья», были поголовно депортированы из мест своего проживания. Таким образом, к зиме 1941 г. на спецпоселении находилось 1 млн. 120 тыс. немцев [4, с. 340]. Как правило, вывезенные в районы поселения депортированные граждане бессистемно расселялись во временных бараках на территории огромных территорий. В результате хаотичного расселения, ранее компактно проживавшие этнические группы или даже целые семьи теряли друг друга, оказавшись, кто в Казахстане, кто на Урале, кто в Сибири, а кто и в Средней Азии. ГКО обязывал НКВД СССР создавать не просто рабочие колонны и отряды трудармейцев, но

и добиваться от них высокой производительности труда и дисциплины. Специальным постановлением НКВД было поручено привлекать трудармейцев к уголовной ответственности за нарушение дисциплины, отказ от работы, дезертирство. Размещение трудовых колонн и отрядов осуществлялось в отдельных лагерных пунктах, обнесенных проволочными заграждениями и обеспеченных охраной. Устанавливался строгий казарменный режим, вывод людей на работу и возвращение осуществлялись строем. Тысячи трудармейцев подверглись строгим наказаниям. За три года войны было осуждено 7 тыс. человек. Тяжелейшие условия труда и лагерного быта, плохое питание, моральная подавленность — все это унесло жизни многих невинных советских граждан.

Первая волна немецких спецпереселенцев прибыла в Таджикскую ССР уже в первые годы войны. Многим Средняя Азия была известна, в основном, как регион, в котором выращивались высококачественные сорта хлопка-сырца. Но мало кому было известно, что особенно важным стратегическим сырьём, которым располагали среднеазиатские республики, являлась урановая руда. Когда американцы впервые на земле создали, а затем в 1945 году применили атомное оружие, добыча радиоактивных руд стало для СССР вопросом выживания. Юго-западные предгорья Тянь-Шаня от Ташкента до Андижана стали первым советским районом уранодобычи, и нити многочисленных урановых рудников (Майлуу-Суу, Туя-Муюн, Адрасман, Табошар, Янгибад, Красногорск и другие) сходились в единый узел – Комбинат № 6, ставшего градообразующим предприятием города Чкаловска, находящегося в Северном Таджикистане. Именно на эти урановые объекты в качестве подневольной и малоквалифицированной рабочей силы направлялись отряды «спецконтингента» [5, с. 216]. Прибытие спецпереселенцев, условия содержания, а главное сфера применения их труда были строго засекречены. Из воспоминаний первого Директора Комбината № 6 НКВД СССР (1946–1953) и ВостГОК (1953–1958) Бориса Николаевича Чиркова (1906–1978). «15 мая 1945 года Государственный Комитет Оборона СССР принял постановление о создании комбината № 6, сверхсекретного завода по добыче и переработке урановой руды на базе месторождений Средней Азии. Это было первое отечественное предприятие по добыче сырья для атомной промышленности. Для строительства комбината требовались рабочая сила, электроэнергия и техника. Как и на многих больших стройках того времени, эти проблемы решались с помощью печально известной системы ГУЛАГа. Силами репрессированных советских людей в короткий срок на

пустыре был возведен ПФЛ – проверочно-фильтрационный лагерь, где разместили почти 5000 советских солдат и офицеров, освобожденных из фашистского плена, и граждан, оказавшихся под оккупацией Германии. Чуть позже прибыли эшелоны с советскими немцами из Коми, куда их ранее вывезли с Поволжья... Об условиях работы можно судить не только об уровне радиоактивности в урановых горных разработках, но и наличии средств производства... Сами судите. Рудник (Табошары), оснащенный лучше других, располагал всего пятью перфораторами «Ингерсол ранд», необеспеченных к тому же запасными частями. Рудничных рельс не было. Откатку вели по деревянным брусам, кое где обшитыми металлической полосой. Двадцать вагонеток «колотинок» и три коня-калеки, истощенных до последней степени — вот и весь внутришахтный транспорт... Освещение выработок, если строго говорить, отсутствовало, а роль индивидуальных шахтерских ламп выполняли копилки, в сравнении с которыми светильники, обнаруживаемые в древних китайских выработках, могли считаться верхом совершенства. Воздушные магистрали, собранные из труб различных диаметров, шипели как тысяча драконов. Не хватало насосов, электродвигателей, особенно закрытого типа, крепежного леса... Короче легче перечислить то что было, чем-то чего не было. Эффектно выглядевший ночью, расположенный по косогору, заводик, при ближайшем рассмотрении оказывался просто навесом. Под ним на уступах было установлено сорок две бочки, поставленных на пол. В них велось выщелачивание. Единственная дробилка «Блек» могла дробить только мелкие куски руды, несовпадающие по габаритам с размером зева дробили вручную кувалдой. До 90% всех операций составлял ручной труд. Даже окисление и то делалось вручную. После сухого помола, руда выгружалась не то в ящики, не то в корыта и заливалась меланжем» ... Но добыча руды велась ежедневно и все возрастала, и ждать, когда будет готов рудоспуск не было времени. Требовался другой временный выход. И он, более чем необычный, был найден. С разрешения Главного управления произвели закупку ста голов ишаков. Да, ишаков! Пригодился опыт войны в горах Кавказа. Они день и ночь посменно спускали руду со «Свода» в хурджумах по двадцать пять килограммов в каждом. Неоценимую службу несли ишаки!» [6, с. 13]. Каторжный труд спецпереселенцев на урановых рудниках мало чем отличался от работы тех же «ишаков», но на оглашение их фамилий и заслуг было наложено табу. Однако, в воспоминаниях первого директора Комбината № 6 Б.Н. Чиркова, о которых узнали спустя десятилетия, всё же названы несколько фамилий, которые могут иметь отношение к немецким

рабочим: «Да, все они и многие другие, чьих имен не сохранила память, были подлинными первопроходцами, обладавшими твердой волей, неисчерпаемым оптимизмом, трудолюбием и изобретательностью. Им приходилось работать в условиях невероятных трудностей. Но даже такая превосходная форма определения трудностей, как «невероятных» не может дать исчерпывающего представления о действительности тех дней. Заслуживают быть названными очень многие строители и монтажники, но емкость человеческой памяти имеет предел, и кроме тех, кто уже назван выше, хочется назвать товарищей: Н. А. Магеля, А. Криднера, А. Фольмар... Среди отличных рабочих-стахановцев, работавших с самого начала, были А. Вибс, И. Энграф, И. П. Роттдеккер, Д. Д. Кельн... [7, с. 30]. На табошарских рудниках работало около 17 тысяч военнопленных и ссыльных немцев. Лагерь, где были размещены заключенные, находился в ложбине под надзором пулеметчиков, чьи вышки стояли на возвышенностях со всех сторон. Виталий Башкиров, житель Табошара до сих пор помнит, как выглядели эти военнопленные. В его, на тот момент детской памяти, отчетливо сохранились некоторые детали. Виталий рассказал, что немецких солдат выводили строем копать карьеры. Первые 300 метров копались вручную. Сложно представить, каково это, метр за метром пробивать каменистый карьер. Уран лежал достаточно близко к поверхности: радиация зашкаливала. Многие умирали спустя 5–6 лет от силикоза легких, а сроки у них были по 15–20 лет. Тут они все и похоронены: за бывшей школой им. Зои Космодемьянской находится огромное немецкое кладбище, – показывает рукой вдаль Виталий... Действующие раньше тут магазины, столовые, конторы, баня теперь используются местными жителями в качестве жилых домов. И не зря. Военнопленные, хоть и на чужбине, строили дома качественно и на совесть. Привнесли они в архитектуру зданий свой, неповторимый немецкий стиль, отличающийся своей красотой и практичностью [8]. В Табошаре побывал и металлург германского города Аугсбург Александр Бриттнер, который когда-то провел в этом городе свое детство. Из его интервью Sputnik Таджикистан: «Для строительства города и добычи урановой руды в Табошар присылали пленных немецких солдат, а также немцев, сосланных в Таджикистан из Крыма, Поволжья и других мест. Именно так в Табошар в начале 1940-х годов попали и мои родители, – немцы, жившие до войны в Николаевской области Украины. Депортированных немцев было много – я хорошо помню, что из 30 учеников нашего класса в Табошаре примерно третья часть носила немецкие фамилии, – так же как и я. За несколько лет в горах, в 40 километрах к востоку от таджикского города Ленинабада

(ныне Худжанд) немцы выстроили очень похожий на «маленькую Швейцарию» город Табашар, архитектура которого напоминает города стран Западной Европы... На вопрос, знали ли жители Табашара о том, что работа на урановом руднике крайне вредная? Александр ответил: конечно, знали. Несмотря на обеспечение людей респираторами, смертность от селикоза (легочного заболевания) среди мужчин, работавших на добыче урановой руды, в 1940–50-е годы была высокой...» [9]. В тяжелейших условиях военного и послевоенного времени невероятными усилиями руководства и специалистов рудоуправлений

Комбината № 6, с использованием, невольного труда «спецконтингента», было добыто 18 тыс. тонн урановой руды и выдано около 7 тонн урана, что позволило на рассвете 29 августа 1949 г. произвести в СССР успешное испытание первой атомной бомбы. Этим ядерным взрывом была достигнута главная задача Советского Союза – установление ядерного паритета между США и СССР.

Однако, несмотря на высокие достижения СССР в ядерной гонке, особых послаблений для категории спецпереселенцев не последовало. Им категорически запрещалось самостоятельно менять место работы. Только после смерти Сталина, в 1955–1956 гг. с немецк-спецпереселенцев сняли надзор комендатуры. Теперь они могли менять место работы и перемещаться по республике, но в большинстве своем остались жить в прежних регионах. Однако по всему Союзу еще долго действовал негласный запрет на назначение спецпереселенцев на руководящие должности... [10]. Немцам, в отличие других депортированных народов, запрещалось возвращение на места прежнего проживания. Кроме того, в последующие десятилетия в Советском Союзе сохранялся негласный запрет на занятие этой категорией спецпереселенцев руководящих должностей. С учётом всех указанных обстоятельств, даже несмотря на частичную интеграцию немецких спецпереселенцев в таджикское общество, они не могли чувствовать себя на равных с представителями других народов. В начале 90-х гг., в результате распада СССР, у немцев, проживающих в Средней Азии, появилась возможность вернуться в родные края. Но, к сожалению, до этого времени не дожило большое количество депортированных немцев. Для многих их потомков, родившихся в местах депортации, бывший Советский Союз с его политической и экономической нестабильностью уже не представлял интереса, и они воспользовались открывшейся возможностью переезда в более притягательную Германию. Что касается причин депортации советских немцев и других народов бывшего СССР, то совершенно очевидно, что

она была совершенно беспочвенной и вызвана исключительной параноидальной подозрительностью Сталина и его приспешника, главы НКВД Берии. Сами факты депортации официально признаны государственным преступлением.

### **Библиографический список**

- 1.Свтух В.Б., Чирко Б.В. Німці в Україні (1920-і–1990-і роки). – Київ, 1994. – С. 55
2. [2,] Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Симферополь, 1994. – Вып. 4. С. 6–7
3. Брошеван В.М., Ренпеннинг В.К. Крымские немцы. – Симферополь, 1996. – С. 63.
4. Габриелян О.А. Крымские репатрианты: депортация, возвращение и обустройство. – Симферополь: Издательский Дом «Амена», 1998. С. 340]
5. Земсков, В.Н. Спецпоселенцы в СССР – 1930–1960. М: Наука, 2005. – С. 216
6. Чирков Б. Н.Воспоминания первого директора комбината № 6 [ГП «Востокредмет»]. – М., 1967. – С. 13]
7. Чирков Б. Н. Воспоминания первого директора комбината № 6 [ГП «Востокредмет»]. – М., 1967. – С. 30]
8. Урановое наследие и немецкая память Старого Табошара. История маленького поселка с большим прошлым // Искусство жить URL: <https://yandex.ru/turbo/your.tj/s/uranovoe-nasledie-i-nemeckaja-ramjat-starogo-taboshara/> (дата обращения: 28.02.2021).
9. Домой в родной Таджикистан: спустя 25 лет немец вернулся в город детства // Рамблер Новости URL: <https://news.rambler.ru/other/38535946-domoy-v-rodnoy-tadzhikistan-spustya-25-let-nemets-vernulysya-v-gorod-detstva/> (дата обращения: 28.02.2021)
10. Рустамов А. Немцы Таджикистана: Исчезающая диаспора // Comunicom URL: <https://yandex.ru/turbo/comunicom.ru/s/interesnoe-pro-tajikistan/34-nemtsy-tadzhikistana> (дата обращения: 28.02.2021).

## ЭТНИЧЕСКИЕ МЕНЬШИНСТВА: ПРОБЛЕМЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

*Бубликов Василий Валерьевич*

### Украинцы в России: динамика численности и трансформация самосознания\*

**Аннотация.** В статье рассматривается количественная динамика этнических украинцев в России (в современных границах) в конце XIX – начале XXI вв., причины изменения их численности. Статистические данные свидетельствуют о большом влиянии общественно-политических факторов на самосознание украинцев России, которые особенно сильно повлияли на их численность в 1930-е гг. и постсоветские десятилетия. После распада СССР наблюдается ускорение процессов ассимиляции представителей украинской общины, однако для значительной части «бывших» украинцев характерно развитие биэтничного (полиэтничного) самосознания, чему способствуют и объективные социальные процессы, прежде всего, распространение смешанных браков.

**Ключевые слова:** украинцы в России, этническое самосознание, ассимиляция, биэтничность, полиэтничность, перепись населения.

### Ukrainians in Russia: number dynamics and transformation of self-consciousness

**Abstract.** The article examines the quantitative dynamics of ethnic Ukrainians in Russia (within modern borders) at the end of the 19th – beginning of the 21st centuries and the reasons for the change in their numbers. Statistical data indicate the great influence of socio-political factors on the self-awareness of Ukrainians in Russia, which especially strongly influenced their number in the 1930s and post-Soviet decades. After the collapse of the USSR, the processes of assimilation of representatives of the Ukrainian community accelerated, however, a significant part of the “former” Ukrainians are characterized by the development of bi-ethnic (multiethnic) self-awareness, which is also facilitated by objective social processes, primarily the spread of mixed marriages.

---

\* Публикация подготовлена в рамках проекта РФФИ №20-011-00676 «Множественная русско-украинская этническая идентичность в России и ее региональные особенности»

**Keywords:** Ukrainians in Russia, ethnic identity, assimilation, bi-ethnicity, multiethnicity, population census.

Украинцы (черкасы, малороссы) после вхождения левобережной Украины в состав Российской империи в XVII в. стали второй по численности этнической группой на территории империи. Так, например, по первой переписи населения 1897 г. в Российской империи насчитывалось 22 381 тыс. лиц с «малорусским» родным языком (или 17,81%) [1]. Кроме того, украинцы уже как минимум в XIX в. стали второй по численности этнической группой и на территории, которая ныне составляет Российскую Федерацию: в 1897 г. из 66 616 тыс. всего населения здесь насчитывалось 4 074 тыс. лиц с «малорусским» родным языком (или 6,12%) [1].

В XVII–XIX вв. на территории современной РФ сформировались и ареалы компактного проживания украинцев, которые в этих регионах, по сути, стали автохтонным народом. Это, прежде всего, примыкавшие к основным украинским губерниям территории Воронежской и Курской губ. и Область Войска Донского, где совокупно в 1897 г. проживало 2 077 тыс. украиноязычных, а также Кубань, Ставрополье и Северный Кавказ – 1280 тыс. [1]. Также отдельные украинские этнические «острова» сформировались в Нижнем Поволжье (в Саратовской, Астраханской и Самарской губ.), на южном Урале (Оренбургская губ.), юге Западной Сибири (Томская и Тобольская губ.) и Дальнего Востока (Приморская и Амурская обл.).

В XX – начале XXI вв. исходя из динамики численности и географического размещения украинского населения на территории современной России можно выделить пять периодов развития украинской этногруппы:

1. До 1933 г. – украинцы являются вторым по величине народом, благодаря естественному и миграционному приросту увеличивается их численность, сохраняются регионы компактного проживания и, даже, появляются новые украинские этнические ареалы в связи с активным переселенческим движением за Урал. Перепись населения 1926 г. фиксирует 6 871 тыс. украинцев (или 7,42%) и 4 605 тыс. лиц с родным украинским языком (4,98%) [1, 2].

2. 1930-е гг. Более чем двукратное сокращение абсолютного числа украинцев в России, в сравнении с 1926 г.: в 1937 г. – 2 959 тыс. (или 2,88%), в 1939 г. – 3 205 тыс. (2,96%) [1, 3]. Кардинальным образом изменяется и география проживания украинцев, «исчезают» целые регионы компактного проживания: на Кубани и в Предкавказье число украинцев сокращается за 1926–1939 гг. в 8,3 раза (с 1 951 до 236 тыс.),



в приграничных с УССР регионах – в 4,3 раза (с 2 940 до 684 тыс.), но растет в регионе Крайнего Севера, куда активно отправляли репрессированных [1].

Такая динамика обусловлена цепью взаимосвязанных событий первой половины 1930-х гг.: голодом 1932–33 гг., затронувшим в РСФСР в значительной степени регионы проживания украинского населения, реакцией руководства страны на «кризис хлебозаготовки», выразившемся в кардинальном изменении национальной политики. Как отмечает К.С. Дроздов: «14 и 15 декабря 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б) одобрило два секретных постановления, полностью изменивших официальную национальную политику, которую советская власть проводила в отношении украинцев РСФСР ... На основании этих постановлений политика украинизации в РСФСР была насильственно прервана» [4, с. 472]. «Преращение политики украинизации в РСФСР, репрессии против украинизаторов и первые этнические чистки отразились и на русско-украинских взаимоотношениях: теперь национальность стала восприниматься местным населением как один из критериев политической благонадежности» [4, с. 458]. В таких общественно-политических условиях большинство автохтонного украинского населения в Европейской части РСФСР предпочло изменить официальную национальность с украинской на русскую.

3. 1940–1960 гг. – стабилизация абсолютной численности украинского населения в РСФСР, при снижении относительной: по переписи 1959 г. в России проживает 3 359 тыс. украинцев (2,86%), в 1970 г. – 3 346 тыс. (2,57%). Эта стабилизация стала возможной благодаря некоторой «консервации» национального состава в районах компактного проживания украинцев (в Воронежской, Белгородской, Омской обл., Алтайском крае и др.), оставшихся после 1930-х гг., т.е. прекращения «политической» ассимиляции, вследствие смягчения политического режима после смерти Сталина, и притока мигрантов из Украины.

4. 1970–1980 гг. – за счет увеличения добровольного миграционного притока из УССР и отмеченной выше «консервации» национального состава в оставшихся украинских районах РСФСР рост абсолютной и даже относительной (единственный период в XX в.) численности украинцев. Перепись 1979 г. фиксирует 3 658 тыс. украинцев (2,66%), перепись 1989 г. – 4 363 тыс. (2,97%).

5. 1990–2010 гг. – сокращение численности украинцев в 1,5 раза за 1989–2002 гг. и еще в 1,5 раза за 2002–2010 гг. В 2002 г. в России проживает 2 943 тыс. украинцев, в 2010 г. – 1 928 тыс. [1]. Причины сокращения украинской общины в постсоветский период не столь

однозначны, как причины деукраинизации 1930-х гг. Основную роль в этом процессе сыграл распад СССР и вызванные этим изменения в ощущении украинцами России своего статуса: если в позднесоветский период украинцы воспринимали себя как один из «титულных» народов СССР и сохранение своей этничности при проживании в другой республике казалось им естественным, то после возрождения независимой Украины «легитимность» своей национальности стала вызывать сомнения (по принципу «*живем в России, значит лучше записаться русскими*»). Эта логика «переписывания» в русские отчетливо прослеживается в районах компактного проживания украинского населения (например, в Воронежской и Белгородской обл.), хотя какого-либо административного или политического давления в 1990-е гг. в этом вопросе не отмечалось. В городах процесс постсоветского перехода из «украинцев» в «русские» был облегчен и широким распространением русско-украинских браков, где выбор официальной национальности, как правило, делался в пользу «титульной» этничности одного из родителей.

Об этих процессах пишут многие российские эксперты. В.В. Степанов, например, отмечает: «перепись 2002 г. не учитывала возможность указания респондентами двойной этнической идентичности и около 10% населения были вынуждены делать жесткий выбор в пользу одной из национальностей своих родителей. Предпочтение отдавалось наиболее престижной и статусной форме идентичности – русской. Именно поэтому в России статистически стало меньше украинцев и белорусов <...> Перепись как бы забежала вперед, отражая факт этнической ассимиляции ..., хотя на самом деле процесс развивается медленнее и не столь однозначно» [5, с. 68].

К аналогичному выводу приходит и С.Г. Сафронов: «украинцы и белорусы [в России – В.Б.] имеют сложную, подчас двойную этническую идентичность. Об этом свидетельствует быстрое сокращение доли украинцев и белорусов в постсоветский период, который невозможно объяснить лишь этнодемографическими процессами, включая миграцию» [6, с. 141].

Таким образом, в постсоветский период налицо широкое проявление двойной национальной идентичности, в т.ч. и потому, что для рядовых жителей России дистанция между понятиями *русский* и *российский* гораздо меньше, чем была ранее между прилагательными *русский* и *советский*.

В 2021 г. в РФ должна состояться новая Всероссийская перепись населения, которая, по нашей оценке, покажет общую численность украинцев в России в 1–1,5 млн., даже несмотря на ощутимую

миграционную прибавку в межпереписной период, в связи с притоком беженцев из Донбасса. Очевидно, что идентификация себя этническими украинцами (в их восприятии) в современный период, в связи с конфронтацией в отношениях двух государств, несет определенные (реальные или мнимые) риски, в сравнении с предыдущими десятилетиями. На это указывают и социологи-практики: «в 2015 г. по политическим причинам, ..., украинцы в Белгороде и крымские татары в Симферополе не хотели идентифицировать себя со своей этнической группой ... две этнические группы оказались стигматизированы. Кроме того, возник эффект так называемой “осциллирующей” этнической идентичности» [7, с. 65].

В условиях актуализации «национального вопроса» среди многочисленных потомков украинских переселенцев в России, в связи с конфликтностью во взаимоотношениях между Россией и Украиной после 2014 г., возникает вопрос соотношения реального этнического самосознания (которое как свидетельствует статистика в последние десятилетия характеризуется трансформацией в сторону множественных этничностей) и декларируемой при взаимодействии с государственными институтами национальности (в переписях населения и в некоторых документах).

В рамках реализации проекта РФФИ №20-011-00676 «Множественная русско-украинская этническая идентичность в России и ее региональные особенности» в июле–октябре 2020 г. в пяти регионах РФ (Белгородская, Воронежская, Омская обл., Алтайский и Приморский края) было проведено 100 глубинных структурированных социологических интервью среди лиц с двойной русско-украинской этноидентичностью. Выбор указанных регионов был обусловлен следующими факторами: во-первых, наличием значительного числа потомков украинских переселенцев разных периодов времени, районов их компактного проживания (сельская местность или малые города); во-вторых, территориальной презентацией различных частей РФ (Европейская часть, Сибирь и Дальний Восток), в-третьих, различная удаленность от Украины (два региона непосредственно на границе с Украиной и три удалены от нее на тысячи километров).

В ходе интервьюирования респондентам было задано 60 вопросов, среди которых вопросы об этнической самоидентичности и указанной в документах или переписях национальности, причинах ее выбора. Для описания своей множественной этничности биэтноры использовали свыше сорока различных формулировок, но, по сути, почти все они – это описание соотношения компонент их и русской, и украинской идентичности. Самыми распространенными вариантами

самоназвания русско-украинской биэтничности стали ответы: «*и русский(ая), и украинец(ка)*»; «*хохол/хохлушка*» (в переписях населения или документах такие респонденты записываются русскими или украинцами); «*преобладает украинская [этничность], но и русская тоже*» и т.д.

Кроме того, большинство опрошенных в той или иной степени ассоциируют себя с этнонимом «хохлы», хотя для многих (прежде всего для мигрантов из Украины) он имеет негативную коннотацию. При прямой идентификации себя с названием «хохлы» эта группа практически всегда воспринимается как переходная (между украинцами и русскими). Например, ответ респондента на вопрос об этническом самосознании: «*Хохлушка. Це по чуть-чуть и оттуда, и оттуда. Культура оттуда из України, какие-то традиции, обычаи. И яки-то традиции из русской культуры, то шо в школе все-равно то мы учим русский, русское государство изучаем. А в семье, дома – больше на Украинну*» [на суржике, жен., 1994 г.р., г. Белгород].

Этническая идентичность русско-украинских биэтноров в их самосознании часто «переплетена» с идентичностью общегражданской (*русский* большинством воспринимается как синоним *российского*) и региональной. Тем не менее, большинство респондентов заявляют о приоритете у них общегражданской идентичности, этничность занимает вторую позицию, а региональная идентичность – третью. Подавляющее большинство считает себя патриотами России, а свою украинскую компоненту этничности воспринимает как более интимную, семейную.

С этим связано и проявление официальной этничности – большинство опрошенных в документах или переписях записывались русскими, т.к. русскость воспринимается чаще как идентичность, сформировавшаяся благодаря внешним контактам и при необходимости выбора одной официальной национальности, как правило, предпочтение отдается в пользу русской, при этом украинская идентичность также сохраняется за счет воспроизводства в семье или местах компактного проживания потомков украинских переселенцев.

В целом проявление своей *русскости* и *украинскости* при взаимодействии в разных контактных аудиториях не носит ярко выраженного характера, т.е. большинство опрошенных заявляют об отсутствии или минимальном значении этнического фактора в их взаимоотношениях с окружающими. Тем не менее, русская идентичность значительно чаще проявляется при контактах в более внешнем круге взаимодействия: при обращении в официальные учреждения, при общении с коллегами, жителями города, соседями

(для мест дисперсного проживания). Украинская идентичность, напротив, чаще проявляется в более близком круге общения: семья и родственники, жители села/поселка (для жителей из мест компактного проживания биэтноров), друзья.

Относительно широко распространено «подстраивание» своей идентичности под идентичность окружающих. Например, ответ респондента на вопрос об этнической самоидентификации: *«Украинской [национальности]. Может быть и русской, но раньше, когда в паспорте писалась национальность, то всегда было написано украинка, чи в свидетельстве о рождении, чи в паспорте тогда писали. Но когда я была 30 лет замужем в Омской области, то тогда я там была русской. А по прибытии сюда опять стала хохлушкой»* [жен., 1958 г.р., Алтайский край, Романовский район]. Однако (хотя и значительно реже) встречается и противоположная модель: *«среди русских – я хохол, а среди украинцев – москаль»*. По классификации биэтничного самосознания С. Мореман, эти модели самосознания соответственно называются *«Близнец» (Twin)* и *«Полукровка» (Mongrel)* [8]. То есть, большинство опрошенных свою биэтничность воспринимает скорее нейтрально-позитивно (либо просто как данность, либо даже как преимущество – *«знаю два языка, две культуры»*), случаи негативного, социально деструктивного восприятия своей двойственности хотя и встречаются, но они прибывают в безусловном меньшинстве.

Во всех регионах проведения исследования нами зафиксированы опасения ряда респондентов при выражении своей украинской идентичности или даже чаще при выражении украинскости их детьми, хотя в целом такие мнения не составляют большинства. Приведем типовое мнение для этой группы: *«Для сына, если спросить, украинец сегодня, что одним ухом слышит по телевизору... – это плохо. Потому что на волне политических взаимодействий это сразу накладывает отпечаток политический на вот эти процессы самоидентификации для того, кто не осознает, не понимает. Сын русским себя назовет, он даже побоится назвать себя украинцем»* [муж., 1979 г.р., г. Барнаул].

Основными факторами формирования биэтничного самосознания исследуемой группы населения является комбинирование нескольких оснований, которыми респонденты объясняют свою множественную этничность (далее перечислены в порядке распространенности): примордиалистские факторы (происхождение, «корни», «кровь»); конструктивистские (факт проживания в России, русскоязычной среде, обучение, реже,

напротив, украиноязычная/«хохлацкая» среда (в сельской местности); инструменталистские (комфортность в обществе, при взаимодействии с государственными институциями и т.п.).

Наиболее распространенная модель объяснения своей двойной этничности: русский – потому что живу в России, общаюсь на русском языке, патриот России, украинец – по происхождению, культуре, сохраняющейся в семье (в сельской местности – в селе, районе).

Фактор территориальной удаленности от Украины играет роль в восприятии украинской части идентичности опрошенными респондентами. Так, в приграничных с Украиной регионах Европейской части, восприятие себя частично украинцами более рутинизировано, здесь элементы украинской идентичности воспринимаются как естественная часть региональной традиции; в регионах же Сибири и Дальнего Востока украинскость чаще имеет перцептивную отсылку к «утраченной», во многом мифологизированной Родине предков («Украина – квітучий край»), а эмоциональное сопереживание своей украинскости как правило выше, чем в Европейской части России.

Несмотря на некоторые региональные различия в восприятии своей биэтничности, русско-украинское население разных регионов России имеет гораздо больше общих черт: схожий русско-украинский смешанный язык (суржик или «хохлацкий»), полная или частичная идентификация себя с этнонимом «хохлы», который многими воспринимается как самоназвание этой субэтнической группы, сохранение близких этнокультурных и религиозных традиций.

### **Библиографический список**

1. Демоскоп Weekly. Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php>
2. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки. Вып. 4: Народность и родной язык населения СССР. Москва, 1928. 138 с.
3. Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. Сборник документов и материалов. Москва, 2007. 320 с.
4. Дроздов К.С. Политика украинизации в Центральном Черноземье, 1923–1933 гг. Москва, 2016. 487 с.
5. Этническое и религиозное многообразие России / Под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. Москва, 2018. 561 с.
6. Сафронов С.Г. Современные тенденции трансформации этнического состава населения России // Балтийский регион. 2015. № 3

(25). С. 138–153.

7. Социальные факторы межэтнической напряженности в России. Под ред. Ю.Б. Епихиной, М.Ф. Черныша. Москва, 2017. 336 с.

8. Moreman S. Memoir as Performance: Strategies of Hybrid Ethnic Identity // Text and Performance Quarterly. 2009. Vol. 29. No 4. P. 350–370.

*Бургарт Людмила Александровна*

### **Немцы-католики в России и СССР: некоторые аспекты проблемы этнорелигиозного меньшинства**

**Аннотация.** В статье поднимется проблема понятия «немецкое меньшинство», правомерность его употребления. На примере немецко-католиков представлены проблемы этнорелигиозных меньшинств «немецкого» происхождения в России и СССР. Рассматриваются основные периоды истории немецко-католиков, процесс трансформации этнорелигиозного меньшинства в национально меньшинство.

**Ключевые слова:** этнорелигиозное меньшинство, немцы-католики в России и СССР, моноконфессиональные поселения, религиозная идентичность, трансформация этнорелигиозной группы.

### **Catholic Germans in Russia and the USSR: some aspects of the problem of an ethno-religious minority**

**Abstract.** The article raises the problem of the concept of «German minority» the legality of it use. The problems of ethnoreligious minorities of «German origin» in Russia un the USSR are presented on the example of German Catholics. The main periods and milestones of the history of the Catholic Germans, the process of transformation of an ethnoreligious minority into a national minority are considered.

**Keywords:** Ethnoreligious minority, Catholic Germans in Russian and the USSR, monokohfessional sittient model, religious identity, transformation of an ethnoreligious minority.

При постановке проблемы немецкого населения в России (СССР, постсоветских государствах), как меньшинства, в это понятие чаще всего вкладывают исключительно этническое содержание: «немцы как национальное меньшинство». Однако, это верно лишь отчасти, лишь в определённом контексте и понятийном ракурсе, и для определённого

исторического периода. Обычно говоря о немцах как «меньшинстве», берут за основу некие внешние поверхностные маркеры: принадлежность к иной этнической группе, численность и удельный вес в составе населения государства, особую политику государства, восприятие их обществом как отдельной группы. Да, действительно, прибывавшие изначально в Россию выходцы из немецких земель были относительно малой группой, принадлежали к иному этносу, государство обособляло их на протяжении разных периодов истории законодательно и для окружающего социума они были отдельной группой под названием «немцы». Однако, существует и более глубокий срез, и более точные внутренние маркеры меньшинства. Прежде всего, речь идёт о внутренней самоидентификации групп населения под общим названием «немцы». Эта самоидентификация имела религиозную основу и была сформирована ещё до переселения в Россию, здесь она приобрела ещё более конкретные очертания, что нашло своё выражение в особом укладе жизни. Затем в определённые моменты истории она претерпела существенные коренные изменения. В этой связи возникает проблема понятия «этнорелигиозного меньшинства» как ключевого понятия истории немецкого населения в России. Некоторые её аспекты мы попытаемся рассмотреть в проекции на немцев-католиков на протяжении разных периодов и этапов их истории.

Первый этап – этап возникновения и формирования этнорелигиозной группы немцев-католиков в России. Первые католики-немцы (ремесленники, горные мастера, аптекари, военные, архитекторы и т.д.) в XV – XVII вв. оседали в русских городах вместе с другими иностранцами. Они становились жителями «Иностранных» или «Немецких» слобод. Несмотря на пёстрый состав населения слобод, все жители обычно демонстрировали преобладание конфессиональной идентичности над этнической. Немцы-католики были объединены в религиозные общины с единоверцами других национальностей (итальянцами, французами, поляками) [1]. Позже, в XIX в., с увеличением численности немцев-католиков в городах, они часто создавали исключительно моноэтнические приходы [2]. Но собственно начало истории немцев-католиков как этнорелигиозного меньшинства относится ко второй половине XVIII-началу XIX в. – времени массового притока иностранных колонистов в Россию.

Колонисты принадлежали к разным религиозным исповеданиям: лютеране, католики, особая группа меннонитов голландского происхождения, отдельные общины протестантского толка и т.д. [3]. Нужно принимать во внимание, прежде всего, историю Европы того



времени, которая объясняет особенности соотношения религиозного и этнического в миропонимании и восприятии человека того времени. В самоидентификации европейца того времени на первом месте была вера.

Переселявшиеся в Россию колонисты уже несли на себе бремя разделённого западноевропейского христианства. Эту реальность было вынуждено принимать во внимание российское государство, обещая им в «вызывательских» манифестах, в первую очередь, религиозные права, и создавая для прибывающих колонистов особые условия поселения по религиозному принципу. Если проанализировать манифесты на предмет «гарантии прав меньшинств», то можно увидеть особый статус именно религиозных прав и свобод. Речь не идёт о разделении колоний по этническому признаку, (мы не читаем о колониях немецких, французских, о правах на наречия, этнических обычаях). Основополагающий принцип поселения – религиозный («населяя каждой религии в особый округ») [4, с. 22, 52]. На основе этого принципа создаются моноконфессиональные колонии и округа, колонистам гарантируется беспрепятственное свободное отправление веры и право на создание условий для религиозной жизни (строительство церквей, колоколен, наличие священнослужителей) [4, с. 22, 52].

В этот период была заложена особая модель моноконфессионального поселения немцев в России, определившая дальнейшее развитие их истории на протяжении почти двух столетий [5]. Трения и конфликты между колонистами разных исповеданий, оказавшимися в одной колонии по причине того, что правительству не всегда удавалось добиться 100% дифференциации, также указывают на преобладание религиозного над этническим. В Поволжье было образовано 33 католические колонии [6, с. 208]. Вторым крупнейшим объединением католических общин в России после Поволжья стал юг страны: колонисты приглашались в Новороссию, на Кавказ и на Кубань, где в конце XVIII — начале XIX в. сформировалась значительная католическая община [7]. Общее число католиков, первоначально обосновавшихся на юге России, составляло около 50 тыс. человек.

К середине XIX в. моноконфессиональная модель стала основной моделью расселения сельского немецкого населения в районах первичной колонизации (материнские колонии). В ходе начавшегося в конце XIX в. процесса массового переселения на Восток: в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию, моноконфессиональная модель материнских колоний была перенесена в колонии дочерние [8]. В районах массовой немецкой крестьянской колонизации возникали

целые «территориальные системы, состоящие из колоний одного вероисповедания». Основание переселенческих посёлков и доприселение в них происходило строго по конфессиональной принадлежности [9, с. 40]. Итак, моноконфессиональная модель стала основной формой расселения сельского католического немецкого населения в России, и фактически определила особенности его дальнейшего развития. Религиозная община выступала в качестве основной формы самоорганизации, проникающей все остальные формы и сферы жизнедеятельности (семья, школа, традиционная культура, хозяйственная жизнь, мораль, правовые нормы, быт и т.д.), обеспечивающей их сохранение в иноконфессиональном, иноэтническом и иноязыковом окружении.

«Немцы-католики», как меньшинство, были меньшинством не только этническим и религиозным, но именно этнорелигиозным. Что это значит? Они были немцами по происхождению, но не составляли единой общности с немцами-лютеранами, меннонитами, гернгутерами и т.д. Они были, в первую очередь, католиками, и некая общность принадлежности к Вселенской Католической Церкви имела место быть. Но одновременно заметна их обособленность от католиков других этнических групп, в первую очередь, поляков. Помимо наличия собственных моноэтнических приходов, оно также желали видеть своими настоятелями исключительно священников-немцев [10]. В этом смысле, у них было чётко сформировано понятие «своих». И «своими» для них были не все немцы, отчасти «своими» были все католики, но с некой дистанцией, с желанием сохранить своё особое «немецкое католичество». Немцы-католики представляли особый сплав религиозного и этнического.

В Российской империи существовало законодательство, применявшееся к Католической Церкви в государстве в целом [11]. Но при этом католики-немцы в некоторых случаях выступали как отдельная группа. Это подтверждалось определёнными актами со стороны государства. Например, образованием отдельной епархии для католиков России, которая, по сути, объединила большую часть католиков-немцев, проживавших в империи. По составу населения епархия была преимущественно немецкой. Постепенно немецкий характер приобрела и семинария [12]. Хотя в то время в России не было сформировано юридически, законодательно понятие «меньшинства», не идеализируя историю этого времени, можно всё же утверждать, что конец XVIII - первая половина XIX в. были периодом относительно стабильного существования немцев-католиков в России как меньшинства. Особый тип поселения, гарантированные религиозные

права обеспечивали сохранение меньшинства и его защиту от ассимиляции.

После 100 лет существования в России особая модель поселения и статус колонистов подверглись серьёзным изменениям. Речь идёт о реформах 1870-х гг. [13]. Пожалуй, можно сказать, что это было началом особой политики и особого взгляда на колонистов как на инородную этническую группу. На них впервые посмотрели как на «этническое меньшинство», совершенно необоснованно увидев в них некое этническое объединение, единый немецкий чужеродный, обособленный элемент. Непонимание сути положения колонистов как этнорелигиозных меньшинств вызывало порой неадекватные меры реформ. На этом этапе остро встала проблема восприятия «обособленности и замкнутости» колоний немцев разных исповеданий. Самодостаточный стереотип поведения сельского немецкого населения носил не «этно -, а конфессионально-изоляционистский характер» и выражал их стремление сохранить свою этноконфессиональную самобытность, не допустить её разрушения [14, с. 61]. Идея унификации статуса колонистов вовсе не обязательно должна была сопровождаться разобщением колоний и нарушением традиционного внутреннего жизненного уклада. Далеко не все нововведения были вызваны насущными интересами российского государства и далеко не всегда были неизбежными и необходимыми. В дальнейшем, особенно в период Первой мировой войны, создав в своём воображении некое «немецкое национальное меньшинство», власти начали политику ущемления его прав, и даже открытое преследование по этническому признаку [15, с. 201-209]. Реформы этого периода, безусловно, не могли не отразиться на положении немцев-католиков. Однако, как и другие этнорелигиозные меньшинства немецкого происхождения, они по-прежнему жили своей внутренней жизнью, сохраняя основу своего этнорелигиозного уклада в виде моноконфессиональных колоний. Как отмечают исследователи, «образованию общего национального сознания российских немцев препятствовало существование среди них различных вероисповеданий» [16, с. 18].

В советский период (1917 -1941 гг.) новая власть с её позицией в отношении религии и Церкви не желала видеть немцев в качестве этнорелигиозных меньшинств, оно продвигало идею «национального меньшинства» [17]. Концепция государственной политики в отношении «немецкого национального меньшинства» провозглашала, казалось бы, идеи равенства, свободы и справедливости, содержала ряд шагов, направленных на удовлетворение интересов немецкого национального меньшинства, в первую очередь, идею национально-территориальных

образований (национальные сельские советы, районы, затем Автономная область и Автономная Республика Немцев Поволжья). Но новая власть взяла за основу сформулированное ею самой понятие «немецкое национальное меньшинство». Вместо традиционной религиозной основы существования этнорелигиозной группы закладывалась основа атеистическая, и на ней предполагалось развитие немецкой национальной культуры, советской по сути. Власть знала и была хорошо осведомлена о роли и месте религии в её жизни и располагала сравнительными данными о немцах-католиках, лютеранах, меннонитах. Нередко успехи или неудачи мероприятий новой власти объяснились именно прочностью или же слабостью религиозных устоев в среде той или иной группы, в том числе немцев-католиков и католического духовенства [18]. Провозгласив идею удовлетворения интересов национального меньшинства, новая власть отбросила историческую реальность в виде «этнорелигиозного меньшинства» с его насущными интересами, предложив взамен свою, советскую концепцию, которая сама решала, в чем состоят потребности нацменьшинства, что следует дать и разрешить, а что забрать и запретить. Богу, религии, Церкви как «пережиткам прошлого» не было место в будущем «нацменьшинства». 1920-30-е гг. ознаменовались ярким наступлением на Церковь, священнослужителей и верующих. И хотя антирелигиозный курс политики был направлен против всех Церквей и конфессий, его воплощение в отношении Католической Церкви в СССР отличалось рядом особенностей, которые отразились и на положении немцев-католиков [19]. И всё же вплоть до 1941 г. мы можем говорить о немцах-католиках как меньшинстве, даже в условиях реформ советской власти, так как оставалась основа их традиционного уклада – моноконфессиональные посёлки.

Период 1941 – 1950-х гг. стал переломным для немцев-католиков, как и для других конфессиональных групп немецкого происхождения в СССР. Одним из основных последствий депортации стало разрушение традиционного этноконфессионального уклада жизни различных групп немецкого населения [20]. По данным исследователей в 1940 г. из 3500 немецких селений в СССР (без Прибалтики) – 27% составляли католические. В результате депортации прекратили своё существование немецкие католические поселения во всех регионах, из которых осуществлялось принудительное выселение немцев. В ходе депортации не только были ликвидированы посёлки немцев-католиков (как и немцев других конфессий), но и был нарушен сам принцип моноконфессиональности. Жители некогда единой католической общины по прибытию к новым местам поселения в

Сибири, Казахстане и Средней Азии размещались в разных населённых пунктах, отмечалось нарушение исходного принципа размещения в разрезе город-село и разрыв всех общинных связей. Нередко наблюдалось смешение различных конфессиональных групп немецкого населения (католики, лютеране, меннониты). Депортация, трудармия и спецпоселение, безусловно, стали переломным моментом, но было бы в корне неверно рассматривать их как некую точку истории, в которой мы уже можем говорить о существовании «немецкого народа» в СССР. В связи с проблемой формирования из различных групп немецкого населения единого народа следует подчеркнуть, что депортация сама по себе не была созидательным процессом. Это был процесс разрушительный, процесс уничтоживший основу существования этнорелигиозных групп, их традиционный этноконфессиональный уклад жизни. Безусловно, мы вправе говорить об общности судьбы (депортация, трудармия, спецпоселение), но было бы неверно полагать, что в одночасье образовался единый этнос. Немцы разных исповеданий жили рядом, но некоторое время по-прежнему сохраняли дистанцированность своих этногрупп.

Период 1960-1990-х гг. – время «катакомбной Церкви» [21]. Это время, когда, с одной стороны, немцы-католики по-прежнему сохраняли преобладание религиозного самосознания над этническим. «Старшие немцы-католики чувствуют себя, прежде всего католиками, а потом уже немцами. Так старый немец-католик говорит себе: “Я - немец-католик”, и реже “Я - немец”. У молодёжи уже нет этого перевеса католицизма над национальностью. Старшие немцы-католики не очень-то признают немцев-лютеран или баптистов за своих соотечественников. Они предпочитают, чтобы их внуки женились, выходили замуж за поляков, литовцев, лишь бы действительно за верующих католиков, чем за немцев, принадлежащих к другим вероисповеданиям» [22, с. 226]. В этот период вера среди немцев-католиков была жива и находила своё выражение в разных нелегальных формах самоорганизации религиозной жизни [23]. Немцы-католики проявляли стремление жить компактно с единоверцами, формировались отдельные центры католической веры (г. Караганда) [24]. При этом более тесными становились контакты с единоверцами других национальностей (поляками, литовцами). Изменился и национальный состав духовенства, среди католиков-немцев тайно служили не только священники- немцы, но и поляки, украинцы, белорусы, литовцы. С другой стороны, какое-то время немцы-католики, как и другие этнорелигиозные группы немецкого происхождения, продолжали существовать как отдельные субстанции, но прежняя

идентичность всё более разрушалась. Окончательный слом произошёл со сменой поколений в 1980-е гг. В 1980-х гг. уходило поколение рождённых в конце XIX – начале XX вв., которое выросло и было воспитано в моноконфессиональных общинах, в относительно благоприятных для Церкви и веры условиях [22, с. 234]. Там, где не сохранялась вера, исчезал «религиозный маркер», оставалась только «немецкое происхождение». Мы наблюдаем трансформацию немцев-католиков, как и других этнорелигиозных меньшинств, в единый народ - «советские немцы» [25]. Но самым главным был процесс окончательной трансформации роли веры в их жизни из основополагающей в фрагментарную.

Итогом советского периода стало исчезновение этноконфессиональных групп как меньшинств. Наследие веры, которое удалось сохранить на протяжении 1960-1990 гг., стало фундаментом для возрождения Католической Церкви на постсоветском пространстве, но немцы-католики, как этнорелигиозное меньшинство, уже не существовали.

#### **Библиографический список**

1. см. Ковригина В.А. Немецкая слобода Москвы и её жители в конце XVII – первой половине XVIII вв. М., 1998. 440 с.; Busch Margarete. Deutsche in St. Petersburg 1865-1914. Identität und Integration. Essen, 1996. 288 S. и др.

2. см. Шкаровский М.В., Черепенина Н.Ю., Шикер А.К. Римско-католическая Церковь на северо-западе России в 1917-1945 гг. СПб, 1998. 316 с.

3. Плева И. Р. К вопросу о классификации групп немецкого населения России (исторический аспект) // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности. Материалы международной научной конференции, Москва 17-20 сентября, 1998 г. М., 1999. С. 203-208.

4. Немцы колонисты в век Екатерины. Сборник документов Российского государственного архива древних актов по истории организации немецких колоний в Поволжье. Сост. Е.Е. Лыкова, М.И. Осекина. М., 2004.

5. см. Лиценбергер О.А. История немецких поселений Поволжья. Ч. 1. Лютеране: А-М. Саратов, 2011; Ч. 2., Лютеране: Н-Я. Саратов, 2013. Ч. 3. Католики. Саратов, 2016; Бургарт Л.А. Моноконфессиональная колония как ключевое понятие истории немцев России // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: Сборник научных трудов XV Международной научно-

практической конференции, (Усть-Каменогорск, 15-16 октября 2015 г.). Усть-Каменогорск: «Медиа-Альянс», 2015 С. 64-73 и др.

6. Плеве И.Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. М., 1998. 445 с.

7. Keller Konrad. Die Deutschen Kolonien in Sudrussland. Nurnberg, 2000; Bosch A, Lingor J. Entstehung, Entwicklung und Auflösung der deutschen Kolonien am Schwarzen Meer.am Beispiel von Kandel 1808-1941. Stuttgart, 1990.

8. см. Шайдуров В.Н. Формирование и социально-экономическое развитие немецкой диаспоры на Алтае: конец XIX – начало XX вв. Барнаул, 2003; История и этнография немцев в Сибири / под. ред. П.П. Вибе. Омск, 2009; Нам И.В. Немецкие колонии в России и Сибири в начале XX века в контексте проблемы диаспоральности // Немцы России и СССР: 1901-1941 гг. Материалы международной научной конференции. Москва, 17-19 сентября 1999 г. М., 2000. С.17-30; Бабкова В.Ю. К вопросу о региональных стратегиях адаптации переселенческих обществ: уникальность и типичность северокавказской меннонитской общности // Этнические немцы России: исторический феномен «народа в пути». Материалы XII международной научной конференции. Москва, 18-20 сентября 2008 г. М., 2009. С. 377-380; Кригер В. Рейн, Волга, Иртыш. Из истории немцев Центральной Азии. Алматы, 2006; Подопригора Ю.И. Немцы Павлодарского Прииртышья. Алматы, 2010; Бургарт Л.А. Особенности расселения немцев-католиков в Казахстане и их взаимосвязь с практикой религиозной жизни (конец XIX – начало XXI вв.) // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях. Сборник науч. трудов X Международной науч.-практ. конф., г. Усть-Каменогорск, 15-16 мая 2009 г., - Усть-Каменогорск: «Либриус», 2009. С. 82-93; Бургарт Л.А. Немецкое моноконфессиональное село в Казахстане: возникновение, развитие, разрушение (историко-демографический аспект) // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях. Сборник научных трудов XII Международной научной конференции, Усть-Каменогорск, 26-27 мая, 2011 г. С. 27-39 и др.

9. Подопригора Ю.И. Немцы Павлодарского Прииртышья. Алматы, 2010.

10.Недзелюк Т.Г. Особенности конфессионального менталитета немцев-католиков Акмолинской области периода аграрных переселений (последняя четверть XIX – первая четверть XX вв.) // Российские немцы в инонациональном окружении: проблемы адаптации, взаимовлияния, толерантности. Материалы международной научной конференции: Саратов, 14-19 сентября 2004 г. М., 2005 С. 150-

153; Недзелюк Т.Г. Католическая деревня Западной Сибири рубежа XIX – XX вв. по материалам Российского государственного исторического архива и архивов Сибири. Текст // НИБ. № 3, 2008. С. 2-3; Недзелюк Т.Г. Конфессиональное сообщество католиков Сибири: влияние мировоззрения на повседневную жизнь (1830-1917 гг.). Новосибирск, 2016. 345 с.

11. Лиценбергер О.А. Римско-католическая Церковь в России. История и правовое положение. Саратов, 2001; Лиценбергер О.А. Римско-католическая и Евангелическо-лютеранская Церкви в России: сравнительный анализ взаимоотношений с государством и обществом (XVIII – начало XX вв.). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Саратов, 2005; Булавина М.А. Правовое положение Католической Церкви в России в XVIII веке. Автореф. ... канд. ист. наук. М., 2008 и др.

12. см. 150 лет со дня основания Саратовской Тираспольской Епархии. Сост. Перевалов В. Саратов, 1998.

13. <https://Geschichte.rusdeutsch.ru/17/29> обр. 23.02.2021

14. Ерофеева И.В. Конфессиональные процессы среди немецкого населения Казахстана во второй пол. XVIII – нач. XX вв. //История немцев Центральной Азии. Материалы Международной научной конференции, Алматы, 9-10 октября 1997 г. Алматы, 1998.

15. История немцев России: учебное пособие. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: МаВи групп, 2020.

16. Малиновский Л.В. История немцев в России. Барнаул, 1996.

17. Филатова Е. Советская государственная этническая политика 1920-х гг.: социально-политические аспекты взаимодействия с немецким национальным меньшинством (на примере Харьковщины) // Приволжский научный вестник. № 4 (32)– 2014, с. 73-76; Дённингхаус В. В тени Большого Брата: Западные национальные меньшинства в СССР (1917-1938 гг.) // <https://geschichte.rusdeutsch.ru/20/33> обр. 23.02.21.

18. Рублёва Н.С. Особенности существования немецкой католической общности в УССР (1920-1930 гг.) // Немцы России и СССР: в 1901 – 1941 гг. Материалы международной науч. конф., Москва, 17-19 сентября 1999 г., М., 2000. С. 343-351; Кондратюк Г.Н. Влияние национальной политики на внутренний мир немецких колоний Крымской АССР (20-30-е годы XX века) // Тезисы кандидатов на участие в XIII Международной научной конференции «Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков»/ [www.rusdeutsch.ru](http://www.rusdeutsch.ru) и др.



19. Козлов-Струтинский С. Парфентьев П. История Католической Церкви в России. СПб, 2014, 740 с.

20. Бургарт Л.А. Разрушение религиозного уклада жизни немецкого населения вследствие депортации и принципиальные подходы современной отечественной историографии к определению места и роли религии в истории немцев в России и СССР//Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев: взгляды и оценки через 70 лет. Материалы 3-й Международной научно-практической конференции, Саратов, 26-29 августа 2011. М., 2011. С. 194-224; Бургарт Л.А. Немецкое моноконфессиональное село в Казахстане: возникновение, развитие, разрушение (историко-демографический аспект) // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях. Сборник науч. трудов XII Международной научной конференции, Усть-Каменогорск, 26-27 мая, 2011 г. С. 27-39.

21. Бургарт Л.А. Религиозная жизнь католиков и положение Католической Церкви в Казахстане в середине 50-х – начале 70-х гг. по «Воспоминаниям о Казахстане» священника Владислава Буковинского // «Мировоззрение народов Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе» (Вып. 1). Барнаул, 2007. С. 231-251; Бургарт Л.А. О значении молитвы и «евхаристических женщин» для сохранения католической веры в СССР в 40-е – 80-е гг. XX в. (на примере немцев-католиков Казахстана) // Немцы Сибири: история и культура: материалы VI Международной науч.-практ. конф. / отв. ред. Т.Б. Смирнова, Н.А. Томилов. – Омск: Издательский дом «Наука»; изд-во ОмГПУ, 2010. С. 110-124.

22. Буковинский В. Воспоминания о Казахстане // Шченский Анджей. Отцы Церкви. Отцы наших отцов. Мы дети нашего Отца. Караганда, 2000.

23. см. Бургарт Л.А. Самоорганизация духовной жизни немцев-католиков Казахстана в середине 60-х– начале 90-х гг. XX века // Российские немцы: 50 лет послевоенному общественному движению. От первых делегаций в правительство через «Возрождение» к современной системе самоорганизации (1964–2014 гг.): Материалы 5-й междунар. науч.-практ. конф., Москва, 11–16 февр. 2014 г. / Сост., науч. ред. А.А. Герман. –М.: МСНК-пресс, 2015. С 261- 278.

24. см. Бургарт Л.А. Влияние массовых депортаций и трудовых мобилизаций на формирование Караганды как центра католической веры в СССР // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: сборник научных трудов VIII Международной научно-практической конференции, Усть-

Каменогорск, 2-3 февраля 2007 г. - Усть-Каменогорск: «Медиа-Альянс», 2007. С. 59-69.

25. см. Бургарт Л.А. Духовная жизнь этнорелигиозных меньшинств немецкого происхождения в Центральной Азии в 1960-1990 гг. // Доклад для исторического семинара «Миры российских немцев в Советском Союзе с 1953 г. до современности», 22-23 июля 2021, Детмольд, online.

*Шмидт Вальдемар*

### **Немецкие конфессии дореволюционного Казахстана: история распространения, численность и территория размещения**

**Аннотация.** В статье автор на основе архивных материалов рассмотрел вопросы, связанные с развитием конфессиональной жизни среди немцев – переселенцев в дореволюционном Казахстане. Автор рассмотрел вопросы, связанные с широко представленными религиозными и сектантскими общинами немцев-переселенцев в этом регионе Центральной Азии. Особо было уделено внимание вопросам взаимоотношений царской и колониальной администрации края к этим конфессиям.

**Ключевые слова:** дореволюционный Казахстан, немцы–переселенцы, немецкие конфессии, царская и колониальная администрация, законодательные мероприятия, региональная специфика в развитии немецких конфессий

### **German confessions of pre-revolutionary Kazakhstan: history of distribution, number and territory of location**

**Abstract.** In the article, the author, on the basis of archival materials, considered issues related to the development of confessional life among Germans immigrants in pre – revolutionary Kazakhstan. The author considered issues related to the widely represented religious and sectarian communities of German immigrants in the region of Central Asia. Special attention was paid to the relationship of the tsarist and colonial administration of the region to these confessions.

**Keywords:** pre – revolutionary Kazakhstan, Germans immigrants, German confessions, tsarist and colonial administration, legislative measures, regional specifics in the development of German confessions.

На территории дореволюционного Казахстана в силу различных исторических причин оказались представители практически всех религиозных вероисповеданий немцев. Несмотря на наличие архивных материалов, избранная тема не стала предметом специальных исследований по развитию конфессиональной жизни немцев – переселенцев в этом регионе Центральной Азии в дореволюционный период. Важное значение представляют различные статистические сведения о регионах распространения немецких конфессий среди немцев-переселенцев на территории дореволюционного Казахстана, которые отложились в архивных материалах Центрального Государственного архива Республики Казахстан. Материалы архива отражают особенности формирования взаимоотношений представителей местной администрации с немецкими конфессиями края.

Огромный интерес местной колониальной администрации края к немецким вероисповеданиям усилился после революции 1905 г., а именно после принятия закона о свободе вероисповеданий. Особо остро это проявилось в борьбе правительства и Православной церкви в отношении баптизма. Баптизм проник в Россию из Германии в 60–е г. XIX в. и первоначально распространился в немецких колониях юга Украины, в Поволжье, а затем в Казахстане. Были приняты специальные законы, регламентирующие отношение государства и его структур с баптизмом. Закон от 23 марта 1879 г. признавал баптизм, как одно из течений лютеранства, и на этом основании была разрешена деятельность баптистских общин, но только среди немецкого населения [2, с. 237]. Царское правительство в законе от 4 июля 1894 г. рассматривало баптизм, как «секту особенно вредную в церковных и общественно-государственных отношениях» [3, с. 508–510]. В циркуляре Министерства внутренних дел от 3 сентября 1894 г. запрещалось чтение и толкование Евангелия в домашнем кругу.

Административная власть и духовенство использовало этот закон против баптистов. По закону, лица, нарушающие его содержание, подлежали выселению. Спасаясь от преследований, последователи этого религиозного убеждения переселялись в регионы Казахстана, Сибири и Средней Азии, где в отличие от других регионов, первоначально пользовались относительной свободой, но в последующие годы и здесь их деятельность ограничивалась циркулярами и распоряжениями правительства [4, с. 114–122]. Главной и характерной чертой баптизма в среде немцев – переселенцев являлось

их отрицательное отношение к официальной Православной церкви [5, с. 60].

По данным исследователя баптизма Фетлера В.А., в России к концу 1909 г. среди немцев, латышей и эстонцев было 26 126 баптистов. В период царской России существовало 147 баптистских общин, 122 пресвитера и проповедника, 15 000 учащихся воскресных школ [6, с. 49]. 9 ноября 1907 г. Епископ Омский и Семипалатинский отправил письмо на имя губернатора Акмолинской области с требованием об оказании ему помощи в ограничении деятельности немцев – баптистов по пропаганде их вероучения среди православного населения [1, л. 3–3 об.]. 12 марта 1908 г. губернатор Акмолинской области в письме Епископу Омскому и Семипалатинскому сообщал, что принял меры к прекращению пропаганды баптистского вероучения среди православного населения [1, л. 62].

В циркуляре Акмолинского губернатора уездным начальникам Акмолинской области от 25 февраля 1909 г. говорилось о формальном отношении органов местной администрации к вопросам проведения богослужений среди немецких сектантов, в частности баптистов, отделившихся от признанных правительством иностранных исповеданий, губернатор Акмолинской области в отношении немецких баптистов рекомендовал проведение политики ограничения их деятельности [1, л.124 об.–125]. В связи с развитием борьбы с немецкими сектантами в пределах Акмолинской области, было дано строжайшее указание о необходимости сбора сведений о их наличии [1, л. 128].

12 января 1909 г. Департамент Духовных дел иностранных вероисповеданий послал указания генерал–губернатору Акмолинской области по организации работы за наблюдением развития того или иного сектантского вероучения среди немцев–переселенцев, и их влияния на православное население. В ответе генерал – губернатора от 6 апреля 1909 г. отмечалось, что «до 1905 г. в пределах Акмолинской области имелось 3230 сектантов, к числу которых принадлежали баптисты, а к концу 1909 г. их численность составила 3686 человек, с учетом вхождение в сектантские общины русских переселенцев» [1, л. 129 – 129 об.].

Несмотря на меры со стороны царской и колониальной администрации, в Степном крае (в Акмолинской и Семипалатинской областях) баптистские общины в 1913 г. объединяли свыше 8 тыс. человек [7, с. 249]. В мае 1913 г. вопрос о развитии баптизма в пределах Степного края стал предметом обсуждения на заседании Совета

министров Российской империи, было отмечено, что «...грозным по своему распространению в крае является, как и повсеместно в России, баптизм» [8, с. 228].

Большая часть немецкого населения дореволюционного Казахстана являлась последователями лютеранства. К началу XX в. в районах Сибири и Казахстана немцы–лютеране составляли значительную группу верующих числом около 10 тыс. чел. [9, с. 15]. В 1897 г. в Акмолинской области насчитывалось 5145 лютеран [10, с. 213]. Немцы–лютеране в основном создавали деревни южнее Омска, в таких уездах Степного края как Кокчетавский, Акмолинский и Кустанайский [11, с. 20]. В результате переселенческой политики царизма в различных уездах Акмолинской области было образовано огромное количество немецких сел с населением чисто лютеранского вероисповедания. В этом плане интересны сведения о существовании в Акмолинском уезде селений с населением лютеранского вероисповедания. Немецкие селения Акмолинского уезда с населением лютеранского вероисповедания: Рождественское – 754; Долинское – 1113; Кайнарское – 832; в городе Акмолинске – 180; Волынское – 170; Павловское – 350; Алексеевское – 49; Конкринское – 24 [1, л. 316 об. – 317].

Большой проблемой в развитии приходов лютеран в Степном регионе являлось отсутствие молитвенных домов и пасторов. Практически о назначении лютеранских пасторов в Степной край со стороны административных органов Степного генерал-губернаторства не было препятствий [1, л. 80 – 80 об.].

Другой территорией Степного генерал – губернаторства, где имелись поселения немцев – лютеран, была Семипалатинская область. В дореволюционное время она состояла из пяти уездов: Семипалатинский, Зайсанский, Каркаралинский, Павлодарский, Усть-Каменогорский. В этом плане интересны статистические данные по уездам Семипалатинской области о наличии лютеран: Семипалатинский уезд – 102; Зайсанский уезд – 12; Каркаралинский уезд – 10; Павлодарский уезд – 15; Усть-Каменогорский уезд – 30 [1, л. 314]. К концу XIX в. в области проживало 179 человек лютеранского вероисповедания [12, с. 102].

Перепись 1897 г. зафиксировала в Казахстане 5564 человек римско-католического вероисповедания, к числу которых кроме немцев, также принадлежали поляки и литовцы. Римско-католическое население Казахстана по переписи 1897 года было представлено в следующих областях: Сыр-Дарьинской и Семиреченской – 3182; Акмолинской и Тургайской – 1807; Уральской – 277; Семипалатинской – 244 [13, с. 222]. Наиболее известный район расселения немцев–

католиков в дореволюционном Казахстане был Кокчетавский уезд Акмолинской области [14, с. 57]. Особенно густо была населена немцами–переселенцами, последователями римско-католической веры, Келлеровская волость Кокчетавского уезда. Переселенческие деревни немцев–католиков имелись также в Усть–Каменогорском и Бель–Агачском уездах Семипалатинской области.

По прибытию к местам нового проживания они старались сохранить здесь веру и организовать религиозную жизнь. Следует отметить, что в среде переселенцев немцев–католиков в организации нормальной религиозной жизни имелись трудности. Они заключались в том, что у большинства из них отсутствовало наличие постоянной опеки со стороны священнослужителей и молитвенных зданий. Поэтому от переселенцев немцев–католиков поступали прошения в Канцелярию Степного генерал–губернатора о получении разрешения на строительства молитвенных домов. Генерал–губернатор Степного края в письме от 15 января 1900 г. просил Епископа Омского и Семипалатинского о разрешении строительства католического молитвенного дома в городе Петропавловске. В письме от 24 апреля 1900 г. последний давал на это свое согласие [1, л. 3–4].

Более сложные административные отношения проявлялись в отношении назначения духовных служителей в католические приходы дореволюционного Казахстана. Свидетельством этому является переписка по вопросу о назначении ксендза Иосифа Сенвайтиса в село Келлеровское Кокчетавского уезда [1, л. 1]. В связи с этим в письме генерал–губернатора Степного края на имя Акмолинского губернатора от 26 июля 1910 г. было прямо указано, чтобы начальник края установил должное наблюдение за деятельностью ксендза Иосифа Сенвайтиса.

В целом можно отметить, что политика со стороны государственных и административных органов Российской империи в отношении немецких конфессий в Казахстане, характеризовалась открытым недоверием.

### **Библиографический список**

1. Центральный Государственный архив Республики Казахстан. Ф-И 369. Оп. 1. Д. 3920; Ф – И 369. Оп. 1. Д. 3958; Ф -И 369. Оп.1. Д. 2955; Ф – И 64. Оп. 1. Д. 943; Ф – И 64. Оп. 1. Д. 1255.

2. Черказьянова И.В. Появление рационалистических сект немцев и русских в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Россия и Восток: Филология и философия. Материалы IV международной научной конференции «Россия и Восток: проблемы взаимоотношений». Омск, 1997. С. 236–239.

3. Религиозно-рационалистические движения на юге России во 2 половине XIX столетия. Исследования епископа Алексея, ректора Казанской духовной академии. Казань, 1909.

4. История евангельских христиан – баптистов в СССР. М., 1981.

5. Шмидт В. Из прошлого немцев дореволюционного Казахстана. Особенности политики царской и колониальной администрации в последнее десятилетие XIX – начале XX века. Исторический очерк. Усть–Каменогорск, 2015.

6. Фетлер В.А.: Статистика русских баптистов за 1909 год. СПб., 1910.

7. Митрохин Л.Н.: Баптизм: история и современность (философско–социологические очерки). СПб., 1997.

8. Клибанов А.И. История религиозного сектантства в России. М., 1965.

9. Diedrich H.-Ch.. Siedler, Sektierer und Stundisten. Die Entstehung des russischen Freikirchentums. Berlin, 1985.

10. Добжанова Ж.Б. Социокультурное развитие конфессиональных образований на примере немецких, еврейских и корейских диаспор в Казахстане // Роль религиозных общин в жизни немцев Центральной Азии. Международная научно – практическая конференция. Омск, 2002. С.210–216.

11. Stumpp K. Das Russlanddeutschtum in Nord – Sibirien und Mittelasien // Heimatbuch der Deutschen aus Russland. 1964. S. 5–23.

12. Нурбаев Ж.К. Лютеране Степного края: история распространения, численность и территория размещения. // Лютеране России: К 300- летию распространения лютеранства в Сибири. Сборник докладов международной научной конференции Омск, 9 – 10 октября 2014. Омск, 2014. С. 100–102.

13. Краснобаева Н.Л.: Конфессиональный состав мигрантов в Казахстан в конце XIX в. (по материалам переписи населения 1897 года) // Этнодемографические процессы на территории Казахстана и сопредельных территориях. Сборник научных трудов IX Международ. науч.-практ. конф. Усть–Каменогорск, 16 – 17 мая 2008. Усть – Каменогорск, 2008. С. 219–231.

14. Ерофеева И.В. Конфессиональные процессы среди немецкого населения Казахстана во 2- ой половине XVIII – начале XX вв. // История немцев Центральной Азии. Материалы междунард. науч.-практ. конф. Алматы, 9 – 10 октября 1997. Алматы, 1998. С. 50 – 57.

**Немецкое население Ленинграда и Ленинградской губернии  
в первой половине 1920-х гг.: численность, состав, расселение**

**Аннотация.** На основе опубликованных и архивных данных анализируется количественный, социальный, гендерный состав немецкого населения Ленинграда и Ленинградской губернии в первой половине 1920-х гг. Выявлены районы города, уезды, волости и населенные пункты области с наибольшей и наименьшей прослойкой немцев, соотношение самодельных жителей и иждивенцев, количество членов и кандидатов ВКП(б).

**Ключевые слова:** Ленинград, Ленинградская губерния, немцы, немецкая секция Губернского комитета РКП(б).

**The German population of Leningrad and Leningrad Province  
in the first half of the 1920s: number, composition, and  
settlement**

**Abstract.** On the basis of published and archived data, the quantitative, social, and gender composition of the German population of Leningrad and the Leningrad province in the first half of the 1920s is analyzed. The districts of the city, counties, volosts and localities of the region with the largest and smallest stratum of Germans, the ratio of amateur residents and dependents, the number of members and candidates of the CPSU(b) are identified.

**Keywords:** Petrograd, Petrograd province, the Germans, the German section of the Provincial Committee of the RCP(b).

В начале XX в. немецкое население Петербурга являлось одной из самых многочисленных нерусских национальных групп города. В 1900 г. они составляли большинство среди всех национальных меньшинств, насчитывая 50,3 тыс. чел., или 3,5% от общего числа горожан, а к 1910 году их численность немного сократилась, и немцы уступили первенство белорусам и полякам, оказавшись на третьем месте – 47,4 тыс. чел. (2,5 %) [1, с. 26]. Мировая война и две революции весьма ощутимо отразились на петроградских немцах, и по Всероссийской переписи 28 августа 1920 г. немцев оказалось всего 11,2 тыс. чел., что составило 1,6 % от населения значительно обезлюдившего Петрограда, насчитывавшего в то время всего 722 тыс. чел. [2, с. 64–67].



Всероссийская городская перепись 15 марта 1923 г. показала небольшой рост немецкого населения Петрограда – до 12,6 тыс. чел. (1,2 % от 1 млн. 71,1 тыс. жителей) [3, с. 236].

Обработка материалов переписи 1923 года была представлена Центральным статистическим управлением по Северо-Западной области в 1925 г., когда город уже назывался Ленинградом и произошли некоторые изменения его административных границ. Речь идет о населенных пунктах, ранее относившихся к городу, а затем переданных в Ленинградский уезд. Из Володарского района отошли к уезду: Яблоновка, Вес. Поселок, с. Рыбацкое, Ново-Саратовская колония; из Выборгского: Гражданка, Малиновка, Жерновка, Смольное, колония Земледельческая, колония Смольнинская, дер. Рыбацкая, Ржевская слобода, ст. Ковалево, Новое Ковалево, Приютино, пос. Муравьевка; из Московско-Нарвского: дер. Лигово, совхоз Лигово, ст. Лигово, дер. Новая, пос. Княжево [4, л. 2].

Социальный состав петроградских-ленинградских немцев представлен очень подробно: кроме рабочих, служащих, прислуги, военнослужащих, лиц свободных профессий выделено несколько групп самостоятельных хозяйств – с наемной рабочей силой, семейные хозяйства, хозяйства одиночек. Отдельную группу составляют «помощники – члены семьи», кроме того, есть еще «прочие занятые». Учитывая, что перепись производилась в начальный период нэпа, можно считать, что здесь выделены крестьяне-колонисты (некоторые немецкие колонии находились в городских границах), кустари, торговцы и владельцы небольших предприятий.

По районам города немцы были расселены неравномерно: больше всего их проживало в Центральном городском районе (31,1%) и в пригородных селениях (15,2%). Районы в порядке убывания численности немцев: Петроградский (14%), Василеостровский (13,3%), Московско-Нарвский (11,8%), Володарский (8,1%), Выборгский (6,4%). Женщин среди немецкого населения города насчитывалось почти на две тысячи больше, чем мужчин, и процентное соотношение женщин и мужчин выглядело как 57,8:42,2.

Немецкое население города делилось почти поровну на самодеятельное (работающее) (48,6 %) и несамодеятельное, абсолютное большинство (42,2 %) последнего составляли иждивенцы – дети и нетрудоспособные члены семьи. Среди занятого населения самую большую группу составляли служащие – 20% от общей численности, или 41,1% от всех работающих немцев. Немцев-рабочих было почти в три раза меньше – 7% от общего числа, или 14,5% от работающих. Группа «прочих» несколько превышала численность рабочих (8,1% от

общего количества или 16,7% от занятых), а 5,1% всего немецкого населения (10,5% работающих) трудилось в семейных хозяйствах. Крупных хозяйств, требующих использования наемной рабочей силы, было всего 46 единиц, причем большинство из них находились в Петроградском и Центральном районах, то есть речь шла о каких-то мелких предприятиях.

По районам работающие немцы распределялись относительно равномерно по отношению к численности немецкого населения. В самом «немецком» Центральном районе насчитывалось 1986 занятых – более половины (50,8%) немцев района, почти треть (32,5%) от числа работающих и 15,8% от всего городского немецкого населения. Работала также почти половина немцев, проживающих в пригородах (918 чел. – 48%), что составляло 15% занятого населения и 7,3% общей численности. Несмотря на количественную разницу работающих немцев в Василеостровском, Володарском и Выборгском районах – соответственно, 810, 511 и 396 чел. – относительно численности порайонного немецкого населения, занятые составляли примерно половину: 48,2%; 49,8%; 49%, или 13,2%, 8,3% и 6,5% от всей группы самодельных. Немного уступали им в относительных цифрах немцы Петроградского и Московско-Нарвского районов: 46,6% (819 чел.) и 45,2% (674 чел.); при этом во всей группе занятых показатели этих районов достигали 13,4 и 11%.

Больше всего немцев-рабочих насчитывалось в Центральном (238 чел., или около 27% от данной социальной группы) и Московско-Нарвском (182 чел., или 20,5%) районах, а в пригородах, отошедших к уезду, их было всего 36 чел. (4%). Имеются данные о 134 немецких рабочих на некоторых крупных предприятиях: так, на «Красном треугольнике» работали 33 чел., на заводе «Большевик» – 17 чел., на заводах «Электросила», «Пролетарий» и на фабрике «Красный парус» – по 15 чел., на «Красном Путиловце» – 13, на Балтийском и телеграфном – по 10, на кабельном – 6 чел. Были среди них и женщины: 6 на «Треугольнике» и по две – на «Большевике» и «Красном парусе» [4, л. 1].

Самая большая группа служащих среди работающих немцев сложилась в Центральном районе, где располагались и промышленные предприятия, и разнообразные учреждения – 1083 чел., что составляло 8,6% от общего количества немцев города, 43% от всех служащих-немцев и 17,7% от всего работающего немецкого населения. Цифрами одного порядка характеризуется численность служащих в Петроградском и Василеостровском районах – 452 и 423 чел., соответственно; схожи и относительные показатели этой социальной

группы: 3,6 и 3,4 проц. общей численности, 18 и 16,8 проц. – среди служащих, 7,4 и 6,9 проц. – от всех работающих.

Среди самостоятельного населения большинство составляли мужчины – 3,5 тыс. чел. (56,4% от работающих), занятых женщин было 2665 чел. (43,6%). Но в нескольких группах работающих женщины лидировали: они составляли 68,8% среди разнообразных «прочих» трудовых занятий, 67,5% – среди прислуги, 58,7% – среди помощников в семейном хозяйстве и целых 77% – среди лиц свободных профессий (вероятно, работая в основном воспитательницами или учительницами).

Безработица в 1920-е гг. была повсеместным, трудно преодолимым явлением, и количество немцев-безработных (1158 чел.) в Петрограде–Ленинграде, составлявшее 9,2% от всего немецкого населения города и почти 16% от трудоспособного (7272 чел.), вероятно, не являлось чем-то исключительным.

Больше всего иждивенцев (1514 чел.) насчитывалось в самом густонаселенном немцами районе города – Центральном, но в относительных цифрах – 38,7% от общей численности немцев – район уступал пригородным селениям, где более половины населения (51,7%) было нетрудоспособным, что объясняется, видимо, большим количеством детей в семьях колонистов. В остальных городских районах количество иждивенцев колебалось от 39% в Василеостровском до 45,6% – в промышленном Московско-Нарвском.

В Петербургской губернии проживали немцы-колонисты, численность которых в 1900 г. составляла около 8,1 тыс. (1,2 % от всего населения губернии) [5, с. 120–121]. Перепись 1920 г. выявила 6190 чел. немцев – сельских жителей Петроградской губернии (0,7 % от 888 тыс. населения) [6, с. 32–33]. К 1925 г. в Ленинградской губернии, вне Ленинграда, насчитывалось 21869 чел. немецкого населения, из которых 13328 чел. проживали в городах и городских поселках, а 8541 чел. – в волостях. В целом в Ленинграде и Ленинградской губернии в середине 1920-х гг. численность немцев составляла 34379 чел. [4, л. 6].

При этом по уездам немецкое население было распределено неравномерно: больше всего немцев проживало в Ленинградском (5405 чел.) и Троцком (2266 чел.) уездах, намного отставали Кингисеппский и Лужский уезды с 500 и 281 человек немцев, соответственно. В то же время в Гдовском уезде насчитывалось всего 47 немцев, Волховском – 29, Лодейнопольском – 7, Вытегорском – 6 чел. немецкого населения. В относительных цифрах немцы составляли 2,76% населения Ленинградского уезда и 1,4% – Троцкого. В то же время по отдельным волостям концентрация немецкого населения была довольно значительной: так, в Ульяновской волости Троцкого уезда проживали

927 немцев, что составляло 23,5% всего населения волости; в Урицкой волости Ленинградского уезда – 903 чел., или 18,8% населения; в Стрельнинской Троицкого уезда – 670 чел. (9%), в Горской Кингисеппского уезда – 451 чел. (9,6%).

Были в области и полностью немецкие селения: дер. Новолуцк и пос. Заречье (Горская волость Кингисеппского уезда), колония Н. Ижорская (Ульяновская волость Ленинградского уезда). Немецкие хозяйства составляли более 96% в дер. Новопорхово Горской волости Кингисеппского уезда, колониях Ленинградского уезда – Каменка Путиловской волости, Янино Ленинской волости, Средняя Рогатка Урицкой волости, а также В. Ижорская Ульяновской волости Троицкого уезда. От 80 до 87 процентов всех хозяйств были немецкими в колониях Овцыно Октябрьской волости и Малая Средняя Рогатка г. Сестрорецка (Ленинградский уезд), Кимень – Ропшинской и Немецкая – Стрельнинской волостей Троицкого уезда; в колонии Ново-Парголово (Парголовская волость Ленинградского уезда) насчитывалась 61% немецких хозяйств. Следует отметить, что названные поселения и колонии были различными по величине: от 15 (пос. Заречье) и до 25 – 30 хозяйств (Малая Средняя Рогатка, дер. Новолуцк, дер. Новопорхово), более 40 и до 100 хозяйств (Янино, Кимень, Каменка, Н. Парголово, обе Ижорские, Немецкая, Овцыно) и даже до полутора сотен хозяйств (Средняя Рогатка). Были и небольшие поселения с преобладанием или большим количеством немецких хозяйств: на бывшем Стеклянном заводе (Горская волость Кингисеппского уезда) немецких хозяйств насчитывалось 71%, но в абсолютных цифрах это составляло всего пять хозяйств из семи; в колонии Лагерной (Ульяновская волость Троицкого уезда) немецких хозяйств было шесть из девяти (67%), в коммуне «Зерно» (Горская волость) – три из девяти (33%), а на заводе Голубева – всего три из 20, что составляло 15%. Всего по области в 1925 г. немцы компактно проживали в 24 селениях Кингисеппского, Ленинградского и Троицкого уездов [4, л. 4–6].

Данные 1927 г. несколько отличаются от приведенных: в Ленинградском уезде проживало 4777 немцев, Троицком – 2129, Кингисеппском – 346, а всего немецкого сельского населения области насчитывалось 7384 человека. Административно немцы относились к 51 сельсовету 23 волостей названных уездов, при этом самые крупные группы немецкого населения проживали на территории Ново-Александровского сельсовета Октябрьской волости (1547 чел.) и Средне-Рогатского сельсовета Урицкой волости (1021 чел.) Ленинградского уезда и Колпинского сельсовета Ульяновской волости (976 чел.) Троицкого уезда [7, л. 9, 11–15].

Немецкая секция подотдела нацмен Ленинградского губернского комитета РКП(б) в сентябре 1925 г. составила подробную статистику культурно-просветительных учреждений и состава различных идеологических организаций среди немецкого населения. В Ленинграде в это время работали немецкий клуб и одна общеобразовательная школа, в которой обучались 1046 человек. В восьми колониях Ленинградского уезда имелись 4 школы (465 учащихся), в семи колониях Троицкого уезда работали две школы (94 учащихся), еще одна школа с 46 учащимися была в Кингисеппском уезде (две колонии). Таким образом, в 17 колониях Ленинградской области работали семь немецких школ с общим количеством учащихся 605 чел. В Ленинградском уезде для немецкого населения также имелось четыре клуба, а в Троицком – два клуба и одна изба-читальня.

Партийно-комсомольская прослойка среди немецкого населения города и губернии была весьма незначительной: в Ленинграде насчитывалось 98 членов РКП(б), большинство из которых были политэмигрантами, и 70 комсомольцев, а в уездах – всего 17 чел. коммунистов и 25 комсомольцев. В Троицком уезде появились и ростки пионерской работы: здесь было 12 пионеров [4, л. 7], что не так мало с учетом недавнего (1922 год) появления пионерской организации вообще.

Объявленный в 1924 г. ленинский призыв в партию и острая борьба против ленинградской «новой оппозиции» в 1925 г. значительно изменили состав Ленинградской губернской организации ВКП(б) – она выросла численно и сильно «орабочилась». По данным немецкой секции, уже в феврале 1926 г. численность немцев-коммунистов в Ленинграде выросла в несколько раз и составила 278 чел. (221 член и 57 кандидатов), в том числе 26 женщин (12 и 14 чел. соответственно). В то же время в сельской местности рост практически отсутствовал: в партии состояли 8 членов (из них 5 женщин) и 13 кандидатов (6 женщин). Таким образом, всего немцев в Ленинградской партийной организации насчитывалось 299 чел., из них 6% (37 чел.) составляли женщины. Еще немного выросла немецкая прослойка в составе губернской парторганизации на 1 ноября 1926 г.: в Ленинграде было 244 члена и 73 кандидата (23 и 20 женщин, соответственно), в уездах – 13 членов и 22 кандидата (женщин 7 и 10). Всего, таким образом, в городе насчитывалось 317, а в деревне 35 немцев-партийцев, итого 352 чел., в том числе 60 чел., или 12%, женщин. По социальному составу 70% немцев-коммунистов в этот период были рабочими на предприятиях [8, л. 1–2]. Немецкие колонисты предпочитали держаться беспартийной линии, и к 1927 г. в Ленинградском округе в партии состоял 41 чел. (32

члена и 9 кандидатов) и еще 2 члена ВКП(б) было в Лужском округе [9, л. 8].

Анализ статистических данных, основанных как на опубликованных материалах переписей населения, так и на архивных источниках административного учета, позволяет выявить подробную картину количественного, социального и гендерного состава, а также характер расселения немецкого населения Петрограда-Ленинграда и губернии в первой половине 1920-х гг.

### **Библиографический список**

1. Юхнёва Н.В. Многонациональная столица империи // Многонациональный Петербург. История. Религии. Народы. – СПб.: Искусство-СПб., 2002. – С. 9–72.

2. Материалы по статистике Петрограда и Петроградской губернии. Вып. 5 / РСФСР. ЦСУ. Петроград. Губ. отд. статистики. – Пг.: Госиздат, 1921. – 151 с., 70 с. таблицы, 44 с., 1 складная карта.

3. Материалы по статистике Ленинграда и Ленинградской губернии. Вып. 6. – Л.: [Б.и.], 1925. – 276 с., табл.

4. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб.). Ф. 16. Оп. 11. Д. 11477.

5. Выскочков Л.В. Об этническом составе сельского населения Северо-Запада России (вторая половина XVIII – XIX в.) // Петербург и губерния: историко-этнографические исследования. – Л.: Наука, 1989. – С. 113–131.

6. Золотарёв Д.А. Этнический состав населения Северо-Западной области и Карельской АССР – Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1926. – 117, [8] с. ил., к., табл.

7. ЦГАИПД СПб. Ф. 16. О. 11. Д. 11114.

8. ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 11484.

9. ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 8. Д. 113.

*Михайлов Сергей Сергеевич*

### **Семья ассирийцев Ишо-Парис: судьба беженцев из Турции в СССР в 1920-1930-х гг.**

**Аннотация.** Статья посвящена теме ассирийских беженцев, оказавшихся в России в годы Первой Мировой войны. На примере

одного семейства, члены которого носили фамилии Ишо и Парис, рассказывается о судьбе представителей этой группы в ранний период истории диаспоры, в 1920–1930-х гг. История этой семьи в России связана с городами Москва, Кострома и Кинешма. Автор опирается прежде всего на полевые материалы, которые были записаны в минувшем 2020 году.

**Ключевые слова:** ассирийцы, диаспора, семья, город, Москва, Кострома, Кинешма.

### **The Assyrian family of Isho-Paris: the fate of refugees from Turkey in the USSR in the 1920s and 1930s**

**Abstract.** The article is devoted to the history of Assyrian refugees who found themselves in Russia during the First World war. On the example of one family, whose representatives bear the surnames “Isho” and “Paris”, it is told about the fate of this diaspora in the early period of history, in the 1920s and 1930s. The history of this family in Russia includes the cities of Moscow, Kostroma and Kineshma. The author relies primarily on his ethnographic materials recorded in 2020.

**Keywords:** Assyrians, Diaspora, family, city, Moscow, Kostroma, Kineshma.

Одной из интереснейших диаспор России, которая, с одной стороны, появилась в большинстве городов достаточно поздно, только после геноцида христианского населения в Турции в годы Первой Мировой войны, всегда была малочисленной, но с другой, благодаря навязанной в 1920-х специализации, связанной с чисткой обуви, стала важным фрагментом городской бытовой культуры. Однако, тема российских ассирийцев, их судьба в XX в., до сих пор остается «белым пятном». Автор занимается исследованием истории и культуры российской ассирийской диаспоры с 1992 г.. более делая упор на полевые источники.

В этой работе мы хотели бы вкратце рассказать о судьбе в ранний период истории проживания в России двух родных братьев – выходцев из с. Алсан (локальная группа «аласная»), горской независимой ассирийской области Джилу, населенной до 1915 г. племенем джилъвая. Последние относились к «би-ашират» – к племенам ассирийцев-горцев, подчинявшихся только своим маликам, а через них духовному и светскому главе народу – патриарху Церкви Востока из рода Мар-Шимунов. Аласная достаточно хорошо представлены в российской ассирийской диаспоре, прежде всего в Москве, Казани и городах

Центральной России. Герои нашего исследования, Юхан Парис и Матвей (Мамат) Ишо являлись священнослужителями, священником («каша») и диаконом («шамаша») церкви с. Алсан.

О Матвее (Мамате) Ишо, как о человеке, пострадавшем во время политических репрессий 1938 г., упоминает в своей книге архимандрит Стефан (Садо) [1, с.364], однако, основной массив информации, касающийся заявленной нами темы, не был зафиксирован в публикациях и архивном материале и был собран автором в результате полевых исследований 2020 г. главным ее источником стали внуки двух священнослужителей, проживающие ныне в Кинешме и Казани.

Оба брата, Юхан и Мамат, попали в Россию будучи уже рукоположены в сан священнослужителей Церкви Востока – Юхан был священником (ассир. – «каша»), Мамат диаконом («шамаша»). Мы полагаем, что семья давала служителей культа храму своего села на протяжении многих поколений – как правило, такие звания старались закреплять за членами одного семейства. В России, как нам известно, они служили краткий период, когда вместе с другими односельчанами находились в Екатеринодаре и им русским духовенством был предоставлен один из городских храмов. В Москве и других городах дальнейшего проживания, хотя они и именовались соплеменниками «каша Юхан» и «шамаша Мамат», дело ограничивалось лишь краткими молитвами на праздниках и других мероприятиях. Семьи двух родных братьев в новой для себя стране носили разные фамилии, что их потомки объясняют следующей причиной. Когда группа беженцев из с. Алсан подходила к персидской границе, где на тот момент стояли русские войска, Юхан и Мамат договорились представиться разными фамилиями, поскольку к тому моменту было известно немало случаев, когда членов одной семьи разворачивали назад, чтобы хоть кто-то смог спастись и продолжить род. Мамат шел под родовой фамилией «Ишо», а Юхан взял фамилию родственников «Парис». Обоим удалось благополучно пройти через границу и оказаться затем в России, однако запись в документе старший брат менять не стал.

Вскоре после пересечения российской границы Юхан и Мамат оказываются в Екатеринодаре, о котором мы уже упомянули выше, где на тот момент обосновалось подавляющее большинство беженцев-аласная, намереваясь переждать войну. В 1923 г. и Мамат, и Юхан оказываются в Москве, где обосновалось одно из двух крупных сообществ аласная, оказавшихся на территории России (вторая большая группа сформировалась в Казани). Уже в 1925 г. Мамат Ишо вместе с семьей перебирается в Кострому. Юхан Парис остается в столице до



1930 г., хотя, судя по воспоминаниям его внука, Юрия Михайловича Париса, небольшой период он жил в Туле.

По поводу переезда Юхана Париса в Кинешму существует семейная легенда, которую автору рассказал его внук – Юрий Михайлович Парис. Согласно ей, каша Юхан приехал на Казанский вокзал, решив поселиться в том городе, куда его привезет первый попавшийся поезд. Первый отходивший поезд привез его в Кинешму. Здесь мы хотели бы прокомментировать этот сюжет. Во-первых, с Казанского вокзала никогда не уходили поезда в сторону Кинешмы. В 1920–1930-х гг., также, как и сейчас, из Москвы, в сторону Иваново и Кинешмы поезда уходили с двух вокзалов – Ярославского и Курского (Горьковское, прежнее Нижегородское направление). Первый путь, по которому ныне ходит поезд Москва-Иваново-Кинешма, стал возможным после сдачи в эксплуатацию ветки от Александра, через Кольчугино, Юрьев-Польский, Тейково, до Иваново в 1890-х гг. Второй, более старый, где сейчас ходят «Ласточки» из Москвы на Иваново, был сдан в эксплуатацию еще в 1870 г., когда была построена ветка от станции «Новки» на Московско-Нижегородской ж.-д. (между Владимиром и Ковровым) на Иваново-Вознесенск и Кинешму. Во-вторых, однозначно в Кинешме уже жили ассирийцы, причем также выходцы из с. Алсан, в Джику, к которым, собственно, и ехал священнослужитель. Явно он ехал туда, где его знали, где ему могли помочь обустроиться. Автору доводилось слышать, что до приезда в Кинешму семьи Парис, здесь жила семья односельчан-аласная, о которой нам известно только, что она принадлежала к роду-отжах Бе-Билле. До 1930 г. кинешемская диаспора могла быть и гораздо больше, включать как минимум несколько семейств.

Также нам хотелось бы коснуться и причины, согласно которой каша Юхан Парис вдруг резко решил покинуть Москву и перебраться в небольшой провинциальный город. Эту причину ныне не знают потомки семьи, однако, она понятна тому, кто в курсе тонкостей российской ассирийской истории того времени. С беженцами, вырванными всего полтора десятка лет назад из традиционных, весьма патриархальной горской среды Курдистана, оказавшими в условиях государства, строившего новое общество, в этот период активно работали, используя созданные в середине 1920-х национальные структуры в лице «Союза ассирийцев». В 1931 г., в журнале «Просвещение национальностей», вышла статья В. Скоробогатова «Айсоры в СССР», в которой рассказывается и о противодействии советской работе среди ассирийцев со стороны «стариков и маликов», т.е. представителей прежней сельской и племенной знати, оказавшихся

в России вместе с локальными группами ассирийцев, а также старейшин (ассир. – «дыкна хвара» = «белая борода»), кто собственно и старался сохранить традиции, в том числе и в общественной жизни племенных сообществ. Ассирийцы-беженцы, особенно представители горских племен, в той же Москве, где ими были созданы диаспоры по несколько десятков семей, в 1920-х доставляли немало хлопот и городским властям, и лидерам «Союза ассирийцев». В городе, среди бела дня, нередко происходили массовые побоища между выходцами из разных сообществ, когда вооруженные кинжалами, дубинками и металлическими прутьями ассирийцы, выясняли отношения из-за выгодных «стоянок» под чистку обуви и каких-то других проблем. Часто подобные стычки заканчивались убийствами [2, с.86; 3, с.33–46; 4, с.69–70]. Московские джильвая, ядро которых составляли многочисленные выходцы из с. Алсан, регулярно были замечены во внутриэтнических побоищах, прецедентах кровной мести и т.п., да и как сообщество, во главе которого оставался прежний сельский малик-раис Зайя Нази, весьма успешно практиковали исконные нравы в двух своих больших московских колониях, проживавших возле Тишинского рынка и на Малой Грузинской улице. Здесь следует принять во внимание и то, что до сих пор некрополь уроженцев Джилу на московском Ваганьковском кладбище (участки 3 и 6) сохраняет достаточно большое количество архаичных элементов, включая четыре сохранившихся надгробия с традиционными ассирийскими надписями, указания на принадлежность погребенного к племени, сельской группе и даже роду-отжак. На других ассирийских, в том числе московских некрополях, подобных случаев к настоящему времени почти не встретишь. К 1930 году «Союз ассирийцев» и стоявшие за ним структуры решили окончательно разобраться с старыми лидерами, которых начали выдавливать из страны (большинство беженцев на тот момент еще имело на руках иранские документы). Тех, кто по доброй воле не покидал страну и не выезжал в Иран, начинали выдворять насильно. В том же 1930 г. был арестован малик-раис Зайя Нази и его старший сын Камбар, являвшийся правой рукой отца [1, с.551]. Через два месяца их приговорили к высылке в Иран. Священника Юхана Париса, видимо, арестовать и депортировать не успели, но, чувствуя неизбежность такого исхода и не желая покидать страну, он и был вынужден оставить Москву и укрыться в Кинешме.

Касательно вопроса, почему каша Юхан укрылся именно в Кинешме, тогда как вокруг Москвы было много городов, в которых проживали небольшие диаспоры аласная (Тверь, Серпухов, Рязань и др.), младший брат – шамаша Мамат Ишо – жил в Костроме и почему

бы не перебраться туда? На этот вопрос уже нам никто никогда не сможет ответить, поскольку ушли из жизни старшие поколения семей Парис и Ишо, а также другие лица, кто был посвящен в данную проблему. Здесь для нас важен следующий момент. В 1931 г. малик-раис Зайя Нази и его сын Камбар нелегально вернулись в СССР, обзавелись новыми документами на имена Захара Афанасьевича и Семена Семеновича Биткаш [1, с. 207]. Они какое-то время жили в Тбилиси, а затем в течении двух лет кочевали по некоторым городам Нижнего Поочья – Муром. Выкса, Павлово-на-Оке, где, как мы знаем, жили семьи выходцев из Джилу, прежде всего из с. Алсан, кто мог помочь лидерам своего сообщества, находящимся на нелегальном положении, прятаться от властей. В Муроме с 1926 г. жили два младших сына Зайя Нази – братья Бела и Авика Тома, репрессированные в 1938 г. [1, с. 550–551] В 1934 году малик-раис и его сын Камбар перебираются в небольшой город Юрьевец, к тому моменту уже входивший административно в состав Ивановской области, расположенный на Волге ниже Кинешмы. Причина выбора этого небольшого городка, стоящего вдали от железной дороги и цивилизации, непонятна. Помимо малик-раиса и его сына более никаких ассирийцев в Юрьевце не упоминается, хотя представители сельской аристократии однозначно ехали на постоянное (или, судя по нескольким проведенным до ареста годам, долговременное) жительство туда, где им было обеспечено надежное укрытие, а также готовое жилье, работа (чистка обуви) и другие необходимые моменты. Возможно, Кинешма и Юрьевец, расположенные на расстоянии чуть более 60 км. друг от друга по Волге, имели для аласная 1920–1930-х гг. какое-то важное значение и были местами, где можно было спрятать односельчан. которым угрожала опасность ареста, депортации и др. Тем не менее, тихий захолустный Юрьевец не спас Зайя Нази и Камбара от ареста в 1938 г. и последующего приговора к высшей мере наказания.

Юхану Парису удалось избежать репрессий 1938 г. Мамат Ишо в 1938 г. оказался единственным арестованным из ассирийцев Костромы [1, с. 364]. По рассказам его потомков, сотрудники местного НКВД поступили достаточно хитро, дабы добиться подписи на нужных признаниях. Не шибко хорошо владевшего русской грамотой чистильщика обуви вызвали в эту организацию якобы для того, чтобы в очередной раз оформить нужные бумаги. Таковых Ишо подсунули большое количество, ассириец потерял бдительность и поставил подпись там, где ее не стоило ставить. В результате, попросившись утром с женой и детьми до вечера, он увидел их (за исключением одного из сыновей, Рафаила, умершего в 1958 г.) только через двадцать два

года. Мамату Ишо несколько повезло, что незадолго до 1938 г., лишенная в 1929 г. губернского статуса Кострома, была с прилегающим районом переведена из Ивановской области в Ярославскую. Ивановское НКВД весьма жестко относилось к арестованным «врагам народа» и, что мы видим на примере репрессированных ивановских ассирийцев, любило выносить смертные приговоры. М. Ишо, обвиненный традиционно в шпионаже, как иранский подданный, был приговорен к высылке из пределов СССР. Его семья, как бывало в таких случаях, осталась в Костроме. Ситыя Ишо и шестеро детей, 1924–1937 гг. рождения, которые могли кормиться только оставшейся от мужа стоянкой чистильщика обуви, были обречены на полугодное состояние, тем более, что напуганные репрессиями родственники, жившие в других городах, несколько лет боялись поддерживать контакты друг с другом. Только в 1945 г. старший брат мужа, Юхан Парис, отправил из Кинешмы своего сына Михаила. дабы тот проведal родственников. Тот вернулся домой в слезах, рассказав отцу, что те чуть ли не умирают с голоду. Парис сразу же собрался, отправился в соседний волжский город, ставший к тому моменту областным центром, забрал Ситью с детьми и привез к себе. В Кинешме он помог снять жилье, как-то обустроиться. Сам каша Юхан мало мог помочь большому семейству, поскольку главным источником дохода его семьи была палатка чистильщика на городском рынке и ему самому надо было ставить на ноги двух сыновей, которые еще только достигали совершеннолетия. В 1950-х гг. (потомки семьи Парис-Ишо называют дату 1953 г., хотя привязывают кончину священника к событиям, которые имели место быть во второй половине 1950-х, документов о смерти не сохранилось, а на могильном кресте табличка утрачена) каша Юхан Парис умирает. Последний период своей жизни он лежал парализованный.

Мамату Ишо разрешили вернуться в СССР и воссоединиться с семьей только в 1960 г. Он приехал в Кинешму, где ему было предоставлено жилье (семья до этого ютилась по съемным углам) и даже пенсия по возрасту. Первые пять лет, пока существовала возможность выезда в Иран, он пытался уговорить супругу и детей на выезд, однако, последние уже выросли и вступили в браки, Россия была для них родной страной и ничего радикально менять они не хотели. М. Ишо в конце концов и сам отказался от возможности вернуться в Иран. Ему довелось оказаться последним священнослужителем Церкви Востока, попавшим в Россию вместе с волной беженцев Первой Мировой войны, покинувшим здесь этот мир. Он скончался 1984 года и был погребен на кинешемском кладбище Сокольники.

К сожалению, автору слишком поздно довелось выйти на потомков описанного выше семейного клана, когда уже ушли из жизни последние дети Юхана и Мамата, от которых можно было бы получить во много раз больше важной информации, как касающейся семейной истории, так и истории диаспор нескольких городов. Тем не менее, и то, что нам удалось зафиксировать от поколения внуков священника и диакона, несомненно представляет огромный интерес и дает важные сведения как по локальной ассирийской истории в России, так и помогает иллюстрировать общую судьбу этого народа.

### **Библиографический список**

1. Садо С. Мартиролог ассирийцев СССР (1920–1950-е годы). СПб., 2017.
2. Андреевский Г. Москва 20-30е годы. М., 1998.
3. Либерман М.Н. Неизжитое. М., Б-ка журнала «Огонек», 1930.
4. Скоробогатов В. Айсоры в СССР. // Просвещение национальностей. М., 1931. №1. С.64–70.

*Зимовина Елена Павловна*

### **Этническое многообразие молодежи Калининградской области: историко-демографический аспект\***

**Аннотация.** В статье рассматривается динамика численности населения Калининградской области в возрасте 15–19 лет на протяжении последних шести десятилетий. Характеризуется этнический состав молодежи. Анализируется изменение удельного веса молодежи внутри этнических групп. Обращается внимание на рождаемость среди молодого населения разных этносов и затрагивается этнический аспект брачности.

**Ключевые слова:** Калининградская область, молодежь, этничность, демографические процессы.

### **Ethnic diversity of young people in the Kaliningrad region: Historical and Demographic aspect**

**Abstract.** The paper examines the dynamics of the population of the Kaliningrad region aged 15–19 years over the past six decades. The ethnic

---

\* *Статья выполнена в рамках проекта РФФИ №20-59-00014*

composition of young people is characterized. The article analyzes the change in the proportion of young people within ethnic groups. Attention is drawn to the birth rate among the young population of different ethnic groups and the ethical aspect of marriage is touched upon.

**Keywords:** Kaliningrad Region, Youth, Ethnicity, Demographic Processes.

Калининградская область является специфичным регионом Российской Федерации. В 1945 г., в результате международных договоренностей по итогам победы над нацистской Германией, часть территории Восточной Пруссии была передана Советскому Союзу. В 1946 г. здесь была образована Калининградская область.

Процесс формирования населения Калининградской области, как в советское время, так и в постсоветский период, исследован достаточно подробно [1; 2; 3]. Ряд работ посвящен молодежи региона [4; 5; 6; 7]. Этническая проблематика также становилась объектом исследования [8; 9]. Однако на сегодняшний день нет работ, в которых бы давалась *этническая характеристика молодежи* Калининградской области, в том числе и в исторической ретроспективе. Поэтому задача данной статьи – в некоторой степени восполнить этот пробел. В качестве источников были использованы архивные документы [10], данные официальной статистики [11; 12], а также материалы электронного бюллетеня Демоскоп-Weekly [13].

В данной работе под «молодежью» мы будем подразумевать людей в возрасте 15–19 лет, хотя отдаем себе отчет, что на разных этапах развития российского общества возрастные рамки молодежи определялись не одинаково. Так, до недавнего времени к молодежи было принято относить людей в возрастном диапазоне от 14 до 30 лет [14]. В конце 2020 г. было принято решение, что молодежью считаются люди в возрасте 14–35 лет [15]. Выбранная нами возрастная когорта (15–19 лет) интересна в социальном и демографическом аспектах. Например, репродуктивный период у женщин традиционно определяется с 15 лет; с 18 лет наступает совершеннолетие, а также начинается призывной возраст для мужчин; первые браки, разводы и деторождения также фиксируются в этих возрастах. Кроме того, обозначенная возрастная группа в общественном сознании и научном дискурсе бесспорно считается молодежью.

Анализ этнической структуры, в первую очередь, основывается на данных переписей населения. Первая советская перепись на территории Калининградской области была проведена в 1959 г. К этому времени в регионе полностью сменилось население, в том числе по

своим возрастано-половым и этническим характеристикам. На протяжении советского времени и в первые постсоветские годы численность населения Калининградской области увеличивалась: 1959 г. – 610,9 тыс.; 1970 г. – 731,9 тыс.; 1979 г. – 807,9 тыс.; 1989 г. – 871,2 тыс.; 1999 г. – 961,3 тыс. чел. [13]. В течение 1999 г. численность населения начала сокращаться, достигнув к началу 2000 г. показателя 958,8 тыс. чел. Однако с 2007 г. вновь наметился рост. В итоге, на начало 2020 г. численность населения региона составила 1012,5 тыс. чел. [16, с. 13]. Необходимо отметить, что в советское время население Калининградской области увеличивалось за счет естественного прироста. С 1992 г. наметилась естественная убыль и положительную динамику в 1990-е гг. «поддерживал» исключительно миграционный прирост. Снижение показателей миграционного прироста в начале 2000-х гг. ненадолго привело к сокращению численности населения. Но значительно увеличившийся миграционный приток с 2007 г. вновь привел к росту численности населения региона.

Численность и удельный вес молодежи Калининградской области в возрасте 15–19 лет также претерпевали изменения: 1959 г. – 44431 чел. (7,3%); 1970 г. – 76334 чел. (10,4%); 1979 г. – 72278 чел. (8,9%); 1989 г. – 67493 (7,7%); 2002 г. – 87482 чел. (9,2%); 2010 г. – 58729 чел. (6,2%); 2020 г. – 49509 чел. (4,9%) [11; 12; 13]. Такие «зигзаги» были обусловлены, прежде всего, кардинальными изменениями в показателях рождаемости, особенно в 1970-е и 1990-е гг.

По данным последних двух Всероссийских переписей, подавляющее большинство молодежи в возрасте 15–19 лет считали себя русскими: 2002 г. – 78666 чел. (89,9%); 2010 г. – 51491 (87,7%). Показатель не существенно, но все же снизился. Такая же ситуация произошла и с теми, кто относил себя к украинцам (2002 г. – 1783 чел. – 2,0%; 2010 г. – 611 чел. – 1,0%), белорусам (2002 г. – 1518 чел. – 1,7%; 2010 г. – 394 чел. – 0,7%), литовцам (2002 г. – 757 чел. – 0,9%; 2010 г. – 386 чел. – 0,7%). К сожалению, в официально опубликованных данных переписи 2002 г. указаны лишь четыре наиболее многочисленных этнические группы Калининградской области, поэтому мы не можем проследить динамику численности других этносов исследуемой возрастной когорты. Однако если в целом проанализировать изменение удельного веса наиболее многочисленных этнических групп в составе населения региона с 2002 по 2010 гг., то можно выделить три категории. Первая категория – численность и удельный вес данных этносов изменились *не существенно*. Например, это характерно для русских (2002 г. – 786885 чел. – 82,4%; 2010 г. – 772534 чел. – 82,0%) и татар (2002 г. – 4729 чел. – 0,5%; 2010 г. – 4534 чел. – 0,5%). Вторая категория

– численность и удельный вес данных этносов изменились *существенно*. В качестве примера можно привести белорусов (2002 г. – 50748 чел. – 5,3%; 2010 г. – 32497 чел. – 3,5%), литовцев (2002 г. – 13937 чел. – 1,5%; 2010 г. – 9769 чел. – 1,0%), немцев (2002 г. – 8340 чел. – 0,9%; 2010 г. – 7349 чел. – 0,8%), поляков (2002 г. – 3918 чел. – 0,4%; 2010 г. – 2788 чел. – 0,3%) и украинцев (2002 г. – 47229 чел. – 4,9%; 2010 г. – 32771 чел. – 3,5%). Третья категория – *увеличилась* численность и удельный некоторых этносов. Например, это касается азербайджанцев (2002 г. – 2959 чел. – 0,3%; 2010 г. – 3282 чел. – 0,4%), армян (2002 г. – 8415 чел. – 0,9%; 2010 г. – 9226 чел. – 1,0%), киргизов (2002 г. – 109 чел. – 0,01%; 2010 г. – 482 чел. – 0,05%), таджиков (2002 г. – 309 чел. – 0,03%; 2010 г. – 515 чел. – 0,05%), узбеков (2002 г. – 631 чел. – 0,07%; 2010 г. – 2245 чел. – 0,2%) [11; 12; 13].

Следует обратить внимание и на такой показатель, как сокращение доли молодежи внутри отдельных этнических групп. Так, если в 2002 г. среди русского населения молодежь в возрасте 15–19 лет составляла 10,0%, то в 2010 г. – всего 6,7%; среди украинцев – 3,8% и 1,9%; среди белорусов – 3,0% и 1,2%; среди литовцев – 5,4% и 4,0%, соответственно. На этом фоне довольно высокие показатели молодежи данного возраста в 2010 г. были зафиксированы среди азербайджанцев (9,5%) и армян (8,6%) [11; 12]. Таким образом, этническая структура населения Калининградской области претерпевает изменения, которые обусловлены постепенным процессом старения наиболее многочисленных этносов. Например, по данным переписи 2010 г. доля лиц старше трудоспособного возраста среди русского населения Калининградской области составляла 20,4%; среди татар – 23,4%; среди поляков – 23,8%; среди литовцев – 30,0%; среди украинцев – 40,9%; среди белорусов – 49,6%. Намного ниже показатель среди немцев – 14,9% и среди армян – 12,8%. А вот среди азербайджанского населения было зафиксировано лишь 4,4% людей пенсионного возраста [12]. Наверняка, данные грядущей переписи 2021 г. продемонстрируют дальнейшую трансформацию этнической структуры населения.

Важнейшим компонентом изменения численности населения является рождаемость. К сожалению, мы располагаем ограниченным массивом данных по динамике рождаемости среди различных этнических групп по возрасту матери (1959–1996 гг.). Следует отметить, что более-менее регулярно в Калининградской области фиксировалась число младенцев, рожденных женщинами русской национальности. Что касается данных, относительно количества родившихся у женщин других национальностей, то время от времени мелькали данные по наиболее многочисленным этносам региона. И



совсем единичные сведения удалось собрать по числу родившихся у юных матерей в этническом разрезе. Проследим динамику показателей рождаемости среди русских женщин региона в возрасте до 20 лет: 1959 г. – 523 чел. (75,0%); 1960 г. – 490 чел. (71,7%); 1965 г. – 560 чел. (74,5%); 1970 г. – 990 чел. (79,5%); 1975 г. – 1068 чел. (80,1%); 1980 г. – 1149 чел. (78,3%); 1985 г. – 1000 чел. (75,5%); 1990 г. – 1427 чел. (80,7%); 1995 г. – 1232 чел. (85,2%); 1996 г. – 1046 чел. (82,4%). Имеются отрывочные данные о количестве родившихся у молодых женщин еще трех наиболее многочисленных национальностей. Так, количество родившихся у женщин украинской национальности составило: 1959 г. – 36 чел. (5,2%); 1960 г. – 34 (5,0%); 1965 г. – 50 чел. (6,6%); 1980 г. – 85 чел. (5,8%); 1990 г. – 122 чел. (6,9%). Количество родившихся у женщин белорусской национальности составило: 1959 г. – 77 чел. (11,0%); 1960 г. – 100 (14,6%); 1965 г. – 79 чел. (10,5%); 1980 г. – 139 чел. (9,5%); 1990 г. – 111 чел. (6,3%). Количество родившихся у женщин литовской национальности составило: 1960 г. – 40 чел. (5,9%); 1965 г. – 29 чел. (3,9%); 1989 г. – 72 чел. (4,4%); 1990 г. – 55 чел. (3,1%); 1991 г. – 45 (2,6%) [17]. Как видим, доля младенцев, рожденных русскими женщинами, увеличивалась, а удельный вес родившихся у представителей наиболее многочисленных этносов области снижался. В определенной степени это предопределило трансформацию этнической структуры региона.

Данные статистики на период 1960-х – 1990-х гг. позволяют сделать вывод об увеличении доли родившихся в семьях, где мать и отец принадлежали к разным этносам. Так, в 1959 г. удельный вес новорожденных, у которых отец принадлежал к другому этносу, составлял 26,3%; в 1960 г. – 27,0%; в 1965 г. – 30,7%; в 1970 г. – 34,1%; в 1975 г. – 33,6%; в 1980 г. – 33,3%; в 1985 г. – 34,9%; в 1991 г. – 35,5% [18].

Этническая принадлежность родителей новорожденных косвенно указывает на этнический аспект брачности, который крайне слабо отражен в статистике. Нам удалось получить сведения об этнической принадлежности вступивших в брак лишь за четыре года – 1970, 1978, 1979 и 1980 гг. Например, в 1970 г. среди мужчин, вступивших в брак до 20 лет, насчитывалось 447 русских, 40 украинцев, 33 белоруса и 45 человек других национальностей (не указано); среди женщин, вступивших в брак до 20 лет, насчитывалось 1869 русских, 194 белоруски, 88 украинок и 137 человек других национальностей (не указано). В 1978 г. среди мужчин в возрасте до 20 лет в брак вступили: 461 человек русских, 56 белорусов, 29 украинцев, 8 евреев. Но сочетались браком с женщиной той же национальности: 378 русских

мужчин, 7 белорусов, 4 украинца. Все еврейские мужчины данного возраста женились на девушках других национальностей. Среди вступивших в 1978 г. в брак женщин до 20 лет насчитывалось 2147 русских, 237 белорусок, 163 украинки, 9 татарок и 7 евреек. Из них вышли замуж за мужчин своей национальности: 1708 русских девушек, 26 белорусок, 17 украинок и 2 еврейки [19]. Таким образом, доля межэтнических браков оказывалась значительной. Хотя, как видно из приведенных данных, уровень межэтнических браков среди русских был значительно ниже, чем среди представителей других этносов.

Подводя итоги, сделаем акцент на некоторых аспектах. Прежде всего, обращает на себя внимание сокращение численности и удельного веса молодежи Калининградской области на протяжении последних двух десятилетий. Это было обусловлено как сокращением рождаемости, так и сформировавшимся трендом на малодетность. Постепенно сокращается и доля молодежи в составе наиболее многочисленных этносов региона. В некоторой степени это компенсируется представителями разных этносов, которые мигрируют на территорию области. Однако это может влиять, скорее, на этническое многообразие молодежи, но не на численность. Параллельно складываются межэтнические браки и растет доля новорожденных, у которых родители принадлежат к разным этносам. Все это свидетельствует о дальнейших процессах формирования полиэтнического общества в Калининградской области.

### **Библиографический список**

1. Костяшов Ю. В. Секретная история Калининградской области. Очерки 1945–1956 гг. Калининград: Terra Балтика, 2009.
2. Федоров Г. М. Население Калининградской области. Демографические условия обоснования Территориальной комплексной схемы градостроительного планирования развития территории Калининградской области и ее частей. Калининград: Изд-во КГУ, 2001.
3. Федоров Г. М., Зверев Ю. М. Калининградские альтернативы: 25 лет спустя. Монография. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2020. 315 с.
4. Григорьева Р. А., Мартынова М. Ю. Школьники Калининградской области о своей идентичности (по результатам опроса) // Молодежь в малых городах России: заметки социального антрополога. М.: ИЭА РАН, 2016. С. 155–176.
5. Григорьева Р. А., Мартынова М. Ю. Молодежь в городах Калининградской области. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: ИЭА РАН, 2017. Вып. 260. 132 с.

6. Зимовина Е. П. Сравнительный анализ молодежи Еврорегиона Балтика (по результатам социологического исследования) // Проблемы межрегиональных связей = Problems of connections between regions: научный альманах. Вып. 14. Санкт-Петербург; Клайпеда; Калининград, 2019. С. 19–23.

7. Мартынова М. Ю., Григорьева Р. А. Геополитическое положение Калининградской области и жизненные стратегии ее молодых жителей: оценка рисков // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2018. №3 (17). С. 128–144.

8. Зимовина Е.П. Миграции и процесс трансформации полиэтничной структуры населения Калининградской области в постсоветский период // Балтийский регион. 2014. №2 (20). С. 111–127.

9. Зимовина Е.П. Литовское население Калининградской области: миграции и сохранение этнокультурных особенностей // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2016. №5. С. 117–126.

10. ГАКО – Государственный архив Калининградской области. Ф. Р - 181 (Статистическое управление Калининградской области).

11. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Калининградской области. Доступ: <https://kaliningrad.gks.ru/population>

12. Федеральная служба государственной статистики. Доступ: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>

13. Демоскоп-Weekly. Институт демографии. НИУ ВШЭ. Приложения. Доступ: <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php>

14. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. №2403-р «Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Доступ: <http://static.government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf> (дата обращения: 13.05.2021).

15. Федеральный Закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». Доступ: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012300003?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: 13.05.2021).

16. Демографический ежегодник. Калининградская область – 2019 год. Калининград, 2020.

17. ГАКО. Ф. Р - 181\_Оп. 15. Д. 241. Л. 8; Д. 353. Л. 32; Д. 617. Л. 10; Д. 787. Л. 10; Д. 931. Л. 11; Д. 1061. Л. 10; Оп. 16. Д. 100. Л. 9; Д. 261. Л. 4; Д. 401. Л. 11; Д. 588в. Л. 11; Д. 701. Л. 11; Д. 839. Л. 11; Д. 933. Л. 11; Оп. 18. Д. 130. Л. 11; Д. 264. Л. 13; Д. 405. Л. 36; Д. 473. Л. 11; Д. 719. Л. 5; Д. 893. Л. 11; Оп. 19. Д. 148. Л. 11; Д. 326. Л. 11; Д. 513. Л. 11;

Д. 717. Л. 11; Д. 964. Л. 8; Оп. 20. Д. 227. Л. 11; Д. 456. Л. 11; Д. 670. Л. 11; Д. 869. Л. 11; Д. 1109. Л.11; Д. 1518. Л.102; Д. 1703. Л. 113; Д. 1853. Л. 113; Д. 2013. Л. 99; Д. 2164. Л. 98; Д. 2316. Л. 100; Д. 2480. Л. 100; 2617. Л. 100; Д. 2768. Л. 9; Д. 2896. Л. 100; Д. 3034. Л. 132; Д. 3507. Л. 47; Д. 3668. Л. 43; Д. 3828. Л. 42; Д. 3990. Л. 34.

18. ГАКО. Ф. Р - 181. Оп. 15. Д. 353. Л. 12; Д. 490. Л. 34; Оп. 16. Д. 100. Л. 24; Д. 839. Л. 32; Оп. 18. Д. 473. Л. 29; Оп. 19. Д. 513. Л. 43; Оп. 20. Д. 670. Л. 21об; Д. 1853. Л. 6.

19. ГАКО. Ф. Р. - 181. Оп. 16. Д. 839. Л.100–100об; Оп. 19. Д. 148. Л. 100–100об.

## ЭТНИЧЕСКИЕ МЕНЬШИНСТВА В СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССАХ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

*Новгородский Тадеуш Антонович*

### **Эволюция традиций цыган Беларуси в XIX- XX вв. \***

**Аннотация.** Исследуются основные этнознаковые элементы традиционной культуры цыган Беларуси, показаны изменения в традициях цыган на протяжении XX века под влиянием различных факторов.

**Ключевые слова:** цыгане, культура, традиции, эволюция.

### **Evolution of the traditions of the Gypsies of Belarus in the 19th-20th centuries**

**Abstract.** The main ethno-sign elements of the traditional culture of the Gypsies of Belarus are investigated, changes in the traditions of the Gypsies during the twentieth century are shown under the influence of various factors.

**Key words:** gypsies, culture, traditions, evolution.

Цыгане, как известно, уникальный и особенный народ, который, не имея своей собственной этнической территории и разбросанный по всему миру, тем не менее сохранил свою традиционную культуру. Традиционную культуру цыган Беларуси изучали белорусские этнографы и фольклористы XIX – начала XX вв. В работах П.М. Шпилевского [1], К.Т. Аникиевича [2], А.С. Дембовецкого [3], А.М. Семеновского [4] описаны основные элементы материальной, духовной и социальной культуры белорусских цыган. В наше время глубоко изучает культуру цыган Беларуси О.Э. Бартош [5]. Её работы основаны не только на разнообразных письменных источниках, но в первую очередь на материалах полевых этнографических исследований, собранных в местах компактного проживания цыганской этнической группы. Во время студенческой этнографической экспедиции в Ружаны Пружанского района Брестской области в 2004 г.

---

\* Публикация подготовлена в рамках проекта БРФФИ №Г20Р-304

нами проводился опрос местных цыган по эволюции традиционной культуры цыган на протяжении XX века [6].

Традиции цыганского народа формировались под влиянием кочевого образа жизни. Большинство представителей цыганской этнической группы на территории Беларуси до середины XX в. вели кочевой образ жизни. В зимний период более зажиточные цыгане заводили животноводческое хозяйство, которое обеспечивало их семьи необходимыми продуктами питания. Менее зажиточные цыгане занимались кузнечным и слесарным ремеслом, а также лечением лошадей. В это время цыгане вели образ жизни обычного деревенского жителя, а в начале апреля для них начинался сезон кочевья и продолжался до первых заморозков (обычно в конце октября). Основным транспортом во время кочевья были повозки и кибитки. Табор кочевал как правило по привычному маршруту и располагался около деревень, в лесу рядом с проточными водоёмами. Обустройством лагеря занимались мужчины.

В системе жизнеобеспечения цыган важное место занимало животноводство в сочетании с некоторыми ремесленными занятиями и средствами от случайного заработка (гаданиями и магическими практиками, ворожбой, мелким воровством).

Блюда цыганской кухни готовились из тех продуктов, которые цыгане добывали у местных жителей. Среди способов и приемов приготовления наиболее распространены варка и жарка на открытом огне на костре. В условиях кочевья они не делали больших запасов пищи, им неизвестны консервация и засолка продуктов. Любимой пищей цыган является свиное сало – сырое, солёное, жареное, вареное. К любимым блюдам цыган относится яичница. Важнейшим продуктом питания является хлеб, символ жизни и благополучия. В пищу употребляют много овощей, особенно чеснока и лука. Занятие собирательством позволяло разнообразить рацион питания за счёт использования в пищу грибов и ягод. Некоторые группы цыган занимались рыболовством, и их пищевой рацион пополнялся рыбой и рыбными блюдами. Конину цыгане не кушали, лишь использовали в пищу кобылье молоко, чаще всего в лекарственных целях для лечения коклюша. Вкусным блюдом считался у цыган вареный или тушёный ёж, которого обмазывали глиной и запекали на костре. Во время экспедиционных исследований некоторые информанты сообщали, что таким образом приготовленный ёж использовался цыганами Беларуси в народной медицине для лечения желудочных заболеваний. В наше время престижным блюдом является печеная курица. Праздничная пища у цыган отличается обилием и разнообразием. К праздничному

стола пекли пироги с маком и изюмом, запекали целый свиной окорок и готовили колбасы, в огромном количестве готовили сладости. В наши дни для традиций питания цыган характерно преобладание жирной и простой в приготовлении пищи. Те цыгане, которые живут в сельской местности, научились готовить пищу в русской печи, а некоторые по-прежнему предпочитают традиционную готовку на открытом огне.

Цыганский традиционный костюм в его классическом варианте, по мнению исследователей, сложился в XIX в. [7] Среди важных этнических признаков женского костюма необходимо отметить крой женской юбки, которая, как правило, не сшита по вертикали. Такой крой соответствует канону ритуальной чистоты, который должна соблюдать женщина. В качестве оберега цыганки носили передник. Замужняя женщина от незамужней девушки отличалась головным убором: девушки ходили с распущенными волосами, а женщины всегда одевали на голову пёстрые платки. Для элементов женского костюма характерна яркая их расцветка и обилие разнообразных украшений. Мужской костюм цыган шился в красной цветовой гамме по венгерскому покрою. Белорусский этнограф XIX в. П.М. Шпилевский подробно описал внешний вид цыганского короля Яна Мартинкевича, который «носил жупан с откладным красным воротником и сверху жупана перекинутое через плечо джуplo, то есть нагайку, или плеть, с серебряной рукояткой; кроме того, у него была высокая меховая шапка из красного сукна разными шитыми канительно значками» [1]. В наши дни традиционный костюм цыган можно увидеть во время проведения фольклорно-этнографических фестивалей и праздников, где всегда с большим успехом выступают самодеятельные коллективы этнических цыган Беларуси.

Цыгане принимали религию того народа, среди которого они селились, однако у них сохранились пережитки древних магических и анимистических верований. Цыганское население Беларуси исповедует только христианство, почитая Бога-Отца и Деву Марию. У цыган всегда были иконы с изображением святых, к которым они обращались с придуманными молитвами. Цыгане любили отмечать важнейшие праздники – Рождество, Пасху, Троицу, Петра и др. Во время этих праздничных дней несколько таборов встречались в условленном месте, разбивали свои шатры и отмечали праздники со свойственными им непосредственностью и шумным весельем.

Вышей мерой наказания у цыган является ритуальное осквернение, которое обозначало изгнание из общины. Изгнанием наказывали тех цыган, которые совершили наиболее серьёзные преступления – невозврат денежного долга, изнасилование. Ритуал

осквернения в зависимости от тяжести проступка совершается с помощью женской поясной одежды, женской мочи или детского белья, или обуви. После того, как над членом общины совершили ритуал осквернения, он переходит в категорию «замагированных» («нечистых», «оскверненных») либо временных изгоев. В исключительных случаях виновного наказывали пожизненным осквернением.

Жизнь цыган коренным образом изменилась в советское время. В 20-30-х гг. XX в. были созданы условия для перехода цыган к оседлому и трудовому образу жизни, улучшения их экономического и культурного состояния. В 1926 г. начал действовать в Беларуси Всероссийский союз цыган. В 1927 г. в усадьбе Михалово Витебского района был создан первый в СССР цыганский колхоз «Новая жизнь», при котором работала и начальная школа. В 1928–32 гг. на основании северного диалекта была оформлена цыганская письменность, начали издаваться книги и журналы. В 1931 г. в Москве открылся цыганский профессиональный театр «Ромен». В 1930-е гг. в Витебске работала неполная цыганская школа. Однако эти меры в малой степени затронули традиционный образ жизни цыган.

Тяжелые испытания выпали на долю цыган во время Второй мировой войны. Почти 500 тыс. цыган погибло в концентрационных лагерях. Многие цыгане принимали участие в Великой Отечественной войне и были награждены за мужество и отвагу медалями и орденами.

В 1956 г. был принят указ «О присоединении к труду цыган, которые занимаются бродяжничеством». Большинство цыган перешло к оседлости и трудовому образу жизни. В некоторых местах они осели компактно (Северный посёлок в Минске, посёлок Титовка около Бобруйска), в других массовое заселение произошло позже (в деревне Колодищи Минского р-на). Традиционно они селились на окраине городов или в пригородах [9]. С 1959 по 1989 г. количество цыганского населения в Беларуси постоянно увеличивалось. Цыгане в этот период стали в основном городскими жителями: чуть более 8 тыс. человек проживало в городах, около 2 тыс. жило в сёлах. В настоящее время наиболее крупные группы цыганского населения проживают во всех областных центрах, районных городах и посёлках городского типа.

Цыганские семьи носят патриархальный уклад, где главой семьи является мужчина. Женщина отвечает за экономическое обеспечение семьи. В цыганских семьях почти всегда крепки родственные связи, особенно они почитают и уважают родителей. Женатые сыновья со своими семьями, как правило, живут с родителями. Семейные конфликты выносятся на рассмотрение совета старейшин. После смерти



родителей дети носят траур на протяжении полгода, а иногда и больше года. В последнее время прослеживается тенденция к созданию межнациональных браков, в которых жена является цыганкой, а муж белорусом. Информанты брачного возраста сообщали в экспедиции, что хотели бы выйти замуж за парней белорусов, объясняя это тем, что белорусские мужчины уважительно относятся к своим жёнам. Система воспитания в цыганских семьях основывается на приоритете мальчиков: им с рождения уделяется больше внимания, чем девочкам.

В настоящее время абсолютное большинство цыган Беларуси проживает в городах и интегрировано в современную городскую культуру, при этом сохраняя некоторые элементы традиционного образа жизни. С переходом к оседлости изменениям подверглись в первую очередь основные компоненты материальной культуры. Семейные традиции оказались более устойчивы к изменениям, как и некоторые элементы духовной культуры. В местах компактного проживания цыган до наших дней сохранил свою роль цыганский суд.

Во время полевых исследований цыганской этнической группы Беларуси было особенно заметно, что даже представители молодого поколения цыган не только хорошо знают традиции своих предков, но и стремятся их сохранить и популяризировать.

### **Библиографический список**

1. Шпилевский П.М. Путешествие по Полесью и Белорусскому краю. Минск : Польша, 1992. – 251 с.
2. Аникиевич К.Т. Сенненский уезд Могилевской губернии: опыт описания в географическом, историческом, этнографическом, бытовом, промышленном и статистическом отношениях, с картою уезда, схемою двух озер и рисунками в тексте. Могилев: Могилевский губ. стат. ком., 1907. – [6], 148, [1] с.
3. Дембовецкий А. С. Опыт описания Могилевской губернии в историческом, физико-географическом, этнографическом, промышленном, сельскохозяйственном, лесном, учебном, медицинском и статистическом отношениях: в 3 кн. Могилев-на-Днепре, 1882–1884. –Кн. 1. – [4], 25, 782, [2] с.
4. Сементовский А. М. Этнографический обзор Витебской губернии. СПб.: Тип. М. Хана, 1872. – 69 с.
5. Бартош, О.Э. Традиционная социальная культура цыган Беларуси в конце XX – начале XXI века: автореф. дис. ... канд. исторических наук: 07.00.07 / О. Э. Бартош; науч. рук. работы Т. А. Новгородский; Государственное научное учреждение «Институт

искусствоведения, этнографии и фольклора имени Кондрата Крапивы НАН Беларуси». – Минск, 2010. – 22 с.

6. Архіў Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. – Ф. 7. Воп. 1. Спр. 1001.

7. Кто живет в Беларуси / А. В. Гурко [и др.]. – Минск: Беларус. навука, 2012. – 799 с.

8. Чаквин И.В. Цыгане // Кто живет в Беларуси В. Гурко [и др.]. – Минск: Беларус. навука, 2012. С. 658 – 685.

*Перевозников Александр Александрович*

**«Московские немцы» и их вклад в развитие отечественного спорта в конце XIX – начале XX в. (на примере «московского общества гимнастов»)**

**Аннотация.** В статье рассказывается о становлении спорта в Москве в конце XIX – начале XX века. Отмечается роль «Московского общества гимнастов», созданного немецкими подданными, проживавшими в Москве. Анализируется вклад общества в распространение и популяризацию гимнастики в Москве. Вводятся в оборот ранее неизвестные архивные документы, раскрывающие разные стороны деятельности общества.

**Ключевые слова:** гимнастика, спорт, спортивные общества, спортивные организации, «московские немцы», «диалог культур».

**«Moscow Germans» and their contribution in development of national sport at the end of nineteenth – start of twentieth centuries (on example of «Moscow society of gymnasts»)**

**Abstract.** In this article, it's told about formation of sport in Moscow at the end of nineteenth – start of twentieth centuries. The role of «Moscow society of gymnasts», created by German nationals, lived in Moscow, is marked here. The contribution of society in promotion and popularization of gymnastic in Moscow is analyzed here. Archive documents, unknown before and opening up different activities of society, are put in circulation here.

**Keywords:** gymnastic, sport, sport societies, sport organizations, «Moscow Germans», «the dialog of cultures».

Дореволюционная Москва являлась многонациональным мегаполисом, в котором сосуществовали представители разных народов и культур. Значительную роль в общественно-политической, экономической и культурной сферах играли представители московской немецкой общины.

По данным на 1912 г., 28,5 тыс. жителей Москвы признавали в качестве родного немецкий язык, это была вторая по численности этническая группа после великороссов [1, с. 157].

Связь этнических немцев с Россией была довольно значительной. Основную часть московских немцев составляли подданные Российской империи, лишь 7,2 тысячи немцев сохранили германское подданство. Из них более 1/3 (2,8 тыс.) родились в Москве, где поселились еще их родители [1, с. 157].

Одним из важных элементов культуры, проникшим в Россию и прижившимся в ней, являлся «спорт». Именно иностранцы являлись первыми популяризаторами спорта в России, создавая для этих целей спортивные общества. Представители немецкой общины были активно вовлечены в социально-экономические и культурные процессы в Москве, однако их влияние на культурную жизнь «второй столицы», в частности, на спорт, освещается крайне скупо.

Актуальность работы определяется тем, что деятельность московских немцев в спортивной жизни Москвы конца XIX – начала XX века практически не изучена, отдельные упоминания носят обрывочный характер, вклад в развитие спорта в Москве подвергается сомнению. В Москве на протяжении почти полувека (с 1868 по 1914 г.) существовало немецкое спортивное общество – «Московское общество гимнастов», чей вклад в становление спорта в Москве практически забыт.

Целью работы являлся всесторонний анализ деятельности «Московского общества гимнастов» в последней трети XIX – начале XX в., определение роли общества в популяризации гимнастики и спорта в Москве.

«Московское общество гимнастов» – одно из первых спортивных обществ в Москве, которое было создано германскими подданными и объединяло представителей немецкой общины в Москве. Общество было образовано в 1868 году на основе гимнастического кружка, который существовал при Немецком клубе, а само общество часто называли «Turnverein» – «гимнастический союз».

Устав Общества был утвержден Министром внутренних дел 23 апреля 1870 г. [2, л. 1, 4; 3, с. 1]. Целью общества провозглашалось «доставить своим членам приятное и полезное препровождение

времени посредством правильных гимнастических упражнений, развивающих гимнастические силы» [4, л. 15об.]. Учредителями общества выступили немецкие подданные Г. Ганнеман, Ф. Ульман, М. Шиндлер, Ю. Мебиус, Л. Адельгейм, а также купцы Эйхольц и Руперт [4, л. 1–2].

Общество являлось популяризатором немецкой гимнастической системы, основанной на «аппаратной» гимнастике, а также развивало стрельбу и фехтование. Тренировки по немецкой гимнастической системе проводились два раза в неделю по 1,5 часа: разбившись по отделениям, спортсмены по 15 минут работали на снарядах [5].

Большую часть членов Общества составляли немецкие и русские подданные. По данным на 1895 г., из 468 членов общества 220 являлись подданными Германии, 207 – подданными России, но в большинстве своем они были немцами по происхождению [6].

Общество состояло из почетных и действительных членов. По социальному положению членами Общества в основном являлись представители торгово-промышленных кругов (купцы и фабриканты): на 1895 год их насчитывалось 339 из 468 членов общества. 329 членов общества были в возрасте от 30 до 59 лет, и лишь около 20 % – в возрасте от 20 до 29 лет (96 из 468 членов) [6].

Этим объясняется тот факт, что активно занимающихся гимнастикой было крайне мало: в 1894–1895 годах всего 48 человек, а упор делался в основном на консолидации представителей немецкой общины и популяризации немецкой гимнастической системы в российском обществе [6].

Важной составляющей деятельности общества являлась организация и проведение общих собраний, концертов, семейных вечеров, юбилеев и походов. Ежегодно праздновалась очередная годовщина общества. В торжественных мероприятиях принимали участие представители отечественной творческой интеллигенции, не чуждые спорту: Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, В.А. Гиляровский. Сборы от концертов регулярно перечислялись в пользу неимущих, для развития детского спорта. Большинство мероприятий Общества устраивались в трактире и гимнастическом зале [7; 8, с. 136].

Еще в XIX в. общество поставило вопрос о приобретении недвижимого имущества, осознавая, что регулярные гимнастические занятия требуют соответствующих санитарно-гигиенических условий.

В прошении общего собрания на имя московского генерал-губернатора отмечалось, что «одно из главных назначений общества – доставление возможности человеку и небогатому за возможно низкую годовую плату... развития своего тела и души» [4, л. 6 об.]. Так возникла

идея «приобретения собственной земли и постройки на собственные средства и пожертвования необходимого помещения [4, л. 6 об.]. важно отметить, что общество установило фиксированный годовой членский взнос в размере 10 рублей [4, л. 6 об.], что было сопоставимо с большинством московских спортивных обществ того времени. В обществе считали, что важно «дать возможность среднему небогатому классу и не превратиться из воспитательного учреждения в роскошь» [4, л. 7 об.].

В 1887 г. для Общества был выстроен собственный дом на Цветном бульваре по проекту архитектора Б.В. Фрейденберга, с пристроенным к нему обширным гимнастическим залом. Уличный фасад здания украшали две даты – основания Общества и строительства здания Общества. В доме размещались кабинет комитета Общества и библиотека, зал заседаний, массажный и медицинский кабинеты, раздевалка и душевой зал, кабинеты двух учителей гимнастики, квартира смотрителя здания и истопника. Особой изысканностью пользовался ресторан: его сдавали в аренду трактирщикам, которые готовили диетические блюда, из которых особенно славились паровые котлеты [7; 8, с. 136].

Ситуация значительно изменилась в начале XX в. При сохранении численности общества (около 460 членов), значительно меняется его социальная и собственно спортивная активность. В 1912 г. около четверти членов общества (108 из 455) являлись активными членами и принимали участие в тренировочных занятиях. Среди активных членов было 57 дам, что для спортивных организаций начала века являлось достаточно высоким показателем. Активно работало детское отделение при обществе: в тренировочных занятиях приняло участие 175 мальчиков и 70 девочек. Обществом было проведено 4 детских праздника и 2 соревнования для взрослых [9].

Важно отметить стремление общества к интеграции с русскими любителями гимнастики, для которых общество было открыто, а также ведение документации (протоколы Общих собраний и Годовые отчеты) на двух языках: немецком и русском [2, л. 6].

Среди наиболее значимых фигур общества следует выделить руководителей и почетных членов общества, сыгравших важную роль в его деятельности. С 1868 по 1900 г. председателем общества был Густав Федорович Ганнеман, педагог и редактор «Немецкой газеты», издававшейся в Москве, а с 1901 по 1914 г. – прусский подданный Абрам Абрамович фом-Шейдт [9]. Среди почетных членов общества следует упомянуть Юлиа Христиановича Мебиуса, фотографа, стоявшего у истоков общества, Германа Ивановича Земана,

возглавлявшего предприятие «Понфик Аренс» в Москве, архитектора Бориса Викторовича Фрейденберга, по проекту которого было выстроено здание общества на Цветном бульваре [9].

Биографии ключевых фигур в истории общества указывают на то, что не собственно спорт их объединял, а бережное отношение к родной культуре (немецкая гимнастическая система), традициям (здоровый образ жизни) и желание поддерживать отношения внутри большой семьи московских немцев.

С началом Первой мировой войны страну охватили волнения антигерманской направленности. Инициативная общественность призывала к исключению из общественных организаций немцев, составляла воззвания против немецких зверств, впоследствии последует и распоряжение свыше, требовавшее исключить всех немцев из общественных организаций [11, с. 303–305].

27–29 мая 1915 г. по Москве и ее окрестностям прокатились антинемецкие погромы. По скромным подсчетам, за два дня из трех в погромах участвовало более 100 тыс. чел. Взрыв агрессивной ксенофобии вылился в уничтожение и разграбление имущества всех вообще лиц с нерусскими фамилиями [10, с. 147–150].

К погрому привела массивная националистическая пропаганда с целью создания образа немца-врага, подкрепленная дискриминационными мерами властей против всех проживавших в России немцев и лиц немецкого происхождения [12, с. 323–326].

Понятно, что в подобной обстановке дальнейшее функционирование общества было невозможно. В справочниках «Вся Москва» за 1915 г. общество уже не упоминается. В помещении общества в 1914 г., как и в помещениях многих других общественных организаций [11, с. 303–305], располагался госпиталь, устроенный Московским охотничьим клубом.

Никаких сведений об обществе после 1914 г. найти не удалось. Многие его участники покинули Россию, опасаясь за свою жизнь и жизнь близких. Под нажимом властей немецкие общественные организации были закрыты.

Факторы исчезновения общества гимнастов указывают также на нездоровую обстановку внутри самой Российской империи, что явилось предвестником будущих кризисных явлений.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Возникновение общества и его деятельность были связаны с необходимостью сохранения национальной культуры и национальной идентичности. Московские немцы стремились к сохранению и распространению немецкой гимнастической системы в

России. Само общество объединяло тех, кто разделял ценности спорта и физической активности, которые в странах Западной Европы были уже популярны. Общество выступало как центр консолидации тех, кто поддерживал данные идеи.

Состав общества на протяжении более чем сорока лет существования претерпевал незначительные изменения. По возрастному составу явно прослеживалась тенденция стран Западной Европы, когда основу подобных объединений составляли лица среднего возраста. Однако в начале XX века общество «помолодело» и стало более «демократичным», увеличив количество соревнований и открыв доступ для занятий гимнастикой для детей, учащейся молодежи и женщин. По социальному составу основу общества составляли представители торгово-промышленной буржуазии, поэтому общество можно рассматривать как «клуб», в котором пропагандировались ценности здорового образа жизни, а не чисто спортивную организацию, основанную на тренировках и соревновательной деятельности.

Анализ членов правления и почетных членов общества позволяет сделать вывод о том, что общество не допускало в сферу управления представителей других национальностей. Как правило, это были уважаемые в общине люди, много сделавшие для ее существования и развития. Их положение в обществе было достаточно весомым, что обеспечивало его устойчивое развитие.

Ярко выраженная национальная принадлежность членов общества привела к его исчезновению со спортивной и общественной арен Москвы на фоне начала Первой мировой войны. Сильные антигерманские настроения в обществе, поддержанные московскими властями, привели к прекращению деятельности этой организации.

История «Московского общества гимнастов» отразила основные тенденции развития и особенности жизни немецкой общины в Москве, ее можно рассматривать как модель более глобальных процессов, которые были связаны с жизнью немецкой общины.

### **Библиографический список**

1. Петров Ю.А. «Московские немцы»: проблема документального наследия германских предпринимателей в дореволюционной России // Российские немцы. Историография и источниковедение: материалы международной научной конференции. – Анапа, 4–9 сентября 1996 г.
2. Центральный Государственный архив г. Москвы (ЦГА Москвы). Ф. 16. Оп. 78. Д. 112.

3. Устав Общества гимнастов в Москве. Утвержден Министерством внутренних дел 23 апреля 1870 года. – М.: Высочайше утв. «Русское Т-во печатн. и издательск. дела», 1895.

4. Центральный Государственный архив г. Москвы (ЦГА Москвы). Ф. 16. Оп. 25. Д. 109.

5. Московское общество гимнастов. / Немецкие адреса старой Москвы (История на почтовых открытках). – М., 2006.

6. Годичный отчет Московского Общества Гимнастов за XXVII год с 1 сентября 1894 по 31 августа 1895. – М.: Лито – Тип. О.Ю. Шейбель, 1895.

7. Кононова И.М., Гарин А.Н. и др. Неглинная, я люблю тебя. – М.: Клуб содействия сохранению исторического и культурного наследия, 2019.

8. Томан И.Б. История культуры московских немцев в памятниках архитектуры. XVIII – начало XX вв. В кн.: Москва гостеприимная: Люди, памятники и традиции многонациональной Москвы: Сб. трудов / Под общ. Ред. В.Ф. Козлова. М., 2014.

9. Годичный отчет Московского Общества Гимнастов за XLV год существования Общества с 1 сентября 1912 года по 31 августа 1913 г. – М.: Типогр. Н.И. Гроссман и Г.А. Вендельштейн, 1913.

10. Кирьянов Ю.И. «Майские беспорядки» 1915 г. в Москве // Вопросы истории. 1994. №12.

11. Розенталь И.С. И вот общественное мнение! Клубы в истории российской общественности. Конец XVIII – начало XX вв. – М.: Новый хронограф, 2007.

12. Деннингхаус В. Немцы в общественной жизни Москвы: симбиоз и конфликт (1494–1941). – М.: РОССПЭН, 2004.

*Блинова Анна Николаевна*

### **Локальная история как ресурс для конструирования этнической идентичности (на примере российских немцев)\***

**Аннотация.** На примере села Александровка Омской области рассматриваются возможности использования локального культурного

---

*\* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта проведения научных исследований «Этническая идентичность на постсоветском пространстве (на примере немцев России, Украины и Казахстана)», проект № 20-09-00177.*



и исторического наследия, в качестве ресурса для конструирования этнической идентичности. Выявлены ключевые моменты локальной истории, на основе которых строится идентичность. Проанализированы возможности интеграции локальной истории в туристическое пространство региона.

**Ключевые слова:** локальная история, этническая идентичность, российские немцы, с. Александровка, Омская область.

### **Local history as a resource for constructing ethnic identity (on the example of Russian Germans)**

**Abstract.** On the example of the village Alexandrovka of Omsk region, the possibilities of using the local cultural and historical heritage as a resource for the construction of ethnic identity are considered. The key moments of the local history are identified, on the basis of which the identity is built. The possibilities of integrating local history into the tourist space of the region are analyzed.

**Keywords:** Local history, ethnic identity, Russian Germans, Alexandrovka, Omsk region

Вопросы сохранения культурного наследия российских немцев и актуализации их этнической идентичности в последние несколько десятилетий интенсивно изучаются учеными из разных областей гуманитарной науки. Культурное и историческое наследие, в том числе его локальные варианты, является ресурсом для конструирования этнической идентичности, особенно в условиях потери некоторых значимых этномаркеров, например, языка.

В качестве объекта в данном исследовании выбраны прошлое и коллективная память [1, с. 147], локализованные в одном из немецких поселений Омской области – селе Александровке. Локальная история и коллективная память строятся на нескольких основных моментах истории села, которые нашли отражение как в исторической топологии населенного пункта, так и нарративах его жителей (сбор материала проходил в этнографических экспедициях 2019–2020 гг.).

Средоточием и во многом транслятором локальной исторической памяти является Александровское отделение Азовского районного историко-краеведческого музея. Музеи как важнейшие институты памяти берут на себя миссию сохранения «живых» воспоминаний и переживаний участников исторических событий — трагических и радостных, знаменательных и повседневных. Актуализация местного историко-культурного наследия содействует сохранению коллективной

памяти. Музей был открыт в июле 1993 года, его автором, вдохновителем и собирателем был Александр Карлович Вормсбехер. В музее размещены экспонаты по этнографии и быту российских немцев, собранные в том числе сотрудниками сельской библиотеки Ириной Цинн, Верой Бертрам и учителями Геннадием и Катариной Хоппе. С 2003 г. заведующей музеем является Татьяна Владимировна Ренье, стараниями которой коллекция активно пополняется. Музей ведет работу и по сохранению нематериального культурного наследия: собираются интервью, проводятся мастер-классы по женскому рукоделию и национальной кухне, реконструируется традиционная немецкая обрядность. Экспозицию можно разделить на три части: этнографическую, посвященную истории села и мемориальную. Музей активно продвигает себя в Интернет-пространстве, помимо сайта с виртуальной этнографической экспозицией, страничек на основных музейных ресурсах, в 2020 году в рамках совместного проекта Баварского культурного центра немцев России и Омского историко-краеведческого музея была проведена 3D видеосъемка экспозиции, размещенная на сайте центра [2].

Итак, ключевые моменты локальной истории на основе которых строится локальная идентичность:

1) Александровка – старейшее немецкое село в Сибири. Основано оно в 1893 г. колонистами-лютеранами из Саратовской и Самарской губерний, располагается у оз. Кошкуль, в 85 км к юго-западу от Омска. Память об этом зафиксирована и в материальных объектах:

- мемориальной доске «Первым переселенцам нашего села», создана в 1993 г., на ней на двух языках (немецком и русском) перечислены фамилии поселенцев, изображена схема расположения их домов и указан первый председатель сельсовета - Крабс;

- стеле в честь столетия села Александровки, установлена она также в 1993 г., представляет собой круглый бетонный цилиндрический столб, в U-образном вырезе которого расположены стилизованные плуг и сноп пшеничных колосьев.

Кроме того, каждые пять лет село масштабно отмечает юбилеи, празднование проходит на спортивном стадионе, участвует почти все население села и сопровождается торжественными шествиями, концертами и театрализованными постановками, спортивными соревнованиями и т.д.

2) Трудности колонизации и успешная адаптация на новом месте. Для расселения колонистов Администрацией Сибирского Казачьего войска была отведена земля в окрестностях озера. Поселенцы надеялись, что не будут испытывать недостатка в питьевой воде, так как

озеро Кош-куль считалось пресноводным. Однако озерная вода оказалась непригодной ни для питья, ни для полива из-за цветения водорослей, поэтому переселенцы копали колодцы, но и в них вода часто была соленой. Питьевую воду приходилось брать в колодцах в трех километрах от Александровки. Приходилось привозить ее в село, где она продавалась по цене две копейки за ведро [3, с. 252]. Но несмотря на эти другие трудности, уже через несколько лет они стали примером для развития хозяйства в местных условиях. Немецкие переселенцы привезли с собой четыре новых сорта картофеля, гораздо лучшие чем те, которые использовало местное население. У александровцев почти сразу появились огороды с томатами, фасолью, ревенем, физалисом, о которых в здешних местах «казацье население не имело понятия» [4, с. 5].

3) Паровая мельница – символ Александровки. Она была построена в 1910 г., работала на пару, крестьяне, для которых мололи зерно, сами доставляли дрова для топки. До революции мельница принадлежала нескольким немецким семьям, а затем была национализирована. Просуществовала более 100 лет, а в начале 2000-х гг. была снесена. В 2013 году Вальдемар Обгольц изготовил ее деревянную модель и передал в музей, где она стала одним из главных экспонатов. В целом, для александровцев она символ добровольного переселения в Сибирь, достатка, трудолюбия, высокой технической оснащенности немецких поселков.

4) Депортация и трудовая армия. Для александровцев важно отметить, что к началу Великой Отечественной войны 33 жителя села находились в рядах Красной армии (кто-то вернулся, кто-то из них погиб на фронтах). Кроме того, в музее перечислены фамилии семей, депортированных с Поволжья (всего 14 семей из с. Гуссенбах Франкского кантона, в том числе семьи А.К. Вормсбехера и Б.Г. Рейтера). Всего из села в трудовой армии побывало 171 мужчина и 38 женщин [5, с. 18].

5) Александр Карлович Вормсбехер – выдающийся земляк, «память о таких людях никогда не сотрется в наших сердцах». Родился он в городе Екатериненштадте (совр. Маркс) Саратовской губернии 23 октября 1914 года. Окончив семилетнюю школу, он поступил в художественное училище Саратова, но голод 1930-х гг. и бедность не дали возможность его окончить. Он прервал художественное образование и получил специальность агронома в Гуссенбахском техникуме, но по специальности не работал, а стал преподавать в сельской школе. В сентябре 1941 года семья Вормсбехер была

депортирована и прибыла в Омск, а затем их направили в с. Александровку, где он прожил до эмиграции в Германию в 1995 году.

После возвращения из трудармии Александр Карлович работал педагогом в детском доме, а после его расформирования в Александровской средней школе. Помимо того, что он был талантливым педагогом, он не оставил занятий художественным творчеством. Его картины сегодня представлены в разных музеях региона, а музей в Александровке с 2004 года носит его имя и имеет мемориальный зал с его произведениями (исторические полотна, в том числе посвященные депортации, портреты земляков, детей, пейзажи и натюрморты) и личными вещами (фотоальбомы, снимки, книги и вещи, среди которых служившие долгие годы фотоаппараты «Фотокор» и «Зенит»).

Кроме этого, А.К. Вормсбехер был краеведом и автором книги по истории с. Александровка, которая вышла в год 100-летнего юбилея села, многие материалы книги продублированы и на музейных стендах (напомню, что музей создан в этом же году). Книга была переиздана в 2013 году и во многом является источником информации для жителей, на основе которой формируется локальная историческая память.

Наследие А.К. Вормсбехера актуально и востребовано сегодня. В 2010 году был реализован проект «Человек в истории», главной его целью было создание цифрового ресурса, посвященного памяти художника и педагога. Для этого старшеклассники из разных школ Азовского района приехали и в течение недели жили в с. Александровка, оцифровывая материалы музея и общаясь с односельчанами и друзьями Александра Карловича [6]. В Российско-немецком доме г. Омска в октябре 2019 г. (к 105-летию со дня рождения) был представлен художественно-биографический очерк и выставка картин А.К. Вормсбехера «И жизнь, и слёзы, и любовь...». А в 2021 г. издан альбом «Депортация и трудармия в творчестве Александра Вормсбехера „Если б картины могли говорить...“». Альбом включает 19 графических работ и статьи о судьбе советских немцев и о самом художнике. В книге сохранены комментарии, сделанные самим художником на рисунках, и добавлены указания на события и документы, которые поясняют графику. В его создании приняли участие научные сотрудники Омского государственного историко-краеведческого музея, Александровского филиала Азовского районного историко-краеведческого музея, сотрудники культурно-делового центра «Русско-немецкий дом в городе Омске», первый заместитель председателя Международного союза немецкой культуры Ольга Мартенс и родственники Александра Вормсбехера.

В данном случае локальная история передается через призму биографии выдающейся личности, она приобретает символический капитал на основе, которого строятся последующие меморальные проекты.

Локальная история с. Александровки интегрирована в туристическое пространство Омской области. Село включено в региональные туристические маршруты «Немецкий выходной» и «Гастрономический тур «Mit Liebe aus Asowo». Туристы посещают музей, знакомятся с историей «старейшего немецкого села», с этнографией сибирских немцев, предметами быта и творчеством А.К. Вормсбехера. У них есть возможность попробовать немецкие вафли, испечённые на открытом огне, и горячий напиток из цикория. Затем гостям в интерактивной форме рассказывают о традициях празднования немецкой свадьбы, учат их танцевать польку и играть на традиционных немецких музыкальных инструментах, на мастер-классе туристам предлагают изготовить сувенир «в национальном стиле» в творческой студии «Бастельн». Кроме того, у туристов есть возможность посетить пекарню «Дойче Бэкэрай» - один из крупнейших производителей хлебопекарной продукции в Азовском немецком национальном районе. Превращение памятных мест в туристические достопримечательности позволяет удовлетворять потребность в конструировании как личной, таки коллективной идентичности, давая импульс местному развитию.

Творческая интерпретация локальной истории и культурного наследия позволяет формировать жизнеспособные этнокультурные и туристские бренды, что способствует формированию этнической идентичности. Именно обращение к локальному контексту и сопричастность местному сообществу, вызывает чувство ответственности за сохранение и приумножение самобытных культурных образцов, дает возможность выстроить личную траекторию формирования этнической идентичности.

### **Библиографический список**

1. Ильин В.И. История как социальный ресурс развития глубинки // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. XVIII, № 2 (78). С. 146–162.
2. Bayerisches Kulturzentrum der Deutschen aus Russland (BKDR) [Электронный ресурс]. Доступ через: URL: <https://bkdr.de/VRundgang/Alexandrowka/>
3. Вормсбехер А.К. В сибирской глубинке. История и будни немецкого села Александровка. М.: Изд-во «МСНК-пресс», 2013. 328 с.

4. Морозов А. Переселенческие поселки Омского уезда в 1897 г. Омск. Т. 17., 1900. 25 с.

5. Бетхер А.Р. Старейшему немецкому селу Омской области – 110 лет // Культура: Информационно-методический бюллетень. Омск, 2003. № 5. С. 16–20.

6. Александр Карлович Вормсбехер: жизнь и творчество [Электронный ресурс]. Доступ через: URL: <http://alexandr-vormsbeher.narod.ru/p7aa1.html>

*Шлегель Елена Александровна*

### **Языковая ситуация российских немцев в национальных районах Сибири\***

**Аннотация.** Этноязыковые процессы в среде российских немцев протекают неравномерно. В немецких национальных районах, где число немцев на сегодняшний день преобладает, наблюдается повышенный интерес к немецкому языку, как этническому символу народа. В статье анализируется языковая ситуация немцев, проживающих в национальных районах Сибири. Эмпирической базой для анализа послужили результаты социологического опроса, проведенного среди немцев в 2020 г. Международным союзом немецкой культуры.

**Ключевые слова:** российские немцы; немецкие национальные районы; этноязыковые процессы; билингвизм; немецкий язык.

### **The Language situation of Russian Germans in the national districts of Siberia**

**Abstract.** Ethno-lingual processes among Russian Germans are uneven. In German national districts, where a large number of Germans live, there is a great interest in the German language as an ethnic symbol of the people. The article analyses the linguistic situation of the Germans who live in the national districts of Siberia. The empirical basis for the analysis was

---

\* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта проведения научных исследований «Этническая идентичность на постсоветском пространстве (на примере немцев России, Украины и Казахстана)», проект № 20-09-00177.

the results of a sociological survey conducted among Germans in 2020 by the International Union of German Culture.

**Keywords:** Russian Germans; German national districts; ethno-lingual processes; bilingualism; German language.

Российские немцы являются устойчивой этнической группой в России. С середины XVIII в. в целях освоения пустующих земель, произошло массовое переселение немецких крестьян в области Поволжья, Украины, Закавказья. В Сибири немцы появились позже, сначала в результате столыпинских аграрных реформ начала XX в., когда обострился земельный вопрос среди крестьян, а затем в результате депортации во время Великой Отечественной войны. Так постепенно Сибирь стала основным регионом компактного проживания российских немцев.

Сегодня, по данным переписи населения 2010 г. в стране проживает более 394 тыс. чел., из них в Сибирском ФО числится более 198 тыс. человек или 50,3% от общего числа проживающих в стране немцев. Больше всего представителей этнической группы зафиксировано в двух регионах Сибири – в Алтайском крае (50,7 тыс. чел.) и Омской области (50,1 тыс. чел.). В каждом из них на сегодняшний день функционируют немецкие национальные районы [1].

Компактное проживание обеспечивает этническому сообществу возможность сохранять свою этническую специфику, которая базируется на общей исторической памяти, культурных традициях и языковых особенностях. Язык российских немцев находится в наиболее уязвимом положении, ввиду сильного влияния русского языка в повседневной жизни и популярности английского языка в образовательных учреждениях. Поддерживать знания немецкого языка становится все сложнее. При этом результаты различных исследований свидетельствуют о том, что немецкий язык играет не последнюю роль в среде этнического меньшинства, особенно в немецких национальных районах Сибири.

Мониторинги положения российских немцев проводятся регулярно Международным союзом немецкой культуры. Последний крупный этносоциологический опрос был проведен в 2020 г. В опросе приняло участие 1000 респондентов со всей страны, идентифицирующих себя немцами. Из них 387 человек или 38,7% проживало либо в Немецком национальном районе Алтайского края, либо в Азовском немецком национальном районе Омской области.

В анкете отдельный блок вопросов был посвящен этноязыковым процессам российских немцев. Так, по результатам опроса, свободно

владело немецким языком 25,7% респондентов, русским – 96,7%. Для 14% опрошенных немецкий язык являлся родным, для 42,4% респондентов таковым был русский язык, оба языка считало родным 43,5% респондентов [2, с. 156]. По сравнению с предыдущим опросом, который был проведен в 2009 г., ситуация кардинально не изменилась. Билингвизм является стабильной характеристикой этноязыковых процессов российских немцев. Отмечается высокая роль общественных организаций, которые в настоящий момент создают все больше условий для изучения и использования немецкого языка в повседневной жизни.

Наиболее ярко этноязыковые процессы протекают среди немцев, проживающих в немецких национальных районах. Для них язык имеет первостепенное значение среди всех остальных этнообразующих факторов. Об этом свидетельствуют полученные ответы на вопрос о том, что объединяет всех немцев, живущих в России. 71,8% респондентов назвали немецкий язык, затем общую культуру, и на третьем месте оказались обычаи, обряды и традиции. При этом общие результаты опроса по стране были следующими: на первом месте – общая культура, на втором – историческая судьба, прошлое и на третьем месте был немецкий язык.

Для 25,8% респондентов из национальных районов родным языком является немецкий, для 37,5% – русский, при этом показателен тот факт, что 36,4% опрошенных назвали в качестве родных оба языка. Для немцев страны в целом характерно неоднозначное понимание того, что есть родной язык. Для кого-то это язык первого говорения, для кого-то – язык повседневного общения, кто-то соотносит свой родной язык с языком предков. Однако немцы из компактных мест проживания находились в более благоприятных условиях, чаще всего у них язык первого говорения и повседневного общения совпадал. Отсюда отмечается и высокий уровень владения немецким языком в настоящее время. 79,1% респондентов из национальных районов владеют немецким языком либо свободно, либо хорошо понимают и могут изъясняться. Не владеют немецким совсем только 2,8% опрошенных.

Отличителен и тот факт, что респонденты средней возрастной категории, составившие 62,3% от общего числа опрошенных из национальных районов, владеют немецким языком также на высоком уровне. Хотя в целом тенденция такова, что среднее поколение владеет немецким языком хуже из-за установок родителей в свое время на создание комфортных условий проживания среди русскоговорящего населения, для чего необходимо было минимизировать использование немецкого языка или вовсе исключить его из речи.



Свою роль в складывании особого отношения к немецкому языку в национальных районах сыграл и опыт преподавания немецкого языка как родного. С 1957 г. в соответствии с приказом Министерства просвещения РСФСР в российских школах вводилось преподавание немецкого языка как родного. Регионы Западной Сибири активно включились в процесс организации преподавания по новым правилам. Уже через 2 года после издания приказа в Алтайском крае насчитывалось 60 школ, где немецкий преподавался как родной [3, с. 249]. Однако сложности организации учебного процесса, нехватка квалифицированных кадров и общая политическая обстановка в стране привели к тому, что немецкий язык повсеместно стали изучать как иностранный язык.

Тем не менее в регионах с наибольшей концентрацией немецкого населения сохранился запрос на углубленное изучение немецкого языка посредством дополнительных занятий и специальных курсов. Сегодня в национальных районах разработаны методики преподавания немецкого языка в дошкольных и школьных учреждениях. С раннего возраста дети на занятиях с этнокультурным компонентом в игровой форме знакомятся с особенностями языка, узнают о традициях и культуре российских немцев. Регулярно проходят курсы повышения квалификации, организованные Институтом этнокультурного образования – ВИЭ, для преподавателей немецкого языка. В Азовском немецком национальном районе интерес к немецкому языку поддерживается благодаря ежегодной областной олимпиаде по немецкому (родному) языку и истории российских немцев среди школьников.

Взрослое население, согласно опросу, сегодня немецкий язык использует в основном во время общения с родителями (75,7%), при поездках в Германию (49,1%), с друзьями и соседями (42,1%), с супругами (40%), с детьми (39,5%). Немецкий язык, таким образом, используется, прежде всего, в семейной сфере, а компактность проживания обеспечивает возможность использования немецкого языка и в повседневной жизни, например, в процессе общения с друзьями или соседями. В общих результатах опроса по всей стране этот вариант ответа не вошел в тройку популярных.

Помимо владения языком важным показателем является и частота использования немецкого языка. Так, 45% респондентов из национальных районов говорят по-немецки ежедневно, 25,6% – несколько раз в неделю, 13,2% – несколько раз в месяц, 9,8% – несколько раз в год, а 6,7% никогда не используют немецкий язык в своей речи.

В настоящее время число изучающих язык не велико, ввиду того, что большинство опрошенных (77%) знает язык с детства и регулярно его использует. 78,3% респондентов не изучает немецкий язык, остальные же 20,1% изучает немецкий язык, прежде всего, в центрах немецкой культуры (11,6%), в ВУЗе (4,4%), либо самостоятельно (2,8%).

Те, кто изучал в свое время немецкий язык в школе (47% респондентов), высоко оценили качество преподавания языка в своих учебных заведениях. 52,7% поставили максимальный балл, и только 1 человек отметил низкий уровень преподавания.

У жителей национальных районов ярко выражено их этническое самосознание, поэтому причинами изучения немецкого языка в настоящее время служит именно чувство принадлежности к этнической группе. «Это язык моих предков, изучение языка – это дань уважения моей семье» – так считает большинство опрошенных, изучающих сегодня немецкий язык или 7,8%, вторым по популярности ответом на вопрос о причинах изучения языка был ответ: «Я считаю себя немцем, поэтому должен знать немецкий язык, это естественно» (6,5%). Тех же, кто изучает немецкий язык для последующей миграции в Германию, было совсем незначительное количество (1,3%). При этом, общие результаты опроса по стране свидетельствуют о достаточно высоких миграционных настроениях, т.к. вариант ответа «Я планирую уехать в Германию» на вопрос о причинах изучения языка, занимал третье место по популярности.

Финальные вопросы были посвящены перспективам развития немецкого языка в среде этнической группы, и поиску оптимальных путей решения существующей проблемы снижения владения немецким языком. 81,1% опрошенных признают важность сохранения немецкого языка среди российских немцев, 92,5% хотели бы, чтобы их дети знали язык. Это свидетельствует о высокой заинтересованности в дальнейшем развитии немецкого языка среди немцев России. Далее респондентам предлагалось выбрать, что на их взгляд, в большей степени способствовало бы большей популярности немецкого языка, что подталкивало бы жителей страны немецкой национальности изучать язык их предков. Ответы распределились следующим образом: 58,4% респондентов считают, что только государственная поддержка немецкого языка через специально разработанные программы способствовала бы его популярности в стране, 55% утверждают, что необходимо повышать качество преподавания немецкого языка в учебных учреждениях, 35,1% респондентов отмечают необходимость проведения большего числа языковых курсов. Возможность изучать

немецкий язык должна быть в каждом населенном пункте, где проживают этнические немцы, т.к. язык остается одним из определяющих факторов при этнической идентификации. 32% опрошенных ссылаются на необходимость проведения более активной работы в центрах немецкой культуры. В настоящее время центры встреч российских немцев, функционирующие практически в каждом немецком населенном пункте, являются основной площадкой для изучения немецкого языка этнической группой. В общей сложности насчитывается около 450 центров, большинство из которых находятся в Алтайском крае и Омской области [4, с. 182].

Кроме того, 19,4% опрошенных считают, что необходимо проводить более плотную информационную работу с родителями. По их мнению, родители детей и подростков зачастую не владеют информацией о дополнительных возможностях изучения немецкого языка или деятельности общественных организаций, которая направлена на актуализацию этнического самосознания молодого поколения. 6,2% респондентов затруднились ответить на вопрос, и только 1,3% опрошенных сказали, что ничего не нужно предпринимать.

Таким образом, анализ результатов опроса показал, что для немцев, проживающих в двух национальных районах Алтайского края и Омской области, немецкий язык является основным фактором этнической самоидентификации. Компактный характер проживания позволяет использовать немецкий язык в повседневной жизни, а ввиду того, что для многих немецкий язык является первым языком говорения, диссонанса с определением родного языка здесь практически не возникает.

У младшего поколения здесь имеется больше возможностей для постепенного формирования этнического самосознания. Для этого проводятся как занятия по углубленному изучению немецкого языка, так и различные этнокультурные и молодежные проекты, главным условием которых остается обязательное использование немецкого языка.

### **Библиографический список**

1. Национальный состав и владение языками, гражданство // Всероссийская перепись населения 2010. URL:[https://www.gks.ru/free\\_doc/new\\_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-04.pdf](https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-04.pdf) (дата обращения: 13.05.2021)
2. Смирнова Т.Б., Шлегель Е.А. Билингвизм российских немцев (по данным социологических опросов) // Вестник антропологии, 2021. № 1 (53). С. 149–165.

3. Черказьянова И.В. Состояние немецкого национального образования в СССР и на постсоветском пространстве в 1950–90-е гг. // Немецкое население в постсталинском СССР, в странах СНГ и Балтии (1956–2000 гг.). М.: АОО «Международный союз немецкой культуры», 2003. С. 247–258.

4. Шлегель Е.А. Роль центров немецкой культуры в сохранении этнической идентичности российских немцев // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки», 2020. Т. 7. № 1 (25). С. 180–186.

*Эберц Александр Эдуардович*

### **Конфликт в римско-католической общине Мариенбурга**

**Аннотация.** Мариенбургское общество выделялось среди других переселенческих обществ активностью религиозной и культурной жизни. На всем протяжении истории этого поселка общество постоянно обращалась с прошениями в высшие инстанции. Мариенбуржцы добивались строительства церкви и постройки министерской школы: их заботили духовно-нравственное единение и грамотность подрастающего поколения. В своих исследованиях Т.Г. Недзелюк и В.Н. Шайдуров рассматривали историю поселка Мариенбург в социально-экономическом и религиозном направлениях. Я же хочу на основании архивных документов рассказать о конфликте, который продемонстрировал единение священника с обществом Мариенбурга.

**Ключевые слова:** немецкая община, конфликт, псаломщик, священник, государь.

### **Conflict in the Roman Catholic community of Marienburg**

**Abstract.** The Marienburg Society stood out for its independent outlook among the other settler societies. Throughout the history of the settlement, the society had continually petitioned higher authorities to build a church and a ministerial school: their concern was for spiritual and moral unity and the literacy of the rising generation; for loans and aid, and with complaints about the desire for a permanent German priest in their community. T.G. Nedzelyuk and V.N. Shaidurov have examined the history of the village of Marienburg in socio-economic and religious terms in their

scientific works, but I want to tell about an event-conflict that showed the unity of the priest with the Marienburg community on the basis of archival documents.

**Keywords:** german communities, conflict, psalmist, priest, Sire.

Цель данной статьи – рассказать об одной религиозно-политической склоке со взаимными доносами между псаломщиком и ксендзом, в переселенческом поселке Мариенбург Змеиногорского уезда, разбиравшейся на уровне Томского губернатора.

Во время работы были использованы копии исторических архивных источников, которые были мною получены в ходе переписки из г. Барнаула, г. Томска, г. Омска, г. Санкт-Петербурга, г. Новосибирска и г. Семей (Казахстан).

Серьезный конфликт жителей Мариенбурга, произошел в начале 1914 года незадолго до начала Первой мировой войны. Органисту-псаломщику Клементию Биккеру не понравился приехавший новый ксендз Чаплинский, устанавливающий свои порядки. А, возможно и то, что вновь прибывший ксендз был не из немцев, а поляков. Многие жители поселка Мариенбург желали видеть своим духовным пастырем непременно немца, священники других национальностей, командированные к ним ранее, их не устраивали. Начались придирки Биккера к ксендзу Чаплинскому. Органист стал писать доносы: ксендз-де неправильно управляет церковными делами, игнорирует к молитве за здоровье Государя. Вокруг себя строптивый органист объединил своих единомышленников, и они решили проявить свое недовольство в грубой форме. Ксендз не стал терпеть нападков и принял административное решение.

Первого января 1914 года органист Клеменс Биккер, как писал в своем рапорте к Могилевскому Митрополиту ксендз В. Чаплинский, «уволен мною. Вместо которого взят мною органистом Николай Шефер, как человек добрых нравов. Посему Биккер, набрав себе шайку пьяниц: Иосифа Штрейтенбергера, Ивана Шибельбайна, Г. Гоннекера, Ивана Иванова Ашемахера, Ройпельта, Михаила Эртле и других несколько, выжидающих рюмки, с 11-е на 12-е сего января, в пьянстве всю ночь проводя, бунтовал разными способами против меня и нового органиста». Далее ксендз указывает, что против него и других административных лиц был заговор со стороны органиста «перебить и синдика Клейна, и писаря Шенфельда, и нового органиста Шефера и даже ксендза». Как пишет далее В. Чаплинский: «На основании обязательного постановления Томского губернатора и вообще за бунты

и заговоры мог предать суду сказанную шайку, но моим мнением всегда остается трудом и терпением победить» [1, л. 56–57].

Отправив, свое извещение о попытке заговора органиста-псаломщика Клеменса Биккера против ксендза и синдигов молитвенного дома Мариенбурга в Могилевскую Епархию, и уведомляя Епархию об увольнении органиста за такие действия с его стороны, ксендз Чаплинский не ожидал, что против него будет возбуждено первым отделением Томского губернского управления дело о незаконных его действиях.

Именно Клеменс Биккер первый подал жалобу от 15 февраля 1914 года Томскому губернатору на ксендза Чаплинского, что тот не читает установленные молитвы о здравии и благоденствии его Императорского величества. В своем заявлении Биккер показал, что, когда бывший ксендз Мариенбургского прихода А. Билякевич по распоряжению Могилевского Архиепископа был переведен в город Ровно, то 9 октября 1913 года приехал в поселок Мариенбург другой ксендз Чаплинский. Так как Биккер являлся помощником местного прихода, то он подчинялся «ксендзу Чаплинскому во всех его действиях». Далее Биккер докладывает, что уже 21 октября сего года «в день Восшествия на престол Государя Императора Николая Александровича, наш ксендз Чаплинский оставил моление за Государя». Далее идет перечисление дней, именно в какие дни ксендз не читал молитвы о здравии Императора, например, 14 ноября в день рождение «Государыни Императрицы Марии Федоровны, наш ксендз Чаплинский второй раз оставил моление за Государственного дома, тут я Биккер ксендза спросил почему не молится за Государя ксендз на меня посмотрел засмеялся и пошел». Далее уже 6 декабря, Биккер уличил ксендза, что тот в день не молился за государя. В своем заявлении он с пафосом пишет, что «я Биккер как верно поданный и с чувством к своему Русскому Государству не мог претерпеть чтобы ксендзу не указать что он должен делать в Государственный день». На что ксендз Чаплинский, по мнению псаломщика Биккера ответил ему грубо, мол «не твое дело мне указывать закон, молись если тебе охота, а меня ты не можешь заставить».

Тогда Клемент Биккер рассказал некоторым жителям поселка о том, что ему сказал ксендз на его замечание. По мнению Биккера, ксендз рассердился на него за это и написал прошение в местное Сельское правление о том, чтобы его псаломщика Биккера рассчитали по 1 января 1914 года, а вместо его, чтобы поставили другого псаломщика. С обидой пишет Биккер, что его ксендз Чаплинский уволил со службы 11 января 1914 года, за то, что он Биккер, правдиво указывал ксендзу молиться за

«Государя в Царские дни». Поэтому он указывает, что от такой деятельности нового ксендза не будет пользы «нашему Мариенбургу и для общего благо нашего Русского Государства». В конце своего заявления, он верноподданно резюмирует: «Мы хотя и Немцы, но мы живем на Русской земле, пользуемся всеми правами русского населения, имеем одного Государя которому присягали, и как за нашего земного Покровителя мы должны молиться! Вследствие сего Я Биккер имею честь Всепокорнейше просить Ваше Высокопревосходительство не оставить мое заявление без последствия» [2].

Ксендз Чаплинский, узнав о том, что бывший органист Клемент Биккер, подал на него жалобу Томскому губернатору, в надежде найти справедливость в высших кругах, тоже написал на имя губернатора обстоятельное письмо от 24 февраля 1914 года. Он попытался придать конфликту политическое измерение. Ксендз Чаплинский, известил губернатора, что псаломщик Биккер является бунтарем, социал-революционером, намеревался со своей шайкой «меня или хорошенько побить, или даже убить, а также синдика Клейна и нового органиста Шефера побить или убить», поэтому он (Биккер) политически неблагонадежное лицо, который выступает против всякого порядка общества, в том числе выступает против служителя церкви, который обеспечивает этот порядок» [2, л. 1–2].

В связи с этим Томский Губернатор отписал два секретных письма Змеиногорскому уездному исправнику и начальнику Томской жандармерии. Дело получило гриф «секретно», и Змеиногорский Уездный исправник 24 марта 1914 года поручил Приставу дать надлежащие сведения «с приобщением данных о поведении, образе жизни, взглядах, направлений, судимости и степени умственного развития упомянутого в таковом Биккера» [2, л. 11].

В протоколе от 8 апреля 1914 года, Локтевский полицейский пристав, произвел негласное дознание по делу крестьянина поселка Мариенбургский Успенской волости Клементия Ивановича Биккера. Были опрошены свидетели. Одни показали, что Биккер распространяет слух между жителями поселка, что кто слушает ксендза, тот не верует в бога. Другие, что Биккер говорил побить нового органиста в церкви. Синдик Филипп Клейн показал, что Генрих Кесслер говорил ему, чтобы он не приходил 12 января в церковь, потому что там будут бить ксендза и других причетников. Адам Иванович Шенофельд показал, что Биккер еще в 1913 году был предназначен к водворению обществом за пропаганду против ксендза, но упросил общество не составлять приговора, дав обещание жить спокойно. «Вообще Биккер человек вредный». Далее он рассказал, что Биккер подстрекает народ поселка

друг против друга и против должностных лиц и «по слухам в Европейской России подозревался в каком-то крупном преступлении и по словам отца Биккера обвинялся в убийстве девицы, но его зять принял вину на себя и отцу много стоило выручить его, после он побил отца и прогнал». Иван Яковлевич Массон подтвердил, что к нему приходил Генрих Кесслер и рассказал, что Иван Ашемахер, Иосиф Штрайтенбергер и Биккер хотели 12 января «посбросать органиста с хора и побить ксендза» [2, л. 12–13].

На основании первичного расследования Начальник Жандармского Управления отписал письмо Томскому губернатору от 18 апреля 1914 года за № 3964: «имею честь сообщить Вашему Превосходительству, что Климентий Иванов Биккер ни в чем предосудительном в политическом отношении замечен не был. Произведенным расследованием установлено, что ксендз Чаплинский со дня его прибытия в Мариенбург до января текущего года почему-то не совершал молений за Государя Императора и Августейшую Семью; Климентий же Биккер обладает крайне неуживчивым характером и любит вмешиваться в чужие дела; как сообщение Капеллана Мариенбургского костела, так и заявление Климения Биккера, основаны на их взаимной вражде и никакого значения, в политическом отношении, не имеет».

30 апреля 1914 года Первое отделение Томского Губернского управления завело дело на ксендза Чаплинского о незаконных его действиях. Неудовлетворительное поведение в обществе Климения Биккера стало мелочью, по сравнению с тем, что ксендз не совершал молений за Государя Императора и Его Семью. «По многовековой церковной традиции на каждом богослужении должны произноситься моления о государственной власти. Это очень важный момент в деятельности церкви в ее взаимоотношениях с правительством и верующим народом, поскольку церковная служба ориентирована не только на Бога, но и на человека, пришедшего в храм [3, с. 342, 359]. В то время молитвы о царе в храме буквально не сходили с уст: ежедневно все богослужения начинались и заканчивались поминовениями помазанника Божьего, власть царя в течение суток славословилась множество раз. Священное Писание совершенно ясно говорит о необходимости молиться за царя. Святой апостол Павел в своем Послании к Тимофею пишет: *«прежде всего прошу совершать молитвы, прошения, моления, благодарения за всех человеков, за царей и за всех начальствующих, дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную, во всяком благочестии и чистоте, ибо это хорошо и угодно Спасителю нашему Богу, Который хочет, чтобы все люди*



*спаслись и достигли познания истины»* [4, 2: 1–4]. И это было написано в то время, когда царь, т.е. император Римский, был язычником и преследователем христиан! Насколько было важно молиться за царя православного – помазанника Божия. Государь являлся печальником российской земли. Он молился за свой народ, и народ молился за него. На приходское духовенство возлагалась обязанность совершать во время богослужения поминовения о здравии царской семьи, с поименным перечислением всех его членов, а в так называемые царские дни проводить и специальные по этому случаю богослужения. За неисполнение этих предписаний священнику грозило лишение сана.

Уже 2 мая 1914 года срочно было доставлено от первого отделения Губернского Управления письмо Змеиногорскому Уездному Исправнику, в котором предлагалось на основании заявления Клементия Ивановича Биккера в том, что местный ксендз Чаплинский не читает установленные молитвы о здравии и благоденствии императора, произвести дознание и протоколы предоставить не позднее 20 мая текущего года и кроме того исполнить предписание от 12 марта за № 931.

В поселке Мариенбург, между тем, нарастали страсти. Общество разделилось на две части: одни считали, что Биккер незаслуженно пострадал за свою правду, за прямоту высказываний. Другая сторона, более многочисленная, была предана своему пастырю и считала, что с Биккером и его сторонниками, ксендз поступил по –христиански, не подал жалобу в суд, за их участие в раздоре церковного порядка. Чем это противостояние кончится, никто не знал.

Вся переписка, протоколы допросов были отправлены уездному исправнику. Уездный исправник своим рапортом от 22 мая 1914 года под № 214, с грифом «секретно», доложил Томскому губернатору об исполнении дела. Он обвинил Клементия Биккера, в том, что его действия направлены против государственного строя и общественного порядка, что он человек крайне левого направления, является человеком вредным для окружающих и дальнейшая его деятельность пагубно отразится на населении не только Мариенбурга, но и в пределах уезда.

Томский губернатор был не доволен проведенным расследованием. Он написал следующую резолюцию: «В докладе не выявлено главного, читал ли ксендз молитву за Государя. Свидетельские показания, приложенные напоминают обыкновенные донесения под влиянием ксендза и для меня малоубедительны» [2, л. 9]. Таким образом, дело приняло другой оборот, действия ксендза Чаплинского подпадали под серьезную статью «Уложения о наказаниях уголовных». Губернатору было понятно, что неуживчивый, ищущий

правду Биккер, не так опасен обществу, как опасен был бы сам ксендз-поляк, который, если он действительно игнорирует молитву за здоровье Государя, своими действиями проявляет неуважение не только к Государю, но и к государственному строю.

Надо сказать, священники-поляки не всегда приветствовались светской властью на местах. Памятуя об антиправительственных выступлениях в Царстве Польском, где священнослужители нередко выступали в роли организаторов, руководители западносибирских губерний ходатайствовали перед католическим митрополитом, чтобы духовные лица «не были польского происхождения и отвечали бы в полне условиям политической благонадежности» [5, с. 56].

Священник отвечал за исполнение своих обязанностей не только перед прихожанами, но и перед вышестоящими инстанциями. Увольнение от должности и привлечение к уголовной ответственности следовало за антиправительственные проповеди. Поэтому томский губернатор поручил досконально разобраться в действиях ксендза-поляка, удостовериться, действительно ли он не молится за Государя Императора и Его Августейший Дом. Если бы выяснилось, что ксендз не молился за Государя, то помимо уголовного наказания, ксендз мог потерять сан. Но самое главное, был бы сделан политический укол в сторону Митрополита Могилевского, в том, что он заверил когда-то Тобольского и Томского губернаторов: «Считаю долгом пояснить, что замещение означенных должностей священниками не польского происхождения неосуществимо, так как во вверенной мне Архиепархии нет вовсе ксендзов коренного русского происхождения, а есть только уроженцы западных губерний, которые есть уже от несколько поколений верноподанные Российского государства, знают, в особенности состоящие в Сибири, основательно русский язык и чужды всяких политических противогосударственных стремлений» [6, л. 126].

Начало Великой войны, так она называлась первоначально, помешало продолжить следствие по делу ксендза. Документы дознания были отправлены в Губернское управление. Что произошло дальше, нам неизвестно. Заключительных документов в деле нет. По всей вероятности, это дело прекратили.

Большинство свидетелей общества Мариенбурга в своих показаниях указали, что ксендз Чаплинский читал молитвы за Царя, в отношении же бывшего псаломщика Биккера, сельчане обвиняли его, как человека строптивного с неуживчивым характером.

Ксендз Чаплинский так и продолжал нести службу в костеле поселка Мариенбург, а Клементий Биккер с семьей, возможно, покинул поселок, так как в сельскохозяйственной переписи 1917 года по поселку

Мариенбург нет переписной карточки на семью Биккер. В подворной переписи 1929 года по Мариенбург-Переменовка в хозяйстве № 103 проживала жена Клементия Биккера, Мария Андреевна с тремя детьми, а в хозяйстве № 298 – его старший сын Альбин Биккер с семьей [7, л. 40, 84].

Этот конфликт стал серьезным испытанием для религиозной общины Мариенбурга. Вражда между ксендзом и псаломщиком вылилась в междоусобицу среди мариенбуржцев и впоследствии могло повлечь за собой разрушение общинной жизни поселка, но вмешалась война.

При цитировании сохранены орфография и пунктуация подлинника.

### **Библиографический список**

1. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 826. Оп. 1. Д. 1825.
2. Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 67. Д. 255.
3. Успенский Б.А. Этюды о русской истории. СПб., 2002.
4. Библия. 1Тим.
5. Недзелюк Т.Г. Римско-католическая церковь в полиэтничном пространстве Западной Сибири 1881–1918 гг. Новосибирск, 2009.
6. РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 680.
7. Коммунальное Государственное учреждение «Центр документации новейшей истории» управления культуры, архивов и документации Восточно-Казахстанской области. Ф. Р-153. Оп. 1. Д. 439.

*Гасанов Эльнур Лятиф оглу*

### **Толерантные ценности как показатель межкультурного диалога и развития**

**Аннотация.** На основе исследования разных источников, литератур в данной научной статье раскрываются важные параметры идей мультикультурализма и культуры толерантности в современном периоде. Также характеризуются некоторые основные стороны мультикультурализма как государственной политики в Республике Азербайджан. Подчеркивается фактор бинарности мультикультуральных ценностей и толерантности в контексте национальной культуры. Важно отметить, что Азербайджанская модель мультикультурализма основана на принципах гуманизма.

Мультикультурализм играет большую роль при урегулировании конфликтов между народами и цивилизациями, именно когда на международной арене господствуют безразличие и национальная нетерпимость.

**Ключевые слова:** мультикультурализм, общество, межкультурный диалог, политика, толерантность.

### **Tolerance values as the factor of intercultural dialogue and development**

**Abstract.** Based on study of various sources and literature in this scientific work, have been investigated important parameters of the ideas of multiculturalism and the culture of tolerance in modern stage. Some basic aspects of multiculturalism as a state policy in the Azerbaijan Republic are also characterized. The factor of binary multicultural values and tolerance in the context of national culture is emphasized. It is important to note that the Azerbaijani model of multiculturalism is based on the principles of humanism. Multiculturalism plays an important role in resolving conflicts between peoples and civilizations, precisely when indifference and national intolerance prevail in the international arena.

**Keywords:** multiculturalism, society, intercultural dialogue, politics, tolerance.

Современное функционирование толерантности и мультикультуральных категорий направлено в сторону социально адаптированных мультикультуральных ориентиров. В основании концепции мультикультурализма в азербайджанской науке лежит важная методологическая парадигма, согласно которой бинарность понятия мультикультурализма является первичной. Так, идеи мультикультурализма в Азербайджане апеллируют к этногенетической способности народа интегрировать культурные этнокоды, с одной стороны, и сохранять свою национальную идентичность, с другой стороны. Подчеркнем при этом, что внутренняя согласованность мультикультуральной модели имеет значительные потенциальные возможности.

Азербайджан исторически находится на стыке двух цивилизаций. Соединяя Восток с Западом, Азербайджан играл роль моста в развитии экономических, стратегических и культурных связей между странами двух противоположных цивилизаций. С древних времен в Азербайджане проживали представители разных национальностей, превращая Азербайджан в многокультурную страну.

Уникальная толерантность и межнациональный диалог являются основными аспектами развивающейся модели азербайджанского мультикультурализма [1, с. 118–119].

В современном мире, который характеризуется сложными процессами, независимый Азербайджан выделяется как стабильное и безопасное государство. Огромную роль в современном Азербайджане играет мультикультурализм, ибо обеспечивает устойчивое экономическое, политическое, социальное, культурное развитие страны. Мультикультуральная модель современного общества формируется в русле основных векторов государственной политики [2, с. 120].

На современном этапе Азербайджан является одним из основных центров мультикультурализма. Сегодня мультикультурализм – государственная политика в Азербайджане. Мультикультурализм представлен как значимое звено, имеющий большое познавательное и практическое значение, как важное направление проводимой в Азербайджане политики. В нашей республике отводится место важным мыслям о большом опыте Азербайджанского государства в области мультикультурализма, что представляет значение для других стран, в частности западных государств, столкнувшихся сегодня с серьезными проблемами в осуществлении политики мультикультурализма [3, с. 498].

Современное общество Азербайджана – это общество открытого диалога с представителями иных наций и религий, ибо мультикультурализм в Азербайджане является и государственной политикой, и образом жизни. Таким образом, рождается тесная связь между обществом и приоритетами социально-политического развития. В свете сказанного подчеркнем, что мультикультурализм в Азербайджане имеет глубокие исторические корни и тесно связан с менталитетом. Мультикультуральный опыт азербайджанского народа включает в себя как генетический, так и современный код коммуникативных процессов [4, с. 50–51].

В государственном строительстве современного Азербайджана роль мультикультуральных моделей значительна, поскольку мультикультурализм в азербайджанской национальной культуре формировался как приверженность социальному этикету, взаимоуважению и терпимости в отношении субкультур, проживающих на территории Азербайджана. Именно поэтому в Азербайджане XXI века мультикультурализм объявлен как необходимость социально-культурного диалога с целью успешной реализации прогресса.

Терминологически понятие мультикультурализма появилось на рубеже XX–XXI веков. Вместе с тем, важно отметить, что суть термина как сосуществование многонациональных сообществ была известна в истории Азербайджана на протяжении многих веков. Это означает, что в нашей стране всегда шли процессы ассимиляции при сохранении аутентичной культуры, национальной культуры. Иными словами говоря, самобытность, самоидентификация азербайджанского народа формировалась в контексте взаимосвязей культур, адекватного восприятия иных культур. Так, исследование проявлений мультикультурализма, его различных исторических векторов, позволяет показать картину цельности и единства азербайджанской культуры [5, с. 228–232; 6, с. 171–174].

Методологические параметры мультикультурализма как научного направления позволяют утверждать, что в мультикультуральном диалоге, национальная доминанта превалирует [7, с. 13].

Более того, мультикультурализм как понятие интегративное позволяет говорить о традиционном азербайджанском мультикультурализме, в контексте которого национальные приоритеты коррелируют с взаимосогласованностью граждан демократического общества. Приоритетным в понимании мультикультурализма в азербайджанской культуре является то, что мультикультурализм является слагаемым национальной идеи. Система мультикультуральных констант выстраивается таким образом, что органично объединяет как специфику национальных ценностей, так и ценности всех этнических групп, проживающих на территории Азербайджана.

В своих выступлениях, многочисленных встречах на высоком политическом уровне, церемониях по случаю значительных событий и праздников, встречах с представителями общественности, жителями Азербайджана Президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев позиционирует мультикультурализм как образ жизни азербайджанского общества [8, с. 82–83].

Коррекция мультикультурализма в современном Азербайджане четко сформулирована Президентом Ильхам Алиевым.

Азербайджанская модель мультикультурализма отличается тем, что синтезирует в себе:

1. Приоритеты государственной политики;
2. Духовные, традиционные ценности азербайджанского народа;
3. Общечеловеческие векторы.

Азербайджанская модель мультикультурализма основана на принципах гуманизма. Мультикультурализм играет большую роль при урегулировании конфликтов между народами и цивилизациями, именно когда на международной арене господствуют безразличие и национальная нетерпимость. Мультикультуральная политика, проводимая азербайджанским правительством по отношению к национальным меньшинствам и религиозным группировкам, изучается со стороны государств мира широко и с большим интересом. На фоне тенденции роста конфликтных ситуаций, спорных диалогов между цивилизациями Азербайджан тем не менее не перестает оставаться мультикультуральной страной [9, с. 11–12].

Мультикультурализм является стратегической основой политики государства. Именно поэтому каждый член общества является полноправным гражданином Азербайджана. В этом заключается политика общенациональной солидарности.

В деятельности продолжателя мудрого политического курса Гейдара Алиева Президента Азербайджанской Республики Ильхама Алиева мультикультурализм является основной парадигмой социального и культурного развития. В государственных документах подчеркиваются приоритеты углубления синтеза национального и общечеловеческого [3, с. 497].

Подчеркивая роль мультикультурализма в Азербайджане, Президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев отмечает следующее: «Азербайджанский народ привержен своим религиозным и национальным традициям, национально-духовным ценностям. Мы веками хранили в сердце эти нравственные ценности, и сегодня, принимая все общечеловеческие ценности, считаем главным фактором для себя наши национально-духовные ценности. В то же время в Азербайджане представители всех религий, всех наций живут единой семьей. Межрелигиозные отношения и их высокий уровень укрепляют нашу государственность, независимость, придавая дополнительный импульс интеграционным процессам Азербайджана в мир» [8, с. 69–71].

Развитие идей по мультикультурализму получило продолжение в контексте процесса, начатого в Баку 2008-м году и названного «Бакинским процессом». На церемонии официального открытия Всемирного форума по межкультурному диалогу седьмого апреля 2011 года Президент Ильхам Алиев сказал следующее:

«Мы хотим, чтобы все народы, представители всех религий тесно общались друг с другом, открыто обсуждали все проблемы, выражали свои мысли. Азербайджан стал уже традиционным пространством для проведения подобных представительных мероприятий. Конечно, это

имеет и географические, и исторические, и культурные основы, так как на протяжении веков в Азербайджане все народы, представители всех религий жили как одна семья» [8, с. 50–52].

Программное выступление Президента Азербайджанской Республики Ильхама Алиева прозвучало четвёртого октября 2012 года на церемонии открытия «Второго Бакинского Международного гуманитарного форума».

Тридцатого мая 2013 года Президент Ильхам Алиев принял участие в открытии в Баку Второго Всемирного Форума по межкультурному диалогу, на котором подтвердил приверженность Азербайджанской Республики идее мультикультурализма.

Распоряжениями Президента Азербайджана Ильхама Алиева от 15 мая 2014 года был создан Бакинский международный центр мультикультурализма, от 11 января 2016 года 2016-й год в Азербайджане был объявлен «Годом мультикультурализма» [10].

Обобщим некоторые системные слагаемые толерантных традиций и мультикультурализма:

1. Государственная политика как основание мультикультуральных процессов в Азербайджане;

2. Мультикультурализм как синтез национального и общечеловеческого;

3. Культура толерантности – продукт демократического общества;

4. Мультикультурально значимая открытость мировому сообществу;

5. Мультикультурализм определяет готовность вести диалог в рамках государственной политики;

6. Мультикультурализм определяет новые процессы интеграции Азербайджана в современный мир;

7. Паритетность гражданских прав;

8. Обеспечение безопасности демократического государства.

### **Библиографический список**

1. Nəsnov E.L. Gəncə İmamzadə türbəsi ənənəvi multikulturalizm abidəsi kimi / Qafqazda mədəni-dini irsin qorunması mövzusunda beynəlxalq konfransın materialları. Bakı, 2015. – S. 117–120.

2. Гасанов Э.Л. Об изучении историко-религиозных памятников Гянджи как хранителей толерантных ценностей и мультикультурализма / Gənc tədqiqatçıların III Respublika elmi-praktik konfransının materialları. Bakı, Azərbaycan universiteti. 2020. – S. 119–121.



3. Джаббарова Ш. Политика мультикультурализма как основа устойчивого развития Азербайджана / Материалы Международ. науч. конф. «Мультикультурализм является государственной политикой и образом жизни в Азербайджане». Баку, 2016. – С. 497–498.
4. Мамедов Ф.Т. Культура управления. Баку: «Апостроф», 2009. – 715 с.
5. Nəсənov E.L. Birgəyаşayış mədəniyyəti ənənələrinin tədqiqində Gəncə Səbzikar abidəsinin əhəmiyyəti // Din araşdırmaları jurnalı. № 1(4), Bakı: Nurlar, 2020. – S. 225–241.
6. Многогранность человеческого капитала: культурные и социальные основания / Общ. ред. и сост. О.Н. Астафьевой, О.В. Шлыковой. М.: «Согласие». 2019. – 293 с.
7. Mooney C.A. Culture clash: an international legal perspective on ethnic discrimination. Ashgate Publishing, Ltd., 2011. – P. 13.
8. Президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев об азербайджанской модели мультикультурализма. Баку, Бакинский Международный Центр Мультикультурализма. 2017. – 524 с.
9. Hasanov S.L., Hasanov E.L. Applied features of comparative technical, sociological investigation of historical and contemporary heritage of Azerbaijan // International Scientific Journal Theoretical & Applied Science. 2018. Issue 1, vol. 57, part 1. – P. 9–16.
10. Указ Президента Азербайджанской Республики И.Алиева от 12.01.16 г. «Об объявлении 2016 года Годом мультикультурализма в Азербайджане // [https://www. prezident azsitles/ furure /ru/ pdf 11.012016](https://www.prezident.azsitles/furure/ru/pdf/11.012016) (дата обращения: 28.05.2017).

## РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ

*Черказьянова Ирина Васильевна*

### Роль Александра Клауса в подготовке колонистской реформы 1871 г.

**Аннотация.** Логическим продолжением крестьянской реформы 1861 г. стал закон от 4 июня 1871 г. «Правила устройства поселян-собственников», коренным образом изменивший положение иностранных колонистов. Это был крупнейший правовой акт в жизни колонистов с момента их водворения в России при Екатерине II. Важнейшую роль в проведении колонистской реформы сыграли чиновники Министерства государственных имуществ, среди которых выделяется А.А. Клаус, потомок саратовских колонистов.

**Ключевые слова:** Министерство государственных имуществ, колонистская реформа, поселяне-собственники, Александр Августович Клаус.

### The role of Alexander Claus in the preparation of the 1871 colonist reform

**Abstract.** The logical continuation of the peasant reform of 1861 was the law of June 4, 1871 "Rules for the organization of settler-owners", which radically changed the situation of foreign colonists. This was the largest legal act in the life of the colonists since their establishment in Russia under Catherine II. A special role in the implementation of the colonist reform was played by one of the officials of the Ministry of State Property, a descendant of the Saratov colonists, A. A. Claus.

**Keywords:** Ministry of State Property, colonist reform, settler owners, Alexander Augustovich Klaus.

Необходимость освобождения крестьян от крепостной зависимости осознавалась уже в ближайшем окружении Александра I, но подготовка крестьянской реформы началась позже. В 1835 г. был учрежден секретный Комитет «для изыскания средств к улучшению состояния крестьян различных званий». Для детальной разработки реформы государственных крестьян 29 апреля 1836 г. было создано V отделение Собственной ЕИВ канцелярии, а 27 декабря 1837 г. учреждено Министерство государственных имуществ (МГИ). Новое министерство приступило к работе 1 января 1838 г. Самую активную

роль сыграл первый министр государственных имуществ П.Д. Киселев (1837–1856), в течение 20 лет он был «начальником штаба по крестьянской части» при Николае I [1, с. 384].

Категория свободных сельских обывателей на протяжении XVIII – первой половины XIX в. постоянно пополнялась все новыми разрядами крестьян. К моменту создания МГИ насчитывалось более 30 наименований свободных крестьян [2, с. 10], которые перешли под попечительство МГИ. В ведении министерства также состояли еврейские поселения, колонии иностранных переселенцев. Сохранявшиеся различия в управлении крестьянами, в правах и обязанностях, выполнении ими отличных друг от друга служб и повинностей, платежей – все это тормозило развитие сельского хозяйства, преобладающей отрасли экономики страны. Поэтому вскоре за отменой крепостного права последовала реформа государственных крестьян – 18 января 1866 г. появился императорский указ об их передаче в общее губернское управление. На очереди стояли иностранные колонисты, еврей-земледельцы и «иностранцы».

Делопроизводство колонистов было сосредоточено в Первом департаменте МГИ, в «Колониальном управлении» (4-е отделение, 1-й стол). На местах действовали подведомственные МГИ учреждения: для саратовских и самарских колоний – Саратовская контора опекунства иностранных; для «северных» (петербургских) колоний – особый смотритель колоний, подчинявшийся непосредственно МГИ; для Херсонской, Екатеринославской, Таврической губерний и Бессарабской области – Попечительный комитет об иностранных поселенцах Южного края России, для Закавказья – Экспедиция государственных имуществ при Главном управлении Закавказской области. Колонисты прибалтийских губерний, а также Могилевской, Минской, Виленской, Гродненской, Волынской, Киевской, Подольской и Белостокской губерний подчинялись Второму департаменту МГИ.

Условия колонизации и внутреннее устройство жизни колоний регламентировалось манифестом Екатерины II о приглашении иностранных переселенцев от 22 июля 1763 г. [3], законом о колонизации от 19 марта 1764 г. [4], а также правилами о внутреннем распорядке и управлении колониями: поволжскими (16 сентября 1800 г.), новороссийскими (16 мая 1801 г.) и санкт-петербургскими (16 июня 1803 г.). В 1857 г. существовавшие законы о колонистах были сведены в Устав о колониях иностранцев [5].

Колонисты представляли собой привилегированное сословие, значительно отличавшееся от других крестьян верой, языком, уровнем образования, хозяйственным бытом. У них было самоуправление,

собственные административные округа, в хозяйственном отношении подчинялись МГИ, а школьные вопросы решала сельская община и церковь. Это был совершенно особый тип крестьянствования в стране. Поэтому в период подготовки реформы жизнь колонистов пристально изучалась, а попытка передать Саратовскую контору в ведение губернатора наравне с палатами государственных имуществ, предпринятая в 1841 г. [6], вскоре была признана преждевременной. Опыт колонистов отражен в материалах различных проверок и визитаций высших чиновников. Ревизия поволжских (1860) и южных (1865) колоний дала еще более обширный материал для подготовки реформы иностранных поселений.

В проведении колонистской реформы самую активную роль сыграли чиновники МГИ и местных управлений колонистами. Случайно или нет, но в составе этих подразделений в пореформенный период преобладали служащие с немецкими фамилиями. Особое внимание обращает на себя Александр Августович Клауса (1829? 1831? –1887), выходец из поволжских колоний. Наиболее полные и достоверные биографические сведения о нем изложены в последних публикациях О.В. Айсфельд [7] и И.В. Черказьяновой [8].

Службу Клаус начал 14 марта 1848 г., вскоре после окончания Саратовской гимназии, в должности журналиста в Саратовской конторе иностранных поселенцев. В конце карьеры он был удостоен чина действительного статского советника (8.04.1873), что давало ему право на получение потомственного дворянства. Последним местом его министерской службы был пост вице-директора (1.12.1872) Департамента шоссейных и водных путей сообщения Министерства путей сообщения (МПС) [9, л. 11–24].

А.А. Клаус был теснейшим образом связан с жизнью немецко-колонистов и по мере продвижения по службе играл все более возрастающую роль в их устройстве. 15 июля 1848 г. он был назначен столоначальником Саратовской конторы, с 30 марта 1853 г. по собственному желанию перемещен в смотрители колоний. Участвовал в ревизии поволжских колоний в 1860 г. Пробст К. Гельц писал в 1870 г.: «Эта ревизия еще сильна в нашей памяти. Пребывание ее в наших колониях было очень кратковременно, но зато она долго жила в Саратове. Г-н Клаус, бывший тогда еще смотрителем колоний, был усердным и ловким ее сотрудником и, вероятно, обязан ей своим повышением в МГИ» [10, л. 24 об.].

6 февраля 1861 г. Клаус был переведен в Петербург на должность столоначальника Первого департамента. С 27 сентября 1862 г. стал старшим столоначальником Отделения колоний. В качестве эксперта

Клаус впервые выступил в 1865 г., когда был назначен в состав комиссии по рассмотрению итогов ревизии южных колоний, проведенной членом МГИ В.А. Иславиным. В центре внимания стояли вопросы об улучшении делопроизводства местного управления и устройства безземельного населения колоний, их школ.

Прослеживается активная роль Клауса в работе комиссий по подготовке законов о реформировании колоний. 31 января 1866 г. Клаус был назначен делопроизводителем в Комиссию по применению в колониях иностранных поселенцев закона от 18 января 1866 г. об общественном управлении государственных крестьян, а позже назначен в состав Комиссии по применению к колонистам указа от 24 ноября 1866 г., касающегося поземельного устройства государственных крестьян [9, л. 14 об., 15 об.]. В итоге работы комиссии по указу от 17 декабря 1866 г. из палат государственных имуществ в губернерские учреждения передавались колонисты Воронежской, Новгородской, Самарской, Петербургской и Черниговской губерний [11].

Комиссия по преобразованию общественного управления и поземельного устройства иностранных колонистов состояла из представителей трех министерств – государственных имуществ, внутренних дел и юстиции [12]. В программу ее занятий вошла подготовка проектов: а) местных положений об общественном управлении и поземельном устройстве колоний; б) правил о введении этих положений в действие в колониях, получивших земли по наделу от казны, с упразднением их особых попечительных учреждений; в) дополнительных правил о колонии Евангелического братского общества в Сарепте; г) таких же правил о колонистах, которые не были приписаны к колонистским обществам на землях казенного надела, а проживали на собственных и арендуемых ими землях; д) местного положения о еврейх-земледельцах Херсонской и Екатеринославской губернии. В обсуждении всех вопросов принимал участие Клаус в качестве делопроизводителя.

Подготовка первого проекта закончилась к июлю 1867 г. По второму вопросу проект был готов к маю 1868 г. К февралю 1869 г. закончилась работа над «Правилами о преобразовании общественного управления и передаче в ведение общих учреждений колоний иностранных поселенцев».

Итогом работы комиссий стал основной закон колонистской реформы «Правила устройства поселенцев-собственников» от 4 июня 1871 г. [13] Закон регулировал общественное устройство и управление, определял поземельное устройство бывших колонистов, водворенных на казенных землях в губерниях: Петербургской, Новгородской,

Самарской, Саратовской, Воронежской, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской, Херсонской, Таврической и Бессарабской области. Во многих отношениях колонисты приравнивались к другим категориям крестьян, которых уже коснулась реформа. Колонистские округа преобразовывались в волости, определялись правила для волостных и сельских сходов, до принятия закона о всеобщей воинской повинности колонисты освобождались от воинского постоя и рекрутской повинности. По вопросам земельного устройства к ним применялись многие статьи законов, которые были применены к крепостным и государственным крестьянам. Право собственности на землю закреплялось выдачей владенной записи.

Одновременно важные изменения произошли и в структуре МГИ. Именным указом от 22 декабря 1866 г. сокращался штат министерства [14]. Упразднялся Первый департамент, за исключением Отделения колоний (оно сохранялось вплоть до установления нового порядка управления колониями). Отделение перешло в состав Департамента общих дел, возникшего вместо Канцелярии министра. Второй департамент был реорганизован во Временный отдел по поземельному устройству государственных крестьян. Отдел оставался главным в структуре МГИ в течение последующих 15 лет, т. е. отвечал за подготовку и выдачу владенных записей всем крестьянам, включая колонистов.

С 1 января 1867 г. Клаус был назначен старшим столоначальником Отделения колоний, а 29 июня 1869 г. – начальником Отделения колоний. В январе 1868 г. помимо основных обязанностей и работы в комиссиях он был включен в состав комиссии по составлению программы годичных административных отчетов МГИ и составлению всеподданнейших отчетов министерства. Карьера Клауса успешно продвигалась. С середины июля по 15 сентября 1870 г. он находился с ревизией еврейских колоний в Херсонской и Екатеринославской губерниях. 17 ноября 1870 г. за представленный отчет Клаус заслужил похвалу. На подлиннике отчета министр написал: «Благодарю Клауса за отличное выполнение возложенного на него поручения. Передать в комиссию об устройстве еврейских колоний» [15, л. 129]. 11 января 1871 г. за отличие по службе Клаус был награжден чином статского советника.

Участие в работе комиссий, подготовка различных справочных материалов и оформление документов комиссий открыло для Клауса большие возможности по изучению не только текущей документации, но и архивных материалов департамента. Материалы были использованы Клаусом при подготовке книги «Наши колонии» [16]

(вышла в мае 1869 г.), а перед этим в статьях об истории колонистов, изданных на страницах журнала «Вестник Европы» в 1868–1870 гг. Значение книги сразу оценили в министерстве. Так, в отчете комиссии по подготовке колонистской реформы использованы архивные документы, Полное собрание законов Российской империи, Устав о колонистах, а также сведения из книги Клауса.

Первый этап колонистской реформы успешно завершился к 1872 г. Официальный срок передачи колоний в общегубернское управление истекал 5 января 1872 г. В Поволжье и Новороссии эта работа закончилась досрочно: соответственно 20 октября и 30 ноября 1871 г. Комиссия по передаче северных колоний закончила работу 14 января 1872 г. [17, л. 4 об., 40] За «успешное проведение в действие правил 4 июня 1871 г.» 6 марта 1872 г. чиновники МГИ были награждены, руководителям подразделений была пожалована земля [17, ч. 2, л. 187–197]. Александру Клаусу был подарен участок 1000 десятин. Это были земли, которыми колониальное ведомство не успело воспользоваться, и они были возвращены в казну. Дачи находились в Александровском уезде (с 1874 г. – Мариупольского уезда) Екатеринославской губернии [17, л. 314, 375].

Однако несмотря на заслуги по службе и тот факт, что Отделение колоний просуществовало до 1877 г., 1 февраля 1871 г. Клаус был переведен в МПС. Я.Е. Дитц объясняет это тем, что Клаус своей книгой вызвал бурю негодования в среде пасторов, и жалобы на него сыпались в Петербург. В результате Клаус был уволен из МГИ [18, с. 329]. С этой точкой зрения можно согласиться. Подтверждение тому находим в архивных материалах Генеральной евангелическо-лютеранской консистории. Вслед за административным устройством колоний готовилась школьная реформа, а вопрос школ уже напрямую касался церкви. Поэтому увольнение Клауса стало необходимым, чтобы успокоить духовенство, т. к. от позиции последнего зависел дальнейший ход реформирования колонистских школ. Вместе с тем опыт Клауса нужен был МГИ, и по согласованию между двумя министерствами он продолжал работать в комиссиях для устройства быта колонистов, евреев-земледельцев и калмыков [9, л. 18 об., 19 об.], уже находясь на службе в МПС.

В связи с уменьшением объема работы с января 1872 г. началось сокращение штатов Попечительного комитета и Саратовской конторы. На их плечах еще оставались обязанности по главному церковному попечительству, участие в делах по замещению вакантных приходов евангелическо-лютеранского исповедания, заведование училищами в колониях и переселенческим капиталом колонистов, передача по

принадлежности дел комитета и конторы. По истечении пяти лет 17 января 1877 г. Отделение колоний упразднилось, закрывались Попечительный комитет и Саратовская контора. Все неоконченные дела Отделения колоний были переданы во второе отделение Временного отдела по поземельному устройству МГИ [19, л. 4–7].

Важнейшей составляющей реформы колоний был школьный вопрос. Подготовка этого вопроса шла одновременно с проведением общественного и поземельного переустройства колоний, а состав комиссий по одним и другим вопросам во многом совпадал, что свидетельствует о комплексном подходе правительства к преобразованиям колонистского уклада жизни. Решение вопроса о школах растянулось более чем на два десятилетия.

В ноябре 1869 г. приступила к работе комиссия, состоящая из представителей МГИ, Министерства народного просвещения (МНП) и МВД, которая должна была обсудить общие вопросы об училищной части колоний (о приходских школах и центральных училищах), о порядке заведывания имущественными делами протестантских церквей в колониях и другие. В состав комиссии в качестве секретаря включили начальника Отделения колоний А.А. Клауса. Исходными материалами для работы комиссии послужили данные МГИ и МВД о положении училищной части в колониях, глава «Духовенство и школы» из книги А. Клауса, сведения МНП о разных типах училищ [20, л. 16, 17–17 об.].

В центре внимания стоял вопрос о возможности дальнейшего оставления начальных школ в исключительном заведовании духовенства. Если не оставлять, то каким образом преобразовать эти школы в народные училища? Эти вопросы тянули за собой другие: о соответствии учебных программ, о хозяйственном заведовании школами, о порядке назначения учителей, о степени участия духовенства в училищной и хозяйственной частях, о соотношении начальных школ с центральными училищами. По центральным училищам главным был вопрос об их соответствии их главному назначению – готовить учителей для сельских школ. Признать ли их просто высшими начальными школами или преобразовать по типу учительских семинарий?

По вопросу о приходских школах комиссия уже в первом заседании 15 января 1870 г. пришла к выводу о необходимости их подчинения МНП и преобразовании в народные школы. В августе 1870 г. комиссия выработала проект положения об училищах колонистов, после чего началось длительное его согласование с МВД и Генеральной консисторией. Со своей стороны, Генеральная консистория также



разработала проект о семинариях и 23 сентября 1870 г. направила его в МВД.

Церковный проект содержал противоположные государственной точке зрения взгляды о сущности немецких школ, о роли кистеров и статусе русского языка, иначе объяснялись причины недостатков в обучении. Генеральная консистория была в принципе против отделения колониетских школ от церкви. Взаимоисключающие позиции сторон затягивали школьную реформу. Разработанный при участии Клауса проект Положения об училищах в селениях иностранных колониетов вызвал острую критику Генеральной, Московской и Петербургской консисторий. Как уже указывалось, это, вероятнее всего, и послужило поводом для ухода Клауса из МГИ.

В течение 1881–1892 гг. школы колониетов всех типов перешли в ведение МНП. За духовенством сохранилось право надзора за религиозным образованием поселян.

Анализ документов о подготовке административной и школьной реформ колониетов свидетельствует о значительной роли А.А. Клауса в сборе и обобщении материалов о колониетах, в разработке проектов реформ. Выходец из колониетской среды, он прошел все этапы чиновничьей карьеры: от журналиста Саратовской конторы до начальника Отделения колоний МГИ, был знаком с жизнью поволжских колоний из личного опыта и обогатил свои знания обо всех колониетах страны, работая с министерскими документами. Создание книги «Наши колонии» было не просто обобщением накопленных знаний, книга служила источником при подготовке документов реформы, особенно по вопросам школьного образования. Клаус стоял на государственных позициях, отстаивал необходимость коренных преобразований в устройстве жизни колоний и вместе с тем ратовал за использование опыта ведения хозяйства колониетами, выступал за светскость школ и активное изучение русского языка. После выхода в отставку Клаус жил в своем имении (хутор Трудовой), использовал новые формы земледелия, пытался заняться производством сахара, вел активную работу в Мариупольском земстве, состоял непременно членом уездного присутствия по крестьянским делам. После ухода из жизни земля, оставленная наследникам, не послужила им во благо. Имеющиеся материалы о семье Клауса могут стать самостоятельным исследованием. А.А. Клаус известен нашим современникам как автор первой обобщающей книги о колониетах, которая сохраняет актуальность и поныне. Однако его роль как деятеля пореформенной России остается мало изученной.

### Библиографический список

1. Управленческая элита Российской империи. История министерств. 1802–1917 / Под общ. ред. Н.Ю. Семенова. СПб., 2008. 693 с.
2. Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. 1837–1887. Ч. 2: Попечительство. Поземельное устройство. СПб., 1888. 559 с.
3. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). 1-е собр. Т. 16. № 11 880 («О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах»).
4. ПСЗ. 1-е собр. Т. 16. № 20 798 («О размежевании земель, назначенных для поселения выезжающих иностранцев»).
5. Свод законов Российской империи. 1857. Т. 12, ч. 2. Тетр. 4.
6. ПСЗ. 2-е собр. Т. 16. № 14 989 (Указ от 3 ноября 1841 г. «Об определении старшего члена в Попечительный комитет об иностранных поселенцах Южного края России»).
7. Айсфельд О.В. Из Поволжья в Новороссию: вехи жизненного пути Александра Августовича Клауса (1829–1887) // Вопросы германской истории: Сб. науч. ст. / Под ред. С.И. Бобылевой. Днепропетровск, 2015. С. 43–50.
8. Черказьянова И.В. Высшие чиновники немецкого происхождения в Министерстве государственных имуществ и Министерства народного просвещения // Немцы России в общественно-политической жизни страны (XVIII–XXI вв.): Материалы 16-й междунар. науч. конф., Москва, 27–31 окт. 2016 г./ Под ред. д.и.н. А.А. Германа. М., 2017. С. 36–63.
9. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 229. Оп. 10. Д. 1330.
10. РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 306.
11. ПСЗ. 2-е собр. Т. 41. № 44 000. («О передаче колоний иностранных поселенцев в ведение общих по крестьянским делам учреждений»).
12. О занятиях Комиссии по преобразованию общественного управления и поземельного устройства иностранных колонистов в России. СПб., 1870. 118 с.
13. ПСЗ. 2-е собр. Т. 46. № 49 705 («Правила об устройстве поселян-собственников (быв. колонистов), водворенных на казенных землях»).

14. ПСЗ. 2-е собр. Т. 41, ч. 2. № 44 024 «Об изменении и сокращении состава Министерства государственных имуществ и подведомственных оному местных по губерниям учреждений».

15. РГИА. Ф. 381. Оп. 12. Д. 7131.

16. Клаус А. Наши колонии: Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. Вып. 1. СПб., 1869. 680 с. [разд. паг.]

17. РГИА. Ф. 381. Оп. 13. Д. 7813.

18. Дитц Я.Е. История поволжских немцев-колонистов / Под науч. ред. доц. И. Р. Плева. М., 1997. 495 с.

19. РГИА. Ф. 385. Оп. 11. Д. 7050.

20. РГИА. Ф. 385. Оп. 11. Д. 6782.

*Брежнева Светлана Николаевна*

### **Немцы-востоковеды в Туркестане**

**Аннотация.** Немцы-востоковеды – выпускники факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета, внесли неоценимый вклад в развитие отечественной ориенталистики. Автором исследован и представлен жизненный путь четырех ученых-немцев – А.Л. Куна, Е.Ф. Каля, В.В. Бартольда, А.Э. Шмидта, сыгравших ключевую роль в востоковедческой науке. Две первые персоналии в разное время проходили службу в Туркестанском генерал-губернаторстве. А на долю В.В. Бартольда и А.Э. Шмидта выпало установление связи между дореволюционным и советским туркестановедением.

**Ключевые слова:** востоковедение, немцы-туркестановеды, Санкт-Петербургский университет, факультет восточных языков, Туркестанское генерал-губернаторство, советская наука.

### **German Orientalists in Turkestan**

**Abstract.** The German orientalists, graduates of the Faculty of Oriental Languages of St. Petersburg University, have made an invaluable contribution to the development of Russian orientalism. The author studies and presents the life path of four German scientists-A.L. Kuhn, E.F. Kal', V.V. Barthold, A.E. Schmidt, who played a key role in Oriental studies. The first two personalities served in the Turkestan Governor-General at different

times. And it fell to the lot of V.V. Barthold and A.E. Schmidt to establish a connection between pre-revolutionary and Soviet Turkestan studies.

**Keywords:** Oriental studies, Turkestan Germans, St. Petersburg University, Faculty of Oriental Languages, Turkestan Governor-General, Soviet science.

Этнические немцы внесли огромный вклад в развитие российской науки. Многих из ученых-немцев мы привыкли считать русскими, поскольку так велико значение их жизни и их труда для России. Вклад немцев в историческую науку поистине огромен, они вписали немало славных страниц в ее различные области, в том числе в востоковедение.

Немец-ориенталист – явление уникальное и в то же время обычное в российской научной практике. Есть что-то символическое во взаимодействии таких различных культур – западной и восточной, представленных одинаково на территории единой Российской империи.

Кузницей востоковедческих кадров являлся факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета, созданный в 1855 г., первым деканом которого являлся А.К. Казем-Бек. Современники отмечали особую атмосферу, сложившуюся на факультете. Профессура являла собой, по сути, единую семью, отношения к студентам отличались родственностью и теплотой [1, с. 28]. Здесь сложилась замечательная плеяда российских ориенталистов, которые сыграли заметную роль в подъеме русского востоковедения. Достаточно назвать несколько известных имен, чтобы составить представление об этнической принадлежности выдающихся ориенталистов, в разное время закончивших факультет восточных языков. Это - В.Р. Розен, В.Г. Тизенгаузен, К.Г. Залеман, С.Ф. Ольденбург, В.В. Бартольд, А.Э. Шмидт, те, чьи заслуги в российском востоковедении трудно переоценить.

Некоторым дипломированным востоковедам-немцам пришлось связать свою деятельность с Туркестанским генерал-губернаторством, куда они были направлены по окончании университета. К слову, первый туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман также был этническим немцем по происхождению. Мы выделили четыре персоналии востоковедов немецкого происхождения, в разное время служивших в Туркестане и внесших неоценимый вклад в развитие туркестановедения. Всех их объединяет то, что они являются выпускниками факультета восточных языков, в разное время закончивших его.

Александр Людвигович Кун одним из первых в 1865 г. закончил названный факультет по «арабско-турецко-татарскому разряду» [2, л. 12]. По окончании университета он был утвержден в чине коллежского секретаря со старшинством и направлен для службы в Оренбургскую губернию в качестве столоначальника канцелярии Оренбургского генерал-губернатора. Помимо основной службы он преподавал в Оренбургском Неплюевском корпусе персидский язык [3, л. 16 об.]. В ноябре 1867 г. А.Л. Кун был назначен в распоряжение Туркестанского генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана. Последний своим приказом определил его под начало начальника Зеравшанского округа «для этнографических, статистических и исторических ученых исследований» [4, л. 15 об.]. С этого времени начинается служба Александра Людвиговича в Туркестане, которому он отдал 14 лет своей жизни.

В ходе научных и военных экспедиций Куном был собран богатейший материал, послуживший основой для знаменитого «Туркестанского альбома», изданного в 1872 г. Из шести томов издания, включавшего в себя археологическую, этнографическую и промысловую части, три первых тома были составлены непосредственно А.Л. Куном при помощи Н.В. Богаевского. Об особой роли А.Л. Куна в подготовке материалов свидетельствует то, что впоследствии они упоминались как «коллекция Кун».

Являясь участником Хивинского похода, Александр Людвигович непосредственно принимал участие в военных операциях всех трех периодов военных действий [2, л. 17-23]. По распоряжению Кауфмана в занятой русскими войсками Хиве Куном был собран обширный материал по этнографии, статистике, административном устройстве и фискальной системе Хивинского ханства. Найденный им архив хивинских ханов является ценнейшим источником для изучения сведений об этническом, социальном составе ханства, налогах, повинностях и т.п. с 1820 по 1870 г. По указанию Кауфмана архив был вывезен в Публичную библиотеку Санкт-Петербурга [2, л. 103].

По возвращении из похода в апреле 1874 г. А.Л. Кун назначается старшим чиновником особых поручений по учебной части [2, л. 11], а в январе 1876 г. он становится Главным инспектором училищ Туркестанского края. Эту должность он занимал до своей отставки в 1882 году. Результатом деятельности А.Л. Куна стало создание двух гимназий, учительской семинарии, городских училищ, уездных начальных школ. Успешно сочетая общеобразовательную деятельность с научной, Кун написал ряд статей, характеризующих повседневную жизнь коренного населения края. В последние годы своей жизни А.Л.

Кун занимал должность помощника попечителя Виленского учебного округа [2, л. 22 об.].

Евгений Федорович Каль закончил факультет восточных языков в 1885 году по арабско-турецко-персидскому разряду. Получив звание кандидата восточной словесности, и, пройдя обязательную воинскую службу, он был направлен в Туркестанское генерал-губернаторство в распоряжение туркестанского генерал-губернатора Н.О. фон Розенбаха. В 1887 г. Евгений Каль становится заведующим этнографическим и археологическим отделами Ташкентского музея с одновременным составлением описей этих отделов. Помимо основной деятельности Калем был составлен каталог книг на иностранных языках для Туркестанской библиотеки, результатом чего стал выход в свет его труда «Персидские, арабские и тюркские рукописи Туркестанской публичной библиотеки» [5].

Евгений Федорович много путешествовал по Туркестанскому краю с целью изучения местных особенностей быта, изучения языков и сбора древних восточных рукописей и древних монет. Увлечшись археологическими ценностями Туркестана, Каль установил связи с Императорской археологической комиссией, которая снабдила его инструкцией по проведению раскопок, финансировала его изыскания, и позже включила в штатный состав своих сотрудников [6, л. 1об. - 2об.].

В качестве штатного сотрудника ИАК Е.Ф. Каль участвовал в нескольких археологических экспедициях с 1889 по 1891 г. Результаты экспедиций тщательно записывались Евгением Федоровичем, описывались и зарисовывались найденные предметы старины, составлялись карты, переводы слов с фарси и тюркского языка.

Тетрадь-дневник исследователя в настоящее время хранится в Научном архиве Института истории материальной культуры [6, л. 58-189] и, судя по нему видно, насколько все это увлекало автора. Начиная со 131 страницы дневника представлены описания археологических изысканий Каля с зарисовками, сделанными на местности и в процессе раскопок в Аулиеатинском уезде. Представлены сведения о древних памятниках Ширабада и его окрестностей, в районе древнего Термеза.

Вклад Евгения Федоровича в развитие азиатской археологии трудно переоценить. В советское время он был по достоинству оценен знаменитым советским ученым-археологом, основоположником археологической школы Узбекистана М.Е. Массоном, который специально интересовался итогами археологических работ Каля в районе Термеза, и частично восстановил путь следования его экспедиции [7, с. 17-18].

Увлеченность Евгения Федоровича, вера в него его учителей, в частности В.Р. Розена, с которым Каль состоял в переписке – все это говорило о блестящем будущем исследователя. Но, однако, по дороге в свою последнюю экспедицию по бухарскому берегу Амударьи летом 1891 г. Евгений Федорович тяжело заболел «амударьинской лихорадкой» (жестокая форма малярии). В тяжелом состоянии он был доставлен в глухое русское урочище Керки, где и скончался от «паралича сердца» в возрасте 28 лет. В его лице русская ориенталистика потеряла пытливого исследователя, подающего большие надежды.

Следующие две персоналии выпускников факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета, учеников знаменитого барона В.Р. Розена, лютеран по вероисповедованию, объединяет также и то, что они приняли советскую власть и сотрудничали с ней. Правда, судьбы их оказались разными.

Василий Владимирович Бартольд в рекомендациях не нуждается. Он по праву считается выдающимся востоковедом как периода Российской империи (большинство его трудов было написано именно в это время), так и советской науки. Факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета Василий Владимирович окончил в 1891 г. по арабско-персидско-турецко-татарскому разряду. Затем Бартольд для продолжения образования уезжает в Западную Европу. По возвращении из поездки им была подготовлена и с блеском защищена магистерская диссертация «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», за которую в 1900 г. ему была присуждена степень доктора истории Востока.

Первое личное знакомство с Туркестаном состоялось у Бартольда в 1893 г., когда Василий Владимирович вместе с художником-этнографом Самуилом Мартыновичем Дудиным отправился исследовать Чуйскую и Илийскую долины. В том же году Бартольдом был представлен обстоятельный доклад о результатах своих исследований на заседании Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии в Ташкенте.

Здесь в Ташкенте Бартольду пришлось задержаться из-за несчастного случая, произошедшего с ним (падение с лошади), что, впрочем, можно рассматривать, как знак судьбы, поскольку в этот период он знакомится с местными туркестановедами, в частности с Н.П. Остроумовым. Многолетняя дружба с Николаем Петровичем привела не только к образованию Туркестанского кружка любителей археологии (ТКЛА), руководителем которого много лет был Остроумов, но и к неординарному взаимодействию азиатских и столичных востоковедов. Членам кружка удалось накопить огромный справочный материал,

зафиксировать утраченные со временем археологические памятники, стать поистине выдающимися исследователями истории региона [8, р. 132].

Бартольд был создан целый ряд блестящих, тщательно документированных и обобщающих работ по истории исламской цивилизации и исламу, по истории и культуре Туркестана. Его труды «Культура мусульманства», «Ислам», «Мусульманский мир» и многие другие во многом изменили представление о населении Туркестана. Бартольд обладал большим авторитетом как в высших властных структурах, так и в просвещенном обществе того времени, причем не только русского, но и среди мусульманской интеллигенции.

Пожалуй, самым капитальным научным трудом ученого о Туркестане является «История культурной жизни Туркестана» [9], где подвергнуты тщательному анализу письменные источники среднеазиатских народов.

Оценивая политику России в Туркестане, Бартольд полагал, что отсутствие взаимопонимания между христианами и мусульманами базируется на завоевании и насилии. Особенно предостерегал он против попыток видеть в «мусульманском фанатизме» причину культурной отсталости народов, попавших под русское владычество. Бартольд считал изучение мусульманской культуры и местных языков обязательным условием для русских администраторов, управлявших Туркестаном. Нежелание же изучать местные языки по свидетельству Бартольда объяснялось тем, что общение чиновника с местным населением на их языке приведет «к умалению престижа русской власти» [9, с. 184].

В советский период В.В. Бартольд продолжил бурную научную и общественную деятельность. Он участвовал в подготовительных работах по учреждению Среднеазиатского государственного университета в Ташкенте, занимал должность редактора «Записок Коллегии востоковедов» (1925–1930), организатора и руководителя Тюркологического кабинета (1928–1930), а также активно включился в процесс создания письменности для бесписьменных народов СССР и замены арабского алфавита на кириллицу [8, р. 132].

Скончался ученый в 1930 году в 60-ти летнем возрасте, еще продуктивном для ученого. В лице В.В. Бартольда советская ориенталистика потеряла выдающегося востоковеда, но, возможно, смерть спасла его от репрессий, развернувшихся против ученого сообщества в 1930-х гг.

Александр Эдуардович Шмидту повезло меньше. Он закончил арабско-турецко-персидское отделение факультета восточных языков в



1894 г., т.е. только на три года позже Бартольда. В.Р. Розен, считавший изучение и чтение письменных источников ислама в подлинниках обязательным, сумел внушить своему талантливому ученику неподдельный научный интерес к исследуемому предмету, и А.Э. Шмидт по праву считается основателем российской школы исламоведения.

До близкого знакомства с Туркестаном (уже советским) Шмидт жил в Петербурге, где служил в должности приват-доцента на кафедре арабской словесности, четыре года работал инспектором воспитанников Александровского лицея, и только в 1909 г. получил возможность заниматься наукой, когда устроился в Императорскую публичную библиотеку на должность регистратора. Здесь он работал долгое время, получив, наконец, возможность погрузиться в научную деятельность. С 1912 по 1914 г. А.Э. Шмидт работал в журнале «Мир ислама», возглавляемому В.В. Бартольдом. Деятельность Шмидта в данном периодическом издании в качестве помощника главного редактора и автора публикуемых статей, способствовала превращению журнала в один из ведущих в области исламоведения [1, с. 75]. В октябре 1914 г. Александр Эдуардович защитил магистерскую диссертацию. Однако полностью посвятить себя науке Шмидту мешали тривиальные события личной жизни – женитьба и рождение детей. События, связанные с судьбоносными революциями 1917 года, вероятно, заставили Шмидта приспособиться к новым реалиям. Он был отцом семейства, и ему необходимо было думать о хлебе насущном.

Самым активным и насыщенным периодом в жизни Шмидта являлся 1919 г. В это время он был не только помощником директора библиотеки, но и вел активную преподавательскую деятельность в Петроградском университете. В 1918 г. по предложению Шмидта в университете была открыта кафедра исламоведения. Однако просуществовала кафедра недолго – до 1920 г., т.е. до вынужденного отъезда Шмидта в Ташкент по состоянию здоровья и в соответствии с ухудшившимся материальным положением. Именно этот период ознаменован известным событием – передачей Корана Усмана из Публичной библиотеки Санкт-Петербурга в Уфу, а затем в Ташкент. Этот факт был связан именно с деятельностью и фигурой Шмидта, который приложил все возможные усилия и весь свой личный авторитет для свершения задуманного [10, с. 184].

С 1920 г., т.е. с переезда Шмидта в Ташкент начинается новый, очень активный период его жизни, связанный с работой в Туркестанском государственном университете, со становлением Туркестанского восточного института, борьбой за сохранение этого

вуза, который Шмидт считал своим детищем и ректором которого он являлся. Однако в 1924 году было принято решение о преобразовании Восточного института в факультет в составе САГУ. Шмидту было предложено стать деканом. Когда же в 1930 г. был ликвидирован и восточный факультет, Шмидт, тяжело переживший это известие, принял решение заняться наукой.

Период с 1931 по 1934 гг. долгое время являлся «белым пятном» в биографии Шмидта, т.к. в советское время биографы, писавшие о нем, предпочитали ничего не говорить об этом времени. Это был период ареста, осуждения и ссылки ученого в Казань, которую он потом называл «поездкой». Все это стало результатом планомерной травли, развернутой против старой профессуры. После возвращения из ссылки Шмидту удалось устроиться на должность ученого консультанта в Государственную публичную библиотеку УзССР, где он проработал до своего второго ареста в 1938 г. В этот короткий период Шмидт работал над переводами арабских средневековых авторов. Величайший ученый-востоковед А.Э. Шмидт скончался в 1939 г., сметенный политическим террором, став одной из его многочисленных жертв.

По-разному складывались жизнь четырех замечательных тюркологов-востоковедов. Каждая из судеб драматична и уникальна. Но объединяет их истинное служение избранному делу, высокая научная порядочность. Своими научными изысканиями немцы-историки внесли неопределимый вклад в разработку фундаментальных проблем, а высказанные ими положения не теряют своей актуальности и поныне.

### **Библиографический список:**

1. А.Э. Шмидт: биография, научная переписка, избранные труды, библиография /Автор-составитель Р.И. Беккин. М.: ООО «Садра», 2018. 504 с.
2. Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 733. Оп. 121. Д. 168.
3. РГИА. Ф. 733. Оп. 225. Д. 251.
4. Архив востоковедов Института восточных рукописей Российской Академии наук (АВ ИВР РАН). Ф. 33. Оп. 2. Д. 20.
5. Персидские, арабские и тюркские рукописи Туркестанской публичной библиотеки /Сост. Е. Каль. Ташкент: тип. Окр. штаба, 1889. 79 с.
6. Научный архив Института истории материальной культуры (НА ИИМК РАН). Ф. 1. Оп. 1-1889. Д. 86.

7. Массон М.Е. Городища старого Термеза и их изучение // Труды УзФАН СССР. Серия I. История, археология. Вып. 2. Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936 г. Ташкент, 1940. 218 с.

8. Бухарин М.Д., Попова И.Ф. История отечественного востоковедения в переписке В.В. Бартольда и Н.Ф. Петровского (1893-1908 гг.) из архивных собраний Российской академии наук // Journal of modern russian history and historiography. – Issue № 10, 2017. – P. 125-184.

9. Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. - Л., 1927. 256 с.

10. Шигабдинов Р.Н. А.Э. Шмидт и Коран Усмана: возвращение мусульманской святыни в контексте политики, науки и религии // Беккин Р.И. А.Э. Шмидт: биография, научная переписка, избранные труды, библиография. М.: Садр, 2018. 504 с.

*Розина Ольга Владимировна*

### **Министр финансов Н.Х. Бунге: экономические взгляды и идеи**

**Аннотация.** В статье анализируются труды Н.Х. Бунге, отражающие его экономические взгляды. Автор определяет их основные идеи и отношение министра финансов к реформам Александра II, а также основным проблемам современной ему социально-экономической действительности.

**Ключевые слова:** министр финансов, Н.Х. Бунге, политика протекционизма, фритредерство, налоговая политика, реформы Александра II.

### **Minister of Finance N. Kh. Bunge: economic views and ideas**

**Abstract.** The article analyzes the works of N. Kh. Bunge, reflecting his economic views. The author defines their main ideas and the attitude of the Minister of Finance to the reforms of Alexander II, as well as the main problems of contemporary socio-economic reality.

**Keywords:** Minister of Finance, N. Kh. Bunge, protectionist policy, free trade, tax policy, reforms of Alexander II.

В настоящее время в научных исследованиях существует большой интерес к крупным и удачным реформам, а также к государственным деятелям, с которыми они ассоциируются. Личность

министра финансов Николая Христиановича Бунге (1823–1895 гг.) не так хорошо известна, как Витте или Столыпина, но вместе с тем, как дореволюционные [1] и современные исследователи [2] называют его талантливым финансистом и экономистом.

Имеется широкий круг источников, которые позволяют представить экономические взгляды Н.Х. Бунге. Это государственные документы и проекты документов, над которыми он работал [3; 4], а также его работы, раскрывающие взгляды на социально-экономические проблемы России и необходимые реформы, а также содержащие некоторые оценки уже реализованных мер [5; 6; 7]. В качестве объективного источника для оценки реформ Бунге могут быть привлечены статистические данные по финансовой и экономической сферам России в период 1880–1890 х гг. [8; 9]. Оценки его взглядов содержат воспоминания современников – А.А. Кизеветтера, С.Ю. Витте, П.А. Столыпина, Н.Н. Покровского [10; 11; 12; 13].

Н.Х. Бунге родился 11 ноября 1823 г. в Киеве в семье выходцев из Германии (Восточная Пруссия). Он был правнуком основателя евангелическо-лютеранской общины в Киеве, активного члена Совета прихода церкви св. Екатерины. Отец ученого получил степень доктора медицины в Йенском университете, а вернувшись в Киев, занимался вольной практикой как педиатр. Николай был единственным сыном во втором браке овдовевшего отца с Екатериной Гебнер (так же вдовой полковника Изюмова). В семье Бунге царил дух образованности, отец с детьми говорил по-немецки, но с женой и младшим сыном – по-русски. Как и Бунге, Екатерина Гебнер была лютеранкой, но семья их настолько обрусела, что немецкий Екатерина знала плохо. Николай же кроме немецкого и русского со временем овладел французским и английским языками [2, с.44]. Он учился в Первой киевской гимназии, которую закончил с золотой медалью, затем в университете св. Владимира в Киеве, юридический факультет которого закончил в 1845 г. В том же году он получил должность преподавателя в Нежинском лицее (Черниговская губерния). В 1847 г. защитил магистерскую диссертацию, после чего возглавил лицей, где проработал в звании профессора законов казенного управления до 1850 г., когда был приглашен на работу в Киевский университет. В 1852 г. защитил докторскую диссертацию по теме «Теория кредита» [2, с. 46]. В 1859–1880 гг. (с перерывами) Бунге был ректором университета св. Владимира, где были учреждены его две именные стипендии [14, с. 37]. Большой успех среди студентов имели его лекции. При изложении теории экономической политики ученый не ограничивался какими-то общими началами, потому что полагал, что изучение одних общих

законов без связи с фактами не способно помочь в решении реальных жизненных вопросов. Характеризуя профессорско-педагогический этап жизни Н.Х. Бунге, экономист и публицист В.Т Судейкин отмечал: «всю жизнь провел на службе, в университете как профессор юридического факультета, где воспитывается чувство права, законности...» [15, с.4]. Бунге подготовил серьёзные работы по крестьянской реформе, был хорошо знаком с инновациями европейской науки и культуры.

Деятельность Бунге вскоре обратила на себя внимание правительства. В конце 1850-х–начале 1860-х гг. он в качестве консультанта-эксперта участвовал в работе финансовой комиссии по решению крестьянского вопроса и проведения образовательной реформы. Ранее его вызывали в Петербург для оценки университетского устава, работы над переводами иностранной экономической литературы. В работах 1858–1859 гг. он рассматривал способы освобождения крестьян с земель за выкуп и доказывал неизбежные последующие экономические преобразования в стране.

После возвращения в Киев, М.Х. Бунге не оставил университетскую кафедры, но одновременно стал управляющим Киевской конторой Государственного банка. Таким образом, ученый получил возможность на практике проверять указания относительно теории финансов. Он инициирует некоторые преобразования в жизни губернской столицы. В частности, создание Киевской биржи в 1873 г. и Киевского товарищества взаимного кредита. Позже возглавлял финансовую комиссию городской Думы.

Профессору Бунге еще в 1860 г. представилась возможность начать карьеру в столице империи. В 1863 г. он был приглашен ко двору – два года преподавал «науку финансов и политической экономии» сыну Александра II цесаревичу Николаю. Как отмечали современники, «Бунге нигде не бывает на вечерах, – и благо ему, я ему завидую, я признаю эту черту характера в высшей степени почтенною, достойною подражанию всякого мудрого человека» [16, с. 397]

Период государственной службы ученого продолжался с 1880 до 1895 гг. Он прошел путь от «товарища министерства финансов» до председателя Комитета министров. На первый пост его кандидатуру графу М.Т. Лорис-Меликову предложил С.Ю. Витте, который полагал, что «Бунге был одним из лучших в России профессоров по финансовому праву; человек он был в высокой степени образованный и почтенный. Так как Бунге был убежденным сторонником необходимости восстановить металлическое обращение, основанное на золоте, то я на него и указал графу» [11, с. 100].

В 1881 г. Н.Х. Бунге занял пост министра финансов. Именно министр финансов занимался вопросами формирования экономической политики всей страны, и министерство финансов проводило эту политику в жизнь. Он видел три приоритета в деятельности министерства:

- снижение налогового бремени для крестьянства с целью оживления сельского хозяйства и увеличения его доходности (снижение выкупных платежей на землю, отмена подушной подати, отмена налога на соль);

- в налоговой политике для сбалансированности бюджета – рост налогов на платежеспособные слои населения при одновременном снижении налогов для бедных;

- увеличение таможенных платежей, борьба с контрабандой.

Все первые инициативы Бунге были направлены на преодоление дефицита бюджета. Эту цель он преследовал все время своего управления финансами империи. Как политик и мыслитель Бунге ориентировался на гарантии свободы личности, право частной собственности и частной инициативы при усилении монархии и государственного начала.

Министр отстаивал либерально-экономические позиции – фритредерство (аналог политики свободной торговли) в области внешней торговли; создание законодательства, защищающего свободу предпринимательской деятельности и улучшающее условия труда; выступал за осторожное непосредственное вмешательство государства в экономику и т.п. [5]. В этом отношении Бунге был приверженцем идей классической школы политэкономии, которая берет свое начало от А. Смита и Дж. Милля.

Как и прогрессивные экономисты Западной Европы, Бунге придерживался буржуазных экономических требований – развитие частной инициативы, свободная конкуренция и ограниченность вмешательства государства в экономическую жизнь. Вместе с тем его взгляды на протекционизм претерпели серьезную эволюцию, чему способствовали идеи представителей умеренного крыла теоретиков немецкой исторической школы (В. Рошера, Б. Гильдебрандта, К. Книса и другие). Они доказывали наличие специфики и важность ее изучения для каждой конкретной страны при решении вопроса о необходимости государственного вмешательства в экономическую жизнь государств. Первоначально Н.Х. Бунге не отрицал протекционизм полностью, но полагал, что эта политика не приводит к удешевлению продукции, например, на средства потребления, и тем самым тормозит развитие капиталистической промышленности, в частности, основанной на

акциях [7, с. 45]. Отстаивая идеалы либеральной модели свободной рыночной экономики, вместе с тем он полагал, что неизбежное в таком случае соперничество может носить деструктивный характер, если в нем сталкиваются неравные силы – с одной стороны поддержанные монополиями и громадным капиталом, с другой – раздробленные и лишенные всякой финансовой и государственной поддержки. Постепенно Бунге пришел к умеренному протекционизму, полагая, что государственное вмешательство отечественному хозяйству не повредит. Поэтому в отличие от классиков, Бунге высказывался за необходимость определенного правительственного вмешательства в функционирование рынка. Он писал, что хорошо организованное общество не является исключительно проявлением развития частных отношений, как считают последователи Смита, оно представляет собой результат постоянного сотрудничества правительства и народа [5, с. 27]. Поэтому в итоге за Бунге закрепилась слава строгого протекциониста – человека, отдающего предпочтение национальным производителям.

Министр финансов высказывался за строгость в проведении налоговой политики. Бунге был убежден, что «обязанность платить налоги является обязанностью общей, вытекающей из принципов равенства всех перед законом и из принципов справедливости: тот, кто относится к государственному союзу, не может быть освобожден от обязательств, вытекающих из сущности этого союза, тот, кто пользуется выгодами государственной жизни, обязан способствовать достижению цели государства» [7, с. 95]

Современные ему результаты реформ Александра II оценивались Бунге положительно, но министр финансов критиковал способы их проведения. Так, изучая проблемы крестьянства, он отмечал, что крестьянская реформа не может быть проведена в России по европейскому образцу, т.к. «это мера общественной безопасности, которая спасает государство от возможности появления Пугачевых» [17, с. 40]. Бунге неоднократно отмечал, что механизм проведения крестьянской реформы должен соответствовать социальной структуре общества и интересам большинства – сословию крестьян-землевладельцев, являющихся «консервативным оплотом современной цивилизации» [5, с. 51].

В целом министр финансов полагал, что реформы Александра II были проведены слишком стремительно, без адаптации и подготовки к реальным условиям политического и социально-экономического развития империи. По его мнению, в ходе реформ были созданы чуждые российской политической системе земства и другие органы

самоуправления, которые не были интегрированы в общую систему государственно-управленческих органов. Население было не готово к свободе. Поэтому, по его мнению, «славные дела Александра II не только не сопровождались сочувственным увлечением молодых поколений, но, напротив, как бы служили поводом к появлению из среды всех сословий анархистов, террористов, врагов династии и общественного порядка» [5, с. 54].

Реализация полного реформаторского курса в условиях политического кризиса и нестабильной социальной ситуации, по мнению Бунге, была невозможна. Поэтому с целью стабилизации экономической жизни он рекомендует всемерно развивать частную собственность крестьян на землю, а в отношении рабочих реализовывать меры по охране труда, вести строительство рабочих жилищ и пытаться как можно шире внедрять участие рабочих в прибыли предприятий. В целом социализму следует противопоставить развитие земских инициатив, привлечение земских представителей к обсуждению законопроектов в государственном совете, расширения полномочий местных выборных органов. Бунге полагал, что последовательная социальная политика, проводимая государством, является залогом не только экономического прогресса, но и средством защиты от деструктивных теорий, к которым он относил марксизм.

В 1887 г. Н.Х. Бунге освободил кресло министра финансов, заняв должность председателя комитета министров, которую он занимал до своей смерти. 15 июня 1895 г. он скоропостижно скончался в Царском Селе. Николай II вечером того же дня записал в дневнике: «Ещё одним верным и опытным советником у меня стало меньше» [цит. по: 2, с. 378].

В целом следует отметить, что анализ трудов Н.Х. Бунге, отражающих его экономические взгляды, позволяет заключить, что несмотря на кажущейся либерализм во взглядах, министр финансов видел политический идеал России в самодержавной (абсолютной) монархии, основанной на законности и гласности при развитии местной общественной инициативы.

#### **Библиографический список**

1. Министерство финансов 1802–1902. Ч. 2. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1902., 1902. 692 с.
2. Степанов В.Л. Н.Х. Бунге: судьба реформатора. М.: РОССПЭН, 1998. 397 с.



3. Очерк экономической и финансовой политики Н.Х. Бунге и И.А. Вышнеградского / [Соч.] Старого профессора (псевд.), В.Т. Судейкин. СПб.: тип. Правительствующего сената, 1895;
4. Россия в XIX века. Сборник фактического материала. [Электронный ресурс]. URL: <http://down.ctege.info/ege/obshee/history/material/history-teoriya-06-russia-XIX.pdf> (дата обращения 15.05.2021);
5. Бунге Н.Х. Загробные заметки // Судьбы России. Проблемы экономического развития страны в XIX– начале XX вв.: документы и материалы государственных деятелей. СПб.: Спас: Лики России, 2007. 414 с.
6. Бунге Н.Х. Заметки о настоящем положении нашей денежной системы и средства к её улучшению // Сборник государственных знаний. Т.8. СПб., 1880. 240 с.
7. Бунге Н.Х. Общий оборот внешней торговли, торговый баланс и таможенные пошлины первостепенных держав в XIX столетии // Российский вестник. 1867. Т.71. 114 с
8. Шарапова С.Ф. Цифровой анализ расчетного баланса России за пятнадцатилетие 1881–1895. СПб. ип. инж. Г.А. Бернштейна, 1897. 58 с.
9. Табурно И.П. Эскизный обзор финансово-экономического состояния России за последние 20 лет (1882–1901). СПб.: тип. Э.Э. Новицкого, 1904. 243 с.
10. Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. Воспоминания. 1881–1914 М.: Искусство. 1997. 397 с.
11. Витте С.Ю. Воспоминания, мемуары. Т. II. Минск; М.: Харвест, 2001. 798 с.
12. Столыпин П.А. Переписка. М. РОССПЭН, 2004. 702 с.
13. Покровский Н.Н. Последний в Маринском дворце. Воспоминания министра иностранных дел. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 488 с.
14. Биюшкина Н. И. Политико-правовые взгляды Н.Х. Бунге // История государства и права. 2010. №1. С. 37–39
15. Судейкин В.Т. Замечательная эпоха в истории русских финансов // Очерк экон. и фин. политики Н.Х. Бунге и И.А. Вышнеградского). СПб.: тип. Правительствующего сената, 1895. 106 с.
16. Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М.: Высшая школа. 1993. 446 с.
17. Бунге Н.Х. Гармония хозяйственных отношений: Первая политико-экон. система Кери, излож. Н. Бунге. М. Д.Е. Кожанчиков, 1860. 72 с.

*Маркова Светлана Васильевна,  
Жиброва Татьяна Валерьевна*

**Цеге фон Мантейфель:  
традиции хирургической школы в России**

**Аннотация.** В статье раскрывается биография и научные открытия одного из самых авторитетных хирургов России в конце XIX - начале XX в., заведующего кафедрой хирургии Юрьевского университета В. Цеге фон Мантейфеля. Его заслуги отмечены в медицинской науке и подготовке хирургических кадров России. Достижения В. Цеге фон Мантейфеля остались до настоящего времени в практическом здравоохранении и мировой медицине («синдром Мантейфеля»).

**Ключевые слова:** В. Цеге фон Мантейфель, история медицины, хирургические школы России, Юрьевский университет

**Zoege von Manteuffel: traditions of the surgical  
school in Russia**

**Abstract.** The article reveals the biography and scientific discoveries of one of the most authoritative surgeons of Russia in the late 19th - early 20th century, the head of the Department of Surgery of the Yuriev University Werner Zoege von Manteuffel. His achievements are noted in medical science and the training of surgical personnel in Russia. The achievements of Werner Zoege von Manteuffel have remained to this day in practical health care and world medicine ("Manteuffel syndrome").

**Keywords:** Werner Zoege von Manteuffel, history of medicine, surgical schools of Russia, Yuriev University.

Среди выдающихся деятелей российской медицины XX - начала XX в. особо выделяется один из самых известных хирургов того времени профессор Вернер Германович Цеге фон Мантейфель (Werner Zoege von Manteuffel). Его вклад в науку бесценен, многое из его практических наработок в хирургических операциях становилось открытием. И сегодня специалисты в разных областях медицины отмечают его первенство, опыт и знания в становлении некоторых медицинских направлений. Работать в клинике у профессора Цеге фон Мантейфеля считалось знаком качества врача, об этом написали его многочисленные ученики. Самый известный хирург России Н.Н.

Бурденко являлся учеником профессора, и занял впоследствии его кафедру.

Так случилось, что историография о деятельности Цеге фон Мантейфеля в России малочисленна. О «буржуазном» профессоре написаны три статьи, посвященные его памяти, напечатанные в СССР в 1926 г. (Н. Бурденко, А. Заблудовский, И. Греков). Есть заметка в Большой Медицинской энциклопедии, редкие юбилейные публикации [1]. Это связано со многими причинами, в числе которых – политические убеждения известного профессора, а также то, что бывший Юрьевский (Дерптский) университет Эстляндской губернии Российской империи, в котором преподавал профессор, стал сегодня Тартуским университетом Эстонии. Однако и в наше время научное и педагогическое наследие Цеге фон Мантейфеля, которое известно узким специалистам, является достоянием мировой истории медицины, истории медицины России. Вернер Цеге-Мантейфель является автором более 70 работ, посвященных заболеваниям сердечно-сосудистой системы, органов брюшной полости, щитовидной железы, военно-полевой хирургии.

Вернер Цеге фон Мантейфель родился в июле 1857 г. Место его рождения известно не точно. По ряду сведений это была волость Вяйке-Маарья в северо-восточной части Эстонии. О детстве будущего ученого сведений пока нет. Молодой человек стал студентом Дерптского университета, после окончания которого продолжил изучение механизмов образования ран и дефектов сосудов, методику их диагностики. Вскоре он защитил диссертацию «Экспериментальное исследование шумов при ранениях сосудов» (1886), в которой обосновал важное значение аускультации (прослушивания) в диагностике различных болезней артерий и вен. В течение трех лет он ассистировал Эдуарду Вахли, профессору хирургии Дерптского университета. Проработал шестнадцать лет в качестве адъюнкт-профессора, а с 1905 г. в течение тринадцати лет в качестве профессора кафедры хирургии.

В конце XIX в. кроме ключевых открытий в области сосудистой хирургии, были применены несколько хирургических методик лечения. Хирург Цеге фон Мантейфель первым в России в 1895 г. наложил артериальный шов, первым ушил дефект нижней полой вены (1899). В этом же году его ученик А. Ясиновский экспериментально обосновал возможность наложения артериального шва при частичном ранении артерии.

Сердечная хирургия и сегодня вызывает глубокое уважение, кардиохирурги спасают жизни тысяч пациентов. Операции на сердце

даже в наше время являются манипуляциями с высоким риском. Необходимо помнить, что среди пионеров кардиохирургии был и В.Г. Цеге фон Мантейфель [2, с. 11-18]. В 1905 г. он успешно зашил огнестрельную рану (от револьверной пули) левого желудочка сердца, а затем удалил пулю из правого желудочка [3].

Кардиохирургия не единственная область новаторств Вернера Германовича. Он внес большой вклад в развитие и изучение заболеваний сосудов нижних конечностей [4]. Профессору Цеге фон Мантейфелю принадлежит большая заслуга в развитии знаний о диагностике и лечении кишечной непроходимости, о которых он доложил на съезде российских хирургов в 1903 г. в Санкт -Петербурге. Цеге -Мантейфель первым ввел в практику врачебной деятельности классификацию этой болезни. Профессор описал характерные признаки заболевания, издал первую в России монографию о лечении непроходимости кишечника [5]. Несмотря на развитие медицины, и новых технологий его методика известна и сегодня как «симптом Цеге – Мантейфеля» или «проба Цеге – Мантейфеля».

Среди основоположников хирургического лечения щитовидной железы также всегда встречается его имя. В. Цеге фон Мантейфель провел исследование по заболеванию зоба («базедова болезнь») у жителей Прибалтики. Детские хирурги также считают профессора одним из основоположников своей специальности [6].

Даже в челюстно-лицевой хирургии, которая является симбиозом стоматологии и хирургии, есть новаторские разработки, среди авторов которых вновь упоминается В. Цеге фон Мантейфель.

Оперировать в перчатках он начал первым в России в 1897 г. Профессор стал первым хирургом, выступавшим за использование стерилизованных резиновых перчаток для защиты пациента от инфекции во время операции. Обстоятельства, при которых возникла идея необходимости перчаток описана его учеником Вольдемаром Фик: «По чистой случайности из-за фурункула в руке я был первым, кто помогал в перчатках ... Хирургия обязана этой великолепной идее для защиты ран исключительно и только Zoegel» [7].

Продолжая славные традиции бывшей Дерптской, тогда Юрьевской, хирургической школы (Н.И. Пирогов, Э. Бергман, Э. Валь) Цеге фон Мантейфель внес существенный вклад в развитие военно-полевой хирургии. В 1904 году он организовал подвижной «летучий» медико-санитарный отряд, предназначенный для оказания помощи раненым солдатам. Отряд проводил большую работу по сортировке раненых, снабжению их карточками с историей болезни, асептической обработке ран и др. В годы Первой мировой войны Цеге фон

Мантейфель был хирургом консультантом военно-санитарного отдела Красного Креста Северо-Западного фронта. Он первым стал проводить курсы для переподготовки врачей, обучая их военно-полевой хирургии.

Блестящий педагог Вернер Цеге фон Мантейфель написал несколько известных трудов, среди которых учебник «Курс теоретической хирургии» с приложением «Асептика в практике госпитальной хирургической клиники» (1901) [8].

Цеге фон Мантейфель воспитал плеяду высококвалифицированных хирургов, успешно продолживших хирургические традиции Дерптского – Юрьевского университета (И. Рудницкий, А. Ясиновский, О. Хольбек, Б. Кадер, Н. Бурденко и др.) Ученики Цеге фон Мантейфеля, и русские и немцы, являлись основоположниками многих научных направлений, они были прекрасными врачами, открывали больницы по всей России, становились заведующими хирургическими кафедрами. Среди известных хирургов Сибири - доктор Фогель Артур Иванович (1877-1948), легенда сибирского города Омска, ученик Цеге фон Мантейфеля. Председателем Общества врачей Восточной Сибири в Иркутске был выпускник клиники Цеге Мантейфеля Георгий Адольфович фон Берман (1868 г.р.). При защите на докторскую степень ученики часто не скрывали слов благодарности Учителю: «Считаю приятнейшей для себя обязанностью, выразить здесь свою искреннюю признательность глубокоуважаемому доценту Цеге фон Мантейфелю, за ту помощь словом и делом, которую он оказывал мне в моей постоянной работе, за радушный прием в его клинике, за те сведения, которые я почерпнул у него, занимаясь под его руководством», написал на титульном листе своей докторской работы лекарь Р.О. Шиндлер [8].

В.Г. Цеге фон Мантейфель был хорошо известен своими консервативными политическими взглядами. Так, в ходе волнений в Юрьевском университете в 1905 г., он не выступил в поддержку революционных студентов: «Из реакционных профессоров этот «балтийский хор» активно поддерживали Цеге фон Мантейфель, член ландтага, близко стоявший к придворным кругам» [8].

В 1918 г. Юрьевский университет был эвакуирован в г. Воронеж. Старый профессор Цеге – Мантейфель отговаривал своего любимого ученика Н.Н. Бурденко от возвращения в Советскую Россию. Но демократично настроенный Николай Нилович был непреклонен [9, 10]. Профессор остался в Юрьеве, который вскоре был переименован в Тарту [11].

Проф. Цеге-Мантейфель продолжил работу хирургом-консультантом в госпиталях и был награжден медалью Крест Свободы

(Эстония), в 1921 году он получил звание генерал-майора Эстонской Республики. В 1926 г. Вернер Цеге фон Мантейфель умер по пути к больному.

Военные заслуги Цеге фон Мантейфеля в России были увенчаны всеми орденами Св. Станислава и Св. Анны, Св. Владимира IV и III степени. После его смерти еще раз издавались, но уже не научные, а литературные труды Цеге фон Мантейфеля, его эпистолярное наследие.

### **Библиографический список**

1. Нуштаев И. А. Вернер Германович Цеге фон Мантейфель. К 150-летию со дня рождения // Хирургия. Журнал имени Н.И. Пирогова. 2008. № 4. С. 70-71.

2. Покровский А.В., Глянецв С.П. Избранные страницы истории сосудистой хирургии // Ангиология и сосудистая хирургия. 2014. №2. Т. 20. С. 11-18.

3. Джанелидзе Ю.Ю. Раны сердца и их хирургическое лечение. Л., 1927.

4. Циклик Б.М. Роль В.Г. Цеге фон Мантейфеля в развитии хирургии и эндокринологии // Вопросы медицины и биологии Прибалтики. Тарту: Тартуский государственный университет, 1977. С.154-158.

5. Цеге-Мантейфель В.Г. Непроходимость кишок. Санкт-Петербург, 1913.

6. Морозов Д.А., Айрапетян М.И., Пименова Е.С. Рождение детской хирургической науки в России (115 лет соединенному заседанию секции хирургии и секции детских болезней Пироговского съезда // Российский вестник детской хирургии, анестезиологии и реаниматологии. 2017. № 4. С.7-15.

7. Цеге фон Мантейфель Вернер Германович Лекции по военно-полевой хирургии. Юрьев: тип. К. Маттисена, 1916. 194 с.

8. Шиндлер Р.О. Диссертация на степень доктора медицины. Юрьев, Тип. Маттинсена, 1898.

9. Жиброва Т.В. Страницы истории российской медицины: Цеге фон Мантейфель // Проблемы социальных и гуманитарных наук. 2020. № 1 (22). С. 76-81.

10. Чепурных А.Ю., Кирпикина В.Р., Руженцев С.Е., Жиброва Т.В. Из истории становления российской хирургической школы: Н.Н. Бурденко и его учитель В.Г. Цеге фон Мантейфель // Молодежь, наука, медицина. Материалы 65-й Всероссийской межвузовской студенческой научной конференции с международным участием. 2019. С. 994-997.

11. Жиброва Т.В., Маркова С.В. Традиции Юрьевского университета и хирургической школы Цеге фон Мантейфеля в Воронежском медицинском университете им. Н.Н. Бурденко // Сточиковские чтения. Сборник статей 17-ой Международной научной конференции. 2019. С. 140-144.

*Зайцева Светлана Валентиновна*

**Личные и профессиональные качества в деятельности  
детских врачей немецкого происхождения в России  
во второй половине XIX – начале XX в. (на примере В.О. Губерта)**

**Аннотация.** В статье рассмотрена роль некоторых дореволюционных детских врачей немецкого происхождения в развитии медицины, охране здоровья детей, борьбе с детской смертностью. Личные и профессиональные качества детского врача в дореволюционной России рассмотрены на примере личности В.О. Губерта, карьера которого была завершена в результате судебного разбирательства.

**Ключевые слова:** В.О. Губерт, педиатрия, медицина, детский врач, Российская империя.

**Personal and professional qualities in the activities  
of children's doctors of German origin in Russia  
in the second half of the XIX – early XX century  
(on the example of V. O. Hubert)**

**Abstract.** The article examines the role of some pre-revolutionary children's doctors of German origin in the development of medicine, the protection of children's health, and the fight against child mortality. Personal and professional qualities of a children's doctor in pre-revolutionary Russia are considered on the example of the personality of V. O. Hubert, whose career was ended as a result of a court trial.

**Keywords:** V.O. Hubert, pediatrics, medicine, children's doctor, Russian Empire.

Во второй половине XIX в. в Российской империи начинает развиваться педиатрическое направление в медицине. Во многом это было связано с существовавшей в стране (особенно в Санкт-Петербурге

и Москве) высокой детской смертностью, вызванной разными факторами, в том числе неквалифицированной медицинской помощью во время родов, инфекционными заболеваниями, а также неправильным уходом и системой кормления грудных детей.

Немалое количество врачей-педиатров этого времени имели немецкое происхождение. Самым известным из них является Карл Андреевич Раухфус. Его родители были выходцами из Саксонии, но сам он родился в Санкт-Петербурге. К.А. Раухфус был автором многих трудов по детской оториноларингологии, патологической анатомии, клинической бактериологии, а также одним из авторов проектов Детской больницы принца Петра Ольденбургского в Санкт-Петербурге, Детской больницы Святого Владимира в Москве, Городской детской больницы «В память священного коронавания Их Императорских Величеств» в Санкт-Петербурге. Карл Андреевич возглавлял Детскую больницу принца Петра Ольденбургского (с 1919 г. больница стала носить имя врача) и приют в память Марии, Екатерины и Георгия, являлся председателем Санкт-Петербургского Общества детских врачей, Общества попечения о бедных и больных детях («Синий крест»), Школы нянь Государыни Императрицы Александры Федоровны, активно участвовал в работе других организаций [1].

Помимо К.А. Раухфуса, Г.А. Копытов называет целый ряд имен столичных педиатров, имевших немецкие корни: Ф.Ф. фон Делпа, Ф.И. фон Вейсе, В.Н. фон Рейтца, Ф.К. Арнгейма, М.Д. Ван-Путерена и других, не менее значимых для медицины деятелей. Предложенный список петербургских педиатров немецкого происхождения, по мнению автора статьи, является неполным, но, тем не менее, «он демонстрирует их особую склонность к лечебной деятельности» [2, с. 243].

Все детские врачи, о которых идет речь в статье Г.А. Копытова, начинали (и очень часто продолжали) свою медицинскую деятельность в Санкт-Петербургском Воспитательном доме, где всегда существовала проблема высокой смертности и заболеваемости детей, в том числе в младенческом возрасте. Так, Михаил Дмитриевич Ван-Путерен работал в этом учреждении с 1890 г., прошел все должности от сверхштатного врача до Главного врача Воспитательного дома, вел активную деятельность по вопросам выхаживания новорожденных и грудных детей, особенно тех, кто остался без попечения матерей, создавал смеси для искусственного вскармливания, которые с успехом применял в своей практике. Одним из первых в мире М.Д. Ван-Путерен стал применять кормление ослабленных новорожденных через зонд. Но в результате многочисленных нагрузок он скоропостижно скончался прямо на работе в 1908 г. [3]



После смерти М.Д. Ван-Путерена Главным врачом Санкт-Петербургского Воспитательного дома стал Владислав Осипович Губерт. Он происходил из семьи обрусевших немцев, родился в Каменец-Подольском, закончил Императорский Казанский университет, а затем переехал в Санкт-Петербург и поступил в Санкт-Петербургский Воспитательный дом. Также, как и его предшественник, В.О. Губерт прошел все должности от сверхштатного до Главного врача этого учреждения. Позже В.О. Губерт стал доктором медицины и приват-доцентом при кафедре детских болезней Императорской Военно-Медицинской Академии, постоянным членом, а затем председателем Русского общества охранения народного здоровья [4, с.34].

В.О. Губерт активно занимался распространением идей оспопрививания и борьбой с детской смертностью, лично прививал от оспы членов императорской семьи [5, л. 211].

В 1901 г. по инициативе В.О. Губерта и на его средства при Оспопрививательном институте (который он возглавлял) был открыт приют для недоношенных детей, а также организована бесплатная выдача коровьего и козьего молока для искусственного кормления нуждающихся в нем детей (как отмечали многие медицинские и общественные деятели того времени, это было первое подобного рода учреждение в Петербурге, затем по инициативе В.О. Губерта была создана и «Городская Капля Молока», финансируемая из городского бюджета) [6, с.3].

Обратив внимание на достаточно высокую смертность детей более старшего возраста, проживавших в бедных рабочих семьях, В.О. Губерт предложил применить практику питомничества, существовавшую при Воспитательных домах, для детей из бедных рабочих семей, т.е. помещать детей в крестьянские семьи за отдельную плату. Для лечения и оздоровления ослабших детей предлагалось отправлять их в детские лечебные колонии [4, с. 35-36].

Наибольшей известности и успеха В.О. Губерт достиг, участвуя в работе городских комиссий по разным направлениям: Городской санитарной комиссии, Комиссии по борьбе с жилищной нуждой, Комиссии по борьбе с неурожаем и голодом, Комиссии по борьбе с холерой и чумой и т.д. Активная работа и успехи по разработке методов и средств оспопрививания, охране здоровья детей, пропаганде достижений медицины, были отмечены медалями и орденами (орденом Св. Владимира 4-й степени, орденом Почетного легиона и другими наградами) [5, лл. 89, 114 и др.].

Современники по-разному относились к врачу и его успехам. Тем не менее, в служебной документации нередко встречались следующие характеристики В.О. Губерта: «пользуется европейской известностью», «в служебном отношении заявил себя с самой лучшей стороны» [5, л. 73 об.].

Не имея собственных детей, В.О. Губерт очень трепетно относился к своим маленьким пациентам. Более того, он принял непосредственное участие в судьбе мальчика-найденыша Владислава: восприемницей при крещении младенца была его жена Виктория Федоровна, сам Губерт также присутствовал при крещении, а затем спустя некоторое время подал заявление в окружной суд об усыновлении ребенка [5, л.198].

Однако, стремительно развивавшаяся карьера одного из самых успешных педиатров столицы внезапно прекратилась в 1911–1912 гг.: было заведено уголовное дело о мошенничестве со стороны В.О. Губерта на занимаемых им постах [подробнее о деле см. 7].

Во время разбирательства заинтересованные в его отстранении люди давали врачу нелестные характеристики: «будучи при своем неровном характере человеком неискренним, зачастую злобным и мстительным, в иных случаях чрезмерно пристрастным», «в сношениях с младшими проявляет или грубость, высокомерие и непоследовательность в требованиях или оказывает лицепрятное им покровительство, проявляя склонность к фаворизму», «в своем чрезмерном властолюбии и мелком тщеславии этот врач совершенно утратил в последнее время меры служебного самообладания и должного такта в сношениях с равными и даже со старшими открыто проявлял стремление занять первенствующее не присвоенное Главному врачу положение в среде Администрации Заведения», «не обладает способностями и подготовкой к системному управлению административных и хозяйственных обязанностей, что во всякое дело вносил только один сундук», «у этого фельдшера в прошлом – нет неудач в настоящем... у него пациенты не умирают... их у него нет» [5, лл. 226 об., 227, 229, 230 об. и др.]. З.Г. Френкель, врач и корреспондент дореволюционных газет, в своих мемуарах также отмечал: «Самовосхваление, реклама, грубое попрание достоинства подчинённых ему санитарных врачей – таковы были характерные черты Губерта» [8, с. 222].

Однако З.Г. Френкель отмечал и положительные черты, прежде всего, настойчивость и темперамент в работе, «способность проявлять стремление помочь попавшему в беду человеку, отдаться чистому и бескорыстному делу помощи больным детям, удручённым горем

матерям». Губерт «с искренним благожелательством и вниманием» часами выслушивал матерей при отборе детей в летние колонии, исследовал детей, лично оказывал всевозможную помощь [8, с. 223]. Служительницы Оспопрививального института также отзывались о Губерте как о враче положительно, отмечая его трудоспособность и желание помогать детям и их матерям [9, лл. 28 об., 29].

Однако, после завершения судебного разбирательства В.О. Губерту не удалось восстановить свое влияние и положение не только в обществе, но и в медицинских кругах. Возможно, определенную роль в этом сыграли особенности положения врача в дореволюционной России: необходимость не только заниматься практической деятельностью, но также руководителем одного или нескольких учреждений медицинского или благотворительного характера, активная работа в городских комиссиях санитарно-эпидемиологического характера, а также личные качества В.О. Губерта, которые не дали ему возможность быть хорошим руководителем всех возглавляемых им заведений и организаций и помешали в полной мере реализовать профессиональные качества как детского врача, борца с детской смертностью и активного сторонника оспопрививания.

### **Библиографический список**

1. Крылов-Толстикевич А. Н. Русские врачи XIX – начала XX вв. Новая редакция: краткий медицинский биографический словарь. [Электронный ресурс]. URL: <https://proza.ru/2017/06/21/1095> (дата обращения: 22.0.2021)
2. Копытов Г. А. Российские немцы у истоков столичной педиатрии в Императорской России // Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII – XX вв. Вып. 11 / Отв. ред. Т.А. Шрадер. – СПб.: МАЭ РАН, 2018. – С.228–244.
3. Патракова А.Л. Голландцы ван (фон) Путерены – династия русских врачей. [Электронный ресурс]. URL: [http://nlr.ru/nlr\\_visit/dep/artupload/media/article/RA2423/NA18473.pdf](http://nlr.ru/nlr_visit/dep/artupload/media/article/RA2423/NA18473.pdf) (дата обращения: 22.0.2021)
4. Петров Ю.Н. В.О. Губерт – забытый деятель здравоохранения дореволюционного Петербурга. // История Петербурга. 2006. №4 (32). С.34–37.
5. Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб). Ф.8. Оп.3. Д.785.
6. Губерт В.О. Капля молока (Goutte de lait), как благотворительно-гигиеническая организация и участие в ней городских аптек. СПб., 1904.

7. Зайцева С.В. Взлет и падение в карьере детского врача В.О. Губерта в дореволюционном Петербурге // «Вызов» в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. В.А.Веремченко. Т. 2. – СПб.: ЛГУ им.А. С. Пушкина, 2021. С.319–324.

8. Френкель З.Г. Записки и воспоминания о пройденном жизненном пути. СПб.: Нестор-История, 2009.

9. ЦГИА СПб. Ф.513. Оп.18. Д.116.

*Еремеева Анна Натановна*

**Советский ученый немецкого происхождения:  
практики выживания и стратегии успеха  
в условиях провинциального города**

**Аннотация.** В статье рассмотрен пятнадцатилетний краснодарский период жизни известного агрохимика и биохимика, этнического немца Александра Шмука. Его научные исследования и педагогическая деятельность показаны как ответы на вызовы времени. Экспертный опыт соотносится с алгоритмом политического поведения. Выделены факторы, способствовавшие успешной карьере ученого.

**Ключевые слова:** Александр Александрович Шмук, Краснодар, агрохимия, научные исследования, педагогическая деятельность, политическое поведение.

**The Soviet scientist of German origin: survival practices and success  
strategies in conditions of a provincial city**

**Abstract.** The article considers the fifteen-year Krasnodar period of life of the famous agrochemist and biochemist Alexander Schmuck, who was ethnic German. His scientific research and teaching activities are shown as responses to the challenges of the time. The expert experience is correlated with the algorithm of political behavior. The factors that contributed to the successful career of the scientist are given.

**Keywords:** Alexander Alexandrovich Schmuck, Krasnodar, agrochemistry, scientific research, pedagogical activity, political behavior.

В разгар Великой Отечественной войны, в 1942 г., академик ВАСХНИЛ Александр Шмук был дважды награжден – Сталинской

премией третьей степени и орденом Трудового Красного Знамени. По сути, были отмечены его изыскания 1930-х годов, результатом которых стала разработка способов получения лимонной и яблочной кислот из махорочного сырья. Технология производства была принята для промышленного производства на специальном заводе, построенном в Лосиноостровске. Во время войны лимонная кислота стала стратегическим ресурсом.

Ученый никогда не скрывал своей этнической принадлежности; даже в анкете военных лет в графе национальность указывал «немец», при этом специально отмечал, что «родители и деды родились и умерли в России» [1, л. 7].

Профессиональная деятельность А.А. Шмука уже реконструирована в монографическом исследовании [2]. В рамках данной статьи особое внимание уделено жизненным стратегиям ученого, следствием которых явилась успешная научная карьера и выживание в условиях репрессий конца 1920–1930-х годов.

Будущий ученый родился в Москве в 1886 г. Родители и он сам числились в списках мещан г. Подольска Московской губернии. В метрической книге его имя записано как Александр Эмиль Эдуард [3, л. 22]. Отец был служащим в торговой конторе, мать – домохозяйкой. В семье говорили на немецком языке. Среднее образование Александр получил в реальном училище Ивана Фидлера при Реформаторской церкви. В 1905 г. поступил в Ново-Александрьевский институт сельского хозяйства и лесоводства, затем перевелся в Московский сельскохозяйственный институт, который окончил (после академического отпуска по состоянию здоровья) в 1913 г. и был принят на туда же на преподавательскую работу. В революционные годы, как и многие коллеги, А.А. Шмук с семьей бежал на Юг (к тому же в Кубанской области проживал отец его жены, успешный предприниматель). Короткое время работал на опытной станции в Ставрополе, затем в Донском университете (Ростов-на-Дону).

В течение пятнадцати лет, с 1921 по 1937 г., Шмук работал в Краснодаре. Он преподавал в Кубанском сельскохозяйственном институте (КСХИ), где создал кафедру агрохимии. Основным местом работы был Институт табаководства; с 1923 по 1928 гг. Шмук возглавлял это исследовательское учреждение, получившее, во многом благодаря его усилиям, статус всесоюзного.

С 1937 ученый заведовал лабораторией в Институте генетики АН СССР, а с 1939 г. – в Институте биохимии АН СССР. Умер в 1945 г.

Как видим, наиболее длительный и плодотворный период жизни нашего героя связан с провинциальным южным городом, молодым, но

быстро развивающимся в те годы центром аграрной науки и образования. Именно здесь происходила адаптация к новой власти, выработка стратегии взаимодействия с ней.

Начало профессиональной деятельности А. А. Шмука в Краснодаре совпало с переходом к новой экономической политике, одним из проявлений которой стало перенесение основной доли расходов по содержанию учреждений на местный бюджет. Лишь совмещение работы в вузе и НИИ обеспечивало относительный материальный достаток и, при этом, стимулировало научный рост.

Несмотря на статус совместителя, А. А. Шмук принимал живое участие в общественной жизни Кубанского сельхозинститута. Он был бессменным секретарем Ученого совета и членом редколлегии «Трудов», печатание которых началось в 1923 г. Именно Александр Александрович отстаивал в Москве интересы молодого вуза, который пытались закрыть.

Статьи ученого выходили в СССР и за рубежом. Блестящее знание немецкого, достаточный уровень владения английским и французским языками способствовали международной коммуникации. На рабочие адреса А.А. Шмука (в КСХИ и Институт табаководства) шли письма из Германии, Италии, Испании, Франции, Великобритании, США, Канады, Аргентины, Бразилии, Палестины, Японии и других стран с просьбой прислать статьи и книги. Особым спросом пользовался «Очерк химического состава табака», изданный в Краснодаре в 1924 г.

На рубеже 1924–1925 гг. А.А. Шмук по приглашению Н.И. Вавилова мог переехать в Ленинград, однако, вняв просьбам коллег и Правления Всесоюзного паевого товарищества «Табаксырь», остался в Краснодаре.

В 1927 г. А.А. Шмук был избран делегатом Первого международного конгресса почвоведов, проходившего в Вашингтоне. Особое впечатление на ученого произвела трансконтинентальная тридцатидневная экскурсия по штатам США и Канады, позволившая ознакомиться с почвами и методами их обработки. Поражает скрупулезностью отчет о командировке [4, л. 12–22]. В организации Второго конгресса, проходившего в СССР, Шмук принимал непосредственное участие.

В конце 1928 г., на заседании президиума коллегии Научно-технического управления ВСНХ, где деятельность Института табаководства и его руководителя А.А. Шмука высоко оценили (в частности, Л. Б. Каменев), ученый попросил об освобождении от обязанностей директора, «сохранив научную работу», то есть о переводе на должность заместителя директора по науке, мотивируя это

перегруженностью и слабым здоровьем [5, л. 105]. Сбросив административные обязанности, Шмук сосредоточился на научных исследованиях и преподавании.

Ученый, как и многие его коллеги, стал объектом доносов поборников классовой чистоты научного сообщества или просто завистников. В ОГПУ поступали сообщения, что Шмук выступает против привлечения студентов-«общественников» к научной работе (то есть игнорирует карьерные приоритеты членов ВКП(б) и комсомола), что он «женат на крупной помещице Меснянкиной», что «реакционная профессура (Смирнов, Шмук, Отрыганьев) тормозят продвижение в производство ряда научных достижений» [6, л. 67, 70]. Более серьезных претензий ему быть не могло ввиду исключительной научной добросовестности и отстранения от политических дебатов.

Александр Шмук избегал высказываний, касающихся магистральных направлений развития страны, партийно-государственной политики, ограничиваясь лишь той сферой, которую знал досконально. Иллюстрирует это его ответ на официальный запрос Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции: «... К сожалению я лишен возможности дать полный ответ на Ваш вопрос о том какая система экономических, агротехнических и организационных мер необходима для усиления роста урожайности, ибо работая в узком круге вопросов агрономической химии я не работал никогда непосредственно в хозяйстве, я не имею достаточного кругозора для того, чтобы считать для себя возможным высказывать свои соображения по экономическим, организационным и хозяйственным вопросам. Однако я беру на себя смелость высказать несколько соображений об организации сельскохозяйственного опытного дела (не предназначено для печати)» [7, л. 67–67 об.]. Публичные выступления, например, на съездах табаководов Кубани, посвящались важности внедрения достижений науки в практику и не касались ни в коей мере актуального политического курса, даже в области сельского хозяйства. В качестве зарубежного примера эффективного земледелия, как правило, приводилась Германия – «классическая страна науки» [8, л. 1–3]. Коллег и аспирантов А.А. Шмук характеризовал исключительно как ученых и членов трудового коллектива, без оценки их политических взглядов.

И такая позиция могла быть уязвимой, учитывая усиливавшееся идеологическое давление. В анонимном отзыве о монографии Шмука «Химия табака и табачного сырья» (1930) указано: «Книга является очень хорошим, единственным систематическим руководством и описанием химических соединений и методов химического изучения

табака. В книге отсутствует указание о роли революции и социалистического строительства в развитии научной мысли..., что ставит знак равенства в возможностях развития науки у нас и в капиталистическом мире. Эти же вопросы обходятся Шмуком и в других работах...» [9, л. 12]. Вняв замечаниям, в следующих книгах ученый неизменно отмечал факт заботы советского государства (в отличие от императорской России) о развитии естественных наук.

Профессиональная деятельность А.А. Шмука была, по сути, ответом на вызовы первых пятилеток. С конца 1920-х годов, наряду с проведением агрохимических исследований, ученый изучал табак как химический комплекс. Был разработан точный метод количественного учета некоторых кислот, выделена и идентифицирована лимонная кислота. В секретном постановлении Наркомата снабжения СССР от 28 февраля 1932 г. отмечалось большое значение изобретения Шмука и предписывалось начать, на основе данного открытия, промышленное производство лимонной кислоты [10, л. 7]. Заметим, что до этого времени значительная потребность в данном продукте пищевой и фармацевтической промышленности СССР удовлетворялась исключительно экспортом.

В 1934 г. А.А. Шмуку без защиты диссертации присвоили степень доктора сельскохозяйственных наук (в те годы в СССР были возрождены ученые степени), а в 1935 г. его избрали действительным членом Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина. Переехав в столицу, он достаточно быстро адаптировался в академической среде и благополучно пережил пик массовых репрессий, жертвами которых стали многие его коллеги. В годы войны, будучи тяжело больным, А.А. Шмук в письмах наркому пищевой промышленности высказывал конкретные соображения по оптимизации производства лимонной кислоты [11, л. 2–10].

Как видим, публичная сфера жизни А.А. Шмука ограничивалась занятиями наукой, преподаванием, административной деятельностью, причем последняя была добровольно прервана. Ученый выступал в качестве эксперта только в тех областях, которые были непосредственно связаны с его научной специализацией. Дистанцирование от политики вкупе с заслугами в области прикладной науки обеспечило достойную карьеру и отсутствие серьезных потрясений. Успехам А.А. Шмука объективно способствовало государственное покровительство прикладным исследованиям, особенно в естественных науках, готовность финансировать научно-исследовательские учреждения и отраслевые вузы и в столицах (Москве и Ленинграде), и в провинции.



### Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10249. Оп. 3. Д. 112.
2. Еремеева А. Н., Шеуджен А. Х. Александр Александрович Шмук: монография. Майкоп: ООО «Полиграф-Юг», 2020. – 190 с.
3. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-380. Оп. 2. Д. 15. Л.
4. ГАКК. Ф.-380. Оп. 2. Д. 52.
5. ГАКК. Ф.-380. Оп. 2. Д. 24. Л. 105.
6. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 1072. Оп. 1. Д. 377. Л. 67, 70.
7. ГАКК. Ф. Р-380. Оп. 9. Д. 11.
8. См. напр.: ГАКК. Р-380. Оп. 2. Д. 18.
9. ГАКК. Ф. Р-380. Оп. 2. Д. 15.
10. ГАКК. Ф. Р-380. Оп. 2. Д. 13.
11. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 342. Оп. 1. Д. 20.

## Сведения об авторах

**Алексеевко Василий Павлович**, кандидат технических наук, доцент, краевед; e-mail: spp-samara@list.ru

**Аманжолова Дина Ахметжановна**, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории Российской академии наук; e-mail: amanzholova19@mail.ru

**Багдасарян Сусанна Джамиловна**, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин, Международный юридический институт; e-mail: bsd73@mail.ru

**Бахарева Ольга Яковлевна**, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Научно-исследовательский центр истории народов Южного Урала; e-mail: Vladimir\_bvn@mail.ru

**Блинова Анна Николаевна**, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук; e-mail: anblinova@mail.ru

**Бочило Ирина Геннадьевна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры этнологии, музеологии и истории искусств, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь, e-mail: bochilka@yandex.ru

**Брежнева Светлана Николаевна**, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: brezhneva\_s\_n@mail.ru

**Бубликов Василий Валерьевич**, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальных технологий и государственной службы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет; e-mail: v.bublikov@mail.ru

**Булатов Айдер Аметович**, кандидат философских наук, религиовед, краевед, директор Крымского научного центра этноконфессиональных и этносоциальных исследований; e-mail: bulatov-07@mail.ru

**Бургарт Людмила Александровна**, магистр истории, Римско-католический приход Пресвятой Девы Марии Святого Розария, г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан; e-mail: ludmila.burgart@mail.ru

**Ведель Лилия Геннадьевна**, доктор философских наук, магистр истории, факультет истории, философии и теологии, отделение истории

Восточной Европы, Университет Билефельд, Германия; e-mail: lilija.wedel@uni-bielefeld.de

**Гасанов Эльнур Лятиф оглу**, доктор философии по историческим наукам, главный специалист Президиума, Гянджинское отделение Национальной академии наук Азербайджана, Азербайджан; e-mail: el-hasanov@mail.ru

**Генина Елена Сергеевна**, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России, Институт истории и международных отношений, Кемеровский государственный университет; e-mail: elena\_genina@mail.ru

**Дьякова Елена Васильевна**, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Украины, Харьковский национальный педагогический университет им. Г.С. Сковороды, г. Харьков, Украина; e-mail: elena\_djakova@mail.ru

**Еремеева Анна Натановна**, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева; e-mail: erana@mail.ru

**Жиброва Татьяна Валерьевна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и гуманитарной подготовки, Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко; e-mail: tashazhibrova@gambler.ru

**Зайцева Светлана Валентиновна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: svlanaz@yandex.ru

**Зимовина Елена Павловна**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Социологической лаборатории, Балтийский Федеральный университет им. И. Канта; e-mail: zimelena@yandex.ru

**Иларионова Татьяна Семеновна**, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; e-mail: ilarionovat@mail.ru

**Иноятова Диларам Маниглиевна**, доктор исторических наук, доцент, и.о. профессора кафедры истории Узбекистана, Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека, г. Ташкент, Республика Узбекистан; e-mail: indima59@mail.ru

**Исхаков Рафаиль Лутфуллович**, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры периодической печати и сетевых

изданий, департамент «Факультет журналистики», Уральский федеральный университет имени первого президента РФ Б.Н. Ельцина; e-mail: rafa-ishhakov@yandex.ru

**Канделаки Дали Георгиевна**, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории России, Тбилисский государственный университет им. Иванэ Джавахишвили, г. Тбилиси, Грузия; e-mail: dali.kandelaki@tsu.ge

**Катцина Татьяна Анатольевна**, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и методики социальной работы, Сибирский федеральный университет; e-mail: katsina@list.ru

**Козлов Олег Владимирович**, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, Смоленский государственный университет; e-mail: olegkoz28@gmail.com

**Коренева Наталья Ивановна**, заместитель директора по научной работе, МБУК «Тотемское музейное объединение»; e-mail: totmamuz@mail.ru

**Красникова Юлия Николаевна**, кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет; e-mail: Julia2404@mail.ru

**Левченко Валерий Валерьевич**, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры украиноведения, историко-правовых и языковых дисциплин, Одесский национальный морской университет, г. Одесса, Украина; e-mail: levchenko\_lav@ukr.net

**Ломанов Владислав Андреевич**, аспирант, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: vladislav.lomanov@yandex.ru

**Маркова Светлана Васильевна**, кандидат исторических наук, заведующая музейным комплексом, Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко; e-mail: markova\_88@inbox.ru

**Мельникова Дарья Андреевна**, лаборант-исследователь Научно-образовательного центра исторических исследований и анализа, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: 31020307d@gmail.com

**Микитюк Владимир Петрович**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра экономической истории, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской Академии Наук; e-mail: vmikitjuk@mail.ru

**Михайлов Сергей Сергеевич**, научный сотрудник, Музей истории и культуры старообрядчества; e-mail: mesherdkray@mail.ru

**Новгородский Тадеуш Антонович**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой этнологии, музеологии и истории искусств исторического факультета, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь; e-mail: tadeush\_minsk@mail.ru

**Овчинников Владислав Алексеевич**, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, Институт истории и международных отношений, Кемеровский государственный университет; e-mail: rpsib@rambler.ru

**Перевозников Александр Александрович**, кандидат педагогических наук, учитель истории, руководитель «Научно-исследовательского общества обучающихся», Школа №1468 г. Москвы; e-mail: perev\_alex@mail.ru

**Прохоров Дмитрий Анатольевич**, доктор исторических наук, старший научный сотрудник, доцент кафедры документоведения и архивоведения, Крымский Федеральный университет им. В.И. Вернадского; e-mail: prohorov1da@yandex.ru

**Розина Ольга Владимировна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени, Московский государственный областной университет; e-mail: olgarozina@yandex.ru

**Свирина Дарья Викторовна**, аспирантка, факультет истории, Европейский университет, Санкт-Петербург; e-mail: dsvirina@eu.spb.ru

**Синько Галина Иосифовна**, кандидат философских наук, доцент кафедры региональной экономики и управления Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина; e-mail: sinko70@mail.ru

**Скоп Евгения Александровна**, специалист по связям с общественностью, «Координационный Центр «Активный Город»», отдел «Городской межнациональный центр города Новосибирска»; e-mail: skor.e.82@mail.ru

**Смирнова Тамара Михайловна**, доктор исторических наук, профессор, гуманитарный факультет, Государственный университет аэрокосмического приборостроения; e-mail: mokva@inbox.ru

**Смирнова Татьяна Борисовна**, доктор исторических наук, доцент, проректор по учебной работе, профессор кафедры этнологии, антропологии, археологии и музеологии, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского; e-mail: smirnovatb@omsu.ru

**Степанов Михаил Геннадьевич**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Институт истории и права, Хакасский

государственный университет им. Н.Ф. Катанова; e-mail: StepanowM@yandex.ru

**Тихонова Анастасия Владимировна**, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России, Смоленский государственный университет; e-mail: a.v.tikhonova@gmail.com

**Чепарухина Ирина Викторовна**, студент, Галле-Виттенбергский университет им. Мартина Лютера, г. Галле, Германия; e-mail: irina-cher@yandex.ru

**Черказьянова Ирина Васильевна**, доктор исторических наук, независимый исследователь, г. Санкт-Петербург; e-mail: черк@inbox.ru

**Чернова-Дёке Тамара Николаевна**, кандидат исторических наук, доцент, независимый исследователь, г. Берлин, Германия; e-mail: tamnik@gmx.net

**Шайдуров Владимир Николаевич**, доктор исторических наук, доцент, заведующий Научно-образовательным центром исторических исследований и анализа, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: s-w-n@mail.ru

**Шевелева Оксана Викторовна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого; e-mail: oksana-sheveleva@yandex.ru

**Шлегель Елена Александровна**, аспирант, помощник проректора по учебной работе, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского; e-mail: lena\_shlegel@mail.ru

**Шмидт Вальдемар**, магистр истории, Университет Регенсбурга, Германия; e-mail: wolodjaschmidt@gmx.de

**Эберц Александр Эдуардович**, независимый исследователь, Германия; e-mail: alexander-eberz@kabelmail.de

## About Authors

**Alekseyenko Vasily Pavlovich**, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, local historian; e-mail: spp-samara@list.ru

**Amanzholova Dina Akhmetzhanovna**, Doctor of Historical Sciences, Professor, Leading Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; e-mail: amanzholova19@mail.ru

**Bagdasaryan Susanna Jamilovna**, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Theory of Law and State-Legal Disciplines, International Law Institute; e-mail: bsd73@mail.ru

**Bakhareva Olga Yakovlevna**, Candidate of Historical Sciences, Researcher, Research Center for the History of the Peoples of the Southern Urals; e-mail: Vladimir\_bvn@mail.ru

**Blinova Anna Nikolaevna**, Candidate of Historical Sciences, Researcher, Omsk Laboratory of Archaeology, Ethnography and Museology, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; e-mail: anblinova@mail.ru

**Bochilo Irina Gennadievna**, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Ethnology, Museology and Art History, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus; e-mail: bochilka@yandex.ru

**Brezhneva Svetlana Nikolaevna**, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Russian History, A. S. Pushkin Leningrad State University; e-mail: brezhneva\_s\_n@mail.ru

**Bublikov Vasily Valeryevich**, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social Technologies and Public Service, Belgorod State National Research University; e-mail: v.bublikov@mail.ru

**Bulatov Aider Ametovich**, Candidate of Philosophical Sciences, religious scholar, local historian, director of the Crimean Scientific Center for Ethno-Confessional and Ethno-Social Studies; e-mail: bulatov-07@mail.ru

**Burgart Lyudmila Alexandrovna**, Master of History, Roman Catholic Parish of the Blessed Virgin Mary of the Holy Rosary, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan

**Cheparukhina Irina Viktorovna**, Student, Martin Luther University of Halle-Wittenberg, Halle, Germany; e-mail: irina-chep@yandex.ru

**Cherkazyanova Irina Vasilyevna**, Doctor of Historical Sciences, Independent Researcher, St. Petersburg; e-mail: cherk@inbox.ru

**Dyakova Elena Vasilyevna**, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History of Ukraine, H.S. Skovoroda Kharkiv National Pedagogical University; e-mail: elena\_djakova@mail.ru

**Eberts Alexander Eduardovich**, Independent Researcher, Germany;  
e-mail: [alexander-eberz@kabelmail.de](mailto:alexander-eberz@kabelmail.de)

**Eremeeva Anna Natanovna**, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher of the Department of Complex Problems of Cultural Studies of the Southern Branch of the Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage; e-mail: [erana@mail.ru](mailto:erana@mail.ru)

**Genina Elena Sergeevna**, Doctor of History, Associate Professor, Professor of the Department of Russian History, Institute of History and International Relations, Kemerovo State University; e-mail: [elena\\_genina@mail.ru](mailto:elena_genina@mail.ru)

**Hasanov Elnur Latif oglu**, Doctor of Philosophy in Historical Sciences, Chief Specialist of the Presidium, Ganja Branch of the National Academy of Sciences of Azerbaijan; e-mail: [el-hasanov@mail.ru](mailto:el-hasanov@mail.ru)

**Ilarionova Tatyana Semyonovna**, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of State and Municipal Administration, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; e-mail: [ilarionovat@mail.ru](mailto:ilarionovat@mail.ru)

**Inoyatova Dilaram Maniglievna**, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Acting Professor of the Department of History of Uzbekistan, Mirzo Ulugbek National University of Uzbekistan; e-mail: [indima59@mail.ru](mailto:indima59@mail.ru)

**Iskhakov Raphael Lutfullovich**, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Periodicals and Online Publications, Department "Faculty of Journalism", Ural Federal University; e-mail: [rafa-iskhakov@yandex.ru](mailto:rafa-iskhakov@yandex.ru)

**Kandelaki Dali Georgievna**, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Ivane Javakhishvili Tbilisi State University; e-mail: [dali.kandelaki@tsu.ge](mailto:dali.kandelaki@tsu.ge)

**Kattsina Tatyana Anatolyevna**, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and Methodology of Social Work, Siberian Federal University; e-mail: [katsina@list.ru](mailto:katsina@list.ru)

**Koreneva Natalia Ivanovna**, Deputy Director for Scientific Work, «Totma Museum Association»; e-mail: [totmamuz@mail.ru](mailto:totmamuz@mail.ru)

**Kozlov Oleg Vladimirovich**, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Russian History, Smolensk State University; e-mail: [olegkoz28@gmail.com](mailto:olegkoz28@gmail.com)

**Krasnikova Yulia Nikolaevna**, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, St. Petersburg State Agrarian University; e-mail: [Julia2404@mail.ru](mailto:Julia2404@mail.ru)



**Levchenko Valery Valeryevich**, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Ukrainian Studies, Historical, Legal and Linguistic Disciplines, Odessa National Maritime University; e-mail: levchenko\_lav@ukr.net

**Lomanov Vladislav Andreevich**, Junior Researcher, REC for Historical Research and Analysis, Pushkin Leningrad State University; e-mail: vladislav.lomanov@yandex.ru

**Markova Svetlana Vasil'evna**, Candidate of Historical Sciences, Head of the Museum Complex of the Voronezh State Medical University named after N. N. Burdenko; e-mail: markova\_88@inbox.ru

**Melnikova Darya Andreevna**, Research Assistant, REC for Historical Research and Analysis, Pushkin Leningrad State University; e-mail: 31020307d@gmail.com

**Mikhailov Sergey Sergeevich**, Researcher, Museum of the History and Culture of the Old Believers; e-mail: mesherkray@mail.ru

**Mikityuk Vladimir Petrovich**, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Center for Economic History, Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; e-mail: vmikitjuk@mail.ru

**Novogrodsky Tadeusz Antonovich**, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Ethnology, Museology and Art History of the Faculty of History, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus; e-mail: tadeush\_minsk@mail.ru

**Novchinnikov Vladislav Alekseevich**, Doctor of History, Professor, Professor of the Department of Russian History, Institute of History and International Relations, Kemerovo State University; e-mail: rpsib@rambler.ru

**Perevoznikov Alexander Alexandrovich**, Candidate of Pedagogical Sciences, History Teacher, Head of the «Research Society of Students», School №1468, Moscow; e-mail: perv\_alex@mail.ru

**Prokhorov Dmitry Anatolyevich**, Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher, Associate Professor of the Department of Documentation and Archival Science, Vernadsky Crimean Federal University; e-mail: prohorov1da@yandex.ru

**Rosina Olga Vladimirovna**, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of the History of Russia of the Middle Ages and Modern Times, Moscow State Regional University; e-mail: olgarozina@yandex.ru

**Schmidt Waldemar**, Master of History, University of Regensburg, Germany; e-mail: wolodjaschmidt@gmx.de

**Scop Evgenia Alexandrovna**, Public Relations Specialist, «Active City Coordination Center», Department «City Interethnic Center of Novosibirsk»; e-mail: skop.e82@mail.ru

**Shaidurov Vladimir Nikolaevich**, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Scientific and Educational Center for Historical Research and Analysis, Pushkin Leningrad State University; e-mail: s-w-n@mail.ru

**Sheveleva Oksana Viktorovna**, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Archeology, Tolstoy Tula State Pedagogical University; e-mail: oksana-sheveleva@yandex.ru

**Shlegel Elena Aleksandrovna**, Postgraduate Student, Assistant for the Vice-Rector for Academic Affairs, Dostoevsky Omsk State University; e-mail: lena\_shlegel@mail.ru

**Sinko Galina Iosifovna**, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Regional Economics and Management, Pushkin Leningrad State University; e-mail: sinko70@mail.ru

**Smirnova Tamara Mikhailovna**, Doctor of Historical Sciences, Professor, Faculty of Humanities, State University of Aerospace Instrumentation; e-mail: mokva@inbox.ru

**Smirnova Tatyana Borisovna**, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Vice-Rector for Academic Affairs, Professor of the Department of Ethnology, Anthropology, Archeology and Museology, Dostoevsky Omsk State University named after; e-mail: smirnovatb@omsu.ru

**Stepanov Mikhail Gennadievich**, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History, Institute of History and Law, Katanov Khakass State University; e-mail: StepanowM@yandex.ru

**Svirina Darya Viktorovna**, Postgraduate Student, Faculty of History, European University, St. Petersburg; e-mail: dsvirina@eu.spb.ru

**Tikhonova Anastasia Vladimirovna**, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Russian History, Smolensk State University; e-mail: a.v.tikhonova@gmail.com

**Tschernowa-Döke Tamara Nikolaevna**, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, independent researcher, Germany; e-mail: tamnik@gmx.net

**Vedel Lilia Gennadievna**, Doctor of Philosophy, Master of History, Faculty of History, Philosophy and Theology, Department of Eastern European History, University of Bielefeld, Germany; e-mail: lilija.wedel@uni-bielefeld.de

**Zaitseva Svetlana Valentinovna**, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History, Pushkin Leningrad State University; e-mail: svlanaz@yandex.ru

**Zhibrova Tatyana Valer'evna**, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and Humanitarian Training of the Voronezh State Medical University named after N. N. Burdenko; e-mail: tashazhibrova@rambler.ru

**Zimovina Elena Pavlovna**, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Sociological Laboratory, I. Kant Baltic Federal University; e-mail: zimelena@yandex.ru

Научное издание

**ЭТНИЧЕСКИЕ МЕНЬШИНСТВА  
В ИСТОРИИ РОССИИ**

*Материалы Второй международной научной конференции,  
5-6 ноября 2021 г.*

Текст публикуется в авторской редакции

Подписано в печать 28.09.2021.

Формат 60×90/16. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 21,75. Тираж 500. Заказ 113

Выпущено ООО «Медиапапир» с готового оригинал-макета,  
предоставленного авторами.

194021, Санкт-Петербург, Политехническая ул., д. 24, лит. В,  
пом. 11-Н № 25, 26.

Тел.: (812) 987- 75-26

mediapapir@gmail.com www.mediapapir.com www.mediapapir.ru